Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»

На правах рукописи

Джантеева Джульета Солтановна

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: СПЕЦИФИКА, СТРАТЕГИИ, НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Специальность: 5.5.2. – политические институты, процессы, технологии

Диссертация
на соискание ученой степени доктора политических наук

Научный консультант –
доктор политических наук, профессор
М.Н. Грачев

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение **4**

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ 40

1.1. Концептуализация политической субъектности и коммуникативной сущности этничности 40

1.2. Этническая составляющая политико-коммуникативных процессов 67

1.3. Особенности и стратегии этнополитических коммуникаций 92

1.4. Типовые признаки этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе 117

Выводы по главе 1 137

Глава 2

СПЕЦИФИКА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 138

2.1. Социокультурные особенности этнополитических коммуникаций в северокавказском регионе 138

2.2. Гибридный характер этнополитических коммуникаций: северокавказское измерение 158

2.3. Историческая направленность этнополитических коммуникаций: северокавказская проекция 185

Выводы по главе 2 206

Глава 3

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ АКТОРОВ ЭТНОПОЛИТИКИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ 208

3.1. Новые тенденции и вызовы этнополитических медиакоммуникаций: северокавказский кейс 208

3.2. Стратегии этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе 228

3.3. Роль СМИ в политико-коммуникативных процессах полиэтничного северокавказского региона 248
Выводы по главе 3 276
Глава 4
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 279
4.1. Коммуникативное измерение современного национального строительства на Северном Кавказе 279
4.2. Регулирование коммуникативной деятельности акторов этнополитики в северокавказском регионе 293
4.3. Политико-коммуникативные процессы в северокавказской этнокультурной среде: проблемы, риски и поиски решений 314
Выводы по главе 4 324
Заключение 326
Список использованных источников и литературы 341
Приложения 409

Введение

Актуальность темы исследования. В настоящее время мировой порядок находится в состоянии геополитической турбулентности, трансформации и изменения политических контактов, вызванных появлением новых коммуникационных пространств с использованием технологий искусственного интеллекта. Это позволяет расширять и масштабировать этнические, политические, религиозные и социальные связи, целенаправленно формируемые вокруг решения разных политических задач. В этих условиях важнейшее значение приобретает коммуникативный аспект этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества.

В последнее десятилетие в стране и, в частности, на Северном Кавказе наметился позитивный тренд в вопросе стабилизации межнациональных (межэтнических) отношений, несмотря на попытки заинтересованных лиц из-за рубежа дестабилизировать социально-политическую ситуацию в стране и регионе[1]. С учетом того, что с 24 февраля 2022 г. Россия проводит специальную военную операцию на Украине (далее – СВО)[2] и на отдельных территориях России продолжаются боевые столкновения с противником[3], практическая реализация государственного проекта строительства российской гражданской нации представляется проблематичной. Очевидно, что без рационального использования конструктивного потенциала коммуникативных практик политических акторов в этнической сфере сложно решить вопросы межнациональных (межэтнических) отношений. К тому же

[1] Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 2018. – 28 октября. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58922 (дата обращения: 17.11.2024); Вячеслав Михайлов: «Владимир Путин реанимировал процессы восстановления дружбы народов» [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. 23.06.2016. – URL: https://vestikavkaza.ru/interview/Vyacheslav-Mikhaylov-Vladimir-Putin-reanimiroval-protsessy-vosstanovleniya-druzhby-narodov.html (дата обращения: 17.11.2024); СПЧ: В России сохраняется стабильность в межнациональных отношениях [Электронный ресурс] // Российская газета. 2024. 1 ноября. – URL: https://rg.ru/2024/11/01/spch-v-rossii-sohraniaetsia-stabilnost-v-mezhnacionalnyh-otnosheniiah.html (дата обращения: 17.11.2024)

[2] Путин объявил о начале военной операции на Украине [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. 2022. 24 февраля. – URL: https://tass.ru/politika/13825671 (дата обращения: 12.11.2024).

[3] На территориях Белгородской, Брянской и Курской областей введен правовой режим КТО [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет РФ: Официальный сайт. 2024. 9 августа. – URL: http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html (дата обращения: 17.11.2024).

сегодня в медиапространстве периодически актуализируются этнонациональные вопросы, наблюдается дискурсная политизация неполитического контента [4] и жесткая критика основного доктринального документа [5], который к 2025 г. доработан по поручению Президента Российской Федерации[6].

Нерешенность некоторых этнополитических проблем полиэтничного российского социума и конкуренция антизападных этнически ориентированных идейно-политических концептов накладывают свой отпечаток на политико-коммуникативный процесс, приобретающий специфичные черты. Наиболее выпукло это проявляется на Северном Кавказе.

Известно, что субъекты Российской Федерации, входящие в состав Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), не являются однородными по многим показателям: этническому и конфессиональному составу, социальной стратификации, социально-экономическому развитию, динамике миграционных и идентификационных процессов, трансграничности с другими государствами и т.д.

Северокавказский макрорегион России традиционно отличается высоким индексом этнической мозаичности и противоречивой динамикой межэтнических отношений. Среди ключевых факторов, определяющих основания и причины расхождений, конфликтности, противоречий, разногласий и вызовов коммуникаций акторов этнополитики на Северном Кавказе следует выделить социально-экономическое положение и проблемы модернизации периферийной экономики, полиэтничность и этнокультурное разнообразие, этнонациональные и федеративные отношения,

[4] *Грачев М.Н.* Дискурсная политизация неполитического контента // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума (30 июня – 2 июля 2021 г.) / отв. ред. А. А. Малышев. В 2-х т. Т. 2. – СПб.: Медиапапир, 2021. – С. 200.

[5] Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Вестник российской нации. – 2012. – № 6. – С.251–270.

[6] Путин поручил изменить Стратегию государственной национальной политики [Электронный ресурс] // РБК. 2023. 18 июля. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64b5a9c49a7947754c579a29 (дата обращения: 17.11.2024).

этнотерриториальные споры, демографические и миграционные процессы, культурное и историческое развитие, инструментализацию исторических нарративов, распространение идеологии экстремизма и терроризма и т.д. Эти взаимозависимые факторы проявляются либо в отдельности, либо в сочетании друг с другом в зависимости от значимости и актуализации их в этнополитическом коммуникативном пространстве региона, в котором «этнизация» политики и «политизация» этничности стали распространенными явлениями, что позволяет некоторым специалистам ассоциировать Северный Кавказ с «внутренним зарубежьем» России[7].

Обозначенные процессы имеют коммуникативную природу и основаны на сочетании коммуникативной, гражданской, политической и этнополитической культуры народов Северного Кавказа. Имеющиеся различия в стратегиях, особенностях и приоритетах социально-политического коммуницирования акторов этнополитики, использование ими информационно-коммуникационных возможностей интернета в политических целях обусловливают необходимость исследования обозначенной темы.

В условиях СВО, режима КТО в приграничных регионах страны и объективно существующих социально-политических реалиях существенно возрастает потребность в использовании информационно-коммуникационных технологий на всех уровнях реализации государственной национальной (этнической) политики и политики обеспечения комплексной безопасности в регионе, что является одним из ожидаемых результатов государственной программы развития СКФО, действующей до 2030 г.[8]

---

[7] *Дохолян С.В.* Северный Кавказ как «внутренне зарубежье» России // Региональные проблемы преобразования экономики: международное сотрудниество и межрегиональная интеграция: Сборник материалов I Международного форума. – М., 2012. – С.73-81.

[8] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 309 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие Северо-Кавказского федерального округа" на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544202/ (дата обращения: 10.12.2024); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.04.2022 № 1089-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 г.» [Электронный ресурс]//ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404484724/ (дата обращения: 10.12.2024).

Следовательно, основная задача коммуникативной деятельности акторов этнополитики заключается в том, чтобы содействовать гражданской интеграции и противодействовать дезинтеграции[9], особенно перед лицом внешнего врага, вторгшегося на территорию России. И несмотря на то, что интересанты этнической идентичности в стране с учетом этих факторов правильно расставляют приоритеты и отставляют на второстепенный план «свои» этнические интересы, нерешенные национальные вопросы и явные межэтнические противоречия в новых геополитических условиях и полицентричных конфигурациях не могут рассматриваться как неактуальные проблемы[10]. От единства российской нации зависит будущее страны и ее граждан, поскольку для Российской Федерации национальный вопрос является одним из приоритетных и имеет принципиальный характер[11].

Актуальными для данной исследовательской работы видятся идеи и решения одной из международных конференций, посвящённых проблемам этнополитических коммуникаций в сложносоставных странах и регионах.

Вопросы этнополитики обсуждались на 8-м Берлинском демографическом форуме (2019 г.), в ходе которого участники рассматривали проблемы этнополитических коммуникаций в условиях полиэтничности европейских государств, ускоренных перемен и «общества online». Общей основой осмысления и решения проблем этнополитических коммуникаций явилось этнокультурное разнообразие. Основное внимание в обсуждениях проблем было уделено социальной справедливости, социальному неравенству, интеграции и социальной сплоченности. При разработке этнокультурной политики необходимо принимать во внимание неоднородность населения, игнорируя которую получаемые результаты

[9] *Цветков О.М.* Российская гражданская нация: проблемы укрепления и интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: Философия, История, Социология, Юриспруденция, Политология, Культурология. – 2009. – №3. – С.189.

[10] *Аствацатурова М.А.* Субъективирование этнической идентичности в новых полицентричных политических конфигурациях // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс. 2024. С .50.

[11] *Путин В.В*. Россия: национальный вопрос // Вестник российской нации. – Спецвыпуск 2008-2015 (№45). – С.69.

могут быть не столь эффективными в долгосрочной перспективе, поскольку они не способны всесторонне удовлетворять потребности подавляющего большинства общества. Различные сообщества нуждаются в адекватной политике, направленной на борьбу с социальным неравенством при одновременном содействии социальной сплоченности, в большей степени ориентированной на жизненный путь и стремящейся к интеграции всех людей. Исследователи, политики и представители организаций гражданского общества обсудили основное направление, которому должны следовать современные общества для адекватного управления разнообразием. Власти и гражданскому обществу необходимо рассмотреть возможность реструктуризации своих учреждений с тем, чтобы они могли соответствовать потребностям населения в равных возможностях для образования, социального обеспечения, участия в общественной и политической жизни на платформах диалога, способствующих межкультурному взаимодействию. Отмечалась важная роль СМИ в решении проблем интеграции, избегания предрассудков и дискриминации[12].

Особое значение эти вопросы имеют для полиэтничного Северного Кавказа с его конфликтогенным потенциалом[13] и политическими рисками, связанными с явными изменениями политических коммуникаций [14] . Современные средства политической коммуникации в условиях полиэтничности играют неоднозначную роль и выступают в качестве:

– триггера политического риска для координации деструктивного этнополитического поведения масс на основе распространения радикальных, в том числе экстремистских идеологий и ценностей;

---

[12] Population Diversity Beyond Ethnicity: Insights from the Berlin Schlossgespräch and 8th Berlin Demography Forum. 21-22.01.2019. [Electronic resource] // Population Europe. – URL: https://population-europe.eu/events/event-reviews-recordings/population-diversity-beyond-ethnicity (date of access: 10.12.2024).

[13] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.09.2010 № 1485-р «О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/ (дата обращения 17.11.2024).

[14] *Бордовских А.Н.* Информационная коммуникация и политический риск будущего// Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва,6-8 декабря 2018 г. / под общ.ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М., 2018. – С.82-83.

– дополнительного источника политического риска в контексте специфичной этнополитической культуры с включением этноцентричных аспектов культуры, элементов «постправды» и использования технологии искусственного интеллекта;

– инновационного информационно-политического катализатора, связанного с кибервойной на межгосударственном уровне и медиаконфликтами на локальном уровне.

Наряду с этим следует отметить усложнение процессов хранения, трансляции и использования политически значимой информации в обществе, обновление средств/каналов передачи и сохранения информационных ресурсов, усложнение коммуникационных сетей и их функциональной направленности.

Все это актуализирует исследование политико-коммуникативных процессов. Их составной частью выступают этнополитические коммуникации (далее – ЭПК), имеющие свою специфику на всех уровнях общения в полиэтничном социуме.

ЭПК являются одним из видов политической коммуникации и рассматриваются нами как тип общения, ассоциированного с этничностью, в ходе которого происходит обмен смысловой этнической информацией в соответствии с заданными целевыми установками и мотивами коммуникантов. Уникальная возможность установления этнополитических контактов основана на антропоцентричности политических коммуникаций, коммуникативной сущности этничности и ее политической субъектности. ЭПК маркируют коммуниканта и реципиента по этническим основаниям, поскольку такое коммуницирование отличается специфичным взаимодействием, которое основано на культуре общения и ориентировано на этнополитику.

В попытке разграничения ЭПК с другими видами политического взаимодействия мы сталкиваемся с определенными трудностями, связанными с тем, что в условиях усложняющегося культурного

разнообразия и полиэтничности региона устанавливается множество контактов между акторами политики, которые имеют разный этнополитический капитал, применяют отличные друг от друга ресурсы, технологии и цели. ЭПК характеризуются влиянием этнического фактора, а этническая идентичность коммуникантов имеет амбивалентный характер: она может быть и ресурсом, и барьером в зависимости от обстоятельств и политических целей. Отличительной чертой ЭПК является и частая асинхронность внутри- и межэтнических политических интересов в процессе коммуницирования между акторами этнополитики. С этим связан процесс подготовки коммуникативных актов, при котором особая значимость придается идентификации коммуникативной проблемы и целевых групп, выбору социокультурного сценария, конструированию формы этнически спроецированных сообщений и выбору соответствующих каналов и т.д. Тем самым этничность стимулирует политико-коммуникативные практики, взаимодействия на межэтническом уровне, управленческие контакты государственных структур с институтами гражданского общества, этническими группами и индивидами.

Именно поэтому разные виды коммуникации – социальные, политические и этнополитические, устанавливаемые в полиэтничных регионах, сложно дифференцировать. И это, не говоря о том, что сами коммуникации специфичны по ролевым характеристикам, функциональной направленности, нацеленности и разнообразны по динамике и пространственно-временным значениям. На этом фоне заметно активное использование этнического фактора этническими антрепренерами в качестве коммуникационного ресурса и эффективного политического инструмента в борьбе за власть, ее утверждение, функционирование, применение, развитие и изменение. Здесь важно учесть аполитичность и фрагментированную включенность определенной части этнического сообщества в политико-коммуникативные процессы. С этой точки зрения мы можем говорить о неоднозначности содержания понятия «этнополитические коммуникации»

применительно к полиэтничному пространству коммуникации в СКФО. К тому же ЭПК могут сформироваться на экономической, социально-политической, культурной, исторической или другой внеэтнической основе и лишь в последующем приобрести этнический характер. Поэтому содержание и смыслы понятия «этнополитические коммуникации», охватывающего широкий спектр социальных контактов, не одномерны и не однообразны. Но, учитывая связь этничности и этнических групп с информационно-коммуникативными процессами в мире политики с целью изменения намерений, мнений, этнических картин мира и этнополитического коммуникативного поведения друг друга, исследователи обращают внимание на ЭПК.

В основе ЭПК лежат кратологические принципы и взаимозависимости, что определяет разделение коммуникативных актов. В политической науке ЭПК, которые связаны с системой ранжирования и стратификации с ассиметричным распределением властных полномочий и ресурсов между различными этническими общностями, характеризуются конкурентными отношениями. Межэтнические культурные и неранговые коммуникации в политической сфере, наоборот, способствуют возникновению условий для идейного сближения, развития народной дипломатии и даже установления партнерских отношений.

ЭПК устанавливаются на всех уровнях общения и именно различия между массовыми, групповыми, межличностными коммуникациями порождают дифференциацию «макро-» и «микрокоммуникации» этнической общности. Этнические «микрокоммуникации» представляют собой групповые и межличностные коммуникации представителей этнических общностей, также наблюдаемые в политической сфере. «Макроэтнические» коммуникации предусматривают включение в политический процесс подавляющего большинства этнической общности. Между всеми видами коммуникации существует взаимосвязь, взаимообусловленность и в тоже время различие. «Макро-» и «микрокоммуникации» этнических субъектов в

мире политики рассматриваются нами как общее и отдельное, вследствие чего «микрокоммуникации» синтезируют в себе родовые свойства «макрокоммуникаций», однако не сводятся к ним всецело.

Степень научной разработанности проблемы. Этнополитические коммуникации на Северном Кавказе на современном этапе мы исследуем с использованием научных подходов, которые были выработаны российскими и зарубежными исследователями для анализа политико-коммуникативных процессов с учетом этнического фактора. В данной связи для настоящего исследования принципиальное значение имеет анализ концептуальных основ этничности.

Существует три основных подхода научной концептуализации этничности: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. В теоретических конструкциях представителей примордиализма этничность рассматривается как реально существующий феномен, основанный на объективных законах природы и гражданского общества. Исследование этничности с примордиалистских позиций предпринято в трудах Ю.В. Бромлея, П. Ван ден Берга, Л.Н. Гумилева, В.И. Козлова, В.В. Пименова, Ю.И. Семенова, С.М. Широкогорова[15] и др.

В инструменталистской исследовательской традиции этничность рассматривается как политический инструмент, с помощью которого возможно достижение поставленных целей. Большой вклад в развитие инструменталистского понимания этничности внесли: Ю.В. Арутюнян, М.Н. Губогло, У. Коннор, Д. Миллер, Ж.Т. Тощенко[16] и др.

---

[15] *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М., 2009; *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М., 1993; *Козлов В.И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. – М., 1999; *Пименов В.В.* Основы этнологии. – М. 2007; *Семенов Ю.И.* Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. – С.15-31; *Семенов Ю.И.* Этнополитология: Трудный путь становления новой научной дисциплины // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С. 170–178; *Berghe P.L. van den.* Race and ethnicity, a sociobiological perspective // Ethnic and Racial Studies. – 1978. – Vol. 1. – № 4. – P. 401–411.

[16] *Арутюнян Ю.В.* Опыт осмысления проблемы этнократии // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 142–145; *Губогло М.Н.* Вопросы теории и практики этнической мобилизации (К истории национальных движений в России) // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. – М., 1999. – С. 25-64; *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М., 2004; *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). – М., 2003; *Connor W.* Ethonationalism: The Quest for Understanding. – Princeton, NJ, 1994; *Miller D.* Advertising. Production and

В русле конструктивизма этничность представляется как социальный конструкт и продукт интеллектуального воображения. Теоретики конструктивисткой концепции этничности, в частности, Б. Андерсон, Ф. Барт, Р. Брубейкер, Э. Геллнер, Дж. Йонгерден, И. Корют, В.С. Малахов, В.А. Тишков, Э. Хобсбаум, Э. Хьюз[17] и др., определяя этничность как маркер культурных различий, подчеркивают неустойчивость ее формы и содержания, меняющихся под воздействием символически оформленных нормативно-ценностных систем общества.

Научное осмысление политической субъектности этничности, взаимосвязь этничности и политического поведения людей, влияние этнического фактора и национализма на политику исследуется в работах Р.Г. Абдулатипова, Г. Алмонда, В.А. Ачкасова, М.Н. Губогло, Р. Далтона; Л.М. Дробижевой, В.Ю. Зорина, Р. Карклинса, Н.П. Медведева, В.А. Михайлова, Н.В. Михайловой, А.Д. Орлова, Э.А. Паина, М. Паренти, Г. Пауэлла, Е.Л. Рябовой, Дж. Ротшильда, Л.В. Савинова, А.Л. Сафонова, И.С. Семененко, К. Строма, И.В. Суминой, Г.Л. Тульчинского, С.С. Черных[18] и др.

Consumption as Cultural Economy // Advertising cultures / Eds.: T. de Waal Malefyt, B. Moeran. – Oxford, 2003. – P. 75–90; *Smith A.D*. The Ethnic Origins of Nations. – Oxford, 1986.

[17] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М., 2001; *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М., 1991; *Малахов В.С.* Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт – М., 2001. – С.115–137; *Тишков В.А*. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. – СПб., 1998; *Barth F*. Ethnic Groups and Boundaries. [Electronic resource]. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1969. – URL: http://www.bylany.com/kvetina/kvetina_etnoarcheologie/literatura_eseje/2_literatura.pdf (date of access: 17.11.2024); *Brubaker R*. Ethnicity, Race, and Nationalism // Annual Review of Sociology. – 2009. – Vol. 35. – P.21-42; *Cörüt I., Jongerden J. (ed.)*. Beyond Nationalism and the Nation-State: Radical Approaches to Nation. Routledge, 2021; *Hughes E.C.* On Work, Race and the Sociological Imagination. – Chicago, 1994.

[18] *Абдулатипов Р.Г*. О перспективах человека, этноса и нации // Философия и практика этнического многообразия и единства России: Материалы всероссийской научной конференции. – Махачкала, 2017. – С.11-17; *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* О состоянии национального вопроса в современной России: политика, культура, гражданин // Публичное и частное право. – 2014. – Вып. II (XXII). – С.7-20; *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р*. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. – М, 2002; *Ачкасов В.А*. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. – СПб., 2012; *Губогло М.Н*. Языки этнической мобилизации. – М., 1998; *Зорин В.Ю.* Записки политолога. – М., 2018; *Зорин В.Ю.* Северный Кавказ – не место для политтехнологий / Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М., 2014. – С.17-20; *Дробижева Л.М*. Этничность и межэтнические отношения в Стратегии государственной национальной политики, этнополитическом дискурсе и массовом сознании// Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 6–7 сентября 2018 г. – Казань, 2018; *Медведев Н.П.* Этнонациональные отношения и политическая стабильность// Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. –

Для изучения современных информационно-коммуникативных процессов особое значение имеют труды по теории коммуникации и информационного общества, в которых раскрываются различные аспекты эволюции социального взаимодействия[19]. Этничность как коммуникативная категория и роль коммуникации в развитии этничности, нации и национализма наиболее выражены в работах Дж. Армстронга, С.А. Арутюнова, Л.Н. Гумилева, К. Дойча, Э. Смита, Дж. Хатчинсона, Н.Н. Чебоксарова, Т. Эриксена[20] и др.

Среди исследований социальной, массовой и межкультурной коммуникации с акцентуацией внимания на стратегиях, социокультурных факторах и государственном управлении следует выделить работы С.В. Богданова, Б. Веллмана, Д.П. Гавры, Э. Гриффина, В.Г. Зинченко, А. Куроги, П. Лазарсфельда, Д. МакКуэйла, Р. Мертона, С. Тинг-Туми,

---

Т.14. – №5 (110). – С.1719-1724; *Михайлов В.А., Михайлова Н.В*. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. – 2013. – № 6 (1642). – С.143-162; *Паин Э.А*. Этничность, нация и политика. Критические очерки по этнополитологии. – М., 2023; *Рябова Е.Л.* Национальные отношения и культура конфликтного взаимодействия // Вестник БИСТ. – 2012. – №1 (13). – С.63-68; *Савинов Л.В*. Смыслы и ценности этнополитики // Ценности и смыслы. – 2009. – №2. – С.29-36; *Сафонов А.Л*. Нации и этносы в историческом процессе: проблемы философской концептуализации: монография. – М., 2015; *Сафонов А.Л., Орлов А.Д*. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. – СПб., 2017; *Семененко И.С*. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – №11. – С.91-102; *Сумина И.В*. Национализм в современном обществе [Электронный ресурс] // Когнитивные науки в информационном обществе. – 2022. – Т. 2. – №4. – URL: https://knio.ru/PDF/03KN422.pdf (дата обращения: 11.12.2024); *Тульчинский Г.Л*. Различение политического и политологического дискурсов этничности // Этнические процессы в глобальном мире: Материалы международной научной конференции. – СПб., 2014. – С.8-17; *Черных С.С*. Нации и национализм: История и современность. – М., 2023; *Karklins R*. Ethnopolitics and transition to democracy: The collapse of the USSR and Latvia. – Washington, D.C.; Baltimore and London, 1994; *Parenti M*. Ethnic Politics and the Persistence of Ethnic Identification // American Political Science Review, 1967. – № 61 (3). – P. 717–726; *Rothschild J*. Ethnopolities: A conceptual framework. – New York, 1981. – 290 p.

[19] *Винер Н.* Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М., 1983; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000; *Кастельс М.* Власть коммуникации. – М., 2016; *Кац Э, Лазарсфельд П.Ф.* Личное влияние: роль людей в потоке массовой информации. – М., 2024; *Луман Н.* Медиакоммуникации. – М., 2005; *Маклюэн М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. – 4-е изд. – М., 2014; Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации/под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. – СПб., 2023; *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. – М., 2004; *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки неполитической теории. – СПб., 2001; *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности. – М., 2022; *Шарков Ф.И.* Коммуникология: основы теории коммуникации. – М., 2013; *Bryant J., Miron D.* Theory and Research in Mass Communication // Journal of Communication. – 2004. – Vol. 54. – №4. – P. 662-704; *Masuda Y.* The Information Society as Postindustrial Society. - Tokyo, Japan, 1980 и др.

[20] *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Этнические процессы и информация // Природа. – 1972. – №7. – С.58-63; *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М., 1993; *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М., 2004; *Тишков В.А.* Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций. – М., 2016; *Armstrong J.A.* Nations Before Nationalism. – Chapel Hill NC, 1982; *Deutsch K.* Nationalism and its Alternatives. – New York, 1969; *Eriksen T.H.* Nationalism and the Internet // Nations and Nationalism. – 2007. –№13 (1). – P.1-17; *Hutchinson J.* Modern Nationalism. – London, 1994. – 223 p.; *Hutchinson J.* Ethnicity and Modern Nations // Ethnic and Racial Studies. – 2000. – Vol. 23. – № 4. – P. 651–669 и др.

Г. Мида, М. Франклина, М.Ю. Ханхуновой, С. Хьярварда[21] и др. В последние годы появились исследования, посвященные стратегиям и технологиям управления в контексте вызовов цифровизации и медиатизации политических процессов[22].

В исследованиях по политическим коммуникациям, в которых нашли отражение социо- и этнокультурные аспекты, некоторые проблемные аспекты современных политико-коммуникативных процессов, следует выделить труды Б. Берельсона, Ф. Баугута, М.С. Вершинина, Х. Год, М.Н. Грачева, П.Ф. Лазарсфельда, Г.Д. Лассуэлла, У. Липпмана, Е.А. Лобановой, С.В. Лурье, О.П. Малышевой, Т.Г. Ндайишимийе, А.И. Носа, Л. Пая, С. Рейнеманна, А.И. Соловьева, О.Л. Сподарец, Л.Н. Тимофеевой, Р.Ж. Шварценберга, С.А. Шомовой[23] и др.

---

[21] *Богданов С.В*. Стратегические коммуникации: концептуальные подходы и модели для государственного управления // Государственное управление. Электронный вестник. – Вып.61. – Апрель, 2017. – С.132-152; *Гавра Д.П.* Категория стратегической коммуникации: концептуальные подходы и модели для государственного управления // Век информации. – 2015. – №3 (4). – С.229-233; *Гавра Д.П.* Публичная сфера: культурная и политическая традиция // PR-диалог. – 2000. – № 3 (8). – С.10-15; *Гриффин Э.* Коммуникация: теории и практики / пер. с англ. – Харьков, 2015; *Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М., 2012; *Зинченко В.Г.* Межкультурная коммуникация: От системного подхода к синергетической парадигме. – М., 2007; *Лазарсфельд П., Мертон Р.* Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М., 2002. – С. 231-233; *Ханхунова М.Ю.* Этническая идентичность в виртуальном коммуникативном пространстве: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Улан-Удэ, 2017; *Franklin M.* I Define My Own Identity: Pacific Articulations of «Race» and «Culture» on the Internet // Ethnicities. – 2003. – Vol. 3. – № 4. – P. 465–490; *Hjarvard S.* The Mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. – 2008. – Vol. 29. – №.2. – P.105-134; *McQuail D.* Media Performance. Mass Communication and the Publuc Interest. – London; Newbury Park, Calif., 1992; *Mead G.H.* The Social Self // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. – 1913. – Vol. 10. – P.374-380; *Ting-Toomey S., Kurogi A.* Face work Competence in intercultural Conflict: An Updated FaceNegotiation Theory // International Journal of tntercultural Relations. – 1998. – Vol. 22. – P.187-225; *Wellman B.* Physical Place and Cyber-place: The Rise of Networked Individualism // International Journal for Urban and Regional Research. – 2001. – 25 (2). – P. 227-252 и др.

[22] *Мальцева Д.А., Сафонова О.Д., Тузова П.Р.* Стратегии и технологии информационного риск-менеджмента: вызвоы цифровизации и медиатизации // Современные политические стратегии. Коллективная монография. – СПбГУ, 2022. – С.258-278.

[23] *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникаций: сб. научн. трудов. – СПб., 2004. – С.98-107; *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М., 2004; *Грачев М.Н.* Конструкты постправды в современной политической пропаганде // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: Сборник материалов Международного научного форума: В 2 т. – СПб., 2019. Т. 1. С. 54–56; *Лазарсфельд П.Ф., Берельсон Б., Год Х.* Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской компании. – Ульяновск, 2018. – 151 с.; *Лассвелл Г.Д.* Применение данных контент-анализа при изучении социальных перемен // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3 (37). – С. 258-265; *Липпман У.* Общественное мнение. – М., 2023; *Лобанова Е.А.* Политическая коммуникация в контексте политологического анализа: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2006; *Лурье С.В.* Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. – 1999. – №4. – С.101-111; *Малышева О.П.* Политическая коммуникация как феномен этнокультуры // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: материалы Пятой Всероссийской электронной

Научные труды Н.В. Баранова, М.А. Мыльникова, С.Н. Цибенко посвящены исследованию субъектов политических коммуникаций – нации и этнической диаспоры [24] . А.Н. Брад, Н.А. Медушевский, С.В. Мохов, Э.А. Паин, С.А. Простаков[25] и др. рассматривают политические процессы с участием этнических сообществ в интернете (Рунете).

Взаимосвязи между этничностью, культурой, социокультурными факторами и политико-коммуникативными процессами отражены в трудах Д.М. Абдрахманова, Г. Алмонда, В.А. Ачкасовой, М.Ю. Барбашина, И.Н. Блохина, А.М. Буранчина, С. Вербы, В.О. Гришина, М.А. Дадуева, И.В. Демичева, А.О. Зиновьева, Д.А. Иглина, В.К. Мальковой, Н.В. Михайловой, Д. Паркера, М.Е. Попова, С.К. Смирновой, Ш.С. Сулеймановой, Т.Ф. Файзулина, Ф.С. Файзулина, Д. Уолтона, В.Р. Чагилова, Д. Эллиса[26] и др.

научно-практической конференции. – Самара, 2008. – С. 209-212; *Ндайишимийе Т.Г.* Российские политичсекие традиции как ресурс власти и оппозиции: дис…канд. полит. наук: 23.00.02. – Казань, 2017; *Нос А.И.* Политическая коммуникация в современной России: автореферат дис. …к. полит. наук: 23.00.02. – Ставрополь, 2004; *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – №3. – С.5-18; *Сподарец О.Л.* Взаимодействие культурных кодов в современной политической коммуникации // Грамота. – 2016. – №6. – Ч.2. – С.157-161; *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. – 2009. – №5. – С.41-54; *Тимофеева Л.Н.* Политические коммуникации через СМИ: почему мнения важнее фактов? // Время больших перемен: политика и политики: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РУДН, 24-25 ноября 2017 г. – М., 2017. – С.378-379; *Шварценберг Р.Ж.* Политическая социология: В 3-х ч. – М.: РАУ, 1992. – Ч. I. – 180 с.; *Шомова С.А*. Политические коммуникации: социокультурные тенденции и механизмы. – М., 2004; *Шомова С.А*. Архетип против мема: константы культуры в политической коммуникации // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн., Кн. 3. – М., 2016. – С. 406-413; *Baugut P., Reinemann C.* Informal Political Communication Cultures: Characteristics, Causes, Effects // German Policy Studies. – 2013. – №1. – Vol.9. – P. 23–68; *Pye L.* Political Communication // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. – Oxford, New York, 1987 и др.

[24] *Баранов Н.А*. Нация как субъект политической коммуникации: современный опыт России // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: сб. статей. – СПб., 2007. – С.54-60; *Мыльников М.А*. Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – Астрахань, 2009. – 186 с.; *Цибенко С.Н*. Технологии национальной мобилизации в многосоставных обществах с этнокультурной сегментацией (на примере России и Турции): дис… канд. полит. наук: 23.00.02. – Ростов-на-Дону, 2019. – 220 с.

[25] *Медушевский Н.А., Брад А.Н*. Воздействие интернет-коммуникации на процессы межэтнического и межконфессионального взаимодействия: аспекты конструирования этнополитических конфликтов//Теории и проблемыэтнополитических исследований. – 2024. – Т.13. – №5-1. – С.20-25; *Паин Э.А., Простаков С.А., Мохов С.В.* Этнополитические процессы в зеркале рунета // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 133-160.

[26] *Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В.* Архаизация российских регионов как социальная проблема. – Уфа, 2016; *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М., 2014; *Ачкасова В.А.* Политизация этничности как коммуникационный ресурс: российская электоральная практика // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: материалы междунар. науч. конф., 23-24 ноября 2016 г.. – СПб., 2016. – №2. – С.12-18; *Барбашин М.Ю*. Институциональная теория этничности // Этнографическое обозрение. – 2006. – №3. – С.112-127; *Блохин И.Н*. Этнологическая культура

Роль коммуникации, СМИ и информационных технологий в политике, политическом управлении и этнополитической деятельности исследуется в работах Д. Брайанта, Э. Брюса, Р.В. Бусаргина, И.А. Быкова, С.В. Володенкова, В.А. Волоха, Е.Г. Грибоед, Ф. Демшара, И.М. Дзялошинского, А. Замора-Капура, П.А. Ибрагимовой, А.Н. Ижаева, Дж. Келли, А. Керона, В. Кара, С.Г. Корконосенко, А.А. Косорукова, Р. Куна, Г.Л. Купряшина, М.А. Магомедовой, Ю.А. Мартыновой, Н.П. Медведева, Г.С. Мельник, В.Э. Мозгового, А.Д. Назарова, Дж. Палфри, Д. Паркера, Г.В. Пушкаревой, Г.Ю. Родык, О.Ф. Русаковой, Е.Л. Рябовой, В.П. Терина, С. Томпсона, С.Г. Туронка, А.Н. Чумикова, Р. Фариса, Ф. Фуэнтеско, М. Шейна, И.В. Юрченко[27] и др.

журналиста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – №2 - II. – С.302-307; *Блохин И.Н.* Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретация толерантности // Гуманитарный вектор. – 2014. – №3 (39). – С.110-115; *Дадуев М.А*. Концептуальные основы этнополитики в современной России // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №2. – С.169-174; *Зиновьев А.О.* Социокультурный контекст политических институтов, политических коммуникаций и публичной сферы в современной России // Политические коммуникации в изменяющейся России: Сборник научных статей. – М., 2013. – С.60-63; *Малькова В.К.* Этнические сайты в российском интернете // Государственная национальная политика России: экспертное мнение. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С.25-34; *Малькова В.К*. Этнополитические реалии в современном российском медийном пространстве // Вестник российской нации. – 2019. – №1. – С. 35-44; *Михайлова Н.В., Иглин Д.А., Гришин В.О.* Политическая культура и коммуникация: актуальное прочтение //Этносоциум. – 2018. – №10. – С.32-38; *Parker D., Song M.* Ethnicity, Social Capital and the Internet // Ethnicities. – 2006. – 6 (2). – P. 178-202; *Попов М.Е.* Социокультурная интеграция как инструмент деэскалации региональных конфликтов идентичности // Публичная политика – 2015: Сб. статей. – СПб., 2016. – С.70-78; *Смирнова С.К*. Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02. – Москва, 2003. – 452 с.; *Сулейманова Ш.С*. Этнонациональная политика Российской Федерации и СМИ: проблемы взаимовлияния // Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции. – М, 2018. – С. 255-262; *Suleymanova Sh.S., Dzhanteeva J.S*. Essential Characteristics of Ethnopolitical Communications // International Conference on Economics, Management, Applied Sciences and Social Science (EMAS 2019), January 3-5. – Santiago, Chile. – 2019. – Vol.127. – P.391-397; *Файзулин Ф.С., Файзулин Т.Ф.* Этнический фактор и противоречия в реализации его потенциала в обществе // Проблемы развития территорий. – 2014. – Вып. 6 (74). – С.176-181; *Чагилов В.Р.* Этничность и постсовременность: политизированная этническая идентичность в условиях глобализации. – Невинномысск, 2002; *Ellis D.G.* Building a theory of communication and ethnopolitical conflict [Electronic Resourse] // Communication Monographs. –2019. – Vol. 86. – № 1. – P. 68-87. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03637751.2018.1507044 (date of access 17.11.2024); *Wolton D.* Political Communication: The Construction of a Model // European Journal of Communication. – 1990. – Vol .5. – № 1. – P. 9-28 и др.

[27] *Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ. – М., 2004; *Бусаргин Р.В.* Влияние информационных технологий на массовое сознание россиян: этнополитические интенции: дис. …канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2006. – С.93-94; *Быков И.А.* Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. – СПб, 2013; *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М., 2015; *Волох В.А., Сулейманова Ш.С.* Роль и значение медиаполитики в управлении миграционными процессами // Политика и общество. – 2015. – № 10. – С. 1427-1433; *Демшар Ф.* Средства массовой коммуникации как механизм транспарентности при реализации государственной политики //

Использование манипулятивных и сетевых технологий в политико-коммуникативных процессах, проектного менеджмента в сфере управления политическими процессами, освещается в работах В.А. Ачкасовой, Д. Бойд,

---

Коммуникология. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С.13-28; *Дзялошинский И.М.* Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. – М., 2012; *Дзялошинский И.М.* Субъекты медиакоммуникации: личностные и групповые характеристики // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 4(8). – С. 49-72; *Ибрагимова П.А.* СМИ и публичность власти в этнонациональной политике современного общества [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2012. – №1. – URL: http://www.mediascope.ru/node/1025 (дата обращения: 17.11.2024); *Ижаев А.Н.* Информационно-политическая и этническая идентичность в пространстве массовой коммуникации: автореферат дис. …канд. полит. наук:10.01.10. – М., 2007; Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации / под научн. ред. В.А. Ачкасовой, Г.С Мельник. – М., 2016; *Корконосенко С.Г.* Теория журналистики: моделирование и применение. – М., 2010. – 248 с.; *Косоруков А.А.* Публичная сфера и цифровое управление современным государством. – М., 2019. – 320 с.: *Магомедова М.А.* СМИ как основной ресурс информационного обеспечения оптимизации межнациональных отношений // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №1. – С.345-347; *Мартынова Ю.А.* Анализ коммуникативных стратегий в общественно-публицистическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2009. – Т.9. – Вып.2. – С.96-101; *Медведев Н.П.* К вопросу о лоббистской деятельности // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т.11. – №5 (74). – С. 1701-1706; *Мозговой В.Э.* Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: автореферат дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Краснодар, 2015; *Назаров А.Д.* Современные тенденции в информационном обеспечении реализации государственной национальной политики Российской Федерации. – М., 2016. – С. 65-82; *Назаров А.Д.* Единство и духовная общность многонационального народа России в координатах государственной национальной политики: коммуникативные аспекты и особенности // Этносоциум. – №11 (89). – 2015. – С. 9-30; *Пушкарева Г.В.* Информационное сопровождение государственной политики: технологии и проблемы эффективности // Государственная политика и управление / под ред. А.И. Соловьева. – М., 2017. – С.110-136; *Родык Г.Ю.* Коммуникационные механизмы влияния на этнополитическую сферу // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2013. – №2. – С.179-188; *Русакова О.Ф., Грибоед Е.Г.* Политический медиадискурс и медиатизации политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2014. – Т. 14. – № 4. – С. 65–77 ; *Рябова Е.Л., Терин В.П.* Политические аспекты социокультурного воздействия массовой коммуникации: Исследование опыта Запада: дисс ... д-ра соц. наук: 23.00.02. – М., 2001; *Туронок С.Г.* Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 51-63; *Чумиков А.Н.* Новые коммуникационные технологии и продвижение региона в социокультурном контексте // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М., 2015. – С.552-580; *Юрченко И.В.* Методология анализа отражения этнополитических проблем в информационном пространстве современного общества // Национально-этнические процессы в региональном политическом пространстве: сб. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Саратов, 17–18 октября 2013 г.). – Саратов, 2014. – С.194-200; *Bruce E., Kelly J., Faris R., Palfrey J.* Mapping the Arabic Blogosphere: Politics and Dissent Online // New Media & Society. – 2010. – 12(8) – P. 1225-1243; *Car V.* Nationalism and Digital Activism in Croatia: The Case of Croatian Wikipedia. 12th Annual International Conference on Communication and Mass Media, 12-15 May, Athens, Greece. Abstract Book. – Athens, 2014. – P.38; *Ceron A.* Social Media and Political Accauntability Bridging the Cap between Citizens and Politicians. – London, 2017; *Kuhn R., Neveu E.* Political Journalism: New Challenges, New Practices. – London, 2002; *Parker D., Song M.* Ethnicity, Social Capital and the Internet [Electronic resource] // Ethnicities. – 2006. – 6(2). – P. 178-202. – URL: https://doi.org/10.1177/1468796806063751 (date of access: 17.11.2024); *Zamora-Kapoor A., Fuentesc F., Schain M.* Race and ethnicity in context: international migration, political mobilization, and the welfare state [Electronic resource] // Ethnic and Racial Studies. – 2016 .– URL: http://dx.doi.org/10.1080/01419870.2016.1227078 (date of access: 17.11.2024) и др.

Н.А. Борисова И.А. Быкова, А.Е. Войскунского, М.Н. Грачева, М.Н. Губогло, Н.Ф. Пономарева, Г.У. Солдатовой, П.П. Фантрова, Ю.А. Шерковина[28] и др. Вопросы межэтнического согласия, распространения политических мифов, этностереотипов, этнофобии и ксенофобии в СМИ и публичной политике исследуются в работах Д.И. Гигаури, К.Г. Макаловской, З.В. Сикевич, В.А. Тишкова, В.Р. Филиппова, Е.О. Хабенской, О.В. Шестаковой, В.А. Шнирельмана, Б.В. Шулумбы[29] и др.

Теоретическому осмыслению этнополитических коммуникаций посвящены работы Н. Айдаевой, Э. Дагбаева, В.И. Захаровой, П.Н. Киричек, О.Н. Максимовой[30] и др.

В современном кавказоведении значительная часть работ посвящена изучению политических процессов, национальных и федеративных отношений, деятельности региональных акторов этнополитики и совершенствованию управленческих практик на Северном Кавказе с

---

[28] *Ачкасова В.А.* Политизация этничности как коммуникационный ресурс: российская электоральная практика // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: матер. междунар. науч. конф., 23-24 ноября 2016 г. – СПб.: СПбГУ, 2016. – №2. – С.12-18; *Быков И.А.* Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. – 2008. – № 2. – С. 79-98; *Войскунский А.Е.* Метафоры Интернета // Вопросы философии. – 2001. – № 11. – С. 64-79; *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. – М., 1998; Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения / под ред. М.Н. Грачева и Н.А. Борисова. – М., 2016; *Пономарев Н.Ф.* Политические коммуникации и манипуляции. – М., 2007; *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М., 1998; *Фантров П.П.* Политические технологии взаимодействия институтов государства и гражданского общества в процессе обеспечения национальной безопасности России: дис…канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2019; *Шерковин Ю.А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. – М., 1973; *Boyd D.* Media Manipulation, Strategic Amplification, and Responsible Journalism [Electronic resource] // Online News Association. Austin, TX: 2018, September 13. – URL: https://points.datasociety.net/media-manipulation-strategic-amplification-and-responsible-journalism-95f4d611f462 (date of access:18.11.2024) и др.

[29] *Гигаури Д.И.* Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.03. – СПб., 2016; *Сикевич З.В.* Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности // Гуманитарий Юга России. – 2018. – № 2. – С. 36-53; *Филиппов В.Р.* Ксенофобия в СМИ: Стратегии преодоления // Свободная мысль XXI. – 2005. - № 6. – С. 106-120; *Хабенская Е.О.* Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) [Электронный ресурс] // Дневник Алтайской школы политических исследований – 2005. – № 21. – С. 171–174. – URL: http://ashpi.asu.ru/studies/2005/hbnskja.html (дата обращения: 17.11.2024); *Шестакова О.В., Макаловская К.Г.* Этнические стереотипы в современной рекламе // Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 207-210; *Шнирельман В.А.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований / под ред. Е.И. Пивовара. – М., 1999. – Вып. 2. – С. 118–147; *Шулумба Б.В.* СМИ и этничность: от языка вражды к языку толерантности // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 5. – С. 56-63.

[30] *Захарова В.И.* Внешняя культурная политика и современные этнополитические коммуникации// Коммуникология. – 2014. – Т.5. – №3. – С.95-100; *Киричек П.Н.* Массмедийный дискурс этнополитических коммуникаций // Коммуникология. – 2016. – Т.4. – №1. – С.29-41; *Максимова О.Н.* Этнополитическая культура современного российского региона: дис. ...д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2015; *Dagbayev E., Aydaeva N.* Governmental mechanisms for Administration of Mass Media in Russia; s National Republic // Public Administration Issues. – 2016. – Special Issue. – P.150-159.

акцентуацией определенного внимания на информационно-коммуникационной составляющей. Эти вопросы исследуют Л.Р. Абазалиева, В.Р. Абрамян, В.А. Авксентьев, М.А. Аствацатурова, Б.М. Бирагова, М.М. Гаджиев, Г.Д. Гриценко, А.Н. Гуня, К.Г. Гусаева, В.Д. Дзидзоев, Ш.А. Джафаров, О.А. Кочеткова, Е.П. Лебедева, И.А. Линец, Т.Н. Литвинова, А.А. Малькевич, Х.З. Машукова, А.А. Минина, И.Я. Новицкий, Е.В. Савва, А.Р. Салгириев, А.А. Санглибаев; Е.Н. Трофимов, Н.А. Чемаева, А.М. Чеченова, М.З. Шогенова[31] и др.

[31] *Абазалиева Л.Р.* Анализ этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2014. – № 2. – С. 60-65; *Авксентьев В.А.* Этнополитическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации: Сборник экспертных докладов. / отв.ред. М.А. Омаров. – М.: РГГУ, 2018. – 348 с.; *Авксентьев В.А.* Политизированная этничность как институциональное препятствие укреплению общероссийской гражданской идентичности / /Политическая экспертиза: Политэкс. – 2023. – Т. 9. – №4. – С. 587–599; *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. – 2016. – №1. – С.92-99; *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. – М., 2016. – 102 с.; *Аствацатурова М.А., Абрамян В.Р.* Этноконфликтогенные факторы современного коммуникативного и информационного пространства Северо-Кавказского федерального округа // Университетские чтения – 2013. – Пятигорск, 2013. – Ч. XIV: Секции 6-7 симпозиума 3. – С. 90–95; *Аствацатурова М.А., Линец И.А.* Политическая актуализация диалоговых механизмов власти и этноконфессиональных институтов гражданского общества в Северо-Кавказском регионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – №2. – С.185-189; *Аствацатурова М.А., Джафаров Ш.А*. Современные северокавказские проекции упрочения единства российской гражданской нации // Вестник российской нации. – 2016. – №3. – С.104-115; *Бирагова Б.М.* Позитивизация имиджа Северного Кавказа как медиаполитическая стратегия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2014. – №4. – С.47-51; *Гусаева К.Г.* Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности. – Махачкала, 2006; *Дзидзоев В.Д., Гаджиев М.М.* Национальная политика постсоветской России на Северном Кавказе и проблемы выхода из кризиса. – Владикавказ, 2017; *Казенин К.И.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М., 2009; *Литвинова Т.Н., Кочеткова О.А*. Горизонтальные связи как фактор развития экономического федерализма в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2023. – №5 (181). – С. 41–47; *Литвинова Т.Н.* Институциональные решения постконфликтного развития Чеченской республики // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 43–54; *Литвинова Т.Н*. Территориальные споры на Северном Кавказе как источник нестабильности на Северном Кавказе // Право и управление. XXI век. –2023. – Т. 17. – № 2 (59). – С. 3–12; *Малькевич А.А.* Роль государственной информационной политики в социально-экономической стабилизации Северного Кавказа // Управленческое консультирование. – 2014. – №3 (63). – С.18-29; *Минина А.А., Лебедева Е.П.* Правовое информирование как условие стабилизации состояния межэтнических отношений на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. – 2014. – №1. – URL: http://politika.snauka.ru/2014/01/1196 (дата обращения: 18.11.2024); *Новицкий И.Я.* Управление этнополитикой Северного Кавказа. – Краснодар, 2011; *Савва Е.В.* Информационные механизмы политизации этничности (на примере Северного Кавказа) // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. – №1. – С.115-121; *Салгириев А.Р.* Ресурсы влияния и стратегии политических элит в политических процессах на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – №4 (41). – С.184-189; *Санглибаев А.А.* Этнополитические процессы и конфликты на Северном Кавказе: региональные и групповые аспекты. – Черкесск, 2007; *Трофимов Е.Н.* Северный Кавказ – средоточие национальных проблем // Вестник Южного научного центра РАН. – 2009. – Т.5. – №3. – С.38-42; *Трофимов Е.Н.* Россия многонациональная. Политико-правовые основы управления национальными процессами (1906–2012 гг.). – М., 2013; *Шогенова М.З., Гуня А.Н., Машукова Х.З., Чеченова А.М., Чемаева Н.А.* Институты гражданского общества и гражданское участие в общественном мнении на Северном Кавказе: на примере Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т.6. – №5. – С. 232-245.

Представляют интерес исследования прикладного характера о роли коммуникации в политических процессах на Северном Кавказе в рассматриваемый период. В последние годы появились работы, касающиеся коммуникативных аспектов политики государства в сфере гармонизации межэтнических отношений на Северном Кавказе. В их числе следует выделить работы В.В. Иванова, В.Ю. Савельева[32], экспертные доклады Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов и Распределенного центра межнациональных и религиозных проблем Министерства науки и высшего образования РФ[33]. Коммуникативные аспекты государственной национальной политики России на Северном Кавказе рассматриваются в коллективной монографии Р.И. Абакарова, В.А. Авксентьева, А.З. Адиева, С.И. Аккиевой, М.А. Аствацатуровой, Е.В. Давыдовой, Л.Х. Дзаховой, С.Ю. Ивановой, М.С. Зинченко, Л.В. Кубановой, В.Д. Лазы, И.Ю. Теммоева, Т.С. Чабиевой, Д.С. Чекменева, Р.А. Чихтисова, Е.А. Щербины, М.М. Шульги, М.М. Юсупова[34].

Отдельную категорию составляют работы, посвященные развитию медиасреды на Северном Кавказе[35], изучению вопросов присутствия данного

---

[32] *Иванов В.В.* Гармонизация межнационального общения как фактор стабилизации регионального социума на Северном Кавказе // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – №8. – С.169-171; *Савельев В.Ю.* Взаимодействие органов власти и управления с национально-культурными объединениями в реализации государственной национальной политики Российской Федерации: на примере субъектов ЮФО: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. - Ставрополь, 2006. – 263 с.

[33] Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов/ Ред. В.А.Тишков и В.В.Степанов – М., 2014; Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах РФ СКФО. Второе полугодие 2015 г. (экспертный доклад) / Под ред. В. Тишкова. М. – Пятигорск – Ставрополь: Пятигорск:, 2015. – 91 с. и др.

[34] *Абакаров Р.И., Авксентьев В.А., Адиев А.З., Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Давыдова Е.В, Л.Х. Дзаховой, Иванова С.Ю., Зинченко М.С., Кубанова Л.В, Лаза В.Д., Теммоев И.Ю., Чабиева Т.С., Чекменев Д.С., Чихтисов Р.А., Щербина Е.А., Шульга М.М., Юсупов М.М*. Участие органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной, миграционной и языковой политики Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад. – Пятигорск, 2016.

[35] *Паленая Е.М.* Тенденции трансформации информационного пространства современного Северного Кавказа: дис… канд. соц. наук.: 22.00.06. – Ростов-на-Дону, 2004; *Чаблин А.* Масс-медиа как фактор гражданской интеграции на Северном Кавказе: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Кавказовед. – 2016. – 6 июля. – URL: http://www.kavkazoved.info/news/2016/07/06/mass-media-kak-faktor-grazhdanskoj-integracii-na-severnom-kavkaze-problemy-i-perspektivy.html (дата обращения: 18.11.2024); *Чумиков А.Н.* Российский Кавказ в современном информационном поле: тренды, проблемы, решения // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М., 2015. – С. 93-104 и др.

макрорегиона в политическом медиапространстве[36]. Особый исследовательский интерес вызывают проблемы функционирования СМИ в системе этноконфессиональных отношений и развития гражданского общества на Северном Кавказе[37].

Этнокультурный, исторический и презентационный аспекты этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе исследуют Т.М. Баликоев, А.В. Баранов, А.Х. Боров, Е.Л. Виханская, М.М. Гаджиев, С.М. Гозгешева, Р.Э. Герман, Л.Х. Дзахова, Н.В. Зубаревич, Т.П. Интигринова, К.И. Казенин, Х.Г. Магомедов, Н.И. Миронова, Е.Г. Муратова, А.Р. Салгириев, И.В. Стародубровская, Д.В. Соколов, С.С. Сущий, И.Б. Тхагапсова, Х.Г. Тхагапсоев, С.А. Тхатель, Р.А. Ханаху, В.А. Халюзин, А.А. Шаов, Ш.К. Шахов[38] и др.

---

[36] *Древаль М.И.* Образ Северного Кавказа на федеральных телеканалах// Общественные науки и современность. – 2015. – № 5. – С.154-162; *Кумыкова М.М.* Информационная политика как условие социоэкономической модернизации регионов Северного Кавказа [Электронный ресурс] // Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В. Тишкова. – М., 2008. – С. 219–230 – URL: http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1195.pdf. (дата обращения: 18.11.2024); *Курбанов Р.В.* Северный Кавказ в современном информационно-политическом пространстве // Труды географического общества Республики Дагестан. – 2014. – №42. С.111-115; *Муртузалиев С.И.* Проблемы идентичности кавказцев и россиян. – Махачкала, 2010.

[37] *Даурбекова Х.И.* Гражданское общество, ислам и масс-медиа на Северном Кавказе: постановке проблемы [Электронный ресурс] // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2016. – №4 (октябрь – декабрь). – С.49-56. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/grazhdanskoe-obschestvo-islam-i-mass-media-na-severnom-kavkaze-k-postanovke-problemy (дата обращения: 18.11.2024); *Лепилкина О.И.* Межэтническое взаимодействие как объект изображения в современной ставропольской газетной периодике [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2010. – № 4. – URL: http://www.mediascope.ru/node/626 (дата обращения 18.11.2024); *Рушанян К.С.* Роль региональных СМИ в развитии этнополитических процессов и институтов в Ставропольском крае: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Ставрополь, 2009; *Свенцицкая Н.П.* Роль средств массовой информации в урегулировании межнациональных конфликтов на Северном Кавказе: дис…канд. соц. наук: 22.00.08. – М., 2000; *Федченко А.И.* Политические PR-технологии в условиях межэтнической напряженности на примере Осетино-Ингушского конфликта: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2011 и др.

[38] *Баранов А.В.* Политика исторической памяти как компонента конструирования российской гражданской идентичности (по материалам Северного Кавказа) // Этничность, религия и политика. – Симферополь, 2015. – 402 с.; *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С.157-166; *Виханская Е.Л.* «Черкесский» дискурс в Интернете: Поиски пути из прошлого в будущее. (Аналитический обзор) // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2013; *Гаджиев М.М.* Конфликтогенный потенциал историко-политических факторов формирования межнациональных отношений на Северном Кавказе //Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – №9. – С.128-131; *Гозгешева С.М.* Северо-Кавказский федеральный округ: традиционные ценности народов и политическая стабильность // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – №1. – С.24-29; *Герман Р.Э.* Репрезентации исторического прошлого в структуре этнических идеологий Северного Кавказа // Полиэтничное общество, власть и демократия в России: Сборник статей. – М. – Махачкала, 2012. – С.545-553; *Дзахова Л.Х., Баликоев Т.М.* Роль общественно-политических организаций в оптимизации межнациональных отношений (историко-политологический анализ). – Владикавказ, 2016; *Казенин К.И.* Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.3. – № 35. – С. 234-239; *Казенин К.И.* Элементы

Ряд кавказоведческих работ посвящен изучению конфликтогенных факторов и информационно-коммуникативной деятельности экстремистских элементов, оказывающих деструктивное воздействие на социально-экономическое и политическое развития региона[39].

Наряду с традиционными источниками информации, автором анализировались данные официальных сетевых ресурсов федеральных и региональных органов государственной власти, интернет-изданий, социальных медиа, мессенджеров, в которых затрагивались вопросы современной этнополитики в исследуемом регионе.

Обзор отечественной и зарубежной научной литературы показал, что исследование политико-коммуникативных практик акторов этнополитики в региональном измерении недостаточен. На наш взгляд, это объясняется тем, что за границами исследовательского интереса остались современные этнополитические коммуникации на Северном Кавказе. Нуждаются в более детальном анализе актуальные для современной России и Северного Кавказа

Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М, 2012; *Салгириев А.Р.* Ресурсы влияния и стратегии политических элит в политических процессах на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – №4 (41). – С.184-189; Северный Кавказ: модернизационный вызов / И.В. Стародубровская, Н.В. Зубаревич, Д.В. Соколов, Т.П. Интигринова, Н.И. Миронова, Х.Г. Магомедов. – М., 2011; *Сущий С.С.* Сфера межнациональных взаимодействий и управленческие практики региональных властей (опыт Юга России) // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 22. – № 6. – С. 48-54; *Тхагапсова И.Б.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в русле современной национальной политики в регионе: на примере Карачаево-Черкесской Республики: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. – Майкоп, 2006. – 176 с.; *Тхагапсоев Х.Г.* Когда политикой правит культура: К особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов // Кавказология. – 2018. – №1. – С.12-36; *Тхагапсоев Х.Г.* Южная Россия: Кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России: Сб. научных статей. – СПб., 2001. – С. 164–185; *Тхатель С.А*. Социокультурные особенности развития гражданского общества на Северном Кавказе // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С.95-96; *Ханаху Р.А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). – Ростов-н/Д., 2001; *Халюзин В.А.* Политическая жизнь традиционного северокавказского общества в контексте глобализации. – М., 2014; *Шаов А.А.* Этническая идеология как предмет социально-философского знания (анализ этнического самосознания абхазов и адыгов): автореферат дис. …канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 2001; *Шахов Ш.К.* Этнополитика в условиях трансформации общества. – Махачкала, 2016.

[39] *Круглова А.Ю.* Деструктивные исламистские и тюрко-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, детельность и методы противодействия: дис. …канд. соц. наук: 22.00.04. – Ростов-на-Дону, 2019; *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии. – Ростов-на-Дону, 2005; *Пивоварова Н.И.* Этнофобии в политическом процессе на Северном Кавказе: пути преодоления: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Ростов-на-Дону, 2008; *Синцов Н.В.* Основные идеологические установки религиозно-экстремистских организаций, действующих в Северо-Кавказском регионе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи // Материалы региональной научно-практической конференции «Основные идеологические установки релиозно-экстремистских организаций, действующих в Северо-Кавказском регионе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи». – Пятигорск, 2013. – С.248-254 и др.

проблемы специфичного взаимодействия власти, СМИ и гражданского общества в этнополитической сфере, использования коммуникативных стратегий и инновационных подходов для достижения идентификационных целей современной политики нациестроительства. Состояние научной разработанности темы в совокупности с ее востребованностью обусловливают объект, предмет, цель и задачи исследования.

Объектом исследования являются этнополитические коммуникации как особые политические взаимодействия власти, СМИ и гражданского общества в условиях полиэтнического пространства.

Предметом диссертационной работы выступают коммуникативные стратегии, модели, типовые свойства, механизмы, динамика, потенциал и детерминанты коммуникативной деятельности акторов этнополитики на Северном Кавказе в современный период.

Необходимо отметить, что предметом изучения этнических и межэтнических коммуникаций в мире политики рассматриваемого региона для нас становятся представления акторов этнополитики друг о друге, а также об аналогичных социальных субъектах, с которыми они взаимодействуют для достижения разных политических целей в условиях полиэтничного Северного Кавказа.

Целью диссертационного исследования является выявление специфики, стратегий и приоритетов этнополитической коммуникации на Северном Кавказе на основе комплексного анализа теоретико-методологических подходов и парадигм феномена этнополитической коммуникации в северокавказском регионе и его практического преломления с конца 1990-х гг. до 2020 г., когда в России был создан Штаб по борьбе с коронавирусом: в условиях локдауна тема этничности в политическом пространстве отошла на второй план, также как и во время проведения СВО и отражения наступления противника в приграничных регионах России[40].

[40] 25 марта 2020 г. Президент РФ В.В. Путин объявил о введении на территории страны внеочередных мер в связи с распространением пандемии COVID-19 (коронавирусной инфекции). См.: Коронавирус. Хроника

Достижение поставленной цели предопределило формулирование следующих исследовательских **задач**:

● рассмотреть этничность как политическую и коммуникативную категорию в контексте социально-политической теории;

● раскрыть особенности взаимодействия и взаимовлияния политических коммуникаций, СМИ и этничности в полиэтничном регионе;

● выявить основные характеристики этнополитических коммуникаций;

● изучить типовые признаки этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе;

● выявить социокультурные особенности политических контактов акторов этнополитики на Северном Кавказе;

● обосновать факторы, формирующие гибридный характер этнополитических коммуникаций в северокавказском регионе;

● обосновать историческую направленность этнополитических контактов на Северном Кавказе;

● рассмотреть тенденции и вызовы этнополитического взаимодействия в медиапространстве в контексте развития информационного общества и социокультурных особенностей традиционного северокавказского общества;

● изучить основные стратегии этнополитических коммуникаций в медиапространстве Северного Кавказа;

● выявить роль СМИ в политико-комммуникативных процессах полиэтничного северокавказского региона;

● рассмотреть коммуникативный аспект практической реализации концепции нациестроительства на Северном Кавказе;

● рассмотреть основные направления государственной политики в сфере межэтнического взаимодействия в северокавказском регионе;

распространения [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. – 3 марта. – URL: https://rg.ru/2020/03/03/koronavirus-hronika-rasprostraneniia.html (дата обращения: 18.11.2024); Стенограмма обращения Владимира Путина к гражданам России [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. 25 марта. – URL: https://rg.ru/2020/03/25/stenogramma-obrashcheniia-vladimira-putina-k-grazhdanam-rossii.html (дата обращения: 18.11.2024).

● на основе эмпирических данных изучить проблемные аспекты, риски и механизмы государственного регулирования этнополитических коммуникаций в северокавказском обществе;

● сформулировать и обосновать рекомендации для оптимизации политико-коммуникативных процессов в полиэтничной среде.

Хронологические рамки исследования включают период с конца 1990-х гг. до 2020 г.*, характеризующийся трансформацией политико-коммуникативного пространства и активным использованием новейших информационных технологий в политических процессах полиэтничного северокавказского общества, их динамикой и региональными особенностями, а также повышением статуса этнополитики в России.

В конце XX в. на Северном Кавказе были усилены меры безопасности, и социально-политическая ситуация стала стабилизироваться. С этого момента в регионе началось строительство новой мирной жизни, которое сопровождалось постепенным переходом от жестких силовых методов управления к использованию технологии «мягкой силы» и новейших информационных технологий в политике.

Гипотеза исследования. Этнополитические коммуникации на Северном Кавказе – сложный и противоречивый процесс, обусловленный историческими, идеологическими, социально-политическими и политико-правовыми особенностями.

Коммуникативный вектор этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества на Северном Кавказе направлен на преодоление внутренних и внешних противоречий и барьеров. В отдельных случаях коммуникация используется акторами этнополитики для распространения негативной этнической информации, дезинформации, разжигания межнациональной (межэтнической) розни и дискриминации

* В конце 2019 г. в китайском городе Ухане были зафиксированы первые случаи необычной пневмонией, а в первые месяцы 2020 г. вирус, получивший название COVID-19, распространился в десятках стран мира. 29 января 2020 г. в России был создан Штаб по борьбе с коронавирусом. С 25 марта 2020 г. в России, в том числе и на Северном Кавказе начался локдаун, который длился больше года.

отдельных этнических общностей, тем самым способствуя установлению этнических границ в социуме.

Регулирование политических процессов в этнической сфере на основе коммуникативного подхода, позитивизация имиджа Северного Кавказа, расширение межкультурного диалога и нейтрализация экстремистских элементов позволили значительно снизить степень межэтнической напряженности в регионе и кавказофобию в стране.

Географические границы работы включают субъекты Российской Федерации, которые входят в состав Северо-Кавказского федерального округа. Эти субъекты отличаются по уровню социально-экономического развития, этническому составу, социальной стратификации, состоянию этнополитической ситуации, проведению медиаполитики, развитию медиапространства и использованию коммуникационных ресурсов в этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

Настоящее исследование включает взаимосвязанные общенаучные принципы анализа (объективность, научный подход, комплексность, ранжирование факторов и т. д.), теоретико-методологический инструментарий оценки политических процессов в современной политологии и других социально-гуманитарных науках.

Известно, что политические процессы в полиэтничном регионе отличаются сложным переплетением и столкновением традиционных и современных реалий[41], с учетом этих обстоятельств настоящее исследование основано на сочетании исследовательских подходов и методов в русле неоклассической концепции. Такой подход подход позволяет решить исследовательские задачи и рассматривать этнополитические коммуникации как гибридные – сложные, нелинейные, многомерные, многоуровневые, непредсказуемые социальные явления, основанные на синтезе различных

[41] *Барбашин М.Ю.* Столкновение традиционализма и постмодерна в современных этнополитических процессах транзитивного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т.11. – № 2. – С.168-178.

способов общения. Данный методологический конструкт базируется на теории информационного общества М. Кастельса, теориях межкультурной коммуникации М.М. Бахтина, Дж. Мида, С. Тиинг-Туми и А. Куроги; теории социального конструировании реальности П. Бергера и Т. Лукмана; теории коммуникативного действия М. Вебера; интегративной теории Ю. Хабермаса; теории массовой коммуникации Д. Маккуэйла; теории медиакоммуникации Н. Лумана; теории контролируемой коммуникации Дж. В. Бертона и культурологической теории коммуникации Г.М. Маклюэна, теориях и моделях политической коммуникации (одноступенчатая модель коммуникации Г.Д. Лассуэлла; двухступечатая модель коммуникации П. Лазарсфельда, Б. Берельсона и Х. Годэ; нормативная модель К. Новака и К. Варнерида; теория полезности и удовлетворения потребностей Э. Каца, теория установления повестки дня Д. Шоу и М. Маккомбса), политико-социокультурном подходе (Г. Алмонд, Ю. Хабермас, К.С. Гаджиев, Ю.В. Ирхин, С. Липсет, А.И. Соловьев, С.А. Шомова) и сочетании современных концепций этничности, которые в настоящее время не рассматриваются учеными как взаимоисключающие [42] . Теоретическим обоснованием концепции исследования являются идеи понимающей исторической социологии М. Вебера, социальной психологии Дж. Мида и феноменологии жизненного мира А. Щютца. Необходимость признания права человека на коммуникацию, провозглашенного Ж. Д`Арси, дополнена разработанной Ф.И. Шарковым теорией эгалитарной коммуникации, предполагающей предоставление равного доступа к различным коммуникационным каналам, а также возможности высказывания в масс-медиа, а также направления в СМИ любых точек зрения, не противоречащих конституционным нормам. Такой методологический конструкт позволяет изучать этнополитические коммуникации как на основе разноуровневого и

[42] *Тишков В.А.* О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головневу) // Этнография / ETNOGRAFIA. – 2023. – № 1 (19). – С. 6–25; *Паин Э.А.* Конструктивизм и примордиализм: взаимодополняющие методологии в этнологии и социологии // Общественные науки и современность. – 2023. – № 4. – С. 53–67.

разномасштабного видения коммуникативной реальности, так и, синтезируя примордиалистские, инструменталистские и конструктивистские подходы, целостно рассматривать мотивы и особенности взаимодействия акторов этнополитики с учетом взаимосвязи рациональных компонентов и эмоционально-волевых, мифологических, традиционных и этнопсихологических элементов.

Среди основных методов исследовнаия следует выделить качественные и количественные методы. Качественный метод исследования основан на случайной, доступной, целенаправленной выборке и технике «сложного кома». Он использовался для изучения особенностей и стратегий этнополитических коммуникаций, их сравнения, типологизации и выявления тенденций развития. Среди качественных методов особое место занимает метод интерпретивизма, т.е. интерпретации (выступлений, действий, поведения, поступков, решений и т.п.) социальных субъектов и акторов политических процессов в целом, цель которого состоит в том, чтобы понять внутренние мотивы и, соответственно, причины их внешних проявлений.

В основе интерпретативного подхода лежит идея диалогичности, т.е. совместного производства смыслов представителями социума с разной социокультурной идентификацией. В условиях Северного Кавказа диалогичность трансформируется в многоголосие культур, способствуя «включению» этнических общностей в политико-коммуникативные процессы и их позиционированию в мире политики. Осмысление мозаики смыслов и интерпретаций необходимо для понимания полиэтничного социума и выявления специфики этнополитических коммуникаций, их ресурсных возможностей для достижения идентификационных целей современной этнополитики.

Этнографический метод, представляющий собой набор методологических и интерпретативных процедур, позволил автору погрузиться в сферу межэтнических и межконфессиональных отношений полиэтничого региона (в частности, Карачаево-Черкесии) с тем, чтобы

понять особенности коммуникативных аспектов этнической мобилизации, солидарных политических практик и технологии управления культурным разнообразием.

Для изучения количественной определенности этнополитических контактов применялся количественный метод анализа, который был основан на случайной статистической кластерной выборке в зависимости от конткретных исследовательских задач.

Данное диссертационное исследование основано на принципах рациональности, функциональности и диалектического подхода. Автором использованы сравнительно-сопоставительный, исторический и социологический методы исследования (анкетирование, «включенное наблюдение», невключенное наблюдение), рационально-рефлексивный подход. С их помощью этнополитические коммуникации рассмотрены как исторически развивающийся социальный феномен, характеризующийся рационализацией рефлексии и плюрализмом позиций коммуникантов. Системообразующими методами диссертационной работы являются контент-анализ, дискурс-анализ, нарративный анализ, концептологический анализ, факторный анализ, кейс-метод, а также методы координированного управления смыслами и метод анализа культурных значений и смыслов, которые важны для изучения процессов коммуникации в мире политики.

Автором также использован нормативно-ценностный подход, с помощью которого оценка эмпирических фактов осуществляется с точки зрения их воздействия на состояние этнополитической деятельности государственных институтов и СМИ, принципов и ценностей коммуникантов.

Эмпирическая база исследования. Полипарадигмальный подход предопределил характер и инструментарий исследования. Важнейшими источниками являются официальные документы органов государственной власти, изданные в исследуемый период. В процессе исследования были использованы материалы документооборота Администрации Президента

Российской Федерации, Аппарата Правительства Российской Федерации, нормативные акты органов региональной власти на Северном Кавказе, в которых регламентирована политика государства в сфере политической коммуникации и этноконфессиональных отношений. Отдельную категорию источников составляют стратегические и программные документы общероссийского и регионального уровней, также включающие положения о коммуникативных аспектах этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества на Северном Кавказе.

Обширный массив исследовательского материала привлечен из анализа средств массовой информации (интернет-СМИ, социальных медиа, мессенджеров и т.д.), ориентированных на освещение актуальных вопросов этнополитики на Северном Кавказе в исследуемый период. Их отбор осуществлялся исходя из таких критериев как: государственные/ негосударственные СМИ, территория распространения, периодичность, доступность, востребованность целевой аудиторией. Опубликованные в СМИ материалы по этнополитической проблематике и взаимодействию акторов этнополитики содействовали многостороннему изучению рассматриваемого феномена.

Автором использовались справочники и статистические материалы, сборники документов, доклады и другие информационные материалы государственных и гражданских институтов.

Некоторые эмпирические данные, выводы и обобщения составлены на основе «включенного» и невключенного наблюдения, авторских социологических опросов. В процессе подготовки диссертации автор обращался к опыту работы в руководстве Управления пресс-службы Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики, что помогло обосновать некоторые выводы, связанные с участием государственных информационных служб в этнополитических коммуникациях. При этом автор использовал ряд аналитических инструментов осмысления указанного опыта: учет этнического фактора в госуправлении как возможный инструмент

предупреждения межэтнической напряженности в условиях полиэтничности; пропаганда позитивных практик межэтнического взаимодействия как инструмент укрепления единства российской нации; влияние на информационную политику государственных СМИ по проведению современной политики нациестроительства в Российской Федерации.

Наряду с этим анализировались материалы социологических служб России и исследовательских проектов, реализованных в ФНИСЦ РАН, Институте этнологии и антропологии РАН, Институте Востоковедения РАН, включая и те, в которых отмечено участие автора настоящей работы.

Достоверность результатов диссертационного исследования и их обоснованность обусловлены:

● использованием качественных эмпирических материалов и авторских исследований, проведенных с соблюдением принципов репрезентативности выборки и научной объективности;

● критическим анализом полученных результатов на основе существующей теоретико-методологической конструкции с тем, чтобы выявить особенности политико-коммуникативных процессов в этнокультурной среде СКФО;

● корреляцией результатов исследования с научными данными ведущих исследовательских институтов.

Научная новизна исследования. Автор впервые предпринял попытку обосновать отличительные особенности этнополитических коммуникаций в региональном преломлении, их теоретическую и практическую значимость для стабилизации этнополитической ситуации в северокавказском регионе, реализации концепции современного нациестроительства и пространственного развития субъектов, входящих в состав Северо-Кавказского федерального округа. В диссертационной работе представлены сущностные характеристики, структура, типология и особенности этнополитической коммуникации на Северном Кавказе, включая

коммуниативные стратегии и новые тенденции развития политико-комуникативных процессов.

В процессе проведенного научного исследования получены следующие результаты:

– доказана актуальность авторской традиционалистской концепции этнополитической коммуникации, в связи с чем уточнены и сформулированы базовые для исследования понятия этничности, культурно-коммуникативной этносоциальной среды в теоретическом и практическом аспекте;

– предложено авторское понимание этнополитической коммуникации как особого типа общения, ассоциированного с этничностью, в ходе которого происходит обмен смысловой информацией с целью достижения политического влияния, сотрудничества, интеграции;

– раскрыты институциональный, материальный и технический компоненты этнополитических коммуникаций, их универсальные и уникальные черты;

– предложена авторская типология коммуникативного действия акторов этнополитики;

– обобщены и систематизированы сущностные характеристики этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе, на основе которых автором представлена их типологизация;

– выявлены отличительные особенности коммуникативной деятельности акторов этнополитики на Северном Кавказе, обусловленные социокультурными факторами, гибридизацией и исторической направленностью коммуникаций, трансформацией этнокультурного кода;

– установлены специфика и тренды этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе;

– проанализированы особенности стратегий этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе;

– выявлена взаимосвязь между дистрибуцией этнической информации и оптимизацией этнополитических процессов в северокавказском регионе;

– выявлена роль СМИ в политико-коммуникативных процессах полиэтничного северокавказского региона;

– проанализирован коммуникативный аспект практической реализации концепции национального строительства на Северном Кавказе;

– рассмотрены основные направления в сфере регулирования коммуникативной деятельности акторов этнополитики в северокавказском регионе;

– выявлены проблемные аспекты этнополитических коммуникаций в северокавказском обществе, выражающиеся, в том числе, в чрезмерной актуализации этнической составляющей социальных коммуникаций на Северном Кавказе, вызывающей нежелательное этническое соперничество;

– сформулированы обоснованные рекомендации для оптимизации политико-коммуникационных процессов в полиэтничном регионе.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Этнополитические коммуникации на Северном Кавказе исторически складывались под воздействием ряда факторов, среди которых особо выделяются: 1) политическое взаимодействие северокавказских обществ с центральной властью, принимавшее в различные исторические периоды черты как позитивного сотрудничества, так и открытого противостояния; 2) факторы административно-территориального и национально-территориального деления Северного Кавказа, обусловившие специфику межнациональных (межэтнических) отношений в регионе в советский и постсоветский периоды; 3) факторы распространения этнического национализма и религиозного фундаментализма в постсоветский период, оказывающие влияние на рост межнациональной (межэтнической) напряженности и противоречий в регионе.

2. Этнополитические коммуникации в современном северокавказском обществе следует идентифицировать как разноуровневое и многомерное явление со свойственными этнополитическими, социокультурными и историческими характеристиками. Конфигурации этих элементов

определяют тип, масштабность, значимость и эффективность политических контактов, устанавливаемых для решения этнополитических задач.

3. Коммуникации в пространстве власти постоянно воспроизводят ситуации, требующие от акторов политики выбора тех или иных каналов/способов трансляции и вместе с тем презентации политических интересов. Оказываясь в ситуации выбора, этнополитические группы или отдельные их представители осознанно используют те каналы трансмиссии информации, модели и смыслы которых вписываются в традиционные для северокавказского социума этнополитические интересы.

4. Традиционные методы социального взаимодействия лежат в основе политических контактов акторов этнополитики. Коммуникативный эффект взаимодействия в регионе имеет прямую зависимость от моделей поведения коммуникантов, способности адекватного понимания/интерпретации процесса политического коммуницирования.

5. Коммуникативная деятельность акторов этнополитики на Северном Кавказе имеет противоречивый характер и отличается ситуативностью на фоне устойчивости этнической идентичности. В практической плоскости сохранение этого тренда позволяет рассматривать этнополитические коммуникации как жизнеспособный инструмент объяснения политических процессов в северокавказской среде.

6. Медиавзаимодействие акторов этнополитики на Северном Кавказе имеет некоторую уязвимость с точки зрения существующих вызовов информационного общества и их влияния на укрепление единства российской нации. Сохраняющиеся в регионе проблемы (социальные, технологические и культурные) замедляют процесс модернизации политических медиакоммуникаций и функционирование этнополитической информационно-коммуникативной системы.

7. Распространение этнической информации в условиях развития информационного общества, гибридизации политических коммуникаций сопряжено с определенными рисками, способными дестабилизировать

этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе. Использование проективного подхода к управлению политическими коммуникациями с учетом этих трансформаций и на основе эмпирических данных позволит оптимизировать этнополитическую деятельность власти, СМИ и гражданского общества.

8. СМИ, несмотря на то, что они играют особую роль в современных общественно-политических процессах и являются основным каналом распространения этнической информации, не обладают достаточным кратологическим потенциалом, позволяющим идентицировать масс-медиа как единственный доминирующий актор политических процессов. СМИ на Северном Кавказе в не полной мере используются как инструмент формирования общественного мнения, конструирования выгодных для власти политических отношений и выстраивания моделей коммуникаций, необходимых для управления культурным разнообразием.

9. Стратегии этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе интегрируют элементы медийных, политических и этнополитических коммуникационных кампаний. Однако иногда этнокоммуникации отличаются зависимостью от культурно-политического контекста, ситуативностью, фрагментарностью, недостаточно продуманной стратегией. В этих случаях такая спонтанность способна привести к обратному эффекту, поставив под сомнение общественную легитимность всей политической кампании.

10. Сохранение межнационального (межэтнического) мира и согласия на Северном Кавказе возможно при доминантном воздействии диалогических коммуникативных кампаний, учитывающих этнокультурные особенности и этнополитические интересы участников политико-коммуникативных процессов. Стратегии этнонационализма и этнополитического дистанцирования, наоборот, способствуют созданию межэтнической напряженности, что в условиях Северного Кавказа, проведения СВО, военных действий в приграничных территориях страны,

внешней военно-политической агрессии, представляет большую угрозу для национальной безопасности России.

11. Межнациональный (межэтнический) мир на Северном Кавказе – одна из главных ценностей, однако его сохранение требует выбора научно-обоснованной модели управления политико-коммуникативными процессами, учитывающей особенности протекающих региональных политических процессов.

12. В условиях существующих информационных вызовов и угроз единству народов России увеличилась значимость реализации государственной национальной (этнической) политики, основанной на идеологии гражданского национального строительства. Приоритетом политико-коммуникативной управленческой деятельности на Северном Кавказе должно быть информационное обеспечение государственного управления с учетом этнополитической ситуации в регионе, проведения СВО, военных действий в приграничных территориях страны, внешней военно-политической агрессии.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в возможности использования полученных результатов для: дальнейшего изучения феномена этнополитической коммуникации, углубления научных знаний о коммуникативных аспектах этнополитической деятельности власти, ее взаимодействия со СМИ и обществом, совершенствования механизмов и технологий этнополитического сотрудничества, интеграции используемых ресурсов при реализации современной этнополитики, укрепления единства российской нации посредством коммуникативных стратегий и современных технологий коммуникации.

Материалы настоящего диссертационного исследования могут быть использованы в практической политической деятельности по гармонизации этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе, преподавании

дисциплин «Политические коммуникации», «Этнополитология», «Политическая регионалистика» и т.д.

Апробация работы. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите кафедрой теоретической и прикладной политологии факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Историко-архивного института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет».

Текущие результаты исследования периодически обсуждались на научно-практических конференциях разного уровня, на которых автор работы выступала с докладами[43].

Основные положения диссертации изложены в двух научных монографиях: «Политико-коммуникативные процессы в полиэтничном регионе» (Карачаевск – Черкесск: Изд-во КЧГУ. – 2016.), «Этнополитические коммуникации на Северном Кавказе в современных условиях» (М.: Наука

[43] II-я Международная научно-теоретическая конференция «Коммуникативные стратегии информационного общества». СПб., СПбГПУ, 2009; Всероссийская научно-практическая конференция «Россия в процессе модернизации: социально-политические аспекты». г. Армавир, АГПУ, 2010; V Международная конференция Росскийской коммуникативной ассоциации «Коммуникативное пространство: измерения, пределы, возможности». г.Тверь, ТГУ, 2010; IV Международный научный форум «Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия». г.Геленджик, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, 2015; Всероссийская научно-практическая конференция «Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе». Махачкала, ДГУ, 2016; Ежегодная конференция РАПН «Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития». Москва, РАНХиГС, 2016; VIII Всероссийский конгресс политологов «Политика развития, государство и мировой порядок». Москва, МГИМО МИД России и Финансовый университет при Правительстве РФ, 2018; Всероссийская научная конференция «Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы». Москва, РГГУ, 2018; IERI International Conference on Economics Management Applied Sciences and Social Science (EMAS 2019). 2019. Santiago, Chile; VII Международная конференция «Развитие коммуникологии: журналистика и медийная практика». 18-19 апреля 2019 г., Москва, РАНХиГС; Международная научно-практическая конференция «Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России». Майкоп, АГУ, 23-25 мая 2019 г.; Международная научно-практическая конференция «Современная коммуникативистика в исследовательских стратегиях социально-гуманитарного знания». Саратов, СГУ, 3 апреля 2019 г.; Всероссийская научная конференция с международным участием «Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы», 18-19 октября 2019 г. Карачаевск, КЧГУ; Международная научно-практическая конференция «Современная коммуникативистика в исследовательских стратегиях социально-гуманитарного знания». 7 апреля 2020 г. СГУ им. Н.Г. Чернышевского; Всероссийская научная конференция «Основные тенденции развития экономики и управления в современной России». 15-16 октября 2021 г., КЧГУ, г.Карачаевск; Международная научно-практическая конференция «Религия, религиозные организации, стратегии и практики дерадикализации: гендерный аспект», 24-25 июня 2022 г., Махачкала; Всероссийская научно-практическая конференция «Россия в новых измерениях: единство и многообразие», 2023, Москва: РГГУ; Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие в условиях глобальных трансформаций», 25 октября 2024 г., Москва: РГГУ; X Всероссийский конгресс РАПН с международным участием. Москва, МГИМО МИД России, Финуниверситет, 5–7 декабря 2024 г. и др.

сегодня. – 2019). Ряд аспектов заявленной темы рассматривается в коллективных монографиях[44], где автор диссертации выступала в качестве члена авторского коллектива. Вместе с тем основные результаты исследования нашли отражение в международных научных изданиях[45], ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК России, в сборниках научных статей и тезисах материалов научно-практических конференций.

Отдельные результаты диссертационного исследования использовались автором в научно-исследовательской деятельности, во время работы в Управлении пресс-службы Главы и Правительства Карачаево-Черкесской республики (2010–2013 гг.), в Экспертном совете по оценке качества контрпропагандистких материалов при Межведомственной рабочей группе по противодействию идеологии терроризма в Карачаево-Черкесской Республике (2014–2016 гг.), в Совете по развитию гражданского общества и правам человека при Главе КЧР (2016–2021 гг.), в общественно-политической деятельности в качестве члена Центрального совета Карачаево-Черкесской региональной общественной организации «Карачай Алан Халкъ» (с 2014 г. по настоящее время).

Структура диссертационного исследования. Диссертация включает введение, четыре главы, состоящие в совокупности из 13 параграфов, заключение и список источников и использованной литературы, приложения.

[44] Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе [Текст] / [Атанова С. А., Воронов Д., Джантеева Д.С. и др.; ред. колл.: А.Н. Аликберов (отв. ред.) и др.]. – М., 2017; Российский Кавказ: Проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М, 2015; Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики : опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Тишков В. А., Степанов, В. В.. Аккиева С. И. [и др.]. – М., 2018.

[45] IERI International Conference on Economics Management Applied Sciences and Social Science (EMAS 2019).

Глава 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ

1.1. Концептуализация политической субъектности и коммуникативной сущности этничности

В условиях медиатизации политики[46] и усиливающегося воздействия медиа на политические процессы, этнические интеграционные и мобилизационные стратегии характеризуются неоднозначными трансформациями в плане использования и доступности новейших информационно-коммуникационных технологий[47]. Медиа стимулируют как внутриэтническую интеграцию, так и межэтническую дифференциацию, с одной стороны, как бы способствуя развитию коммуникаций, с другой стороны, подчеркивая межэтнические различия[48]. Эти различия в силу объективных причин, связанных с динамикой общественно-политических отношений и неравномерным развитием этнических общностей, не остаются неизменными.

Кроме того, в современном мире наблюдается распространение националистических идей, которые используются многими политически непризнанными или неудовлетворенными этническими сообществами посредством новых каналов массовой коммуникации и тех политических возможностей, которые могут предоставить массовой националистической легитимизации непрекращающиеся межгосударственные конфликты[49].

---

[46] *Рябова Е.Л., Сулейманова Ш.С.* Новые медиа и современные политические процессы // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 6 (96). – С. 9-29.

[47] *Eriksen T.H.* Nationalism and the Internet // Nations and Nationalism. – 2007. – Vol. 13. – № 1. – P. 1–17. – DOI:10.1111/j.1469-8129.2007.00273.x.

[48] *Бромлей Ю.В.* Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. – 1988. – № 7. – С. 16–28.

[49] *Хатчинсон Дж., Смит Э.* Национализм // Контексты современности – II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и ред. С.А.Ерофеев. – Казань, 2001. – С.115.

Культурная сложность современных наций[50], рост влияния медиа в современном мире[51] и гибридизация этнополитических контактов требуют проведения научных поисков и концептуального осмысления этничности как социально-политического феномена и коммуникативной категории. Кроме того, вопросы о природе этничности и роли этнического фактора в политико-коммуникативных процессах продолжают вызывать исследовательский интерес в силу сохранения дискуссионного характера и политической актуальности. В данной связи мы рассмотрим социально-политический и коммуникативный аспекты дискурса этничности и нации в разных научных направлениях.

Разносторонние теоретико-методологические подходы к анализу концептов «этничность» и «нация» предопределяются их сложностью и многомерностью. Термин «этничность», который прочно вошел в научный оборот в XX в., образуется от слова «этнос» и обозначает этническую принадлежность отдельного индивида или определенной группы. Относительно близким по смысловому значению к термину «этничность» является понятие «этническая идентичность», которая обозначает отождествление отдельного индивида или определенной группы лиц с конкретным этническим сообществом. В новейшей отечественной справочной литературе термин «этничность» встречается редко, в то время как «этнос» интерпретируется, преимущественно, с позиций эволюционно-исторического и социобиологического направлений примордиалистского подхода. При этом отмечено, что в зарубежной науке термин «этнос» менее употребителен, а в своих исследованиях зарубежные ученые предпочитают использовать термин «нация» [52] . Насколько нам известно, случаи отождествления этноса и нации зарубежными учеными крайне редки, хотя

[50] Культурная сложность современных наций / отв.ред. В.А. Тишков, Е.И.Филиппова. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Михлухо-Маклая РАН. – М., 2016. – С.6.

[51] *Сулейманова Ш.С.* Роль новых медиа в современном мире // Трансформация медиасреды в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Д.В. Неренц. – М.: 2019. – С.432-439.

[52] Словарь по обществознанию / Ю.Ю. Петрунин, М. И. Панов, Л.Б. Логунова и др.; под ред. Ю.Ю. Петрунина. – 3-е изд. – М., 2006. – С.276.

имеются серьезные научные труды, в которых прослеживается связь между этими социальными феноменами.

В достаточно известной работе Э. Смита «Этнические корни наций» показана историческая связь между современными нациями и существовавшими в древности этническими общностями (ethnie). Автор их представляет как этносы, которых объединяют идеи совместного устройства жизни и бытия, принадлежности к определенному племени через укрепление и использование общих семейных связей[53]. У Э. Смита определения нации и этнической общности тесно связаны между собой. Это означает, что современные нации возникли на основе ранее существовавших этнических общностей. Очевидно, что существовавшие взаимосвязи и взаимозависимости способствовали формированию, становлению и развитию рассматриваемых социальных феноменов. Кроме того, нации и этносы имеют схожие черты – определенное название, мифы об общих истоках и общие исторические воспоминания. Вместе с тем нациям свойственны характерные черты – территория с установленными границами или «родина», традиционная/народная культура, единое экономическое пространство и нормированные права и обязанности для каждого[54].

Связь между этносом и нацией порождает новую субстанцию и субъект политических отношений – этнонацию[55]. Как отмечает Р.Г. Абдулатипов, если этнос – это социокультурно-биологический организм, с характерными ему родовыми связями, то этнонация – это в большей степени социокультурно-политическое сообщество, включающее различные этнокультурные и субкультурные образования, а нация в современной интерпретации – это социально-политическая общность, в которой преобладает культура одной из этнонаций, способствуя сотворчеству или

[53] *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. – Oxford, UK., 1986. – P.230.
[54] *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М., 2004. – С.357.
[55] См.: *Мнацаканян М.О.* Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. – М., 2004. – 367 с.; *Солоненко А.А.* Этнонации и нации-согражданства: иммиграционный аспект // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2009. – Т. 151. – Кн. 1. – С.168-173 и др.

подавлению общностей, культур, интеграции или дезинтеграции этнонаций. Иначе говоря, этнос – феномен социально-родовой, социально-культурный, этнонация – социально-культурный, но и социально-политический, нация-государство – преимущественно социально-политический, но с этнонациональными корнями[56].

Очевидно, что границы этих социокультурных, биологических и политических общностей проницаемые, поэтому этносам, этнонациям и нациям присущи субэтнические, субкультурные, региональные, географические и иные различия, которые особенным образом отражаются на самосознании, идентификации и политических действиях этнического индивида и гражданина.

Вопросы о природе этничности и нации продолжают вызывать исследовательский интерес в силу сохранения дискуссионного характера и политической актуальности. Еще с древних времен наблюдается существование различных интерпретаций термина «этнос», с помощью которого дифференцировали и противопоставляли индивидов, социальные и профессиональные сообщества с установлением четких этнических границ для «отграничения» «чужого» от «своего» [57] . Поскольку специфика существования этноса и реализации этнической идентичности в процессе коммуникации предполагает обязательный учет бинарной оппозиции «свой» – «другой», «чужой», «иной» / «мы» – «они», «не – мы», то и понятия «этнос» / «нация» носят референтный характер. Как отмечает В.А. Ачкасов, этничность не может существовать «вне сравнения и вне коммуникации», только в процессе межэтнического взаимодействия этническая группа может проявить свою «индивидуальность» [58] . С этой точки зрения мы можем рассматривать коммуникацию как условие становления собственной социальной субъектности этничности.

---

[56] *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). – М., 2005. – С.107.
[57] *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки неполитической теории. – СПб., 2001. – С.204.
[58] *Ачкасов В.А.* Этнополитология. – СПб., 2005. – С.40.

Дальнейшее исследование феномена «этнос» связано с расширением исследовательского поля и трансформацией смыслового содержания, вследствие чего под этническими общностями/этносом понимались «племена», «народы» и «нации». Ученые их разделяли по разным признакам и критериям, связанным с социобологическими, историко-культурными, экономическими, лингвистическими, географическими, психологическими факторами, устройству жизни и коммуникативному этноповедению индивидов. В различных теоретических моделях примордиалистов, перенниалистов и инструменталистов обнаруживается взаимосвязь между этносом и нацией, формируемая генетическими, межпоколенными, историко-культурными связями. В данном случае коммуникация обеспечивает этническую преемственность, а сеть коммуникаций рассматривается исследователями как основа этнического бытия[59].

Коммуникативная сущность этничности заключается и в ее функциональных характеристиках. Известно, что этничность регулирует коммуникации на индивидуальном и групповом уровне, осуществляет контроль за потоком информации и ее селекцией, может служить коммуникативным ресурсом этномобилизации и т.д. Коммуникативные функции рассматриваются в информационных теориях этничности [60], согласно которым информация и коммуникация определяют «живучесть» этноса, включая его взаимодействие с внешним миром.

В политической науке выделяется несколько основных подходов к определению содержательной части категории «этничность». В.А. Ачкасов выделяет следующие подходы: этничность, рассматриваемая как «осязаемая реальность; этничность, рассматриваемая как общая символическая среда; этничность, рассматриваемая как система принятых всеми поведенческих

[59] *Арутюнов С.А*. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989. – С.17.

[60] *Микиденко Н.Л.* Информационно-символическая природа этнических групп // Идеи и идеалы. – 2014. – № 1 (19). – Т.2 – С.75-80; *Сторожева С.П.* Информационное взаимодействие как механизм социокультурной динамики // Проблемы информологии / под общ. ред. В.З. Когана. – Новосибирск, 2005. – С. 199–214; *Сусоколов А.А.* Структурные формы самоорганизации этноса // Расы и народы. – Вып. 20. – М., 1990. – С. 5-39; *Чебоксаров Н.Н., Арутюнов С.А.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. – Вып. 2. – М., 1972. –С. 8-30.

стереотипов [61] . Рассматривая «этничность» в аналогичном направлении, З.В. Сикевич подчеркивает недостатки всех трех подходов. Она считает, что первый подход ограничивается рамками традиционалистской исследовательской традиции, поэтому он неприменим для анализа модернизированных обществ. Недостаток второго подхода, который основан на единой системе «символов», обнаруживается в том, что с его помощью невозможно объяснить устойчивость и активность этничности при демонтаже этой системной конструкции. Ограниченность третьего подхода проявляется в «сдерживании» этничности в пределах стереотипных поведенческих актов, несмотря на то, что этничность в современных обществах постмодерна выражается в различных стратегиях и моделях поведения, детерминированных объективными социальными обстоятельствами и динамикой стереотипов в процессе исторического развития[62]. Как считает З.В. Сикевич, этничность – это особое статичное, но неодинаковое по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности, сложившееся благодаря биогенетическому и биосоциальному единству и проявляющееся в виде сравнения «нас» с «не – нами» в процессе межгрупповой коммуникации в этническом пространстве [63] . Очевидно, этничность имеет различные вариации и зависимости от социального контекста, изменений биологических, культурных и психологических признаков, как на индивидуальном, так и на групповом и массовом уровне.

Этничность как социально-психологическая категория, не передается генетическим путем, а ее формирование детерминировано социальными факторами. Этничность является устойчивой базовой потребностью человека и группы. С позиций структурализма этничность является реакцией на кризисное состояние структуры, образование новой структуры или трансформаций этнического пространства. В этих условиях адекватным

[61] *Ачкасов В.А.* Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. – СПб., 2012. – С.31.
[62] *Сикевич З.В.* Социально-психологическое содеражание категории «этничность» [Электронный ресурс]. –. URL: http://www.psyhodic.ru/arc.php?page=3234. (дата обращения: 18.11.2024).
[63] *Сикевич З.В.* Этнический фактор в политических процессах современной России… – С.7.

ответом представляется формирование новой этничности, выраженной как принадлежность к этногруппе. В свою очередь, этногруппа формирует разветвленные трансрегиональные сети, обеспечивает внутригрупповую солидарность, осуществляет контроль за лояльностью членов группы, нейтрализует риски этномобилизации. Такой подход вписывается в т.н. «гедонистическую» концепцию этничности («этничность как дом») как коллективного способа преодоления отчужденности. Институционалисты отмечают институциональное преимущество этнической идентификации по сравнению с другими идентичностями и рассматривают этничность как набор этноинститутов, отражающих нормативные представления об этноповедении индивидов[64].

Психологический аспект потребности в этничности включает три компонента: 1) потребность в этнической принадлежности; 2) потребность в позитивной этнической принадлежности; 3) потребность в этнической безопасности[65]. При этом мотивационный фактор потребности в этничности имеет временную и контекстуальную зависимость. К примеру, аффилиативный мотив как стремление к психологической общности с определенной группой значительно усиливается в периоды межэтнических напряжений. На основе сказанного мы можем предположить, что в содержательном плане этничность может рассматриваться как выражение реализовавшейся потребности индивида в установлении этносоциальных связей, что объясняется наличием множества объективных и субъективных факторов.

М.А. Фадеичева классифицирует все политологические концепции этноса и этничности, подразделяя их на три основных типа: натуроцентрический, спиритоцентрический, культуроцентрический. В их основе – фундаментальные компоненты жизнеустройства человека: природа,

[64] *Барбашин М.Ю.* Институциональная теория этничности // Этнографическое обозрение. – 2006. – №3. – С. 112–127.
[65] *Кочетков В.В.* Психология межкультурных различий. – М., 2001. – С.263.

дух и культура [66]. По мнению Л.В. Савинова, особое значение для политологии имеют трактовки этноса, которые основаны на принципах «крови», «территории» и «языка». Автор объясняет это исключительным значением представлений об общности этногенеза, территории и родного языка для культурной и политической мобилизации[67].

Этническая мобилизация рассматривается исследователями как процесс трансформации этничности из социокультурного фактора в политический ресурс, используемый в целях изменения или стабилизации сформировавшейся в обществе структуры с неравным этностатусным положением[68] и распределением власти. И в этом случае фиксируется прямая связь между этнополитической мобилизацией, факторами формирования и структурой этнической идентичности. Известно, что уровень этнополитической мобилизации сознания обнаруживается на основе соответствия в структуре группового «Я-образа» частных и этнополитических составляющих [69]. Неслучайно зарубежные теоретики советуют рассматривать сущность этноса и этничности в терминах, соответствующих психологическим методам познания действительности[70].

Несмотря на существование множества толкований категорий «этнос», «этничность» и «нация», спорными остаются вопросы, связанные с их содержанием и целесообразностью синонимичного употребления в политических исследованиях и политических практиках. Кроме того, в отечественной научной литературе на протяжении последних 30 лет продолжаются дискуссии о соотношении этих научных категорий. Высказываются противоречивые мнения об употреблении понятия «этнос» в контексте современных социально-политических реалий и достижений

[66] *Фадеичева М.А.* Этнополитические концепции этнонациональных общностей и индивидов (теоретико-методологический анализ): автореферат дис… д-ра полит. наук: 23.00.01. – Екатеринбург. 2004. – С.11.
[67] *Савинов Л.В.* Региональная этнополитика в условиях социального транзита: на примере Сибирского федерального округа: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.05. – М., 2013. – С.33.
[68] *Rothschild J.* Ethnopolities: A conceptual framework. – New York, 1981. – P. 2.
[69] *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. С. 37.
[70] *Hale H.E.* Explaining Ethnicity // Comparative Political Studies. – 2004. – №1. – Vol. 37. – № 4. – P. 458–485.

западной научной мысли, которая рассматривает этнос как архаичный феномен, не встраиваемый в картину мира эпохи модерна[71] и постмодерна.

Отдельные примеры из современной жизни людей европейского континента и вовсе свидетельствуют об отсутствии этнической идентичности у населения, проживающего в этноконтактных зонах[72]. Поэтому термин «безэтничность», относящийся к первобытной эпохе с доминированием региональной идентичности[73], в XXI в. приобретает новые очертания. И если отсутствие этнической идентичности уже свершившийся факт нынешней эпохи, подвергающийся научной рефлексии, то «представление о человеке без нации с трудом укладывается в современном сознании»[74].

Как видим, определенные основания для того, чтобы распрощаться с этносом, все же имеются. Поэтому ряд отечественных ученых, включая академика В.А. Тишкова, использующего категории «этнические формы человеческих коалиций» / «этнокультурная общность»[75], солидаризировались с распространенной в западной цивилизации идеей о смерти этноса как социального организма. Но, как отмечает Р.Г. Абдулатипов, слух о смерти этноса под воздействием современных глобализационных процессов, оказался преждевременным[76]. Напротив, многочисленные эмпирические исследования и современные этнополитические процессы подтверждают мысль о том, что современный этнос не «ассимилируется» и не интегрируется в глобальную «мультикультурную» среду, демонстрируя устойчивость этнической идентичности[77]. Поэтому не говорить об этносах мы не можем. К примеру, В.А. Тишков в указанной работе пишет о роли

---

[71] *Панов П.В.* Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М., 2011. – С.97.

[72] *Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю.* Этническая идентичность на пограничье культур: По материалам обследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. – СПб., 2007. – С.11.

[73] *Крюков М.В.* Социальное и этническое: проблемы соотношения // Расы и народы. – 1992. – Вып. 22. – С.5-25.

[74] *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М.. – С.11.

[75] *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – С.54.

[76] *Абдулатипов Р.Г.* О перспективах человека, этноса и нации // Философия и практика этнического многообразия и единства России: Материалы всероссийской научной конференции / под ред. М.И. Билалова. – Махачкала, 2017. – С.12.

[77] *Сафонов А.Л., Орлов А.Д.* Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. – СПб., 2017. – С.63.

этнокультурных общностей в формировании государства, подчеркивая, что «в отечественной традиции их (т.е. этнокультурные общности – Д.Д.) часто называют народы и этносы»[78]. На основе анализа научной литературы Б.Е. Винер выделил следующие формы этничности:

– классическая этничность (этнос);

– этническая непрерывность как неклассическая форма этничности;

– безэтничные группы;

– символическая этничность;

– мультиэтничность;

– сдвоенная этничность;

– квазиэтничность[79].

Современная исследовательская традиция и политическая практика в России сопровождаются распространением идентичного употребления категорий «этнос», «этничность» и «нация».

Спорное восприятие и амбивалентный смысл нации характеризуются тем, что она может рассматриваться исследователем и как политический факт, и как совокупность граждан определенного государства, и как общность, со свойственными им характеристиками, или же – как общность, объединенная единым чувством и самосознанием, иногда просто как фантом[80]. В основном нация рассматривается учеными как политическая или этническая (этнокультурная) категория.

В исследовательской традиции, рассматривающей нацию как политическое образование, она выступает как инструмент реализации целевых установок мобилизационных и консолидирующих стратегий гражданских или этнических сообществ, направленных на обретение ими

[78] *Тишков В.А.* Реквием по этносу… – С.54.

[79] *Винер Б.Е.* Формы этничности, бывает ли у этничности сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. – URL: http://www.old.jourssa.ru/2005/2/6aViner.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

[80] *Лурье С.В.* Национализм, этничность, культура. Катекгории науки и историческая практик // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С.101.

суверенного статуса, власти и подключения к ресурсам [81] . Нация предполагает не только синтез входящих в него элементов (территориального, этнического, культурного, психологического и экономического), но и образуется в тесной связи с формированием единого рынка на определенной этнической территории. Нация может включать представителей различных народностей, отличающихся культурной самобытностью. Иначе говоря, нация полиэтнична[82], поэтому этничность не всегда характеризует принадлежность этнического индивида к определенной нации. К примеру, можно быть этническим казахом и идентифицировать себя с российской нацией. Однако актуализация и/или трансформация той или иной этнической, национальной, этнополитической идентичности в конкретной социальной ситуации может быть способом или следствием политической манипуляции, широко используемой в политико-коммуникативных процессах. Первый случай связан с инструментализацией этничности этническими антрепренерами, а второй – с воображением политически комфортной, безопасной и выгодной идентичности. Ситуационная трансформация этничности может быть добровольной, вынужденной или принудительной. Репертуар инструментализации и воображения этничности зависит как от этнополитических целей, так и от диапазона рациональных возможностей в актуальной ситуации. В любом случае, подобная этнополитическая активность националистов может быть значительно ограничена в результате адекватной политики нациестротельства.

Одним из ключевых направлений общественно-политической трансформации России является укрепление российской (гражданской) нации как государственной общности. Это отражается в научном и

[81] *Тишков В.А.* Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций. – М., 2016. – С.9.
[82] *Баранов Н.А.* Нация как субъект политической коммуникации: современный опыт России // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: сб. статей. – СПб., 2007. – С.54–60.

политическом дискурсах [83] , а также в официальных стратегических документах страны. Успешные примеры современного нациестроительства демонстрируют французы и англичане, оформившиеся как нации после образования национальных государств.

Этническое толкование нации основано на каузальных связях с политико-правовыми, историческими и культурными факторами, без которых невозможно формирование нации. Сторонники этого подхода отождествляют нацию и этнос, полагая, что нации являются органичными социальными (социокультурными или биосоциальными) образованиями, которые формируются независимо от воли отдельных индивидов в процессе исторического развития общества. По мнению Н.П. Медведева, нация – это этническое сообщество, сформированное на основе общности языка, территории, культуры, национального самосознания, которое имеет право на самоопределение, национально-территориальную и культурную автономию[84]. Примерами этого порядка могут быть немецкая и итальянская нации.

Концепт «нация» представляет собой сравнительно позднее образование, оформившееся в XIX веке в виде двух моделей: французской и немецкой. Согласно Э. Ренану, французская модель соответствует пониманию нации как гражданского сообщества (государства), сформированного на основе политического выбора и гражданского родства (nation-state). По Э. Ренану нация – это «ежедневный плебисцит» [85] . Своеобразной реакцией на французскую модель нации была модель немецких романтиков, ассоциированная с «голосом крови» и «почвы». Немецкая модель нации представляет собой органическую общность, связанную общей культурой и национальным (этническим) языком. В настоящее время в научной литературе можно встретить упоминания

[83] *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения, 2015. – №11. – С.95.
[84] *Медведев Н.П.* Этнос, нация и политика // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2012. – №2. – С.31.
[85] *Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. – Киев, 1902. – Т. 6. – С. 87–101.

«западной» и «восточной» моделей общества, или гражданской (территориальной) и этнической (генетической) моделей нации[86].

Отсутствие в мировой науке общепринятой дефиниции нации, подчеркивает сложность определения ее структуры и пространственно-культурных границ. Одной из ключевых задач остается вопрос о том, когда именно коллективизм (collectivity) становится нацией? [87] . При этом онтологический взгляд на нацию как на реально существующую субстанцию, разделяется представителями разных исследовательских направлений. Примордиалисты выделяют исторические корни, древность происхождения и особую духовную силу национальных чувств, национальной идеи, национального характера. Сторонники модернизма и конструктивизма рассматривают нацию как результат социально-политического развития общества и индустриализации, как результат роста коммуникационных и транспортных сетей, как результат интеграционной политики государства, соответственно, нация является продуктом человеческой деятельности и именно государство образует нацию, а не, наоборот [88] . С позиции субстанционного подхода нация представляет собой реально существующий социальный конструкт. Наряду со свойственными нации объективными характеристиками (язык, религия, общность происхождения, соотнесенность с территорией и т.д.), выделяются и такие субъективные факторы как, например, общий миф, историческая память или самосознание. На этом основании сторонники «субъективного подхода» опираются на представление самой группы о своей истории и культуре, считая ее отличительной чертой, характеризующей нацию, этническую солидарность.

Постмодернистские подходы актуализируют проблемы фрагментарности, эфемерности, гибкости и четкости национальных границ.

---

[86] *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации. – М., 1996. – С.19.

[87] *Greenfeld L., Eastwood J.R.* Nationalism in Comparative Perspective // The Handbook of Political Sociology / eds.: T. Janoski, R.R. Alford, A.M. Hick, M.A. Schwartz. – Cambridge, Mass., 2005. – P.265.

[88] *Кокшаров Н.В.* Этничность. Этнос. Нация. Национализм [Электронный ресурс] // CREDO NEW. – 2002. – №4. – URL: http://credonew.ru/content/view/305/27 (дата обращения: 18.11.2024).

Сторонники этого подхода рассматривают нацию как семантико-метафорическую категорию с присущей ей эмоционально-политической легитимностью, но не являющейся научной дефиницией. При этом национальное как коллективно разделяемый образ, и национализм, как политическая идеология и практика, могут получить распространение и без признания нации, как реально существующей общности [89]. Следуя этой логике, У. Коннор определяет нацию как группу людей, которых объединяет вера в общее происхождение. По его мнению, суть нации сложно понять, так как она неуловима, и представляет собой психологическую связь между членами нации, которая объединяет их, отличая от других[90]. Конечно, это не может означать отрицания нации как реально существующего социально-политического феномена. Процесс нациестроительства предполагает существование социальных реальностей, в том числе культурных, этнокультурных и этнических компонентов, исторического опыта групп и отдельного индивида. К примеру, основатель концепции нациестроительства Э.Геллнер важнейшим фактором в становлении нации считал наряду с индустриализмом, культуру, культурные различия, «определяющие и порождающие современные нации»[91].

В процессе концептуализации этничности и нации высвечиваются разнородные связи между этническими, национальными и политическими категориями, образующими различные комбинации и новые идентичности. Этничность может быть культурной, экономической или политической и проявляться соответствующим образом в конкретных ситуациях[92]. С. Энлоэ считает, что этничность является определяющим фактором формирования политического аппарата – государства. По ее мнению, на стадии планирования государственной политики, особенно когда речь идет об обеспечении безопасности, функционеры власти мыслят этнически [93].

[89] *Тишков В.А.* Этнология и политика. – М., 2001. – 240 с.
[90] *Connor W.* Ethonationalism: The Quest for Understanding. – Princeton, NJ, 1994. – P. 91–92.
[91] *Геллнер Э.* Указ.соч. – С.19.
[92] *Nash M.* The cauldrou of ethnicity in the modern world. – Chicago, 1989. – P.127.
[93] *Enloe C.* Police, military and ethnicity: foundation of state power. – New Brunswick, 1980. – 179 p.

Вероятно, аналогичный формат мышления лежит в основе практической реализации так называемого принципа этнического квотирования при подборе управленческих кадров. В этом случае можно вести речь о том, что этническая принадлежность может выступать, с одной стороны, в качестве социального барьера, с другой – служить социальным ресурсом[94].

В целом стоит отметить, что многие исследователи рассматривают нации как продукт, как результат исторического развития и социально-политической деятельности индивидов. Нации не существовали изначально и не являются обязательным предварительным условием жизнеобеспечения и/или эволюции человечества. Но с момента появления нации становятся необходимым условием существования человека, а процесс их формирования становится важнейшей государственной задачей. В процессах «национального формирования» и «национального строительства» ведущая роль принадлежит национализму, который понимается в широком смысле как целенаправленное взаимодействие политико-идеологических сил [95] и ассоциируется с такими понятиями, как интернационализм, космополитизм, ксенофобия, национальные предрассудки, нация, расизм и этноцентризм[96]. При этом, однако, допускается существование и позитивного национализма[97].

Исследователи отмечают политизированность измерения этнической идентичности в разных странах и невозможность использования одного и того же подхода для изучения нации в разных государствах[98]. В немалой степени это объясняется политической ситуацией и распространенными идеологемами. Именно имеющиеся различия в концептуализации этноса,

---

[94] *Григорьева К.С.* Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. – 2017. – № 1. – С.82-83.

[95] *Козлов Д.В.* Нации и национализм: возможности теоретического осмысления. – Иркутск, 2013. – С.8.

[96] Национализм [Электронный ресурс] // Философия: информационно-поисковый тезаурус / сост.: Е.В Магай, Р.Р. Мдивани; научн. ред.: Р.Р. Мдивани, Ю.Ю.Чёрный. – М., 2019. – С.141. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/3605/tezaurus_filosofiia.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

[97] Позитивный национализм [Электронный ресурс] // Там же. – С. 386. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/3605/tezaurus_filosofiia.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

[98] *Connelly R., Gayle V., Lambert P.S.* Ethnicity and ethnic group measures in social survey research [Electronic resource] // Methodological Innovations. – 2016. – Vol. 9. – P. 7. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2059799116642885 (date of access: 18.11.2024).

нации и этничности обусловили появление таких направлений как примордиализм, конструктивизм и инструментализм, в рамках которых интересующие нас феномены рассматриваются как политические и коммуникативные категории.

Интерпретация теории этноса с позиции примордиализма было положено С.М. Широкогоровым. Он представлял этнос как локальную группу человечества, которому присущи особые характеристики – наличие этнического самосознания, единство происхождения, обычаев, языка и жизненного уклада[99]. Такой подход эволюционировал и в дальнейшем был оформлен в его марксистской версии в дуалистической концепции этноса Ю.В. Бромлея, который рассматривал этнос как группу людей, объединенных на основе культурных и психологических доминант, а также сознания единства и эндогамии[100].

Представители примордиалистского подхода исследования этноса/нации интерпретируют этничность как внутреннюю субстанцию этносов, которые представляют собой коллективные общности людей, отличающиеся генетическим воспроизводством и географическим происхождением; разделяют культурные стандарты и практики, в т.ч. с включением иррациональных компонентов (верований, мифов, религии); формируют единые коммуникативные пространства и связи; создают условия для формирования групповой идентичности у индивидов на основе этнической идентичности и обозначенного этнонима, который признается другими группами. Примордиалистская теория натурализует этнические группы и оправдывает этнические чувства, позволяя объяснить эмоциональную силу этнических связей[101]. В рамках этого подхода этнос и нация рассматриваются как объективно существующие феномены. Специфичная обоснованность и ортодоксальность эссенциалистских

[99] *Широкогоров С.М.* Этнос: исследование основных принципов: изменения этнических и этнографических явлений. – М., 2012. – С. 62.
[100] *Бромлей Ю.* К вопросу о сущности этноса // Природа. – 1970. – №2. – С. 51–55.
[101] *McKay J.* An exploratory synthesis of primordial and mobilisationist approaches to ethnic phenomena // Ethnic and Racial Studies. – 1982. – Vol. 5. – № 4. – P. 395–420.

концепций привела к росту националистических идей, элит и структур, оказывающих неоднозначное влияние на политический процесс. Концепции этноса, рассматриваемые в рамках примордиализма, долгое время оставались доминирующими в отечественной науке и ярко представлены в работах отечественных и зарубежных исследователей: П. ван ден Берга, Ю.В. Бромлея, Л.Н.Гумилева, В.И. Козлова, В.В. Пименова, Ю.И.Семенова, С.М. Широкогорова и др[102].

Л.Н. Гумилев искренне полагал, что в основе этносов лежат связи, «цементирующие коллектив» и распространяющиеся на всей территории его локализации [103] . Согласно типологии Л.Н. Гумилева, этнические связи делятся на три вида: 1) *симбиоз* (сочетание этносов, при котором каждый сохраняет свою экологическую нишу, свой ландшафт, полностью сохраняя свое национальное своеобразие); 2) *ксения* (сочетание, при котором один этнос – «гость», вкрапленный в теле другого); 3) *химера* (соединение несоединяемого)[104]. Обозначенный подход позволяет нам говорить о том, что коммуникация может выступать, с одной стороны, как системный механизм поддержания и самосохранения этничности, а с другой стороны, коммуникация может служить ресурсом и средством межэтнического взаимодействия.

Теоретики советской эпохи придерживались утверждения о стадиальности развития этничности[105], в которой определенную роль играли различные связи: информационные, генетические, национальные, межпоколенные, культурные, торговые, хозяйственные и т.д. Разнообразные комбинации этих связей, их устойчивость, локализация, интенсивность,

---

[102] *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – М., 2009; *Козлов В.И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. – М., 1999; *Пименов В.В.* Основы этнологии. – М. 2007; *Семенов Ю.И.* Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – №2. – С.15-31; *Семенов Ю.И.* Этнополитология: Трудный путь становления новой научной дисциплины // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С. 170–178; *Широкогоров С.М.* Этнос: исследование основных принципов: изменения этнических и этнографических явлений. – М., 2012; Berghe P.L. van den. Race and ethnicity, a sociobiological perspective // Ethnic and Racial Studies. – 1978. – Vol. 1. – № 4. – P. 401–411.

[103] *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М., 1993. – С.521.

[104] Там же. – С.579.

[105] *Филиппов Р.В.* «Советская теория этноса»: историографический очерк. – М., 2010. – С.70.

синхронизация или отсутствие отражают особенности возникновения различных этнических/этнополитических феноменов и взаимосвязи между ними. К примеру, С.Т. Калтахчян, утверждая об отсутствии генетических связей между нацией и донациональными общностями людей, характеризует нацию как исторически сложившуюся новую этническую общность и социальный коллектив, сформировавшийся под воздействием капиталистических отношений[106]. По мнению сторонников этносимволизма Э.Смита, Дж.Армстронга, Дж.Хатчинсона и др., большинство наций возникло на основе ранее существовавших этнических связей / уз, этнических символов, воспоминаний, мифов и традиций. Тем самым, коммуникация отражает специфику этнических общностей и их отношения.

Примодриалистский подход подвергается жесткой критике преимущественно инструменталистами, которые утверждают, что «этничность в сердце» и принадлежность к этнической группе/сообществу еще не объясняют причину актуализации этничности, ее мобилизации для решения политических задач и т.д. В качестве контраргументов приводятся результаты современных этнографических исследований, свидетельствующие о том, что этничность не является биологическим, статичным и историческим явлением, а культурные традиции имеют мало общего с националистическими движениями.

Примордиалистская модель этничности, по мнению П. Брасса, имеет следующие проблемы:

– некоторые изначальные привязанности являются переменными (язык, родство, каста);

– миграция может создавать новые привязанности с землей;

– этнические привязанности необязательно относятся к нерациональной части человеческой личности;

– этнические привязанности не могут основываться исключительно на «старой» культуре, она может создавать новые символы и объекты культуры;

[106] *Калтахчян С.Т.* К вопросу о понятии «нация» // Вопросы истории. – 1966. – № 6. – С. 35.

– даже там, где существует постоянная основная культура, знания ее сущности не достаточно для прогнозирования формы этнических движений или их развития[107].

Тем самым примордиалистская концепция не объясняет должным образом природу этничности и ее проявления в различных социально-политических контекстах.

Инструменталистская традиция интерпретации этничности восходит к трудам М. Вебера, который утверждал, что этническое членство еще не составляет группу, а является основанием для создания различных групп, особенно в политической сфере. И в этом смысле речь идет о политическом сообществе, независимо от того насколько оно искусственно организовано и что вдохновляет веру в общую этническую принадлежность[108]. Для М. Вебера этничность скорее следствие, а не причина коллективной политической деятельности, с присущими ей неопределенными возможностями.

Т. Рейнджер показал, как манипуляция традицией способна изменить самоидентификацию людей, которые использовали определенные этнические теги в соответствии со смещением балансов престижа в актуальной социальной ситуации[109]. Как правило, в основе такого поведения лежит стремление к политическим преимуществам и/или материальный интерес.

Информационная концепция этноса А.С. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова также рассматривает этничность в русле инструменталистского подхода. Авторы исследуют процесс этногенеза на основе связей, интерпретируемых с помощью категории информация. Информационные связи представлены в различных формах коммуникации, но только диахронная (межпоколенческая) и синхронная (межличностная) способы передачи информации детерминируют процесс эволюции этноса. Комплекс

[107] *Brass P.* Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. – New Delhi, 1991.
[108] *Weber M.* Economy and Society. – New York, 1978. – P.389.
[109] *Ranger T.* The Invention of Tradition in Colonial Africa// The invention of tradition / eds.: E.J. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge, Mass., 1984. – P.260.

диахронных коммуникаций гарантирует преемственность и целостность этноса с устойчивой этнической идентичностью, этнонимом и этнической традицией. Здесь принципиальное значение имеет вербальная коммуникация. В основе этнической структуры – совокупность коммуникаций[110]. Абсолютно весь поток информации структурируется картиной мира, основанной на этнических ценностях. Это отражается и на оценке весомости информации, воспринимаемой в этнических категориях. С этой точки зрения функциональность этничности заключается в фильтрации информации в процессе коммуникации.

В русле инструменталистского подхода, который сформировался под влиянием функционализма и прагматизма, этничность определяется как политический инструмент, применяемый этнонациональными элитами в конкурентной коммуникационной среде для завоевания/удержания власти или оказания на нее влияния. При таком подходе становится очевидным преимущественное использование этничности для политизации этнических интересов, что наиболее четко выражается в ходе политического противоборства этноэлит на определенном этапе эволюции общества. Поэтому, проявление этничности является ситуационным и имеет ограниченный временем порядок [111] . Среди представителей инструменталистского направления следует выделить отечественных и зарубежных исследователей: С.А.Арутюнова, Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижеву, Ж.Т. Тощенко, Н.Н. Чебоксарова, У. Коннора, Д. Миллер, Э. Смита и др.[112]

---

[110] *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Этнические процессы и информация // Природа. – 1972. – №7. – С.58–63.

[111] *Horowitz L.D.* Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley, 1985. – P.147-184.

[112] *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Указ. соч.; *Арутюнян Ю.В.* Опыт осмысления проблемы этнократии. // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 142–145; *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. – М., 2003; *Дробижева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. – М., 2006; *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. – М., 2004; *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). – М., 2003; *Connor W.* Nationalism and Political Illegitimacy // Ethnonationalism in the Contemporary World / Ed.: D.Conversi. – London and New York, 2003. – P. 24–50; *Miller D.* Advertising. Production and Consumption as Cultural Economy // Advertising cultures / eds.: T. de Waal Malefyt, B. Moeran. – Oxford; N.Y, 2003. – P. 75–90; *Smith A.D.* The Ethnic Origins of Nations. – Oxford, 1986. – 240 p. и др.

Обозначенный методологичекий подход позволяет выявить гибкий, ситуативный и рациональный характер формирования этнической идентичности. Однако он, к примеру, не учитывает эмоциональную составляющую[113], психологическую связь индивида с этнической группой, а также «ситуационные» факторы, детерминирующие актуализацию этничности.

Продолжением инструменталистской исследовательской традиции в ее расширенном и всеобъемлющем варианте является конструктивистский взгляд на этничность, в соответствии с которым она представляет собой социальный конструкт. Этот подход нашел отражение в трудах М. Вебера и Э. Хьюза. В 1948 г. Э. Хьюз назвал предрассудками и ложными предположениями мнения о существовании этнической группы как социокультурного феномена [114] . С конструктивистской точки зрения, этническая группа — это то, во что люди верят и ассоциируют себя с ним. В последней декаде XX в. на фоне модернизации отечественного гуманитарного знания представители инструменталистского подхода пересмотрели доминировавшую на тот момент теорию этноса. В своей книге «Реквием по этносу» академик В.А. Тишков рассматривает этнические группы и присущие им отличительные черты как результат обстоятельств и ситуативных воздействий в историческом, экономическом и политическом контексте [115] . В.А. Тишков уверен, что этничность – это результат политических мифов с социально конструируемой природой. Начиная с 1960-х гг. термин «этничность» стал широко распространяться в западной научной литературе, который интерпретируется с точки зрения культуры, исключая связь с генетически обусловленными биологическими типами людей и/или их эволюции. Несмотря на это, в зарубежном справочном пособии по постколониальным исследованиям указано, что некоторые современные

[113] *McKay J.* An exploratory synthesis of primordial and mobilisationist approaches to ethnic phenomena // Ethnic and Racial Studies. – 1982. – Vol. 5 – № 4. – P. 395–420.
[114] *Hughes E.C.* On Work, Race and the Sociological Imagination (edited with an Introduction by L.A. Coser). – Chicago, 1994. – P.91.
[115] *Тишков В.А.* Реквием по этносу… – С.105.

виды употребления термина «этнос» / «нация» идентифицируют этничность с национальными группами в Европе, где за отдельными исключениями, такими как, например, баски, связь между этнической принадлежностью и гражданством оказалась обоснованной[116].

В конструктивистской научной методологии возникновение нации объясняется политикой государства, реализуемой в процессе социально-экономической и политической модернизации. В модернизме отрицается домодерный период нациегенеза, поскольку нации образуются лишь в силу определенных социокультурных факторов и, в частности, коммуникационной среды. Именно поэтому многие конструктивистские исследования основаны на идеях автора коммуникативной теории этноса К. Дойча, который рассматривал нацию / народ в качестве группы людей, со свойственными им отличительными коммуникативными моделями поведения. Для повышения эффективности коммуникации и экстраполяции действий «другого», требуется не только знание, но и понимание чужих поведенческих паттернов[117].

Одним из нововведений исследователей конструктивистского направления стало изучение феномена этноса с применением теории социальных систем Н. Лумана. Российский исследователь А.Ю. Антоновский попытался обнаружить у этноса свойства символического средства коммуникации и таким образом внести его в ранг с существующими медиумами (власть, деньги и т.д.). В результате исследования автор столкнулся с проблемой ненаблюдаемости этноса для изучения в его неконфликтных фазах, что коррелирует с выраженностью этничности во время обострения межэтнических конфликтов, сопровождаемых национально-освободительными движениями и этнорелигиозными войнами. Автор попытался объяснить мотивацию конфликтных этносоциальных явлений с позиций научной рациональности, но ему не удалось это сделать.

[116] *Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H.* Post-Colonial Studies: The Key Concepts. – 2nd edition. – London; New York, 2007. – P.76.
[117] *Deutsch K.* Nationalism and its Alternatives. – New York, 1969. – P. 14–15.

Следствием этого стало предположение автора о том, что именно этнос является мотиватором формирования обозначенных типов коммуникации[118]. Здесь следует заметить, что нации не могут быть катализаторами в политике, ими могут быть только «нации-классы» или «классы-нации»[119].

С позиции конструктивистского подхода категория этничность рассматривается как искусственный социальный конструкт, порожденный коллективным «воображением» (Б.Андерсон), в результате целеустремленной политики государства, элит и средств массовой информации, основанной на субъективном подходе с апелляцией на мировоззрение и солидаристские чувства индивидов, идентифицируемых с конкретной этнической общностью. С этой точки зрения этничность выступает как маркер различия и конструкт, созданный искусственным путем, не имеющий культурных корней и намеренно политизированный. Этнические значения и групповая идентичность неустойчивы и изменяются по форме и содержанию в зависимости от изменения обстоятельств. Яркими последователями конструктивистского направления изучения этничности являются отечественные и зарубежные исследователи: Б. Андерсон, Ф. Барт, Р. Брубейкер, Э.Геллнер, В. С. Малахов, В.А. Тишков, Э.Хобсбаум и др.[120]

Обобщая основную социальную конструктивистскую модель этничности, Р.Дженкинс[121] определил ее ключевые составляющие:

1) этничность подчеркивает культурные различия;

2) этничность культурна;

3) этничность в какой-то степени изменчива и поддается манипулированию;

---

[118] *Антоновский А.Ю.* Этнос как медиум коммуникации: к системно-коммуникативной концептуализации этноса. // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Т. XIII. – Вып.4. – № 67, 68. – С.84-89.

[119] *Геллнер Э.* Указ.соч. – С.86.

[120] *Тишков В.А.* Реквием по этносу…. – 544 с.; *Малахов В.С.* Символическое производство этничности и конфликт /Язык и этнический конфликт – М., 2001; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М., 2001; *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries. [Electronic resource]. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1969. – URL: http://www.bylany.com/kvetina/kvetina_etnoarcheologie/literatura_eseje/2_literatura.pdf (date of access: 17.11.2024); *Brubaker R.* Ethnicity, Race, and Nationalism.Annual Review of Sociology. – 2009. – Vol. 35. – Pp.21-42; *Геллнер Э.* Нации и национализм. – М., 1991; *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. – СПб.: Алетейя, 1998.

[121] *Jenkins R.* Rethinking Ethnicity – Arguments and Explorations. – London,1997. – P.40.

4) этничность как социальная идентичность является коллективной и индивидуальной, экстернализированной и усвоенной.

Таким образом, этнические маркеры и этническая идентичность не являются постоянными, их статичность имеет прямую зависимость от социально-политического контекста, этнополитических коммуникаций и преследуемых политических целей. Для этого требуется использование специфичных коммуникативных средств (например, знание национального языка/этнокультурного кода), стратегий (например, интеграции / дистанцирования) и технологий (например, этнического лоббизма, народной дипломатии), приемлемых и адекватных актуальной политической ситуации.

Конструктивистский (конструкционный) взгляд на этничность приближен к взглядам постмодернистов, которые утверждают, что идентичности «свободно плавающие» и отдалены от основ социальной структуры. К примеру, С. Холл указывал на неуловимость культурных идентичностей, которые всегда находятся в процессе формирования [122]. С. Холл выделял роль дискурсов об этничности в создании новых идентичностей. Внутригрупповые этнические противоречия и социальная дифференциация выступают основой для новых этнических идентичностей, которые могут носить гибридный, смешанный характер. Тем самым дискурс этничности в публичной сфере политики как разновидность политической коммуникации способствует формированию и развитию новых идентичностей.

Конструктивизм и инструментализм критикуют за неубедительность объяснений относительно «живучести» и преемственности этнических и национальных общностей, которые, в процессе этно- и нациогенеза на протяжении различных исторических эпох, сохраняют устойчивую этническую идентичность, культурную самобытность и территории.

[122] *Hall S.* Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference / ed.: J. Rutherford. – London, 1990. – P. 222–237.

Как выясняется, обозначенные подходы не объясняют сущность этничности/этноса и нации, поскольку обращаются к некоторым сущностным аспектам, исходя из объективных или субъективных обстоятельств. Вероятно, эта проблема лежит в природе самой этничности и нации.

Ученые предлагают разграничивать область применения обозначенных подходов на том основании, что они занимаются исследованием совершенно разных социальных феноменов: примордиализм адекватно описывает генез, функционирование и развитие этнических общностей, а конструктивизм и близкие к нему парадигмы описывают особенности генеза и эволюции наций, как общностей, порождаемых государством[123].

Однако другие исследователи допускают использование универсальной парадигмы, основанной на синтезе элементов приморидалисткой, конструктивисткой и инструменталистской теорий этничности[124]. Более того, по мнению С.Е. Федорова и А.И. Филюшкина, категория «этничность», возникшая на фоне непрекращающихся дискуссий, представляет собой универсальное компромиссное понятие, включающее бесспорные вещи: 1) факт наличия у каждого индивида чувства идентичности, связанного с принадлежностью к определенной этнической общности; 2) факт существования этнических общностей, образованных на основе характеристик, которые люди определяют в этнических категориях[125].

Ярким представителем полипарадигмальной традиции изучения этничности является этносоциолог Л.М. Дробижева. Она отмечает, что многообразие общества, различные теоретические конструкты и факты социальной реальности нацеливают исследователей на то, чтобы они использовали разные концепции для изучения этнополя. По мнению Л.М. Дробижевой, главное методологическое отличие между конструктивистами и сторонниками структуралистско-конструктивистского,

[123] *Сафонов А.Л.* Нации и этносы в историческом процессе: проблемы философской концептуализации. – М., 2015. – С.148.
[124] *Yang P.Q.* From Ethnic Studies: Ussues and Approaches. – New York, 2000. – P.60.
[125] *Федоров С.Е., Филюшкин А.И.* История и теория наций и национализма. – СПб., 2016. – С. 14.

или полипарадигмального подходов заключается в том, что конструктивисты ингнорируя потребности и интересы этнических групп, утверждают, что они обладают чувством солидарности. При таком подходе остается открытым вопрос об источнике солидарности. К тому же непонятно, как «этнические группы могли бы существовать, не испытывая потребности в безопасности, самореализации, защите своего достоинства»[126].

И при таком подходе не все исследователи готовы отказаться от термина «этнос». Примечательно в этом смысле определение этноса (этнической группы, общности), как социальной группы, сформировавшейся в результате длительного сосуществования и взаимодействия ее членов на определенной территории, обладающей вариативными дифференцирующими биологическими, психологическими и культурными признаками и самосознанием, основанном на идее (реального или воображаемого) единства всех ее членов и отличии от других групп и единой идентичности[127].

На основе объединения указанных подходов Дж.МакКей предлагает типологизацию этничности, которая включает такие социальные категории как:

- этнические традиционалисты (ethnic traditionalists);
- этнические боевики (ethnic militants);
- символические этнические группы (symbolic ethnics);
- этнические манипуляторы (ethnic manipulators);
- псевдоэтники (pseudo-ethnics)[128].

Такая парадигма может применяться для изучения изменений этнических общностей, их трансформаций от одного типа к другому.

В целом обозначенный подход основан на социальной природе этничности и рассматривает структуру, родословную, значимость и ценность

[126] *Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. – 2006. – №3/4. – С.97.
[127] *Паскачев А.Б.* Национальная политика России (от империи к единой российской нации). – М.; Ярославль, 2016. – С.31.
[128] *McKay J.* An exploratory synthesis of primordial and mobilisationist approaches to ethnic phenomena// Ethnic and Racial Studies, 1982. – Vol. 5 – № 4. – P. 395-420.

этнической принадлежности как составляющие, способствующие построению этнической границы, которая определяет группу[129]. Этнические характеристики и привязанности индивида имеют исторические, социально-культурные, коммуникативные и политические основания, поэтому они не могут быть только и полностью «воображаемыми». Социокультурная среда и этнополитическая структура общества, в которых находятся люди, устанавливают различные культурные, коммуникативные и политические ограничения, в т.ч. связанные с этнической историей, национальной идеологией и особенностями этнокультурной коммуникации. Эти ограничения касаются и возможного диапазона политической, культурной и этнической идентификации индивида. Из-за этих ограничений этничность часто становится инструментом в руках этнополитических элит в их борьбе за власть или ее осуществление. Понятно, что этничность не может быть легко мобилизована для достижения политических целей даже тогда, когда есть, казалось бы, все необходимые ресурсы и условия. Они лишь могут изменить стратегию мобилизации, ее качественные характеристики, но не дать ей старт.

Следует отметить, что необходимые условия этнополитической мобилизации этничности включают в себя ряд социально-экономических факторов, такие как: демографические спады; культурные лишения; бедность; отчуждение земли; насильственное/вынужденное выселение; наземные изменения «этноландшафта» (Э. Смит); безработица и низкий уровень качества жизни этнической общности и т. д. Вместе с тем, необходимые условия этномобилизации включают: обостренное чувство этнической дискриминации; актуализацию «оборонительной коллективной идентичности» (С. Холл); наличие сильной этнической элиты; адекватный этнополитический менеджмент; политическую конкуренцию; манипуляцию этнополитическим сознанием; государственную этнополитику; доступность

[129] *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей. – М., 2006. – С. 17.

внешней поддержки и т.д. Напротив, свобода самоидентификации способствует росту новых этнических общностей, как это имело место в России в 1920-е гг. после распада Российской империи.

Таким образом, мы можем говорить о том, что этничность не существовала изначально, и не является обязательным предварительным условием жизнеобеспечения и/или эволюции человечества. Но с момента своего появления, этничность становится необходимым условием существования человека в социокультурном пространстве, а установление эффективных этнополитических коммуникаций остается важнейшей государственной задачей. Этим, на наш взгляд, продиктована необходимость выработки адекватного современным политическим реалиям и тенденциям инструментария для объяснения текущих политических процессов и повышения эффективности государственной национальной (этнической) политики Российской Федерации.

1.2. Этническая составляющая политико-коммуникативных процессов

Современная социально-политическая реальность подвергается гибридизации под воздействием стремительно развивающихся информационно-коммуникационных технологий и этнореификации [130] . Гибридность в политике[131] проявляется в изменении дизайна политических коммуникаций с возможным пересмотром устойчивости применяемых механизмов и конструированием новых наиболее эффективных политических структур[132]. Одним из элементов, определяющих гибридность современных политических коммуникаций, является этнический фактор. Очевидным проявлением гибридности политических коммуникаций является дихотомность политических эффектов передовых информационных

[130] *Тишков В.А.* Усложняющееся многообразие: как понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций. – М., 2016. – С. 13.
[131] *Морозова Е.В.* Гибридные субъекты публичной политики: антиистеблишментские партии // Вестник ВГУ. – Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 90.
[132] Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Политическая наука: Ежегодник 2013. – М., 2013. – С. 5.

технологий. С одной стороны, они содействуют информационной активности субъектов, проявляющейся в общественном мнении, а с другой – формируют этнические, религиозные и другие группы интересов[133].

Усиливающиеся взаимосвязи и взаимозависимости индивидов, групп, организаций, социальных институтов и обществ, вызванные изменениями в массовых коммуникациях, стали более крупными, сложными и менее предсказуемыми[134]. Кроме того, массовая интерактивность общества, наряду с повышением уровня медиаграмотности [135], детерминирует этническую «сетевую мобилизацию»[136], стимулируя рост «цифровой производительности» этноинформации[137].

В данной работе под термином «этническая информация» следует понимать упоминание, реконструкцию или интерпретацию в медиатекстах различных сфер жизнедеятельности определенной нации, этноса, этнической общности или этнической группы. Этническая информация используется в коммуникативных стратегиях для влияния на этнополитическую ситуацию [138], оказывая неоднозначное воздействие на состояние межэтнических отношений. В социально-политических коммуникациях этническая идентичность, как составляющий элемент этнической информации, может быть фактором взаимодействия и взаимообогащения народов и культур, а также может восприниматься как нежелательное явление [139], что актуализирует проблему оптимизации политических коммуникаций в этнокультурной среде.

---

[133] *Paletz D.L.* Advanced Information Technology and Political Communication // Social Science Computer Review. – 1996. – Vol. 14. – № 1. – P. 75-77.

[134] *Акофф Р.* Планирование будущего корпорации / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. В.И. Данилова-Данильяна. – М., 1985.

[135] *Wang K.X.* Media Literacy Education: New Perspective of University Ideological and Political Education // Journal of Inner Mongolia University for the Nationalities. – 2013. – № 3. – P. 42.

[136] *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург, 2004; *Atton C.* Reshaping social movement media for a new millennium // Social Movement Studies. – 2003. – № 2. – P.3-15.

[137] *Рева Е.К.* Этническая информация в социально-политическом контексте // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – Гуманитарные науки. – 2012. – №27. – С.381.

[138] *Родык Г.Ю.* Коммуникационные механизмы влияния на этнополитическую сферу // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2013. – №2. – С. 179–188.

[139] Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв.ред. Л.М. Дробижева. – М., 2002. – С.4.

Полиэтничность и этническая стратификация, являясь естественными признаками государств, отражаются на общественно-политической жизни. Ее динамика определяется этнополитической коммуникативной деятельностью власти, СМИ и гражданского общества, основанной на конкуренции идей, убеждений и интересов элит, групп, партий, этнических общностей, наций и других субъектов политики. А постоянно совершенствующиеся информационные технологии расширяют их коммуникативные возможности, способствуя распространению в мировых масштабах как уже существующих, так и конструируемых на локальном уровне этнических интересов, образцов и стереотипов. Игнорирование этих моментов делает невозможным процесс коммуникации, которая в самом широком смысле, есть процесс обработки и передачи информации [140] , что, в итоге способствует снижению эффективности управления культурным разнообразием в меняющейся социальной реальности. Исходя из этого, мы рассматриваем влияние этнического фактора на политические процессы[141] в полиэтничном регионе в коммуникативном измерении.

Научное осмысление политических коммуникаций началось в 20-е гг. XX в. в рамках общей теории коммуникации, основанной на исследовательских приемах У. Липпмана[142]. С тех пор учеными выработаны различные подходы к изучению политических коммуникаций: системный, процессный, бихевиоральный, информационный, кибернетический, социальный, социокультурный, и т.д. Соответственно, различаются и подходы к определению смыслового содержания понятия «политическая коммуникация». Мы используем указанный выше комплекс исследовательских подходов и методов, позволяющий рассматривать политические коммуникации как гибридные – сложные, нелинейные,

[140] *Суший Е.В.* Глобализация и коммуникация: перспективы и стратегии управления // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды 2-й Межд. научн. - теор. конф. – СПб., 2009. – С.11.
[141] *Сулейманова Ш.С.* Этнический фактор в современном политическом развитии России // Вестник Адыгейского государственного университета. – Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – С. 94–101.
[142] *Липпман У.* Общественное мнение. – М., 2023.

многомерные, многоуровневые, непредсказуемые социальные явления, основанные на синтезе различных способов общения. Этот методологический конструкт базируется на процессном и социокультурном подходе к изучению политической коммуникации. Поэтому среди множества интерпретаций интересующего нас явления мы выделим некоторые:

● политическая коммуникация – процесс передачи политической информации, с помощью которого она циркулирует между двумя системами – политической и социальной[143];

● политическая коммуникация – весь спектр неформальных политико-коммуникативных процессов в обществе, которые оказывают различное воздействие на политику[144];

● политическая коммуникация – социокультурное явление общества, которое представляет собой комплекс традиционных и нетрадиционных приемов и способов обмена информацией между политическими игроками и электоратом с целью завоевания и удержания власти[145];

● феномен политической коммуникации связан с социокультурными факторами[146].

В целом политическую коммуникацию можно определить, как процесс формального и неформального взаимодействия акторов политики на основе информационного обмена и непосредственного общения, обусловленного социокультурными параметрами и направленного на достижение политических целей. При таком подходе становится очевидным, что свойственные этническим общностям социокультурные особенности определяют форму и содержание политических коммуникаций в полиэтничном регионе, формируемых вокруг решения различных политических задач. Так, в теории принятия государственных решений

[143] *Шварценберг Р.Ж.* Политическая социология. В 3 ч.– М., 1992. – Ч. I. – С.174.
[144] *Pye L.* Political Communication //The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. – Oxford; New York, 1987. – P. 443.
[145] *Дроздик Л.А.* Политическая коммуникация как социокультурное явление общества // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Sciences. – 2016. – Vol. IV (14). – № 89. – С. 26.
[146] *Шомова С.А*. Политические коммуникации: социокультурные тенденции и механизмы. – М., 2004. – С.43.

социокультурные факторы играют принципиальную и значимую роль. К таким факторам относятся: стереотипы и стандарты управленческих действий, задаваемые культурными образцами, «неписанными» правилами и традициями, ситуативными предпочтениями, внутренние установки управляющих и другие параметры субъективности, способствующей качественной идентификации процесса принятия государственных решений, усложняя этот специфический тип социального взаимодействия[147].

С другой стороны, политическая коммуникация сама выступает способом, средством существования и передачи политической культуры[148], социокультурных и этнокультурных образцов политического взаимодействия. Исключительную роль в этой ситуации играют СМИ, тиражирующие культурные ценности, предпочтения и взгляды коммуникантов. Неслучайно в теории массовой коммуникации отдельное внимание уделяется культурной политике в сфере политической коммуникации. Среди основных принципов этой политики Д.МакКуэйл обозначил соблюдение приоритетности качеств и ценностей данной культуры, сближение с культурой наций, этнической общности и доминирующего религиозного населения[149].

Известно, что политические коммуникации преследуют три основные цели: дистрибуцию информации, изменение мнения и изменение поведения информируемых[150]. Достижение этих целей предполагает учет следующих обстоятельств: наличие адекватных средств коммуникации, фильтрацию информации и зависимость восприятия информации реципиентами от их идентификаций (включая этническую идентичность), убеждений, ценностей и потребностей, что обостряет проблемы понимания и обратной связи. В условиях этнокультурного разнообразия эти коммуникационные неудачи и

[147] *Соловьев А.И.* Теория принятия государственных решений. – М., 2004. – С.344.
[148] *Лобанова Е.А*. Политическая коммуникация в контексте политологического анализа: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2006. – С.114.
[149] *McQuail D.* Media Performance. – P.277.
[150] *Грачев М.Н.* Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2001. – №3. – С. 89.

риски значительно возрастают, так как в любом полиэтничном обществе сохраняется вероятность существования в латентной форме предпосылок этнических конфликтов [151] . Исследователи отмечают, что этническая неоднородность общества является фактором, влияющим на межнациональные конфликты. По мнению Т. Ванханена, чем выше уровень этнической неоднородности общества, тем выше риск возникновения этнического конфликта [152] . Как правило, этнический конфликт является результатом усиления межэтнических различий, этнической ксенофобии и дискриминации, которые наблюдаются на фоне «обострения непримиримости противоречий и перехода их в противостояние»[153]. Любой этнический конфликт представляет собой явление политическое [154] , детерминирующее формирование кризисной коммуникации в сложившейся конфликтной ситуации.

С этой точки зрения представляется необходимым изучение вопроса о влиянии этнического фактора на политические коммуникации. Это позволит облегчить поиск адекватного понимания этничности, ее коммуникативной сущности, объективно выводящих на другие проблемы, без решения которых сомнительна возможность управления процессами межэтнических коммуникаций, придания им большей устойчивости[155].

Функциональность этнического фактора в политических коммуникациях имеет прямую зависимость от актуальной социальной ситуации, целей коммуникации и этнополитического капитала [156] коммуникантов. Многоликость и множественный характер этничности обнаруживается в способах ее использования, функциях и значении в

---

[151] *Ямсков А.Н.* Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. – М., 1997. – С.215.
[152] *Ванханен Т.* Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме / пер. с англ. Д. О. Румянцева. – М., 2014. – С.51.
[153] Шахбанова М.М. Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология // Вестник Института ИЭА РАН. – 2017. –№1. – С.155.
[154] *Ямсков А.Н.* Указ.соч. – С.207.
[155] *Чагилов В.Р.* Указ. соч. – С.9.
[156] *Кузиванова О.Ю., Грибанов В.В.* Государство и этнополитический капитал: к постановке проблемы // Человеческий капитал. – 2014. – № 6 (66). – С.58-61.

политических коммуникациях. Так, этничность, понимаемая как набор этноинститутов (институциональный подход), накладывает определенные ограничения на политико-коммуникативный процесс. Эти ограничения могут выражаться в строгом соблюдении правил, установленных процедурными и информационными этноинститутами. Здесь имеются в виду: 1) коммуникационные правила использования этнокультурного (языкового) кода для общения между «своими» и между «своими» и «чужими»; 2) правила информирования этносообщества о ключевых событиях, с приемлемыми когнитивными и эмоциональными реакциями на них [157]; 3) правила компетентной интерпретации (У. Эко) информации «лидерами мнений»; 4) правила дистрибуции этнической информации; 5) правила ведения переговоров с другими акторами этнополитики и т.д.

Этничность, понимаемая как политический инструмент (инструменталистский подход), в процессе политизации используется как коммуникационный ресурс для этнополитической мобилизации [158]. Этнический фактор активно используется этническими антрепренерами как действенное оружие в бескопромиссной политической борьбе за власть и ее удержание. Но как отмечают российские ученые [159], такой подход не учитывает двух вещей – «значимости нравственных, эмоциональных и аффилиативных факторов» и, поскольку он исключает исторические подходы, то не объясняет – почему одни идеи этнических антрепренеров способны запустить механизм этнической мобилизации и объединить людей, а другие – нет. На наш взгляд, здесь немаловажную роль играет и этносимволический подход с использованием в политических коммуникациях этнических мифов, воспоминаний, традиций и символов этнического наследия, на которых акцентирует внимание Э. Смит[160].

[157] *Барбашин М.Ю.* Указ.соч. – С.118.
[158] *Ачкасова В.А.* Политизация этничности как коммуникационный ресурс. – С.12-18.
[159] *Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М., 2013. – С.8-9.
[160] *Smith A.D.* Myths and Memories of the Nation. – New York, 1999.

Этничность, рассматриваемая как социальный инструмент, с присущими ему культурными, психологическими признаками и историческими корнями (примордиалистский подход), проявляется в политической коммуникации с использованием историко-культурного нарратива, манипуляций этнополитическим сознанием и т.д.

Автором настоящего иследования этничность рассматривается *как выражение реализовавшейся потребности индивида в этносоциальных связях, обусловленное различными объективными и субъективными факторами*[161]. Такой подход позволяет интерпретировать этнический фактор в политико-коммуникативных процессах как средство и способ коммуникации, с помощью которого, с одной стороны, устанавливаются, поддерживаются и развиваются необходимые этнополитические контакты, а с другой – передается этническая информация.

Существование различных вариаций этнического фактора ставит под сомнение идею о том, что в политике он может выражаться исключительно в форме этнополитического суверенитета и этнополитического конфликта[162]. К примеру, этнокультурная коммуникация между властью и гражданским обществом [163] рассматривается в контексте конструктивной теории политической коммуникации. При этом влияние потенциала этнического фактора на политику может быть как конструктивным, так и деструктивным[164], т.е. конфликтогенным. В первом случае он способствует регуляции этноконфессиональных отношений и развитию межэтнического диалога, а во втором – этнический фактор может обострить этнополитическую ситуацию, вызвать межэтнические конфликты,

---

[161] *Джантеева Д.С.* Теоретическая концептуализация этничности в контексте политического знания // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2018. – Т. 8. – Вып. 4 (43). – С.349.

[162] *Ломакина Н.В.* Этнический фактор в современных цивилизационных процессах: дис … канд. филос. наук: 09.00.11. – Нальчик, 2007. – С.76.

[163] *Зорин В.Ю.* Интервью. Этнокультурные коммуникации: власть и гражданское общество перед новыми вызовами // Коммуникология. – 2014. – №4. – С.15-26.

[164] *Файзулин Ф.С., Файзулин Т.Ф.* Этнический фактор и противоречия в реализации его потенциала в обществе // Проблемы развития территорий. – 2014. – Вып. 6 (74). – С.178.

содействовать утверждению уже отживших форм социально-экономических и политических отношений, тормозящих развитие общества.

В управленческих политических коммуникациях[165] этнический фактор обнаруживается в процессе управления культурным разнообразием и участия акторов в реализации государственной национальной политики, использовании этнических компонентов в современных политических технологиях (PR, рекламе, избирательных кампаниях и т.д.), презентации этнополитических интересов, этнополитических дискурсах и медиа текстах и т. д. Так, использование этнических стереотипов в имиджевых и рекламных коммуникациях (видеороликах, текстах печатной, телевизионной, мульмедийной, наружной рекламы и т.д.), способствуют формированию соответствующего образа государства и нации[166], отдельных политиков и организаций.

В транснациональных политических коммуникациях этнический фактор проявляется в участии этнических диаспор в проведении этнокультурной политики, например, в вопросах формирования «Русского мира» как коммуникационного пространства расширения и популяризации русской культуры, упрочения позиций русского языка в мире[167]. На национальном уровне этнический фактор в политических коммуникациях может способствовать интеграции полиэтнического общества. Так, политическая коммуникация российских этносов в условиях разделяемой ими общероссийской гражданской идентичности, может стать интегрирующим фактором[168]. На региональном уровне этнический фактор наиболее выражен в политико-коммуникативных процессах, обусловленных высоким индексом этнической мозаичности населения и актуализацией

[165] *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. – 2009. – №5. – С.53.
[166] *Шестакова О.В., Макаловская К.Г.* Этнические стереотипы в современной рекламе // Тамбов: Грамота. – 2015. – № 9 (51): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 207-210.
[167] *Мыльников М.А.* Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций: автореферат дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – Астрахань, 2009. – С.11.
[168] *Баранов Н.А.* Нация как субъект политической коммуникации: современный опыт России // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: сб. статей / науч. ред. Е.П. Борзова, К.М.Оганян. – СПб., 2007. – С. 54-60.

этнополитических вопросов. В России таким макрорегионом традиционно считается Северный Кавказ, отличающийся высоким конфликтогенным потенциалом этнического фактора. Изучая конфликтогенную ситуацию на Юге России в обозначенный нами период, исследователи отмечают доминирование этнического фактора и ксенофобии[169].

На массовом, групповом, межличностном и индивидуальном уровнях политической коммуникации влияние этничности обусловлено деятельностью различных акторов этнополитики. К примеру, на массовом уровне этнический фактор проявляется в публичной деятельности транснациональных этнических коммуникационных сетей, этнокультурных медиа, представителей специализированных информационно-коммуникативных служб органов государственной власти (пресс-служб, PR-служб и т.д.) и т.д. На групповом и межличностном уровне политических контактов выделяются этнические и этнокультурные объединения (НКО, НПО и т. д.), «лидеры мнения», этнические антрепренеры, этнические элиты, занимающиеся этнополитической деятельностью. Сказанное не равносильно тому, что этнополитическая активность, например, отдельной этнокультурной организации не может быть массовой. Использование СМИ решает эту задачу, обеспечивая неограниченный доступ к информации широкой политической общественности (Ю. Хабермас).

Этнический фактор влияет на процессы кодирования/декодирования политической информации посредством использования знаково-языковых форм. Кодирование и декодирование информации как взаимосвязанные процессы возможны в рамках одного этнокультурного кода. В теории межкультурной коммуникации основной источник коммуникативных неудач заключается в различии этнокультурных кодов коммуникантов. Коды эти не только вербальные, они фиксируются и в языке[170]. На семантическом уровне – этнический фактор выражается в символичном использовании

[169] *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии. – Ростов-на-Дону, 2005. – С.9.
[170] *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003. – С.66.

этноцентрических элементов культуры, к которым относятся: 1) язык и письменность; 2) материальная и духовная культура, присущая определенной этнической общности; 3) религия. Они являются оригинальными вкладами народов в общекультурное достояние человечества[171].

Вербализация и символизация социально-политической реальности подчеркивается многими учеными, поскольку говорить, мыслить и знать в контексте политики необходимо одновременно[172]. П. Бергер и Т. Лукман, например, отмечают трансцендирующую и интегрирующую силу языка, с помощью которого актуализация всего мира возможна в любой момент[173]. Этнический/национальный язык наряду с государственным языком сохраняет свою политическую функциональность. К примеру, он употребляется в процессе политического участия или побуждения к нему. Политизация языкового вопроса в политико-коммуникативных процессах связана с тем, что язык является не только средством общения, но и ресурсом власти, с помощью которого люди преследуют свои собственные интересы и демонстрируют свою компетентность[174]. Еще со времен Античности ораторское искусство и умение говорить значительно отличали политиков, давая им возможность манипулировать людьми.

Неслучайно греко-римская традиция ораторского искусства, заложенная софистами в древних полисах, существует по настоящее время. Иначе говоря, символьную власть (symbolic power) укрепляет способность использования этнических символьных форм, передающих определенное смысловое содержание с целью политического воздействия.

Следует отметить, что знаково-символическими формами этнического фактора являются: этнический язык, этнокультурные паттерны поведения, этноатрибуты (флаги, знамена, эмблемы и т.д.), этнические мифы,

---

[171] *Налчанджян А.* Этническая характерология. – Ереван, 2001. – С.15-17.

[172] Мусихин Г.И. Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка // Общественные науки и современность. – 2015. – № 6. – С.45.

[173] *Бергер П., Лукман Е.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. – С.70.

[174] *Bourdieu P*. Language and Symbolic Power. – Cambridge, Mass., 1991. – 302 p.

этнические флешмобы, этнические авто- и конные пробеги, этнорелигиозные праздники, фестивали, выставки, конкурсы, игры, театрализованные представления и другие этнические PR-мероприятия. «Язык политики» (Д. Грабер) также включает отдельные политические акты – бойкот, протест, митинг, сожжение флага, участие в выборах и т.д. Взаимосвязь между формой и содержанием коммуникации показана в работах М. Маклюэна и содержится в его формуле: «Средство коммуникации есть сообщение»[175].

В этносимволизме Э. Смита этнический / национальный язык и символы рассматриваются как важные факторы формирования наций и сохранения этнической идентичности, т.к. они дифференцируют «нас» от «них». Э. Смит также выделяет двойственный характер этнических символов на примере слов, которые могут играть роль сигналов, как для чужаков, так и для членов группы. При таком подходе символическое взаимодействие – это коммуникация с символами в качестве содержания, и коммуникация – в качестве средства, при помощи которого они становятся действенными[176].

Но, как отмечал К. Шмитт, любая противоположность – религиозная, моральная, экономическая или этническая – превращается в политическую, если она обладает достаточным потенциалом и силой для того, чтобы дифференцировать людей, разделяя их на группы «друзей» и «врагов»[177]. Идентификация «друзей» и «врагов» служит для этнической общности механизмом регулирования коммуникации. С его помощью расширяется информационная открытость для «друзей» и усиливается информационная закрытость для «врагов». В данном случае речь идет о применении политических технологий [178], связанных с открытым или латентным психологическим воздействием, а также информационных технологий с использованием вбросов, фейковых сообщений, провокационных националистических лозунгов/призывов и т.д.

---

[175] *Маклюэн М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека. – М., 2014. – С. 14.
[176] *Смит Э.* Указ.соч. – С.333.
[177] *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – №1. – С. 37-67.
[178] *Шабров О.Ф.* Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 328-330.

В условиях возрастающей роли информационных технологий и интернет-технологий в политике[179], этнический фактор проявляется в их использовании в процессе реализации государственной национальной (этнической) политики и ее информационного сопровождения, механизмах мобилизации и политизации этничности[180], презентации этнополитических интересов, формировании политического имиджа этноэлит, создании сетевых этносообществ и тематических этноисторических блогов, интернет-страниц политиков и т.д.

Для нашего исследования наибольший интерес представляют механизмы презентации этнополитических интересов, которые мы рассмотрим подробнее. Первоначально обратимся к механизмам презентации этнополитических интересов, для чего необходимо определиться с понятием «механизмы презентации». Этимологически оно включает категории «механизм» и «презентация». Относительно первой отметим, что к трактовке понятия «механизм» мы подходим из традиции тектологического прочтения, а именно: механизм представляет собой ту сторону социальной жизни, которую можно объяснить. По А.А. Богданову механизм – понятая организация [181] . Он же предложил классификацию основных организационных механизмов и выделил «механизм формирующий» и «механизм регулирующий». Что касается термина «презентация», то он употребляется нами в широком смысле слова как представление на публику чего-либо. В итоге – «механизмы презентации» это такие организованные системы, которые формируют публичные представления о чем-либо. В нашем случае – это «что-либо» выступает в качестве политических интересов этносов (этнических общностей, сообществ), этнополитических групп или отдельных этнических предпринимателей, конструирующих этнические

[179] *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникаций: сб. научн. трудов. – СПб., 2004. – С.98-107.
[180] *Савва Е.В.* Информационные механизмы политизации этничности (на примере Северного Кавказа) // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. – №1. – С.115-121.
[181] *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1. – М., 1989. – С.99.

проблемы с целью принуждения власти принять выгодное для них и вместе с тем, этнически спроецированное решение.

Однако мы можем говорить о механизмах презентации тех или иных политических интересов только в том случае, если некие исходные политические интересы влекут за собой ряд других, причем для их возникновения не требуется дополнительных детерминант. Следуя в упорядоченном виде и четкой последовательности, они ведут к ожидаемому результату. При таком подходе, рассматриваемые нами механизмы могут определяться либо природой исходных этнополитических интересов, либо конечным результатом серии реализуемых интересов.

Пределы коммуникационных возможностей акторов этнополитики значительно повышаются при использовании широкого спектра информационных технологий, включающих разные источники, телерадиоволны, беспроводные соединения (мессенджеры*), с помощью которых обмен информацией осуществляется без доступа в интернет. Это ускоряет развитие мобильных коммуникаций с использованием современных гаджетов (смартфонов, планшетов и т.д.).

Один из ведущих теоретиков информационного общества М. Кастельс подчеркивает, что «в существующем историческом контексте политика – это преимущественно медиаполитика»[182]. С этой точки зрения примечательно влияние этнического фактора на политические коммуникации, формируемые вокруг участия этнических общностей/групп в обсуждении, подготовке и реализации государственной медиаполитики, отношения государства с этническими/этнокультурными СМИ и медиаструктурами, сотрудничества по вопросам медиаобразования и т.д.

Отличительной приметой нынешней информационной эпохи, подчеркнутой многими исследователями, является неравномерность технологического развития человечества, что позволяет этничности в

* Мессенджер (англ. Messenger) – мгновенный обмен сообщениями.
[182] *Кастельс М.* Власть коммуникации. – М., 2016. – С.221.

определенных социальных контекстах выполнять функцию информационного фильтра[183] и обеспечивать информационный процесс по «своим» каналам передачи информации. Еще в XX в. К. Дойч, рассматривая проблему сосуществования и взаимодействия народов посредством информационного обмена, подчеркивал, что «внутри системы должна циркулировать информация, произведенная ей самой, а нежелательная информация должна отбрасываться» [184]. Тем самым, этнический фактор отражается на способах использования и доступности технических средств информации, основанных на традиционалистских подходах, технофобии и культурных особенностях общения. Следствием этого является существование широких различий в использовании информационно-коммуникационных технологий [185] как новыми социальными движениями, включая транснациональные сообщества[186], так и этническими группами[187]. Безусловно, наряду с указанными обстоятельствами, имеют место объективные социально-экономические причины технических проблем, среди которых следует указать: труднодоступность систем связи и информационный разрыв, низкий уровень медиаграмотности населения, перебои работы технических служб, отсутствие коммуникационной инфраструктуры и т.д. В совокупности все эти факторы обусловливают распространение двухступенчатой модели политической коммуникации (П. Лазарсфельд, Б. Берельсон и Х. Год) [188] с особой ролью «лидеров мнений», пользующихся авторитетом в этноклановых структурах и других этнокультурных альянсах, созданных в политических целях или преследующих их в силу актуализации этничности в пространстве власти.

---

[183] *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Указ. соч. – С.58-63.

[184] *Дойч К.* Нация и мир // Этнос и политика: Хрестоматия. Авт.-сост. А.А. Прозаускас. – М., 2000. – С.112-115.

[185] *Karim K.H.* From Ethnic Media to Global Media: Transnational Communication Networks Among Diasporic Communities [Electronic resource]. – Oxford, 1998. – P.14. – URL: https://www.researchgate.net/publication/237525980_From_Ethnic_Media_to_Global_Media_Transnational_Communication_Networks_Among_Diasporic_Communities (date of access: 17.11.2024).

[186] Culture and Politics in the Information Age: A New Politics? / ed.: F. Webster. – London; New York, 2001. – 231 p.

[187] Communities across Borders: New Immigrants and Transnational Cultures. – London; New York, 2002. –207 p.

[188] *Лазарсфельд П.Ф., Берельсон Б., Год Х.* Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской компании / пер. с англ. М. Ю. Завгородней [и др.]. – Ульяновск, 2018.

Техническое развитие, медиатизация и виртуализация социума содержат существенные противоречия. Именно поэтому сегодня многие исследователи гуманитарного направления науки всерьез обеспокоены проблемами, связанными с социальными последствиями развития сетевого общества. Применительно к исследуемой теме следует отметить, что социальной реальностью становятся индивидуализирующие тенденции интернета и диссипация коллективных идентичностей в «сетевой индивидуализм» [189] . Примеров влияния интернета на конструирование национальной (этнической) идентичности в условиях отсутствия государственности немного, но они есть. Так, курдская национальная идентичность формируется виртуально. Появление новых видов виртуального национализма, распространение экстремистских идей, этнической киберпреступности и других деструктивных этносоциальных явлений, актуализирует вопросы управленческого отношения к развитию интернета[190].

Нерегулируемый интернет-дискурс может привести к «овеществлению» эссенциалистского самопонимания индивида, а может, наоборот, детерминировать «зарождающуюся постколониальную политику представительства»[191], бросая вызов гегемонистским конструкциям различий в ведущих средствах массовой информации [192] . Этому в определенной степени способствует онлайн-этническая сегрегация в многоэтнических обществах [193] . Среди проблем, связанных с развитием информационного общества и глобализации, следует обозначить появление новых видов

[189] *Wellman B.* Physical Place and Cyber-place: The Rise of Networked Individualism // International Journal for Urban and Regional Research. – 2001. – Vol. 25. – № 2. – P. 227–252.
[190] *Терин В.П.* Политические аспекты социокультурного воздействия массовой коммуникации: исследование опыта Запада: дисс ... д-ра соц. наук: 23.00.02. – М., 2001. – С.7.
[191] *Franklin M.* I Define My Own Identity: Pacific Articulations of “Race” and “Culture” on the Internet // Ethnicities. – 2003. – Vol. 3. – № 4. – P. 465–490.
[192] *Parker D., Song M.* Ethnicity, Social Capital and the Internet // Ethnicities. – 2006. – Vol. 6. – № 2. – P. 178-202. – DOI: https://doi.org/10.1177/1468796806063751.
[193] *Bruce E., Kelly J., Faris R., Palfrey J.* Mapping the Arabic Blogosphere: Politics and Dissent Online // New Media & Society. – 2010. – Vol. 12. – № 8. – P. 1225–1243; *Nisser A.* Cross-Ethnic Interactions and the Influence of Politics Evidence from Online Spaces and a Field Experiment in Bosnia and Herzegovina [Electronic resource]: Dissertation submitted for the degree of Doctor of Social Sciences (Dr. rer. soc.). 2017. – URL: http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2--gwduw0vgdsk27 (date of access: 18.11.2024).

виртуального национализма, распространение экстремистских идей, этнической киберпреступности и других деструктивных явлений, что актуализирует вопросы управленческого отношения к развитию интернета[194]. Несмотря на противоречивый характер использования технических средств, мы считаем, что их недостаток ограничивает информационно-коммуникационные возможности власти, СМИ и гражданского общества.

Этнический фактор отражается на степени влияния информации на этнополитическое сознание человека, а информационное воздействие осуществляется с помощью убеждения и внушения. Эффективность убеждающей коммуникации зависит от совокупности многих объективных и субъективных обстоятельств, но, чтобы быть убедительным коммуникатору следует представить информацию с содержанием двух форм отражения действительности – рациональной и эмоциональной. Тогда логические аргументы дополняются образными, а содержание и направленность информации совпадают с реальным жизненным опытом реципиента[195].

На массовом уровне политических коммуникаций применяются механизмы скрытого воздействия СМИ, которые способствуют мифологизации и стереотипизации сознания[196]. Стратегии информационного воздействия на этническое сознание включают: психологические детерминанты межэтнических отношений; этнодифференцирующие признаки (язык, ценности, нормы, историческую память, религию, образы родной земли, миф о единых родоначальниках, этнический менталитет и т.д.)[197]; элементы психоментального комплекса этноса (в терминологии С. Широкогорова). В основе указанных механизмов конкретные приемы, которые нашли отражение не только в теории коммуникаций, но и практической деятельности СМИ и пропаганды. К ним относятся: прием «приклеивания ярлыков», прием «сияющего обобщения», прием

[194] *Терин В.П.* Указ.соч. – С.7.
[195] *Буева Л.П.* Социальная среда и сознание личности. – М., 1968. – С. 216.
[196] *Павлова Е.Д.* Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема: автореферат дис. ...канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2004. – С.11-18.
[197] *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. – М., 2008. – С. 235-248.

«трансфера», прием «свидетельства»; прием «игры в простонародность», прием «перетасовки»[198] и т.д.

В полиэтнических сообществах многочисленные политические контакты устанавливаются не только в соотношении с задачами, преследуемыми на определенном этапе. Речь идет о политических кампаниях с включением СМИ, которые направлены на решение этностатусных вопросов, связанных с сохранением, накоплением или продвижением этнополитического капитала или его дискредитацией, формированием имиджа, ребрендингом этнотерритории и т.д. Известный ученый-политолог Е.Н. Трофимов отмечает, что гармонизации межэтнических отношений будет способствовать активизация деятельности региональных телеканалов, направленная на освещение культуры, традиций, обычаев и нравов, мест отдыха и иных достоинств своей территории[199].

Участие СМИ в политических коммуникациях, устанавливаемых в условиях полиэтничности, предопределено особенностями субъектов коммуникации [200] . Еще одним отличительным признаком политического общения в полиэтничном регионе является наличие коммуникационных барьеров на всех уровнях коммуникации, основанных на конкуренции и несостыковке этнополитических интересов различных акторов этнополитики. С этой точки зрения мы можем говорить о том, что этнический фактор способствует формированию разнообразных коммуникативных актов, межэтнических контактов, внутри- и межинституциональных коммуникаций власти, СМИ и гражданского общества.

Амбивалентность этнического фактора проявляется и в случаях прямого или косвенного влияния на качество политических контактов. С

---

[198] *Шерковин Ю.А*. Убеждение и внушение в массовых информационных процессах // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. – М., 2007. – С.93-94.

[199] *Трофимов Е.Н*. Северный Кавказ: этнотуризм и социальные коммуникации// Этносоциум и межнациональна культура. – 2019. – № 9 (135). – С.24.

[200] *Блохин И.Н.* Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретация толерантности // Гуманитарный вектор. – 2014. – № 3 (39). – С.111.

одной стороны, этничность в политико-коммуникативных процессах способствует их разнообразию, а с другой стороны, этнический фактор инспирирует противоречия в повседневных представлениях, поведенческих моделях и оценочных суждениях акторов политики, тем самым являясь дезинтегрирующим элементом межэтнических коммуникаций, что затрудняет функционирование и модернизацию политической системы. Не случайно сегодня одной из главных задач информационного сопровождения государственной политики является формирование национальной идентичности[201].

Конструктивные этнополитические коммуникации, формируемые вокруг интеграционных стратегий разнообразных политических сил и создания этноэлитами позитивных образцов адекватного этнополитического поведения, содействуют установлению каузальной связи с политическим целеполаганием. Именно поэтому процесс становления этнополитической культуры основан на соблюдении коммуникантами общечеловеческих нравственных ценностей и принципов безотносительно от их этнической идентичности, принадлежности и политических предпочтений.

На основе критериев постоянства и стабильности коммуникативных практик дифференцируют конфликт или общность политических интересов, а также конфликт или общность идентификационных характеристик коммуницирующих сторон. В случае реализации конфликтного сценария с включением стратегий противопоставления интересов или идентичностей, следует говорить о кризисных/конфликтных этнополитических коммуникациях. Разумеется, совпадение интересов в межэтнических коммуникациях содействует достижению согласия и согласованности позиций коммуникантов. Значительно сложнее ситуация с совпадением уникальных этнических идентичностей коммуникатора/реципиента, поскольку сходство может иметь естественную природу (когда мы

[201] Государственная политика и управление / Под ред. А.И. Соловьева. – М., 2017. – С.121.

подразумеваем биэтническую идентичность индивида) и искусственную природу (в случае инструментализации этничности).

Этническая идентичность, сознательно конструированная коммуникантом – это многомерное явление, меняющееся в зависимости от приемлемой прагматичности в актуальной политической реальности, хотя для качественных этнополитических контактов важно уметь имитировать этническую идентичность как неизменную категорию, выдавая ее за примордиальную характеристику индивида. Возможность практической реализации подобных имитационных стратегий в этнополитических коммуникациях объясняется не только сокращением культурной дистанции между этническими общностями в результате многолетних межкультурных коммуникаций, но и взаимовлиянием этнокультур в условиях долгого совместного сосуществования разных этносов на одной территории.

Инвариантность форм проявления этнической идентичности в этнополитических коммуникациях можно толковать как явления, которые стимулируются при определенных ситуациях политическими и социокультурными факторами. С позиции онтологической парадигмы, коммуникативную активность этничности в определенных политических условиях мы можем объяснить объективацией и совершенствованием психологической совместимости коммуницирующих сторон, которые возникли на ранних стадиях эволюции человечества в условиях локализации отдельных обществ как механизм обеспечения потребности в этносоциальной коммуникации.

Очевидный факт совместного существования этнических общностей в «пространстве всеобъемлющей коммуникации» и наличие у них «коммуникативной потребности» (В. Конецкая), во многом объясняющий их коммуникативный образ жизни, сегодня не вызывают сомнений. Еще на ранних этапах развития человеческой цивилизации информационные связи были неотъемлемым элементом социальной сущности человека.

В дальнейшем они стали информационными носителями традиционных культур, обычаев и этнической самобытности[202].

Отметим, что в процессе управления культурным разнообразием обязательно учитывается факт совместного существования различных этнических общностей на одной территории, что объективно нацеливает на поиск компромиссов и разделяемых сторонами методов коллективных действий. В особенности это ощущается в современной России, где продолжается процесс формирования общегражданской идентичности, а государственная национальная политика на современном этапе направлена на решение главной задачи – разработку проекта гражданской нации, обеспечение гражданского единства и консолидацию общества в условиях регионального многообразия и этнокультурного развития общностей [203]. Очевидно, что решить эту задачу невозможно без учета интересов всех участников политического процесса.

Этнополитическая и культурная детерминированность этнополитических коммуникаций связана с их онтологичностью. Решение национального (этнического) вопроса в обязательном порядке должно предусматривать возможность реализации каждым этническим индивидом права на участие в политике и политических отношениях, в формировании этнокультурных особенностей властных технологий (Р. Абдулатипов) и управлении политическими процессами. Относительно этнополитической деятельности мы можем рассуждать об этнополитической культуре, детерминирующей этнополитические коммуникации и определяющей их характер. Наряду с этим, этнополитическая культура является условием формирования отдельных типов этнополитических контактов.

---

[202] *Шарков Ф.И*. Особенности развития коммуникаций в современном обществе [Электронный ресурс] // Информационно аналитический портал «VIPERSON» (Виперсон). – 2009. – 22 июля. – URL: https://viperson.ru/articles/feliks-sharkov-osobennosti-razvitiya-kommunikatsiy-v-sovremennom-obschestve (дата обращения: 18.11.2024).

[203] *Зорин В.Ю., Абрамов А.В.* Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2018. – № 1. – URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/369/367 (дата обращения 18.11.2024).

Являясь частью политической культуры, этнополитическая культура выступает маркером коммуникативной готовности и компетенции актора политики, сигнализирующей о возможности установления качественных этнополитических контактов. Г.О. Даракчян убежден, что этнополитическая культура межнационального общения является имманентным качеством субъекта коммуникации, освоившим позитивный опыт социального взаимодействия в условиях культурного разнообразия, который выступает ресурсом в процессе обмена информацией в культурном пространстве[204] региона. Кроме того, этнополитическая культура содействует успешной адаптации индивида к условиям меняющейся политической реальности, устанавливая границы пространства, в котором каждый обладатель данного политико-культурного опыта является его естественной частью.

В социогуманитарной науке наблюдается плюрализм мнений относительно сущностных характеристик, функциональных особенностей и других параметров абстрактных пространств этнических общностей. Так, И.И. Дьяченко рассматривает их как «локальные этнокультурные системы» (ЛЭК-системы), выступающие выражением культуры конкретной этнической группы, с одновременной репрезентацией всего спектра условий ее эволюции: социобиолигических, производственных, экономических, политических, правовых, языковых и т.п. Автор выделяет интегральные характеристики ЛЭК-систем, которые включают: 1) традиционные этнокультурные доминанты, укоренившиеся ментальные признаки; 2) условия жизни в региональном измерении; 3) состояние общенационального гражданского нарратива; 4) воздействие общечеловеческой культуры; 5) взаимодействие всех указанных факторов[205]. На наш взгляд, значение и комбинации этих факторов напрямую зависят от актуальной политической ситуации, в которой формируются коммуникативные действия.

---

[204] *Даракчян Г.О.* Формирование межнациональной культуры общения как составная часть этнополитической культуры студенческой молодежи (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – Ростов-на-Дону, 2008. – С.9.

[205] *Дьяченко И И.* Локальные этнокультурные системы: Основные характеристики и закономерности: дис. ... канд. соц. наук: 24.00.01. – Ростов-на-Дону, 2005. – С.117.

А.В. Рязанов рассматривает абстрактное пространство этнических общностей с других исследовательских позиций. Он изучает «этнические коммуникативные пространства», ядром которых является коннективная структура. Она включает такие компоненты как: язык, культурная и коммуникативная память, мифы, этнические ценности и нормы, ритуалы и магии, этносоциальный опыт, архетипы и мнемотопы. Это ядро окружено периферией, которая выступает контактной зоной. Именно сюда изначально поступают новые для этнической общности информация, феномены и отношения [206] . Когда поступившая информация будет обработана соответствующим образом, она или усваивается, или отчуждается.

В попытке дифференцировать субъектов этнополитических коммуникативных действий мы сталкиваемся с тем, что их этнический состав определяется этнополитической повесткой, коммуникационной и политической ситуацией. Различные виды этнополитических коммуникаций, идентифицируемые во многих случаях как конфликтные/кризисные, сигнализируют о наличии этнополитических проблем в регионе. Это, во многом, объясняется особенностями этнополитики на локальном/ региональном/ федеральном уровне в определенном временном промежутке. В других ситуациях этнополитические коммуникации являются механизмом достижения политической интеграции и согласия на основе единых целей нескольких этнических общностей, объединенных в рамках этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества. Политическая власть использует этнополитические коммуникации как механизм реализации государственной этнополитики, управления культурным разнообразием, формирования общественного мнения и позитивного имиджа. Вместе с тем, этнополитические коммуникации являются средством реализации политической власти в полиэтничном регионе. Этнические общности часто используют этнополитические

[206] *Рязанов А.В*. Структурные изменения этнических коммуникативных пространств: динамика и направленность // Философия и общество. – 2006. – № 4. – С.88.

коммуникации как механизм презентации этнополитических интересов, этнолоббизма и давления на процесс принятия этнополитических решений, а также как механизм контроля принятия и исполнения политических решений в интересах определенных этнических общностей или их представителей. Во всех обозначенных ситуациях включение СМИ значительно усиливает воздействующий эффект на всех стадиях этнополитических коммуникаций.

СМИ в современном информационно-коммуникационном обществе, характеризующемся политизацией медиа и медиатизацией политики, играют значительную роль в трансляции политической информации и формировании общественного мнения. СМИ работают во всех блоках политических коммуникаций с четким выражением механизма «прямых» и «обратных» инфопотоков. По сравнению с коммуникацией за столом переговоров и другими «кабинетными» формами взаимодействия, СМИ одновременно воздействуют на массовую аудиторию, получают информацию из первоисточников (чего другие не могут в силу предписанных законов и других формальностей), создают ее и, имея широкий доступ к социуму, формируют его отношение к власти. Но отношение к власти в обществе зависит как от самой власти, так и от гражданской позиции журналистов, реализующих ее в творчестве, в соответствии с логикой «социального заказа», своих способностей и предпочтений. Независимо от направленности и количества информации, результат ее трансляции определяется индивидуальной одаренностью журналиста, его способностью отбирать проблемные ситуации, органичные с его личностными качествами. «Журналист может принять политическую идею как личностный мотив творческой деятельности и стать ее пропагандистом или, наоборот, не согласиться с ней. Его материал персонифицирован, окрашен индивидуальным видением и умножает силу воздействия на аудиторию»[207].

[207] *Bryant J., Miron D.* Theory and Research in Mass Communication // Journal of Communication. – 2004. – Vol. 54. – № 4. – P. 662–704.

При освещении политических событий и деятельности властей в СМИ, особое место занимает проблема субъективности. Политическая предвзятость – преднамеренное формирование репортажа и интерпретация фактов в интересах определенных групп, акторов, коммуникативных действий. Правда, в случаях глубоко продуманной пропагандистской тактики власти политическая субъективность журналистов может быть менее намеренной или неосознанной. По справедливому замечанию М. Паренти, репортеры могут даже не осознавать системы ценностей, в которой работают, что, на наш взгляд, связано с низким уровнем профессионализма.

В современных условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и качественно нового уровня ведения информационных войн, роль журналистов в решении актуальных этинополитических проблем, неизмерима возросла. Задача осложняется тем, что сегодня каждый субъект политики, обладающий соответствующим уровнем медиаграмотности, может не только найти для себя «нужную» в соответствии с информационными потребностями, вкусами, идейными установками и предпочтениями значимую информацию, но и выступить в качестве фрилансера, создающего и транслирующего политические тексты на бесконечное количество людей и расширяющего, тем самым, конкуренцию в политико-коммуникационном пространстве.

В этой связи в СМИ широко применяются манипулятивные технологии посредством: актуализации или создания ментально-мифологических конструктов и воздействия на архетипы и метапрограммы; использования психологических автоматизмов; управления информационными потоками или информационной средой; актуализации ценностных представлений аудитории; использования механизмов социального контроля и т.д. Однако манипулирование как процесс ограничено определенными пределами закономерного характера. Ограничительные границы определены

механизмом цензуры и системой психологической защиты, которые проявляются как на индивидуальном уровне, так и на групповом[208].

Таким образом, новая социальная реальность требует изменения методологических подходов к научному осмыслению политических процессов, институтов и технологий. Одним из таких свойств, которое отражает сложность и многообразность, неопределенность и непредсказуемость протекающих процессов, в том числе и в политической сфере, является полипарадигмальность.

Изучение теоретических аспектов этнической составляющей политико-коммуникативных процессов с позиции полипарадигмального подхода позволило нам выявить гибридный характер политических коммуникаций, проявляющийся в появлении атипичных, разноуровневых и разнонаправленных связей и расширении возможностей манипулирования общественным мнением с учетом этнического фактора, что создает новые возможности для конструирования различных моделей информационного взаимодействия в сфере принятия решений.

1.3. Особенности и стратегии этнополитических коммуникаций

В условиях все более усложняющегося культурного разнообразия мира и технологических нововведений в коммуникационной сфере активизируется процесс переосмысления теоретико-методологических подходов к изучению этнополитических коммуникаций.

Проблема этнополитических коммуникаций приобретает особое звучание в силу основополагающих процессов фрагментации, деструкции и реконструкции идентичностей [209] , специфики этнополитического самоопределения, интеграции и межэтнического взаимодействия. Все это

[208] *Дзялошинский И.М.* Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2005. – № 1. – С.44.
[209] *Вевьерка М.* Формирование различий // Социологические исследования. – 2005. – №8. – С.18.

происходит на фоне радикальных общественных перемен, усиливающегося медиавоздействия на состояние политической реальности и медиатизации политики [210], драматических изменений в использовании и доступности новых информационных и коммуникационных технологий [211]. Для дальнейшего понимания определимся с основными понятиями.

Плоскость пересечения понятий «этнополитика» и «коммуникация» составляет объем понятия «этнополитическая коммуникация», которая является предметом изучения этнополитологии и коммуникативистики (communication science)[212].

Этнополитология – относительно новая область исследований, находящаяся на стадии своего становления, теоретического обоснования и разработки инструментария[213]. В этой связи продолжается научный поиск ученых, рассматривающих этнополитику с различных позиций.

Институционализацию этнополитики исследователи связывают с именами М. Паренти [214], Дж. Ротшильда [215], Р. Карклинса [216], которые определяют ее к анализу взаимосвязи этнического фактора и политического поведения людей, политико-структурному содержанию этничности или используют для широкого описания политики среди этнических образований. Другие западные ученые обращают внимание на конструктивное содержание этнополитики, подчеркивая, что она может быть не только конфликтной, но и совместной[217].

Российские исследователи В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев рассматривают этнополитику как отражение этнического фактора в политике, включенность

---

[210] *Рябова Е.Л., Сулейманова Ш.С.* Новые медиа и современные политические процессы // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 6 (96). – С. 9-29.
[211] *Eriksen T.H.* Nationalism and the Internet // Nations and Nationalism. – 2007. – №13 (1). – P. 6.
[212] *Землянова Л.М.* Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М., 2004. – С.70.
[213] *Ачкасов В.А.* Этнополитология // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте (1955–2017): традиция, рецепция, новация / отв.ред.: О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. – М., 2017. – С.167.
[214] *Parenti M.* Ethnic Politics and the Persistence of Ethnic Identification // American Political Science Review, 1967. – № 61(3). – P. 717–726.
[215] *Rothschild J.* Ethnopolitics: a Conceptual Framework. – New York, 1982. – P.117.
[216] *Karklins R.* Ethnopolitics and transition to democracy: The collapse of the USSR and Latvia. –Washington, D.C.; Baltimore and London, 1994.
[217] *Ishiyama J.T., Breuning M., Breuning M.A.* Ethnopolitics in the new Europe. – Boulder, CO, 1998. – P. 3-4.

этнических групп в управленческий процесс и в свою очередь влияние политики и государства на развитие этнических общностей, управление полиэтничными государствами, создание условий для межэтнического согласия и урегулирование этнополитических конфликтов[218].

По мнению В.Ю. Зорина, суть проблем «национального вопроса» и «национальной политики»[*] составляют вопросы состояния и развития этнического разнообразия населения страны (многонационального народа), системы государственной организации и управления в условиях полиэтничности, учет и политико-правовых запросов и интересов отдельных граждан и этнических общностей, которые связаны с вопросами сохранения их культурной самобытности в условиях единого государства, разного типа расселения и условий проживания. Этнополитика включает и проблемы межэтнических отношений, в т.ч. конфликты, а также комплекс мероприятий государства и общества по их предотвращению и разрешению [219].

Л.М. Дробижева рассматривает понятие «этнополитика» как системное регулирование коллективных прав этнических сообществ в пределах территорий их исторического проживания и формализацию этого регулирования посредством необходимых правовых актов и создание государственных структур, которые будут нести ответственность за этническй аспект внутренней государственной политики [220] . В русле коммуникативной концепции рассуждает М.А. Дадуев, выделяя государственную этнополитику в качестве «ядра» всей системы этнополитики, которая включает широкий спектр взаимоотношений государства с этническими группами и институтами гражданского общества: элитами, партиями, движениями, общественными организациями, СМИ, религиозными структурами, а также взаимодействие государственного курса с этнокультурными образованиями. На этом основании, М.А. Дадуев

[218] *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: политические функции этничности. – М., 2011. – С.13.
[*] Длительное время отечественные ученые синонимично с этнополитикой употребляли именно эти термины.
[219] *Зорин В.Ю.* Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века. – М., 2018. – С.5.
[220] *Дробижева Л.М.* Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. – М., 2001. – С. 199.

полагает, что современная этнополитика не только управляет этническими процессами, но и зависит от них по принципу обратной связи[221].

По мнению Л.В. Савинова, этнополитика – это сфера политического бытия, характеризующаяся включением этнических групп в структуру власти и властные отношения, а также управление этнонациональными отношениями[222].

На основе анализа литературы мы можем определить этнополитику как *область междисциплинарных исследований и реальной политики, объектом изучения которой являются политические процессы, обусловленные актуализацией этнического фактора в результате взаимодействия этнонациональных идеологий, чувств, ценностей, норм, мнений и соответствующих управленческих решений.* Из этого следует, что ключевым условием политической актуализации этничности и регулирования этнополитических отношений, являются коммуникации. Неслучайно этнополитологи отмечают невозможность существования этничности вне коммуникативных отношений[223]. По мнению Дж.В. Бертона коммуникация между народами присутствует даже тогда, когда нет прямого взаимодействия, например, в виде симпатии представителей разделенных народов друг к другу. Также возможны коммуникации антипатии, когда устанавливаются коммуникационные барьеры и перекрываются потоки информации, что соответствующим образом влияет на мнение и поведение людей.

Следует отметить, что наряду с симпатиями и антипатиями, человеческим отношениям свойственна и потенциальная возможность коммуникации. Так, этнические общности со схожими ценностями и традициями знают о существовании друг друга, но для них непосредственная коммуникация не имеет принципиального значения. Наличие в

---

[221] *Дадуев М.А.* Концептуальные основы этнополитики в современной России // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №2. – С.169-174.
[222] *Савинов Л.В.* Смыслы и ценности этнополитики // Ценности и смыслы. – 2009. – №2. – С.31.
[223] *Ачкасов В.А.* Этнополитология. – СПб., 2005. – С. 40.

определенных отношениях структурных и функциональных возможностей взаимодействия, автоматически наделяет эти отношения систематическими атрибутами коммуникации [224] . В этом смысле между различными этническими группами существуют коммуникации. Они основаны на этническом самосознании и чувстве этнической принадлежности, которые формируются под влиянием объективных условий жизни человека. Исследователи исключают возможность произвольного изменения сложившегося у индивида сознания принадлежности к конкретной этнической общности, хотя, конечно, можно его скрыть и объявить о принадлежности к другой группе [225] , что подразумевает изменение и этнического коммуникативного пространства.

В настоящее время в коммуникативистике имеется множество интерпретаций термина «коммуникация», но не одна из них не стала общеупотребительной [226]. Термин «коммуникация» в теоретическом плане ассоциируется с неким связующим средством, с одной стороны, и с общением, взаимодействием субъектов, в котором определяющим условием является информационный обмен с воздействующим эффектом, с другой стороны. Поэтому, на наш взгляд, под коммуникацией следует понимать установленную связь, контакт или общение между субъектами, которые, обмениваясь информацией, взаимодействуют друг на друга.

На определение типа коммуникации влияют сфера ее установления, масштабы распространения, пространственно-временные параметры и коммуникативные помехи/барьеры. Именно этим объясняется наличие массовых, групповых, межличностных коммуникаций в экономической (маркетинговые), политической (политические) и других профессиональных сферах жизнедеятельности людей в определенном месте и времени. Отдельного внимания заслуживают коммуникации в этносоциальной среде, в

[224] *Бертон Дж. В.* Конфликт и коммуникации: Использование контролируемой коммуникации в международных отношениях // Теория международных отношений: Хрестоматия. – М., 2002. – С. 353.
[225] *Семенов Ю.И.* Этносы, расы, нации [Электронный ресурс] // Скепсис: научно-просветительский журнал. – 2004. – 13 апреля. – URL: https://scepsis.net/library/id_75.html (дата обращения: 18.11.2024).
[226] *Дзялошинский И.М.* Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. – М., 2012. – С.15.

которой многое определяется совпадением этноменталитета, этнопсихологии с профессиональным (политическим, экономическим и т.д.) менталитетом коммуницирующих сторон в общностном и личностном измерениях.

Мы рассматриваем коммуникацию в ее политическом значении как социальное явление, которое включает все компоненты субъективированного восприятия, интерпретации и переработки людьми информации, все грани процесса установления осмысленных политических контактов между отправителями и получателями информации и ее использования в соответствии с замыслами субъектов. Такой подход позволяет определять коммуникации в сфере политики или политические коммуникации как осмысленные/понятные и целенаправленные действия.

Согласно теории социального действия человеческое действие является осмысленным, рациональным в самом широком смысле, предполагающим принятие решений относительно средств и целей. Оно также является целенаправленным, поскольку действие направляется устремлениями, намерениями и целями [227]. Политические коммуникации направлены на реализацию трех основных целей: передачу информации, изменение мнения, изменение поведения [228]. Для достижения этих целей осуществляются различные действия, которые могут носить неформальный характер с включением народной дипломатии. В современной политической науке отсутствует общепринятая интерпретация термина «народная дипломатия». В широком смысле под народной дипломатией понимается активность граждан во внутренней и внешней политике, направленная на установление контактов, преодоление кризисов и формирование положительного имиджа. В контексте рассматриваемой темы мы рассматриваем народную дипломатию как активное участие этнических индивидов/групп в реализации

[227] *Тернер Дж.* Прошлое, настоящее и будущее в американской социологии // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. – Вып. 2(8). – С. 26-27.
[228] *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: генезис концепции // Политическая коммуникация XXI века: гуманистические аспекты: Материалы межвузовской научно-практической конференции 25 марта 2002 г. – М., 2002. – С.7-15.

этнополитической повестки, установленной государством, его партнерами и оппонентами.

В современных условиях, чтобы побудить аудиторию к принятию транслируемой информации, к разделению каких-то суждений, мнений или оценок, необходимо преимущественно убеждающее воздействие[229], которое наталкивается на мощные барьеры в виде психического противодействия, оказываемого существованием групповых норм[230]. Понятно, что нормы и ценности отдельных социальных групп могут не совпадать между собой, и в этом случае сложно говорить о нормативно-ценностной системе общества. Однако это дает возможность структурировать политические коммуникации через разграничение норм, ценностей и соответствующее политическое действие индивидов, принадлежащих к тем или иным социальным группам, например, этническим, культурным, диаспоральным и т.д. В таком случае политические коммуникации представляют собой совокупность культурно обусловленных взаимодействий, характеризующих наличие у коммуницирующих сторон различных мнений о власти, государстве, партийной системе, политическом участии граждан в делах государства. К тому же связь между традиционными установками и ориентациями участия балансирует политическую культуру нации, в которой сочетаются политическая активность, вовлеченность и рациональность, которые уравновешиваются покорностью, соблюдением традиций и приверженностью традиционным ценностям[231].

Концепция о культурной природе человека позволяет объяснить, почему в сознании индивида рациональные компоненты тесно переплетаются с эмоционально-волевыми, мифологическими, традиционными, этнопсихологическими и подобными элементами, которые впоследствии проявляются при общении, определяя его коммуникативное

[229] *Шерковин Ю.А.* Убеждение и внушение в массовых информационных процессах // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. – М., 2007. – С.71.
[230] *Lewin K.* Group Decision and Social Change // Readings in Social Psychology. – New York, 1958. – P.202–210.
[231] *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. – М., 2014. – С. 166.

поведение и место в мире политики. Вместе с тем, такие категории как патриотизм, семейная, общинная, национальная или иная форма лояльности, мифы, обычаи и традиции, играют определенную роль в детерминации содержания и направленности общественных процессов и политического поведения различных субъектов. Тем самым очевидна культурная обусловленность политико-коммуникативных процессов.

Этнополитические коммуникации отличаются от других видов политического взаимодействия тем, что им, наряду с универсальными свойствами, присущи уникальные черты политической культуры той нации и этнической общности, носителями которых являются участники коммуникативных действий. Для образования коммуникации между акторами этнополитики важно насколько схожи или знакомы участникам коммуникации атрибуты их политической культуры, использующиеся в процессе взаимодействия. Как отмечает С.А. Шомова, изучение политической коммуникации перелома XX-XXI вв. невозможно без учета социокультурных тенденций ее развития, которые связаны с историческим опытом и социальной памятью нации, этническими и ментальными составляющими общества, национальными традициями, мифологическими представлениями, идеологическими и ценностными установками[232].

Совпадение ценностно-культурных матриц[233] и политических взглядов коммуникантов располагает к политическому взаимодействию и выработке согласованного решения, что характерно для межличностных коммуникаций. На межгрупповом и массовом уровне этнополитические коммуникации предстают как более сложные, многомерные и разнонаправленные взаимодействия носителей различных языков, культур и политических ценностей, которые соперничают, конфликтуют или сотрудничают между собой, оказывая неоднозначное влияние на этнополитическую систему.

---

[232] *Шомова С.А.* Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы: монография. – М., 2004. –С. 9.

[233] *Воденко К.В., Овчаренко Д.Л., Стукалова Е.В.* Ценностно-культурная матрица: теоретический конструкт и социальная реальность // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т.6. – №6. – С.78-86.

В политологии концепт «коммуникация» часто употребляется как синоним слов «взаимодействие», «взаимоотношения», «отношения». Отсюда и распространение терминов «этнические отношения», «межэтнические отношения», «национальные отношения», «межнациональные отношения», «межэтническое взаимодействие», «межэтнические взаимоотношения» и т.п. Определенное различие между этими понятиями все же существует. Как отмечает Э.К. Асп, концепт «коммуникация» понимается шире, чем «взаимодействие»[234]. Р. Бонсак поясняет, что в понятии «коммуникация» определяющее значение имеет объект коммуникации, т.е. то, «о чем говорят», в то время как в понятии «взаимодействие» на переднем плане – социальное отношение участников, т.е. «кто есть кто»[235].

Следует отметить и то, что именно концепт «коммуникация» способен «уловить» «исторический смысл наступившей постиндустриальной эпохи и помочь в осмыслении перехода к новому типу организации власти и политического сообщества»[236]. Тем не менее, в политической науке термин «этнополитические коммуникации» не получил широкого распространения. По выражению С.А. Шомовой, в отечественной науке социокультурный взгляд на политические коммуникации является редким явлением.

Изучение коммуникативного аспекта политических процессов с участием этнических групп зарубежными и отечественными учеными преимущественно осуществляется в рамках конфликтологических парадигм, теории журналистики и массовой коммуникации с акцентуацией внимания на функционировании СМИ и новых коммуникационных технологий, дифференцирующих культурные различия, усложняющих этнополитические и интеграционные процессы. При этом исследователи выделяют несколько моделей межэтнических взаимоотношений: модель ассимиляции, модель плавильного котла, модель культурного плюрализма, модель ядра (центра) –

[234] *Асп Э.К.* Введение в социологию. – СПб., 2000. – С.234.
[235] Там же.
[236] *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 12.

перифирии и внутреннего колониализма[237]. В целом, научные исследования этнополитических процессов и отношений направлены на поиск адекватных современным реалиям путей решения т.н. «национального» вопроса, достижение взаимопонимания и межэтнического согласия. Неслучайно, исследование проблемы взаимопонимания и согласия в межкультурной и этнокультурной коммуникации составляет одну из ключевых тем коммуникативистики.

В научных работах, содержащих интерпретацию термина «этнополитическая коммуникация», наблюдается плюрализм мнений. Так, П.Н. Киричек рассматривает этнополитические коммуникации как: 1) обмен информацией между управляющими и управляемыми, властвующими и подвластными; 2) смысловой аспект взаимодействия этнических субъектов политики в процессе борьбы за власть или ее осуществление[238].

По мнению Л.В. Савинова, этнополитические коммуникации выступают одной из форм выражения этнополитического процесса. При этом этнополитические отношения характеризуют взаимосвязь и взаимодействие акторов этнополитики[239].

О.Н. Максимова считает, что термин «этнополитическая коммуникация» обозначает рецепционную деятельность коммуникатора и реципиента. Именно наличие значительной доли этноцентричности в политических коммуникациях оправдывает применение этого термина[240].

В нашем понимании этнополитические коммуникации – это особый тип общения, ассоциированного с этничностью, в ходе которого происходит обмен смысловой этнической информацией в соответствии с заданными целевыми установками и мотивами коммуникантов. При таком подходе понятно, что субъектом этнополитического взаимодействия может быть

---

[237] Этнополитология: хрестоматия / Сост. и авт. вступ. статьи В.А.Тураев. – М., 2001. – С.57-58.
[238] *Киричек П.Н.* Массмедийный дискурс этнополитических коммуникаций // Коммуникология. – 2016. – Т.4. – №1. – С.30.
[239] *Савинов Л.В.* Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе: монография. – Новосибирск, 2005. – С.31.
[240] *Максимова О.Н.* Этнополитическая культу ра современного российского региона: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2015. – С.7.

актор, который имеет какое-либо отношение к этничности и/или актуальной этнополитике. К примеру, участвующие в кризисных коммуникациях медиаторы, как правило, представляют нейтральную сторону и не идентифицируются этнокоммуникантами как «свои» – «чужие». Коммуникативный статус актора этнополитики обусловлен не только его коммуникативной компетентностью, но и состоянием этнополитического коммуникативного пространства, временными и динамичными параметрами коммуникативного акта. В зависимости от этого, изначально актор этнополитики может определять свой коммуникативный статус и быть отправителем, дистрибьютором, «лидером мнения», медиатором или получателем этнической информации, под которой подразумевается упоминание, реконструкция или интерпретация в медиа/текстах различных аспектов развития этнических сообществ и наций.

Необходимо отметить, что коммуникативный статус субъекта определяется не столько его положением в социально-политической структуре общества, сколько коммуникационной активностью и эффективностью его коммуникации[241].

В процессе взаимодействия возможно изменение коммуникативного статуса, что характерно, например, для мультимедийных коммуникаций, когда акторы этнополитики одновременно могут производить, распространять и получать информацию. Источники, каналы и средства коммуникации часто имеют этнические/этнокультурные основания и напрямую или косвенно связаны с акторами этнополитики. Их выбор обусловлен этнокультурными характеристиками коммуникантов, доступностью использования тех или иных каналов и средств коммуникации, а также их востребованностью и целесообразностью применения в конкретном поликультурном сообществе. Особое значение в этнополитических коммуникациях имеют проблемы доверия и

[241] *Черемин Н.Б., Рябков Н.Ю.* Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2012. – №2 (26). – С.179.

взаимопонимания. Во многом именно они определяют эффективность коммуникации. Однако сложно утверждать то, что отсутствие доверия ставит под сомнение возможность адекватного коммуникативного поведения. Акторы этнополитики во время коммуникации могут не доверять друг другу и проявлять уважительное отношение. Это не гарантирует достижение абсолютного согласия и принятие согласованного решения, удовлетворяющего обе стороны на данном этапе.

Как следует из нашего определения, участники этнополитических коммуникаций преследуют различные цели, обусловленные актуальной этнополитической ситуацией и связанные с реализацией государственной этнополитики, репрезентацией этнополитических интересов в СМИ, актуализацией националистической идеологии, обострением межэтнического дискурса, этнизацией политики, политизацией этничности и т. д. Эти факторы, наряду с культурными компонентами, отражаются на этнополитическом коммуникативном поведении сторон, достижении межэтнического согласия, конфликтности дискурса, восприятии, интерпретации и использовании этнической информации как накануне, так и во время коммуникативного акта, и в посткоммуникационной ситуации.

Как и любые другие виды социальной коммуникации, этнополитические контакты содержат «параметры межкультурности» [242] , которые проявляются в стратегическом дизайне этнополитического взаимодействия, а его успешность определяется стратегией формирования межнационального (межэтнического) согласия, исключающей враждебное отношение к «другим». Враждебность характерна для этнополитических медиакоммуникаций. Она сопровождается использованием «языка вражды» в СМИ, тиражированием негативных этнических стереотипов, историй, мифов, которые дифференцируются по этническому критерию, противопоставляются друг другу и подвергаются субъективным оценочным

[242] *Зинченко В.Г.* Межкультурная коммуникация: от системного подхода к синергетической парадигме. – М., 2007. – С.4.

суждениям авторами медиа текстов и многочисленными комментаторами. Такая медиатизация этнополитики приводит к конфликтным ситуациям и не способствует стабилизации этнополитической информационно-коммуникативной системы. Осознание этого факта предопределяет возможность этнополитического взаимодействия и принятия согласованных решений. Достижение согласия в этнополитических коммуникациях является одним из обязательных условий строительства фундамента целеполагания совместного сосуществования с «другими»[243].

Категории «свой», «чужой», «другой», используемые в процессе общения между акторами этнополитики, являются маркерами, создающими коммуникативные барьеры и увеличивающими дистанцию между коммуникантами. Известно, что еще на ранних стадиях развития общества межэтнические коммуникации рефлексировались на уровне этнического самосознания и оформившейся этнической картины мира, в соответствии с которыми осуществлялось обособление «чужого» от «своего»[244]. И сегодня высока роль этнической идентификации, которая включает стереотип поведения и восприятия информации, структуру мышления и комплекс «свой – чужой». По мнению Л.С. Васильева, главной причиной и основным направлением модификации этого комплекса стала политическая борьба за власть[245], в которой используются коммуникативные технологии, средства и ресурсы, направленные на мобилизацию этнической общности. В предыдущем параграфе мы обращались к вопросу о роли этничности в политико-коммуникативных процессах, поэтому не будем здесь подробно на этом останавливаться и добавим, что в политической коммуникации для нашего исследования важен и такой смысловой аспект как отражение взаимодействия политических интересов этнических общностей.

---

[243] *Блохин И.Н.* Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретация толерантности // Гуманитарный вектор. – 2014. – №3 (39). – С.111-112.

[244] *Хабермас Ю*. Вовлечение другого: Очерки неполитической теории. – СПб., 2001. – С. 204.

[245] *Васильев Л.С*. Комплекс «свои»-«чужие» как историко-культурный и социально-политический феномен // Мы и Они. Ксеноформизм и образ «другого»: сб. статей на тему ксенофобии / отв. ред. Л.С. Васильев; ред.-сост. Я. Л. Рябинин. – М., 2007. – С.41.

С этой точки зрения политическая коммуникация рассматривается как политический процесс, как смысловое взаимодействие и как специфический вид политических отношений, протяженных во времени и пространстве, с помощью которых взаимодействующие в обществе классы, этнические общности, социальные группы и индивиды обмениваются и распространяют политическую информацию[246].

Этнополитические коммуникации более широкое понятие, чем межэтнические коммуникации, которое охватывает все виды политических взаимодействий в этносфере. Они осуществляются по двум разным направлениям: от политики – к этническому и, наоборот, от этнического – к политике[247].

Тот факт, что этнополитические коммуникации в своей основе имеют принципы власти и взаимозависимости, объясняет дифференциацию коммуникативных актов. В политологии политико-коммуникативные процессы, связанные с неравномерным распределением власти и ресурсов между этническими общностями, определяются отношениями соперничества и часто имеют конфликтные сценарии. Хотя в демократических государствах конфликты могут выражаться и через связи [248]. С другой стороны, коммуникация позволяет объединить коммуникационные системы двух конфликтных групп с тем, чтобы увеличить их «соизмеримость» [249]. В подобных случаях решение сложной проблемы компромисса связано не только с согласованием целей акторов этнополитики, но и с особенностью самого коммуникативного акта. Общение должно быть «информативным», позволяя прогнозировать направление мысли или поведения – а также «тонким», маскирующим истинные намерения и инструментальные цели.

[246] Методологические проблемы социально-гуманитарных наук / под ред. Т.В. Науменко. – М.: 2013. – С.107.
[247] *Мухарямов Н.М*. К семантике этнополитического // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С.7.
[248] *Wolton D.* Political Communication: The Construction of a Model // European Journal of Communication. – 1990. – Vol.5. – № 1. – P. 9–28.
[249] *Ellis D.G*. Building a theory of communication and ethnopolitical conflict [Electronic Resourse] // Communication Monographs. – 2019. – Vol. 86. – № 1. – P. 68-87. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03637751.2018.1507044 (date of access 17.11.2024).

Несоблюдение первого критерия ведет к тому, что общение становится неконтролируемым и бессистемным, а несоблюдение последнего вызывает подозрение и реакцию[250].

Для принципиального понимания сущности процесса коммуницирования с целенаправленной подачей информации и попыткой вступить в контакт с реципиентом, следует обратиться к классической модели коммуникации Г.Д. Лассуэлла, включающей следующие вопросы по передаче сообщения: «Кто? Что сообщает? По какому каналу? Кому? С каким результатом?» [251], с дополнением, предложенным Р. Брэддоком: «При каких обстоятельствах?» и «С какой целью?» [252]. Следуя данной логике, в структуру этнополитических коммуникаций следует включить намерения, ситуационный фактор, ресурсы, стратегию субъекта, воздействующий эффект и результат. Это очень важно, учитывая следующие основные обстоятельства:

- этнический/этнокультурный состав участников коммуникации, их отношение к власти, ресурсы, статусы, интересы и цели;
- специфику этнополитического коммуникативного пространства и общественного мнения;
- различия представлений коммуникантов о путях решения этнополитической коммуникативной задачи;
- наличие адекватных механизмов презентации этнополитических интересов и включенность поликультурного сообщества в коммуникации с властью;
- информационную открытость и доступность власти для всех акторов этнополитики;

[250] Social Communication (Frontiers of Social Psychology) / Ed: K. Fiedler. – Psychology Press, 2011. – 458 p.
[251] *Lasswell H.D.* The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. / Ed.: L. Bryson. – New York, 1948. – P. 37.
[252] *Braddock R.* An extension of the “Lasswell Formula” // Journal of Communication. – 1958. – Vol. 8. – P. 89.

● использование этничности как идеологической основы этномобилизации и реализации политических намерений (Дж. Ротшильд, П. Брасс);

● использование этнокультурного и национального (гражданского) интеграционного потенциала;

● возможность преодоления коммуникационных барьеров в актуальной социальной ситуации.

Каждое поликультурное общество отличается разнообразием форм взаимодействия и дифференциацией этнических картин мира, способствующих специфичному восприятию информационных сообщений СМИ, их отбору, распространению и интерпретации. Отношение индивида к медиатекстам является критерием оценки национализма. По мнению автора коммуникативной теории этничности К.Дойча, националист отдает предпочтение восприятию и передаче тех сообщений, которые содержат специфические символы национальности, либо происходят из национального источника или выражены в особом национальном коде языка или культуры. Преобладание аналогичных сообщений, образов и воспоминаний, позволяет говорить о «крайнем » национализме[253].

В данной части работы следует отметить значимость таких элементов этнополитических коммуникаций как гражданская, этническая и этнополитическая культура, которые регламентируют нормы коммутации, технологии организации и поддержания связи, формы обработки, интерпретации и восприятия текста, характер дискурса и т.д. В ряде случаев именно этнокультурные различия выступают барьерами коммуникации и причиной ограничений политической активности субъекта. Примерами таких групповых привилегий и различного рода цензов могут быть вероисповедные, национально-этнические, расовые, идеологические, партийные и иные: преграды, искажение и селективная дистрибуция публичной информации правящими кругами.

[253] *Дойч К.* Нация и мир. – С.111-112.

Обращаясь к структурной композиции этнополитической коммуникации, отметим, что она является одним из видов политической коммуникации, включающей следующие компоненты: институциональный; материальный или технический и информационный[254].

Институциональный компонент представлен совокупностью определенных структур, соединенных информационными отношениями сбора, производства, дистрибуции и потребления информации, которая может иметь открытый и латентный характер. Соответственно, акторами этнополитических коммуникаций являются:

– *государство и государственные информационные структуры* (официальные лица, информационные отделы и пресс-службы госаппарата);

– *средства массовой информации и коммуникации* (газеты, интернет, печать, радио, современные медиа, телевидение, книжное дело и т.д.);

– *современные и традиционные институты гражданского общества* (общественная палата, молодежная палата, общественно-консультативные советы и комиссии, этнокультурные и этнические НКО, НПО, НКА, советы старейшин, советы тейпов, религиозные организации и т. д.);

– *латентные акторы* (отдельные политические игроки, теневые структуры, сотрудничающие с властью специфическим образом и т.д.);

– *лидеры мнений*[255] (посредники между отправителями и получателями информации, оказывающие влияние на мнения людей);

– *этнические антрепренеры* (отдельные политические акторы, использующие этнический фактор в свою пользу);

– *этнические лоббисты* (этнические индивиды, лоббирующие интересы определенной этнической общности);

– *представитель этнической группы* (персонифицированная группа, через которую она выражает свои интересы[256]);

---

[254] *Нос А.И.* Политическая коммуникация в современной России: автореферат дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – Ставрополь, 2004. – С.10-11.

[255] *Кац Э, Лазарсфельд П.Ф.* Личное влияние: роль людей в потоке массовой информации. – М., 2024. – С. 15-42.

[256] *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. – вып.2. – С.150.

– *межэтнические альянсы* (межэтнические советы);

– *общественность* (в зависимости от степени участия в политике делится на элиту, участников, зрителей и незадействованных).

В структуре этнополитической коммуникации отсутствуют категория «этническая группа», т.к. ее политические интересы артикуликулируют отдельные представители или формализованные структуры. Как отмечает А.И. Соловьев, категория «социальной группы», которая выделяется по критерию социокультурных и территориальных параметров, не может применяться к анализу информационного пространства, поскольку эта конструкция представляет исключительно содержательный аспект репрезентуемых в политическом информационном пространстве интересы части граждан, не раскрывая работу тех субъектов, которые в действительности представляют интересы макрообщностей[257].

В процессе коммуникации каждый из акторов этнополитики может выполнять различные роли – быть источником, отправителем, каналом или получателем этнической информации, закодированной в соответствии с культурно-языковым «кодом» адресата и этнокультурной моделью гражданского общества, в котором устанавливаются коммуникативные акты. В этнополитических медиакоммуникациях роли отправителя и получателя информации часто совмещаются.

Материальный или технический компонент включает весь спектр современных информационно-коммуникационных средств: компьютеры, печатные машинки, факсимильные аппараты, факсы, модемы, совокупность каналов дистрибуции этнической информации и ресурсов, содержащих смысловые сообщения, зафиксированные на соответствующих носителях информации, являющихся продуктом деятельности акторов этнополитической коммуникации.

[257] *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5-18.

Информационный компонент в структуре этнополитических коммуникаций включает совокупность специфических информационных явлений социокультурной среды, к которым относятся процессы, события, отдельные коммуникативные акты, состояния, отношения, взаимодействия и связи, формирующиеся на их основе этнические информационные поля и пространства в рамках конкретной этнополитической системы. В актуальной социокультурной ситуации сложные и противоречивые контакты между акторами этнополитики имеют различные конфигурации, определяющие специфичность и эффективность этнополитических взаимодействий.

В соответствии с теорией социальной коммуникации, основными инструментами этнополитических коммуникаций являются:

1) культурно-языковой код;

2) каналы коммуникации;

3) коммуникативные стратегии;

4) наличие (или отсутствие) обратной связи.

Существенным условием политической активности этнических индивидов и групп является плотность внутриэтнических коммуникационных связей. По мнению авторов информационной теории этноса А.С. Арутюнова и Н.Н. Чебоксарова, состояние этнических групп зависит от наличия между людьми синхронных и горизонтальных связей, т.е. от постоянного информационного обмена. По «коммуникационным сгусткам» и «коммуникационным разряжениям» можно определить территориальную локализацию конкретной этнической общности или нескольких аналогичных социальных групп[258]. Современное информационное общество значительно расширяет политико-коммуникативные возможности индивидов и сообществ, позволяя им моделировать различные сетевые взаимодействия, не ограничиваясь какими-либо пространственно-временными рамками.

[258] *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Этнические процессы и информация // Природа. –1972. – №7. – С.60.

Разнообразие политических контактов позволяет применять дифференцированный подход и сегодня не исчерпывается использованием традиционных способов коммуникации. Речь идет о коммуникациях через: средства массовой информации, включая прессу, книги, плакаты и т.д.; электронные средства, включая радио, телевидение и т.д.; организации, выступающие в роли посредника между правителями и управляемыми; неформальные каналы [259]. В вопросах регулирования этнополитических конфликтов применяются политико-коммуникативные технологии, не предписанные в деятельности официальных и корпоративных структур. В этом плане следует указать на использование государством технологии народной дипломатии.

Необходимо отметить, что, выступая в роли медиатора, государство организует неформальную диалоговую политическую коммуникацию между этнополитическими элитами, в результате которой стороны приходят к компромиссу. Этому предшествует предкоммуникационная ситуация, связанная с согласованием многих моментов, имеющих отношение к непосредственному акту коммуникации с включением технологии народной дипломатии.

Сложное сочетание и взаимодействие структурных элементов, их взаимообусловленность, динамика, частота и интенсивность воздействия определяют разновидность и результаты этнополитических коммуникаций в определенном пространственно-временном континууме. В свою очередь, эффективное взаимодействие с адресатом зависит от времени и места коммуникации, учета коммуникативных барьеров и помех.

Этнополитические коммуникации – явление многомерное, которое существует в нескольких феноменах этнокультурной реальности на всех уровнях властных отношений: массовом, групповом и межличностном. Для разных уровней характерны определенные виды коммуникации. На массовом уровне распространены такие виды этнополитической коммуникации как:

[259] *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология: В 3 ч. – М., 1992. – Ч. I. – С.175.

общественно-политические мероприятия этнической направленности, митинги, шествия, демонстрации, съезды народов, коммеморативные практики, выступления в СМИ и т.п.; на групповом уровне – различные публичные акции, выступления и т.п.; на межличностном – переговоры, встречи, переписки и т.п.

Следует отметить, что практически на всех уровнях коммуникации возможно привлечение современных информационно-коммуникационных технологий. Среди интернет-коммуникаций в этнополитической сфере наибольшее распространение получили такие виды как – пресс-релизы, пресс-конференции, обращения, чаты, форумы и этнические сообщества в социальных медиа и т.д.

Исследователи выделяют пять основных форм коммуникации, которые применимы и к исследуемому феномену: это внутриличностные, межличностные, групповые, общественные и массовые коммуникации. Формы коммуникативных действий различаются с точки зрения участников, используемых каналов и контекстов[260].

В политологии выделяют коммуникации внутри этнической группы, между различными этническими группами и между этнической группой и государством. Показателем характера устанавливаемых контактов при разнообразных способах передачи информации, ее восприятия, интерпретации, усвоения и использования в различных формах являются типы этнополитических коммуникаций.

Исходя из того, что коммуникативное действие представляет собой социокультурный процессуальный континуум и имеет социальную природу, мы воспользуемся типологией социального действия, составленной М.Вебером [261], на основе которой коммуникативные действия акторов этнополитики можно представить в виде 4 типов.

---

[260] Communication: History and Forms [Electronic resource] // A Primer on Communication Studies. – Book Archive, 2012. – URL: https://2012books.lardbucket.org/books/a-primer-on-communication-studies/s01-01-communication-history-and-form.html (date of access: 18.11.2024).

[261] *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – С.602-639.

1. *Целерациональное коммуникативное действие*, основанное на знании этнополитического поведения «других» и направленные на достижение рационализированной цели.

2. *Ценностно-ориентированное коммуникативное действие* основано на вере в этнокультурную ценность конкретного политического действия, независимо от его возможных результатов. Суть ценностно-ориентированного действия заключается не в достижении внешней цели, а в коммуницировании на основе распространенных этнокультурных ценностей, которые выступают «кодом» коммуникации. Знание этнокультурного кода коммуникации является важным условием эффективного общения, как в рамках официальных процедур, так и в пределах этнокультурной модели коммуникативного поведения или этнокультурной модели гражданского общества. С учетом этих обстоятельств мы обозначили данный вид коммуникативного действия не как ценностно-рациональное (как у М.Вебера), а как ценностно-ориентированное.

3. *Аффективное коммуникативное действие* напрямую зависит от эмоционального состояния актора этнополитики и совершается для манифестации аффективного модуса поведения.

4. *Традиционное коммуникативное действие* обусловлено этническим менталитетом и проявляется в устойчивых моделях коммуникации под воздействием традиционных норм и обычаев.

Д.П. Гавра предложил типологию коммуникативного действия, опирающуюся на критерий его интенциональности – неинтенциональности. Автор выделил осознанные (вербальные и невербальные) и неосознанные (вербальные и невербальные) коммуникативные действия источника и получателя информации [262] . Мы предлагаем включить в этот список осознанные (вербальные и невербальные) и неосознанные (вербальные и невербальные) коммуникативные действия дистрибьютеров информации и агентов влияния. Очевидно, что на стадии распространения информации и

[262] *Гавра Д.П.* Основы теории коммуникации. – СПб.: Питер. – С. 84-85.

доведения ее до конечного потребителя в силу разных причин информация искажается. По этническому составу коммуникантов они могут различаться на:

- внутриэтнические коммуникации между представителями одной этнической общности;
- межэтнические коммуникации между представителями различных этнических общностей;
- надэтнические коммуникации различных этнических общностей в рамках общегосударственных проектов, ассоциированных с этничностью;
- трансэтнические коммуникации между представителями одной этнической общности, проживающими в различных государствах;
- этноклановые коммуникации внутри этнического клана, включая его представителей в органах власти, СМИ и других структурах;
- этнократические коммуникации между представителями этнической элиты;
- диаспоральные коммуникации между представителями этнической диаспоры;
- коммуникации неассоциативных групп, в основе которых лежит общность интересов, связанных с этнической принадлежностью и местом проживания[263].

По линии трансляции информации этнополитические коммуникации могут быть – нисходящие, восходящие, горизонтальные; по характеру использования средств – вербальные, невербальные, паравербальные, виртуальные; по характеру использования информации и персонификации участников коммуникации – формальные и неформальные и т.д. По вектору развития этнополитические коммуникации могут быть этноэволюционными,

[263] *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р*. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. – М., 2002. – С.131.

этнотрансформационными и смешанными. По кратологическому критерию следует различать управленческие этнополитические коммуникации.

В зависимости от целеполагания стратегии этнополитических коммуникаций могут быть направлены на этническую консолидацию, аккультурацию и ассимиляцию. М.А. Фадеичева выделяет три основные стратегии этнической политики государства: стратегию этнополитического дистанцирования, стратегию этнонационализма и стратегию этнического согласия[264]. Наряду с этим в процессе коммуникации акторы этнополитики используют и другие стратегии: презентации этнополитических интересов, формирования этнического образа, стратегии народной дипломатии и т.д.

Среди коммуникативных стратегий современной российской этнонациональной политики можно выделить: стратегию этнокультурного и межэтнического сотрудничества, стратегию межнационального согласия и поддержания этнокультурной идентичности; стратегию расширения возможностей межкультурного диалога и участия в нем этнических объединений; стратегию самопрезентации этнических общностей; стратегию гражданской интеграции и т.д.[265]. Составной частью данных стратегий в условиях информационноо общества является пропагадистский интернет-дискурс.

В связи с виртуализацией этнополитических контактов и распространением этнической тематики сообщений, с присущим им высоким уровнем агрессии, усилением угроз экстремистского характера, сопровождающихся ростом влияния некоторых виртуальных сообществ, субъекты политики вносят коррективы в тактику и стратегию пропагандисткой деятельности[266].

---

[264] *Фадеичева М.А*. Полиэтническое общество и стратегии этнической политики государственной власти // Власть. – 2013. – № 2 (40). – С.45-49.

[265] *Джантеева Д.С*. Коммуникативные стратегии этнонациональной политики на Северном Кавказе // Вопросы этнополитики. – 2018. – №1 (1). – С. 73.

[266] Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. – СПб., 2023. – С.7.

Под коммуникативными стратегиями этнонациональной политики в данной работе понимаются долгосрочные, перспективные задачи, направленные на укрепление государственной власти, достижение идентификационных целей актуальной политики нациестроительства с использованием властных полномочий при подготовке и принятии этнополитических решений и легитимации этих решений с помощью коммуникативных технологий и практик: текстов, медиа- и вербальной коммуникации, связей с общественностью и т. д. В целом коммуникативные технологии включают все многообразие методов, приемов, механизмов и процедур этнополитического стратегического взаимодействия на всех уровнях властных отношений. Поэтому этнонациональные коммуникативные стратегии в российских регионах органично вписаны в федеральную политическую повестку власти и обусловлены последовательностью реализации ее коммуникативной политики в контексте концепции нациестроительства.

Опираясь на изложенное, можно сделать вывод, что этнополитические коммуникации способствуют развитию этнического, этнокультурного, межэтнического и межкультурного взаимодействия, выполняя функции формирования общественного сознания и этнического самосознания. Установление эффективных этнополитических коммуникаций выступает одним из показателей зрелости гражданской и этнополитической культуры, которые создают условия для взаимодействия акторов этнополитики, разделивших «неопределенности», двойные возможности или приоритеты. С другой стороны, наделение каждого участника коммуникативного акта правом интерпретации информации с ее «конвертацией» в понимание, дает возможность установления этнических/этнокультурных границ участия, когда «другие» полностью исключаются, превращаясь в носителей внешнего иноэтничного влияния. В этом смысле стоит вести речь о «закрытых» коммуникациях, в которых принимаются значимые для этнической общности решения, способные побудить ее через коммуникацию к политическому действию.

1.4. Типовые признаки этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе

Северный Кавказ исторически формировался как полиэтничный и поликонфессиональный регион, что существенно отличает его от других территорий страны и является, с одной стороны, привлекательным преимуществом, а с другой стороны – конфликтногенным потенциалом. Многовековая история Северного Кавказа и неоднозначный процесс его вхождения в политико-правовое и социокультурное пространство России определили специфику политического взаимодействия северокавказских обществ с центральной властью, которое в разные исторические периоды принимало черты как позитивного сотрудничества, так и открытого противостояния. Специфику межэтнических отношений в северокавказском регионе в советский и постсоветский периоды во многом определял фактор административно-территориального деления Северного Кавказа с учетом этнического компонента. Существенное влияние на рост межэтнической напряженности и противоречий в регионе оказало распространение этнического национализма и религиозного фундаментализма в постсоветский период.

В настоящее время Северный Кавказ один из важных макрорегионов Российской Федерации [267], который демонстрирует различные модели экономического, политического, социального, этнокультурного развития. И если сегодня одним из приоритетов государственной национальной политики является гармонизация межэтнических отношений, предупреждение конфликтов на этнической и религиозной почве на основе исторического опыта диалога цивилизаций[268], то такой диалог необходим для Северного

[267] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р <Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.> [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/ (дата обращения: 18.11.2024).

[268] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный

Кавказа, где элементы взаимодействия и взаимовлияния различных цивилизаций – кавказской горской, исламской и русской, христианской – проявляются наиболее выпукло. Здесь на ограниченных по масштабам территориях наблюдается конкуренция и столкновение различных точек зрения на жизненные ценности, а в случае потери сложившихся межэтнических связей такие столкновения быстро могут привести к межэтническим конфликтам [269] . Это очень важно с учетом того, что социокультурные параметры, как отмечают ученые, изменяются относительно мало[270].

Говоря о кавказской цивилизации, исследователи обращают внимание на ее коммуникативную составляющую. Кавказские народы объединяет уникальная коммуникативная культура «лектонического типа» [271] , предопределенная горным ландшафтом и компактным проживанием представителей разных этнических групп на ограниченной территории, приемлемой для проживания в принципе; общностью их коммуникативной и синкретической культуры. Лектоническая система, а также институт аталычества (воспитание детей в иноэтничной семье), традиции кровной мести (приводящие к вынужденной миграции этногрупп), способствовали и частичной культурной ассимиляции. Общими чертами, сформированными в результате обозначенных процессов, выступали мифология (нартский эпос), почитание старшего. Но как отмечает Д.М. Тайсаев, самое главное и определяющее в этнокультуре местных народов – «ритуализированный, церемониально-этикетный характер коммуникации, ведущая роль старшего в любом акте культурной коммуникации, а также преобладание в актах коммуникации мобилизационной направленности на демонстрацию своей

ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 18.11.2024).

[269] *Трофимов Е.Н.* Северный Кавказ – средоточие национальных проблем // Вестник Южного научного центра РАН. – 2009. – Т. 5. – № 3. – С.38.

[270] *Власов Р.Г.* Аналитическая философия управления (методология). – 2-е изд., доп. и перераб. – Омск, 2006. – С.106.

[271] *Тхагапсоев Х.Г.* Южная Россия: Кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России: Сб. научных статей. – СПб., 2001. – С. 164–185.

культуры»[272]. При таком сродстве этнокультур северокавказских этнических общностей уместно ввести понятие «культурно-коммуникативной этносоциальной среды», как комплекса взаимосвязанных этнокультур.

В условиях обозначенного этнического и культурного разнообразия информационно-политическое пространство Северного Кавказа отличается распространением и культивированием уникальных практик, демонстрирующих специфичные способы достижения поставленных целей и взаимодействия со «своими» и «другими» контрагентами. Конечно, в этих случаях используются различные элементы этнополитической культуры, с помощью которых можно вызвать общественный резонанс, актуализировать общественно-политический дискурс, управлять политической активностью граждан.

В нашем понимании этнополитическая культура — это комплекс представлений этнической общности о мире политики, политических отношениях и политической нормативности, а также институциональных моделях, сочетающих идеальные нормы политических процессов с реальными структурами и формами политической организации и взаимодействия субъектов, которые, в свою очередь, используются в политических традициях и практике.

В пространстве власти политическая коммуникация выступает одновременно и фактором, и условием формирования и развития этнополитической культуры. Поскольку дифференцированный подход предопределяется этническими категориями, основанными на принципе биполярности («мы» – «они») и роль этничности усиливается в электоральных процессах, функционировании политических институтов и протестных акциях, следует указать на этноцентричность политических коммуникаций в северокавказском регионе. Это проявляется и в использовании этноцентричных элементов культуры в публичных

[272] *Тайсаев Д.М.* Эволюция. Этничность. Культура. На пути к построению к постнеклассической теории этноса. – Нальчик, 2005. – С.143.

культурно-массовых, памятных, официальных/неофициальных мероприятиях, которые ициируются властью или этнокультурными общественными организациями.

Динамика этнополитических коммуникаций На Северном Кавказе в исследуемый период зависит от множества обстоятельств. Исследователи выделяют ряд факторов, оказывающих влияние на социально-политическую ситуацию на Северном Кавказе, к числу которых относятся [273]: общие этнодемографические процессы, этнополитический фактор, культурологический, религиозный, этнопсихологический, конфликтогенный, финансово-экономический фактор и фактор Олимпиады 2014 г. в г.Сочи. Сегодня диапазон факторов, оказывающих влияние на социально-политическую ситуацию в северокавказском регионе, можно расширить за счет включения крымского фактора, СВО и связанных с ней военно-политических действий, образовательного и информационного фактора с учетом развития политических процессов, возросшей роли системы образования в реализации политики нациестроительства и информационно-коммуникационных технологий, значительно расширивших возможности установления формальных и неформальных этнополитических контактов. Указанные обстоятельства способствуют возникновению новых коммуникативных стратегий, форм и видов политического взаимодействия, общественно-политических дискурсов и медиакоммуникаций, отличающихся разнообразием культурных значений и смыслов.

В динамично развивающемся социуме социокультурным механизмом развития политических контактов должна стать не столько традиция, сколько новация, проявляющаяся, в том числе в кризисных формах, что можно обнаружить на Северном Кавказе. Наблюдаемый в регионе «инновационный хаос» или демодернизация (сопровождаемые регенерацией традиционных социальных институтов, механизмов и связей, приводящих к кризисным коммуникациям), объясняется не теорией столкновения цивилизаций, на чем

[273] *Новицкий И.А.* Управление этнополитикой Северного Кавказа. – Краснодар, 2011. – С. 8-132.

настаивают и известные политологи-кавказоведы, например, С.Маркедонов, а включением механизма селекции культурных инноваций в соответствии с ментальными установками этнополитической идентичности и традиционными «ценностно-нормативными системами» (П.Штомпка) в зависимости от инновационного потенциала этнополитической культуры. Все это в совокупности и характеризует сущность традиционалистской модели этнополитической коммуникации в северокавказском регионе. Иначе говоря, практическое применение инноваций в политико-коммуникационных процессах имеет прямую зависимость от доминирующих социокультурных факторов на Северном Кавказе, которые отличаются неустойчивостью, противоречивостью взаимодействия традиционной, фундаменталистской и инновационной альтернатив[274].

При всем многообразии и вариативности этнополитического коммуникативного поведения, полиэтничной мозаике смыслов и значимости других дифференцирующих признаков этничности в политических коммуникациях, исследователи выделяют общие черты. Эти общие характеристики в наибольшей степени обусловлены функционированием и траснформацией информационно-коммуникационного пространства традиционного северокавказского общества, а также изменениями методов этнополитических коммуникаций в исследуемом регионе.

Мы рассматриваем этнополитическую коммуникацию как особый тип общения, ассоциированного с этничностью, в ходе которого происходит обмен смысловой этнической информацией в соответствии с заданными целевыми установками и мотивами коммуникантов. Они могут быть направлены на структурообразование этнополитического пространства, идентификации, ориентации, предписания, адаптации, социализации, интеграции, информирования, формирования общественного мнения, создания имиджа/бренда, трансляции этнополитической культуры, установления

[274] Там же. – С.41.

контроля и обратной связи, обеспечения этноконфессионального согласия и т. д.

Любые акты этнополитического общения предполагают использование адекватных социо- и этнокультурных механизмов политического воздействия как на отдельного этнического индивида, так и на общественное мнение. Рационализация этнополитических коммуникативных действий на Северном Кавказе предусматривает применение специфических методов и технологий, соответствующих информационным запросам реципиентов в актуальной политической ситуации.

На основе изучения закономерностей этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе мы можем выделить их типовые признаки, которые представлены в виде антиномий и идентифицируют рассматриваемое явление как нелинейное, разноуровневое и многомерное.

1. Традиционность и инновационность этнополитических коммуникаций

Северокавказское общество характеризуется как полиэтничное и поликонфессиональное с доминированием или присутствием остатков и пережитков традиционных социально-политических, культурных практик, что дает возможность идентифицировать его как традиционное [275] . В настоящее время в регионе, где проживают представители более 100 этнических общностей, распространены историко-культурные традиции, формировавшиеся тысячелетиями и оказывающие влияние на способы организации информационных связей и установление дискурса. Речь идет о клановой организации общества, сохранении обычного права (адата) и мусульманского права (шариата), кровной мести, куначества, горского этикета и других эелементов традиционной культуры народов Кавказа. Поэтому налаживаемые в северокавказском регионе коммуникации

[275] *Халюзин В.А*. Политическая жизнь традиционного северокавказского общества в контексте глобализации. – М., 2014. – С.11-12.

возникают в специфичных политических условиях, в которых почти невозможно исключить фактор традиционности.

С другой стороны, развитие Северного Кавказа в эпоху постмодерна актуализирует многие вопросы, связанные с сохранением этнокультурной матрицы, этногрупповой, региональной и национальной идентичности в процессе социального взаимодействия. Исследователи небезосновательно прогнозируют появление в регионе «сетевой» идентичности, сетевой этничности под воздействием культурной глобализации[276]. Современными вызовами этничности и нации в глобальных масштабах сегодня являются диссипация коллективной идентичности (этногрупповой, этнонациональной, региональной, национальной), этнокультурная дисперсия, культурная гибридизация (Я. Питерс), распространение «сетевого индивидуализма» (М. Кастельс) и идеологии космополитизма. Северокавказское традиционное общество сопротивляется этим тенденциям, противопоставляя им приверженность этнокультурным ценностям и поддержку государственного курса нациестроительства, что находит отражение в этнополитическом взаимодействии. Об этом убедительно свидетельствуют распространенные в регионе гражданские, этнические и межкультурные форумы с участием власти, СМИ и гражданского общества.

В социокультурной исследовательской традиции коммуникативные действия представляют собой артефакты определенной культуры, и для того чтобы понять сеть значений, охватывающих эти явления, необходимо иметь знания для адекватной интерпретации используемых культурных компонентов. Эффективность культурных значений коммуникативных действий и существующее их выполнение очевидным образом зависят от признания культурных различий, культурных знаний, осознанного отношения к этноцентричным тенденциям и навыков межкультурного

[276] *Шаджэ А.Ю., Куква Е.С.* Культурная идентификация в условиях глобализации // Межкультурная коммуникация и проблемы толерантности (междисциплинарный подход): Материалы Международной научной конференции. – Краснодар, 2017. – С.25-31.

взаимодействия[277]. Правильно понять сложную сеть значений, содержащихся в данной культуре, значит увидеть ее с точки зрения «других», сохраняя свою «самость»[278].

В коммуникациях, связанных с этническими и этнополитическими отношениями на Северном Кавказе, процессы создания, дистрибуции и интерпретации сообщений обусловлены этнической, этнополитической и гражданской культурой, их соотношением в индивидуальном и массовом сознании. В совокупности этот этнополитический ментальный комплекс влияет на доступ к этнической информации, ее использование, осмысленное восприятие реципиентом (А.И. Соловьев) и посткоммуникационную ситуацию (Б. Фирсов).

Северокавказская традиционность и политический консерватизм, наряду с другими социокультурными характеристиками региона, являются как факторами межкультурных коммуникаций, так и факторами межэтнической напряженности [279] , т.е. кризисных межэтнических коммуникаций. Это дает основание говорить о том, что традиционность северокавказского общества и ее влияние на этнополитические коммуникации имеет амбивалентный характер.

Инновационные тенденции в региональных этнополитических коммуникациях обнаруживаются в совершенствовании механизмов этнополитического взаимодействия власти, СМИ и гражданского общества с использованием современных медиа и интернет-технологий, которые стали активно развиваться с момента образования СКФО в 2010 г., когда в регионе стала проводиться «осмысленная информационная политика» под руководством аппарата полномочного представителя Президента Российской

---

[277] *Ting-Toomey S., Kurogi A.* Face work Competence in intercultural Conflict: An Updated FaceNegotiation Theory // International Journal of tntercultural Relations. – 1998. – Vol. 22. – P.187-225.

[278] *Mead G.H*. The Social Self // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. – 1913. – Vol. 10. – P.374-380.

[279] *Аствацатурова М.А.* Региональное моделирование национальной стратегии и гражданской идентичности в Северо-Кавказском регионе // Российский Кавказ: Книга для политиков / под ред. В.А. Тишкова. – М., 2007. – С.233.

Федерации в СКФО[280]. Целенаправленное проведение политики по созданию единого медиапространства на Северном Кавказе в 2010–2015 гг., способствовало качественной трансформации региональной информационно-коммуникационной системы и появлению новых медиаструктур. Следствием этого стала нарастающая медиаактивность государства и расширение разнообразных этнополитических контактов. Здесь следует отметить, что, изменившись по форме за счет использования новейших информационно-коммуникационных технологий, этнополитические медиакоммуникации на Северном Кавказе сохраняют свои сущностные характеристики, связанные с ориентацией на традиционную культуру и этнопсихологические константы политического сознания реципиентов. Поэтому нередки случаи, когда в публичных обращениях этнических и политических элит звучат фрагменты текстов из Священных религиозных писаний, используются положения этических кодексов народов Кавказа, высказывания кавказских и иных моральных авторитетов из далекого прошлого и т.д. Правда, следует учитывать, что восприятие и эффект подобных политических посланий в северокавказском обществе зависит от степени архаизации культуры и стратегий взаимодействия власти, СМИ и гражданского общества.

Конкуренция и столкновение традиционализма и постмодернизма на Северном Кавказе [281] обнаруживаются и в том, что в конкурентной политической борьбе за власть или ее осуществление используются коммуникативные стратегии и тактики с включением этнических информационных фильтров, внутриэлитных договоренностей, этнолоббистов и т. д. Очевидно, что в условиях информационного общества и медиатизации этнополитики управлять культурным разнообразием, используя традиционные агитационно-пропагандистские методы, стихийные способы

[280] Как развивалась медиасреда Северного Кавказа – информационная история округа [Электронный ресурс] // ЦСКП «Кавказ». – 2017. – 14 февраля. – URL: https://jrnlst.ru/content/kak-razvivalas-mediasreda-severnogo-kavkaza-informacionnaya-istoriya-okruga (дата обращения: 17.11.2024).

[281] *Барбашин М.Ю.* Столкновение традиционализма и постмодернизма в современных этнополитических процессах транзитивного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Том XI. – № 2. – С.168-178.

формирования общественного мнения с апелляцией к этническим предрассудкам и заблуждениям, этнополитическому ментальному комплексу и дихотомии «свой – чужой», практически невозможно. Такой подход не только усиливает проксемическое коммуникативное поведение [282] и социальную дистанцию, но и провоцирует этнополитическую нестабильность.

На наш взгляд, этнические стратегии должны включать механизмы адаптации к изменяющимся условиям, вплоть до учета возможной военной агрессии, с использованием потенциала новейших средств коммуникаций как ресурсов сбережения этнической общности и интеграции российской нации.

2. Межэтническое согласие и межэтническая конфликтность в этнополитических коммуникациях

В информационном пространстве России и Северного Кавказа в том числе, наблюдается плюрализм идей, мнений, взглядов, связанный с этнополитической деятельностью власти, СМИ и гражданского общества. В процессе коммуникации между ними возникают разногласия и начинается политическая борьба за власть или влияние с использованием информационных политтехнологий, направленных на психологическое воздействие и дискредитацию оппонентов. Следствием этого является возникновение конфликтов на национальной и религиозной почве, в связи с чем, в северокавказском регионе возрастает значение межрелигиозного, межкультурного и межэтнического согласия, которое выступает главным условием гармонизации этноконфессиональных отношений, преодоления экстремизма и терроризма, обеспечения информационной безопасности индивида, общества и государства.

Изучение механизмов формирования межэтнического согласия и предупреждения межэтнических конфликтов является необходимым

[282] *Гриффин Э.* Коммуникация: теории и практики. – Харьков, 2015. – С.143.

условием и главной исследовательской задачей в теории межкультурной коммуникации. Исследователи межкультурной коммуникации отмечают важность умения преодолевать межкультурные различия и находить взаимопонимание со своими инокультурными соседями [283] . Эти обстоятельства имеют особое значение для этнополитических коммуникаций как типа взаимодействия акторов политики с разной социокультурной идентификацией. Во многом, умение преодолевать этнополитические конфликты и находить взаимопонимание со своими иноэтничными соседями определяет состояние и перспективы коммуникаций между акторами этнополитики.

Достижение межэтнического и межрелигиозного мира и согласия являются сегодня приоритетами государственной национальной политики Российской Федерации. Этому способствуют мероприятия, которые проводятся в соответствии с государственной программой, направленной на формирование единой российской нациии на основе общероссийкой гражданской идентинчости [284] . Очевидно, что невозможно достичь межэтнического согласия и мира без проведения мероприятий, направленных на предупреждение межэтнических конфликтов. Именно поэтому одной из основных проблем в сфере реализации государственной этнополитики в Российской Федерации является распространение эстремистских и радикальных идей, основанных на национальной и религиозной исключительности, а одной из основных задач – гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений, профилактика экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве[285].

С этой точки зрения важно, чтобы коммуникативная деятельность акторов этнополитики, участвующих в реализации программных

[283] *Садохин А.П.* Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М., 2017. – С.13.
[284] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: URL: https://base.garant.ru/71580894/ (дата обращения: 05.02.2025).
[285] Там же.

мероприятий, была направлена на установление партнерских отношений со всеми заинтересованными сторонами, включая согласование коммуникативных действий с государственными структурами, участвующими в решении вопросов этнокультурного развития и урегулирования этнополитических разногласий и конфликтов. Адекватное отражение этнополитических коммуникаций, направленных на достижение межэтнического согласия и мира в современных СМИ, способствует обеспечению социальной безопасности в регионе и недопущению конфликтов на национальной и религиозной основе.

Исследователи-кавказоведы отмечают, что добрососедство и межэтническое согласие являются неотъемлемыми элементами традиций народов Северного Кавказа и способствуют развитию межкультурного диалога. На этом основании мы рассматриваем межэтническое согласие на Северном Кавказе как фактор гармонизации межэтнических отношений, профилактики экстремизма и конфликтов на этнической и религиозной почве. Такой подход позволяет объяснить высокую степень понимания жителями региона ценности межэтнического и межрелигиозного согласия и мира, уважения к представителям других этнических общностей и культур в реальной жизни, в то время как в медиапространстве, иногда, наблюдается обратный процесс. Так, на основе анализа результатов эмпирических исследований* и личного опыта работы в руководстве Управления пресс-службы Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики, мы можем говорить о том, что уровень этнической враждебности на Северном Кавказе и кавказофобия в России значительно выше в этнополитических медиакоммуникациях. Цифровая активность как практика использования цифровых технологий для поощрения различных идеологий, для социальной мобилизации в сторону содействия демократии и достижения межэтнического согласия, или исключительности и ненависти, способствует

* Имеются в виду результаты контент-анализа и дискурс-анализа СМИ по кавказской проблематике, социологических опросов, проведенных автором на Северном Кавказе в исследуемый период.

распространению национализма[286]. По мнению экспертов, враждебность к представителям Северного Кавказа (кавказофобию) в иследуемый период в наибольшей степени разжигали федеральные и этнические СМИ[287]. Тем самым СМИ формировали негативный образ представителей Северного Кавказа, что провоцировало конфликты на национальной (этнической) почве, хотя немало примеров, когда массмедиа играли конструктивную роль в предотвращении этнических конфликтов и их урегулировании[288] .

На основе анализа медиапространства исследуемого северокавказского региона, мы можем предположить, что использование «языка вражды» – некорректных высказываний в СМИ и современных медиа в адрес отдельных этнических общностей или их представителей обусловлено рядом обстоятельств. Во-первых, у большей части кумулятивной аудитории отсутствует критический взгляд на медиатексты, которые подготовлены различными авторами, например, журналистами, учеными или публичными политиками. Проблема заключается в том, что многие реципиенты одинаково импульсивно реагируют на этническую информацию в СМИ, которая авторизована журналистом или ученым. Хотя отсутствие этнологического образования у журналиста или необъективность/неполиткорректность ученого не являются препятствием для тиражирования произведенного ими информационного продукта, который пользуется спросом на политическом информационном рынке. Во-вторых, анонимный и трангранічный характер виртуального общения акторов этнополитики создает иллюзию вседозволенности, вследствие чего нарушаются границы необходимого уважения к культуре других этнических общностей. В-третьих, современные технологии позволяют точечно манипулировать индивидуальным и

[286] *Car V.* Nationalism and Digital Activism in Croatia: The Case of Croatian Wikipedia // 12th Annual International Conference on Communication and Mass Media, 12-15 May, Athens, Greece. Abstract Book. – Athens, 2014. – P.38.

[287] Ксенофобию разжигают СМИ – считает автор книги «Россия между «Норд-Остом» и Кавказом» [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 2005. – 31 марта. – URL: https://regnum.ru/news/polit/431050.html (дата обращения: 18.11.2024.).

[288] *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Грищенко Г.Д.* Массмедиа и этнический дискурс на Северном Кавказе: политизация или деполитизация? // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 11 (88). – С.12.

общественным этнополитическим сознанием, используя «язык вражды», селективно конструируемые фреймы исторической памяти[289], этнические стереотипы и мифы в сочетании с технологиями информационных войн – убеждения и внушения.

В настоящее время акторы этнополитики на Северном Кавказе направляют усилия на сохранение позитивных трендов в этнополитических коммуникациях с учетом угроз обострения межнациональных (межэтнических) отношений.

3. Неформальность и институциональность коммуникативных связей

В современных условиях персонификации коммуникаций, «информационного комфорта личности» как эффективного условия самовыражения[290], способность к установлению неформальных этнополитических контактов является одним из мощных ресурсов этничности, используемым как для удовлетворения этнополитических потребностей заинтересованных сторон, так и для решения государственных задач в сфере этнополитических отношений. Латентные коммуникации акторов этнополитики на Северном Кавказе регулируются стереотипными правилами коммуникативного этнополитического поведения.

В контексте постбихевиоралистической теории рационального выбора и на основе постулатов, сформулированных К. Манро[291], мы можем предположить, что коммуникативное этнополитическое поведение акторов в неформальных коммуникациях северокавказского региона обусловлено:

---

[289] См.: *Дзялошинский И.М.* Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. – М., 2006. – 26 с.; *Малькова В.*. Этнополитическая индоктринация контента Рунет // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. – Москва; Ижевск, 2017. – С.201.

[290] *Сулейманова Ш.С.* Журналистика в управлении информационно-коммуникативными процессами. – М., 2016. – С.35.

[291] *Monroe K.R.* Econometric analyses of electoral behavior: a critical review // Political Behavior. – 1979. – Vol. 1. – № 2. – P. 137–173.

1. Сознательным выбором модели коммуникативного взаимодействия в актуальной этнополитической ситуации.

2. Преследованием определенных целей, отражающих осознанные частные/корпоративные этнополитические интересы и потребности.

3. Коммуникативной ролью этнического индивида в социально-политической жизни.

4. Наличием приоритетных устойчивых межэтнических установок (стереотипов, предубеждений, предрассудков).

5. Готовностью/способностью выбирать наиболее выгодную модель этнополитической коммуникации в случае появления альтернативных сценариев или намеренного/ненамеренного изменения параметров коммуникативного действия.

6. Информированностью о возможных казусах этнополитической коммуникации и трансакционных издержках, а также связанных с ними последствиях своего выбора.

Объединение рациональных акторов этнополитики для решения общих задач также не гарантирует принятие адекватных превентивных мер. Более того, кооперирование и «латентные конфигурации» (Ф.Бэкон) контактов акторов этнополитики порождают не только предвиденные, но и непредвиденные последствия.

Генезис и перспектива коммуникативных процессов с неофициальным лейблом имеют прямую зависимость от коммуникативных стратегий и активности этнократии на Северном Кавказе, контролирующей деятельность государственных институтов и других субъектов, способных оказывать влияние на общественное мнение и принятие политических решений в этноконфессиональной сфере. При этом эффективность неформальных контактов в каждом конкретном случае определяется характером взаимодействия и результатами воздействия, имеющими прямую зависимость от ряда условий. В их числе следует выделить:

1) наличие / отсутствие инфраструктуры межкультурного взаимодействия и этнокультурного развития[292];

2) предпосылки и каузальный фон акта этнополитической коммуникации;

3) соотношение внешнего хода этнополитических событий мотивам и функциям коммуникативного действия;

4) взаимодействие культурных кодов в процессе коммуникации;

5) согласованность когнитивных этнических структур коммуникантов;

6) целерациональное коммуникативное поведение акторов этнополитики;

7) коммуникативное воздействие на этнополитическое самосознание реципиента.

Неформальные политические контакты акторов этнополитики имеют неоднозначные коммуникативные эффекты, воздействующие на состояние этноконфессиональной сферы. Политизация этничности коммуникантами способствует успешному запуску механизмов негативной этнической мобилизации и, как следствие, ведет к нарастанию межэтнической напряженности, а согласительные неформальные коммуникации – стабилизируют политический процесс.

Безусловно, большинство этнополитических контактов на Северном Кавказе институционализированы и устанавливаются между коммуникантами, которые представляют определенные институты (государство, СМИ, политические партии, НКО, этнонациональные общественные организации, национально-культурные автономии и т.д.). Формальные этнополитические коммуникации характеризуется жесткой регламентацией и соблюдением коммуникантами выполняемых ими ролей и норм поведения. Государство как основной политический институт регулирует этнополитическую деятельность правовыми, нормативными, административными, организационными и силовыми методами. К примеру, в

[292] *Аствацатурова М.А.* Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. – М., 2011. – С.47.

России запрещена пропаганда экстремистской идеологии и практики, политическим партиям запрещено использовать этническую тематику в предвыборной агитации и рекламе.

Этнополитическое поведение коммуникантов ограничено существующими нормами и правилами культурно-коммуникативной этносоциальной среды. Неоинституциональный подход к коммуникативной деятельности акторов этнополитики предполагает регулирование коммуникативного этнополитического поведения в рамках, заданных «рамок взаимодействия», основанных на принятых формальных и неформальных правилах. Это дает возможность говорить об институциональных ограничениях не только неформальных, но и формальных этнополитических коммуникаций. Очевидно, что в такой ситуации акторы этнополитики могут реализовать свои коммуникативные стратегии и политические замыслы, если «максимизируют свои цели в рамках существующих ограничений» (Б.Вейнгаст). Недооценка указанных обстоятельств и чрезмерная рационализация неформальных этнополитических коммуникаций сопряжены с такими рисками как максимизация полезности или минимизация издержек. А если затраты на изменение институтов ниже издержек на адаптацию к ним, то коммуникативная деятельность акторов этнополитики может быть направлена на изменение неформальных норм и институтов. При этом заинтересованность акторов в изменении норм/институтов может быть обусловлена их этнополитическим статусом, этнической дискриминацией, интолерантным отношением и т.д.

4. Этноидеологический и общественно-политический дискурс в этнополитических коммуникациях

В условиях современных глобализационных вызовов и трансформации социокультурного пространства наблюдается усиление коммуникативных и медийных возможностей передачи политического смысла этнических

предрассудков, предубеждений, мифов, историй, норм и символов, выражающих интересы определенных этнических общностей.

Апелляция к этим и другим аспектам этноидеологии северокавказских этносов в процессе прямого общения и медиакоммуникациях связана с рядом обстоятельств. Во-первых, боязнь ассимиляторских тенденций в изменяющемся мире [293] объективирует актуализацию политики этнокультурного возрождения и самосохранения этнической общности в пределах «этнического ландшафта»[294].

Во-вторых, уязвимость этноидентификационных политических ценностей и неустойчивость морального традиционализма (С.Фелдман) в информационном обществе, провоцирует мировоззренческие диалоги и дискуссии, обращенные к этническому психоментальному комплексу (С.Широкогоров) и этническому образу, который выполняет ведущую роль в интерпретации межэтнического взаимодействия[295].

В-третьих, действенность этноцентристской, ксенофобской, националистической, этнорелигиозной (псевдорелигиозной) экстремистской риторики и информации на маргинализированные категории граждан региона и молодежь привлекает этнократию, которая использует этноидеологию для обоснования и легитимации своей деятельности[296].

В рассматриваемый период в общественной и информационно-политической сфере Северного Кавказа особое место занимает исторический дискурс. В современной научной мысли существует множество теоретических подходов к определению понятия «исторический дискурс». Мы используем концепцию О.Г. Дука, в соответствии с которой история

---

[293] *Шадже А.Ю.* Северный Кавказ в современном идентификационном пространстве России // Философия и практика этнического многообразия и единства России: Материалы Всероссийской научной конференции. – Махачкала, 2017. – С.281.

[294] *Смит Э.* Национализм и модернизм… – С. 411.

[295] *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. С.65.

[296] *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на Юге России: Методология исследования и социальные реалии / отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов-на-Дону, 2005. – С.133-139; *Мукомель В.И.* Ксенофобии на Юге России: носители интолерантных установок // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – №5. – С.29-47; *Мукомель В.И.* Ксенофобии на Юге России: этно- и мигрантофобии // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – №6. – С.49-66.

представляется как форма реализовавшейся действительности, воспринимаемой нами как объективно существующая, а история как дискурс воспринимается нами как одна из допустимых форм реализовавшейся действительности. Дискурс истории включает следующие элементы: 1) интерпретируемые события, их участники и 2) контекст, т.е. а) обстоятельства, при которых происходили события, б) фон, поясняющий события, в) оценка участников событий, г) информация, релевантная событиям. «Специфическими чертами исторического дискурса являются хронологически последовательное изложение событий, сюжетизация и драматизация изложения»[297]. На наш взгляд, содержательный исторический дискурс включает предпосылки и последствия событий, которые в случае замалчивания профессиональными историками используются иными околонаучными субъектами, действующими с позиции рациональной выгоды в условиях политического плюрализма и отсутствия государственной идеологии. В зависимости от политического целеполагания исторический дискурс может быть частью общественного или этноидеологического дискурса даже к контексту одной и той же темы, например, темы Великой Отечественной войны и Кавказской войны.

Очевидно, что этноидеологический дискурс в этнополитических коммуникациях Северного Кавказа не всегда является конфликтогенным фактором, хотя регион, по образному выражению Е.Н. Трофимова, остается «средоточием проблем»[298]. Этноидеология рассматривается исследователями как этнообразующий фактор формирования этнической идентичности, актуализирующийся в этнониме этноса [299] . Информационные элементы этноформирующего механизма идеологии способствуют конструированию идентичности и картины мира. В целом этноидеология способствует

[297] *Дука О.Г.* Дискурс исторической науки и дискурс идентичности // Дискурс Пи. Научно-практический альманах. – 2005. – № 5. – С. 170-172.

[298] *Трофимов Е.Н.* Северный Кавказ – средоточие национальных проблем // Вестник Южного научного центра РАН. – 2009. – Т.5. – №3. – С.38-42.

[299] *Шаов А.А.* Этническая идеология как предмет социально-философского знания (анализ этнического самосознания абхазов и адыгов): автореферат дис. …канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов-на-Дону, 2001. – С.15.

структурированию регионального этнополитического пространства, позволяя понять общие мотивы, логику и механизмы внутриэтнических и межэтнических взаимодействий в мире политики.

Конструктивный потенциал этноидеологии используется в общественно-политическом дискурсе, где преобладают темы гражданственности, российского патриотизма, солидарности, интеграции, сотрудничества, духовного и национального единства, историко-культурной общности и т.д. Специфика программы нациестроительства на Северном Кавказе определяет необходимость развития диалоговых форм коммуникаций, развития публичной сферы политики и оказания целенаправленной помощи партнерам государства, что можно наблюдать в практическом плане, хотя в последние годы, в условиях демократизации общественно-политической жизни и рационализации этнополитического дискурса, возникла сегментация всех уровней информационного пространства.

Следует отметить, что на Северном Кавказе в целях пропаганды идей межэтнического и межконфессионального согласия, а также распространения идеологии российской нации используются маркетинговые стратегии и PR-технологии. В особенности эти технологии применяются в контексте общественно-политических и/или культурно-массовых мероприятий этнической или патриотической направленности. Но, как отмечают исследователи, в современной системе государственного управления российским полиэтничным социумом неэффективно используются широкие возможности политической коммуникации, куда входят пропаганда, реклама, маркетинг, связи с общественностью[300].

Тем самым, мы обозначили основные типовые характеристики этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе. Их выделение важно,

[300] *Киричек П.Н.* Массмедийный дискурс этнополитической коммуникации // Коммуникология. –2016. – Т.4. – №1. – С.29-41.

когда мы переходим от понимания специфических, ситуативных признаков к их обобщению.

Выводы по главе 1

1. Политико-коммуникативные процессы в полиэтничном регионе отличаются явным или скрытым влиянием на них этнического фактора, который проявляется в используемых стратегиях, средствах и целях коммуникантов. Этнический фактор играет неоднозначную роль в политических коммуникациях и деятельности СМИ, актуализируясь на всех уровнях общения в силу объективных или субъективных причин, произвольно или преднамеренно. В зависимости от этих и других обстоятельств формируются различные комбинации взаимодействия и взаимовлияния политических коммуникаций, СМИ и этничности.

2. Этнополитические коммуникации представляют собой процессы, ориентированные на достижение политического влияния, сотрудничества, интеграции, которые зависят от коммуникативных стратегий и тактик акторов этнополитики в определенной социокультурной среде и условиях жизни. Это определяет возможность установления этнополитических контактов на основе доверительных отношений, без чего стороны не могут построить фундамент целеполагания сосуществования с «другими».

3. Типологизация основных признаков этнополитических контактов на Северном Кавказе позволяет оптимизировать коммуникативные стратегии и рационализировать коммуникативные подходы, связанные с пониманием специфики и моделей взаимодействия в полиэтничном социуме. Поиск региональных универсалий этнополитических контактов может предоставить основу для интеграции их конструктивного потенциала, и преодоления деструктивных этносоциальных явлений на Северном Кавказе.

ГЛАВА 2
СПЕЦИФИКА ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

2.1. Социокультурные особенности этнополитических коммуникаций в северокавказском регионе

Исторически Северный Кавказ является геостратегическим регионом России, который в силу своего естественно-географического расположения на стыке Европы и Азии часто становился полем политической борьбы между великими империями (Византийской, Персидской, Османской, Российской) и зоной межэтнических конфликтов, инспирированных внешними силами.

Вместе с тем, Северный Кавказ является своеобразным водоразделом между христианством и исламом, поэтому на протяжении тысячелетий он отличался напряженностью в социальной и религиозной сфере. Информационные кампании в регионе были направлены на усиление противостояния различных социумов. Это отражалось в устном народном творчестве, литературе и исторических источниках.

Процесс взаимодействия между мусульманскими народами (с их устойчивой тейповой структурой общества и жесткой регламентацией жизни нормами обычного права) и христианскими (православными) нацродностями (с их более светской структурой общества) объективирует ту напряженность, которая приводит к обострению не только межрелигиозных, но и межэтнических отношений на Северном Кавказе. В разные исторические эпохи качество связи между религией и этничностью существенно отличалось. В советскую эпоху, когда в стране на официальном уровне утвердилась идея секуляризма и была сконструирована общегражданская идентичность «советский народ», религиозный и этнический фактор были

нивелированы. Тогда они перешли в латентные формы и актуализировались в период демократических реформ в России (в конце 1980-х гг.).

Предшествующий ход исторического развития, политика нациестроительства на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в., расказачивание и коллективизация[301], сталинские депортации некоторых северокавказских народов в 1943–1944 гг., проблемы, связанные с распадом СССР и продолжающаяся модернизация общественно-политической жизни обусловили распространение в регионе таких явлений как «этнизация» политики и политизация этничности, что отражается в исследованиях, посвященных проблемам функционирования современной политической системы.

На разных этапах социально-политического развития Северный Кавказ проходил путь от войн и конфликтов к миру, сотрудничеству и согласию при сохранении многих противоречий и проблем. В исследуемый нами период на Северном Кавказе актуализировались проблемы этнокультурного плана: кризис идентичности, рост этнополитического самосознания, реанимация этнических архетипов и символов, влияние религии на политику, проявление этноцентризма, этнофобии, этнократии и т.д. Эти особенности региона непосредственным образом отразились на социокультурных характеристиках Северного Кавказа, формировании и регулировании политических контактов между народами и их элитами.

Главной социокультурной особенностью Северного Кавказа является его полиэтничность. Здесь на сравнительно небольшой территории проживают представители более 100 национальностей.

Согласно результатам Всероссийской переписи населения РФ, которая состоялась в 2010 г., самым многочисленным народом Северного Кавказа являются русские, которые составляют 29,9% от общей численности населения СКФО и представлены преимущественно казачеством. Функции казачества исторически заключались в обеспечении безопасности, охране

[301] *Трофимов Е.Н.* Северный Кавказ – средоточие национальных проблем. – С.38.

общественного порядка и обороне южных границ России. Среди наиболее многочисленных народов Северного Кавказа следует выделить и другие этничсекие общности: аварцев, балкарцев, даргинцев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, кумыков, лакцев, лезгин, осетин, чеченцев [302] . Народы, проживающие на территории Северного Кавказа, являются носителями уникальных этнических культур и относятся к разным цивилизациям – кавказской горской, исламской и русской, христианской, которые имеют много общего и различного. В научной литературе содержатся противоречивые мнения относительно существования общекавказской цивилизации и интеграции кавказских народов в цивилизационное российское поле. Неслучайно сегодня исследователи актуализируют вопрос о необходимости культурно-цивилизационного «включения» северокавказских этнических общностей в цивилизационное и социокультурное пространство России.

Исследователи отмечают взаимосвязи и взаимозависимости между социокультурными характеристиками кавказского социума, с одной стороны, и культурно-историческими и политическими событиями на Кавказе – с другой стороны [303] . К основным социокультурным характеристикам Северного Кавказа относятся: гражданственность, дипломатичность, консерватизм, патриотизм, поликонфессиональность, полиэтничность, традиционализм, межэтническое согласие, религиозность, российскость. Эти социокультурные реалии жизни северокавказского социума оказывают влияние на региональные политические процессы и межэтнические отношения.

Наряду с этим, изменение мира и технологий подачи и распространения информации обусловили соответствующие изменения в

[302] Распоряжение Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. N 1485-р «О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/ (дата обращения 17.11.2024).

[303] *Тхагапсоев Х.Г.* Когда политикой правит культура: К особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов // Кавказология. – 2018. – №1. – С.12-36.

производстве методов политического общения в полиэтничном социуме. Здесь имеется в виду символизация, медиатизация и визуализация политики с использованием этнических символов (флага, герба, национальной одежды и т.д.), образов (горца, джигита, горянки и т.д.), мифов и стереотипов (о воинственности, непокорности, свободолюбии и т.д.) через хештеги, мемы, фреймы и т.д.

Учитывая субрегиональные социокультурные особенности развития субъектов СКФО, следует отметить, что в каждом конкретном регионе доминируют специфичные формы и методы этнополитического взаимодействия. В частности, в республиках Северо-Восточного Кавказа (Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Чеченская Республика) заметно влияние мусульманской религии. Здесь речь не идет исключительно об участии религиозных деятелей и специализированных религиозных/государственных структур в государственно-конфессиональных отношениях. В данную сферу политической деятельности вовлечены власть, СМИ и институты гражданского общества. Так, в Республике Ингушетия в декабре 2018 г. на волне развернувшегося этнотерриториального протеста, связанного с недовольством общества результатами решения территориального спора с Чеченской Республикой, Совет тейпов РИ вызвал всех депутатов регионального законодательного собрания на шариатский суд[304]. Следует отметить, что аналогичные методы этнополитического взаимодействия в республике практиковались и ранее, но безуспешно. Данное обращение собрания Совета тейпов Республики Ингушетия было широко тиражировано в социальных сетях, комментировалось сторонниками и оппонентами власти с противоречивых позиций, распространялось негосударственными СМИ. Тот факт, что на приглашение откликнулись 10 из 30 депутатов Парламента Республики Ингушетия, прибывших на шариатский суд, свидетельствует о «живучести»

[304] *Мурадов М.* Избирательное право защищают по законам шариата [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2011. – 15 декабря. –. URL: https://www.kommersant.ru/doc/1838503 (дата обращения: 18.11.2024).

традиционалистской модели этнополитических коммуникаций. С другой стороны, это показатель позиции части общества и представителей власти, рассматривающих такую модель как адекватную в существующей ситуации и релевантную социокультурным параметрам политико-коммуникативных процессов в регионе.

Следует отметить, что специфичные практики, формируемые в информационно-политическом пространстве Северного Кавказа, основаны на этнополитической культуре, обеспечивающей внедрение в общественное сознание стандартизированных этнокультурных образов, сформулированных определенным этническим сообществом (например, образ Горца, образ Горянки, образ Старейшины). Эти этнокультурные паттерны определяют «модели» этнического поведения (этнокультурные аттитюды), которым и следуют акторы политики в инструментальной и коммуникативной деятельности, используя для воспроизводства общественно-политической жизни исторически сложившуюся в данном этническом сообществе систему различных «типов рациональности».

Однако конструктивная/эффективная этнополитическая коммуникация возможна лишь при состыковке этноменталитета и этнопсихологии с политическим менталитетом в общностном, групповом и личностном измерениях. Поэтому, в обозначенном регионе можно наблюдать уникальное явление: наибольшее влияние на этнополитические коммуникации в нем оказывают не столько отдельно взятые этнокультурные факторы (религия, язык, традиции, обычаи и т.д.), сколько их симбиоз, что позволяет говорить о гибридизации этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе. В рассматриваемый период стало новой политической традицией совершение религиозных обрядов (например, молебен по погибшим в войне, обряд дуа) во время официальных массовых памятных мероприятий, приуроченных к тем или иным событиям прошлого.

Известно, что этнополитическая культура имеет свои ограничения, без учета которых невозможны ни смысловое оформление, ни трансляция, ни

интерпретация, ни адекватное восприятие информации. Этим объясняются имеющиеся расхождения между теоретическими представлениями о характере политических отношений и существующей практикой, сочетание которых выдает ценностный характер этнополитических коммуникаций и определяет их специфику. Так, на Северном Кавказе в силу социокультурной специфики региона, исторически сформировался стереотип женщины-горянки, которая не может быть политиком. Однако, в рассматриваемый период имеются исключения из этого «неписанного правила». В ряде республик Северного Кавказа женщины-горянки занимают высокие политические должности. Тем не менее, в традиционном северокавказском обществе, где культ Отца/Мужчины внедряется в сознание каждого с малых лет, и независимо от возраста женщина должна относиться к мужчине с почтением, восприятие информации уже на подсознательном уровне осуществляется в соответствии с этими установками. Обозначенные обстоятельства дают возможность говорить о том, что информационное поле политики на Северном Кавказе и устанавливаемые здесь контакты развиваются на основе ценностей консерватизма с опорой на историко-культурные традиции.

Отечественные ученые отмечают, что нарушение соответствия традиций и новаций в обновляющемся цивилизационном пространстве России порождает нелинейность социокультурной динамики[305]. Следствием этого является актуализация смыслов различных пластов культуры, в том числе архаичных, которые ранее были законсервированы. Так происходит архаизация культуры – возрождение наиболее древних элементов – архетипов, мифов, иррациональных и мистических предрассудков, устаревших практик социального взаимодействия, что находит отражение в современных этнополитических контактах на Северном Кавказе. Обращение к архаическим элементам культуры вписывается в традиционалистскую

[305] *Мухамеджанова М.Н.* Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований. – М., 2014. – С.117.

модель этнополитической коммуникации с характерным восходящим вектором трансмиссии информации на массовом уровне и двусторонней направленностью общения на групповом и межличностном уровнях.

Следует отметить, что в отдельных случаях встречаются другие инварианты. В данной связи следует выделить традицию кровной мести, которая в рассматриваемый период наиболее выражена у чеченцев и ингушей. В политическом медиапространстве распространилась информация о том, что в день памяти жертв осетино-ингушского конфликта 1992 г., который отмечался в Ингушетии 30 октября 2019 г., группа неизвестных людей ингушской национальности выдвинула экс-главе РИ Ю. Евкурову, а ныне заместителю министра обороны России, публичный ультиматум. Если он до конца ноября не даст клятву о своей непричастности к убийствам ингушей во время указанного конфликта, то тейпу Евкуровых будет объявлена кровная месть. Разумеется, такие методы получения информации, выходят за рамки российского правового поля.

Социокультурные механизмы регулирования политического поведения этнических групп провоцируются и под воздействием этнополитики на этнокультурные стандарты жизни. Так, следствием изменения государственной национальной политики в сфере изучения родных языков народов России на законодательном уровне в 2018 г. [306] , стали этнополитические мобилизации северокавказских народов с использованием различных коммуникативных ресурсов. Главным из них была этническая идентичность, интерпретирующаяся в регионе преимущественно с примордиалистской точки зрения, согласно которой родной/национальный язык является одним из этноцентричных элементов этнической культуры и этническим маркером. Именно поэтому на Северном Кавказе в «языковом» политическом дискурсе обнаруживаются связи языка с прошлым, настоящим и будущим народа/этноса, его развитием и гибелью.

[306] Подписан закон об обеспечении возможности получения образования на родных языках из числа языков народов России [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. – 2018. – 3 августа. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/58252 (дата обращения: 18.11.2024).

Известным мемом в данной связи стала цитата дагестанского поэта Расула Гамзатова из стихотворения «Родной язык»: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть». Более того, язык и культура интепретируются в информационно-политическом пространстве Северного Кавказа как «оплоты этничности», от устойчивости которых зависит сохранение государственности для отдельных народов региона (например, балкарцев, осетин, ингушей, кабардинцев, карачаевцев и т.д.). При этом отчетливо выделяются каузальные связи между языком, культурой и национально-федеративным устройством страны. В мессенджерах и социальных сетях распространялось мнение о том, что нивелирование культуры и языка в так называемых «этнических губерниях» России приведет к краху национальных республик. Такие суждения позволяют нам сделать вывод о том, что актуализация коммуникативного потенциала этничности в рамках этнополитической деятельности власти может «запустить» мобилизационные стратегии, формируемые на основе общих политических интересов различных этнических общностей.

Коммуникативная позиция этнических групп в мире политики зависит и от соотношения их этнокультуры с общесистемной политической культурой и культурой общения, рефлектированными во внешнюю среду[307].

Необходимо отметить, что для сохранения и динамического развития этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе важно, чтобы между указанными культурными элементами имелось сходство двух, или более культур, находящихся в контакте друг с другом. Наличие этих обстоятельств, историчность и политическая значимость обусловили распространение в северокавказском социуме народной дипломатии, которая обладает огромным коммуникативным потенциалом и используется в этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества. На массовом и групповом уровне политического взаимодействия народная

[307] *Жданов Ю.А.* Проблемы теории и истории культуры. – 2-е изд., перераб. – Ростов-на-Дону, 2005. – С.67.

дипломатия реализуется в коммуникативных стратегиях, направленных на решение актуальных задач этнополитики.

Следует отметить, что на современном этапе в рамках реализации государственных проектов и этнонациональной политики на Северном Кавказе наблюдаются попытки возрождения этнокультурных традиций и традиционных институтов народной дипломатии, особенно куначества – обычая кавказского побратимства. Только в Кабардино-Балкарии в проекте «Куначество» в период с 2009–2015 гг. приняли участие более 150 человек[308] – это молодые люди (10–16 лет) разных национальностей и конфессий, представляющие регионы Северного Кавказа, России. Участие зарубежных кунаков в проекте, обеспечило ему международный статус[309]. За время реализации проекта «Куначество» в нем приняли участие около 400 молодых людей[310]. В 2023 г. проект «Куначество» стал победителем VI Всероссийского конкурса лучших практик в сфере национальных отношений[311].

Коммуникативный потенциал народной дипломатии применяется и в имиджевых политических технологиях, связанных с PR, рекламой и другими презентационными стратегиями акторов этнополитики, в рамках которых демонстрируются позитивные политические практики и строятся соответствующие прогнозы о сотрудничестве. В частности, в медиапространстве Северного Кавказа широко анонсируются, рекламируются и пропагандируются различные форумы, интерактивные и экспертные площадки, молодежные квесты и другие формы гражданской активности, связанные с национальной политикой («Кавказ – наш общий дом», «Лучше вместе!», «Мирный Кавказ», «Межкультурный диалог», «Молодежь Кавказа», «Машук», «Российский Кавказ» и т.д.).

---

[308] Проект «Куначество» высоко оценили в Турции // Кабардино-балкарская правда. – 2015. – 7 ноября.
[309] Там же.
[310] В КБР около 20 семей стали участниками проекта гостеприимства «Куначество» [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2024. – 17 мая. – URL: https://tass.ru/obschestvo/20917249 (дата обращения: 18.11.2024).
[311] Проект «Куначество» – победитель конкурса [Электронный ресурс] // РИА Кабардино-Балкария. – 2024. – 29 января. –. URL: https://kbrria.ru/konkursy/ProektKunachestvopobeditelkonkursa (дата обращения: 18.11.2024).

На уровне межличностных контактов, устанавливаемых в рамках реализации актуальной этнополитической повестки, коммуникативный потенциал народной дипломатии используется в неформальной политической коммуникации, характерной для народов Кавказа. Исследователи отмечают роль традиционных институтов (советов старейшин, тейпов, тухумов и т.д.) в урегулировании различных конфликтов посредством использования диалоговых форм коммуникации. Так, неформальное общение между представителями власти и этнических элит стало одним из действенных механизмов урегулирования инцидента на границе Республики Дагестан и Чеченской Республики в июне 2019 г. Тогда жители дагестанского Кизляра, полагая, что чеченская сторона посягает на их историческую землю, снесли дорожный указатель («Чеченская Республика, Шелковской р-н»), обозначавший принадлежность данной территории соседнему региону. Ответной реакцией чеченской стороны стал визит в РД делегации во главе со спикером чеченского парламента М. Даудовым. На месте происшествия состоялась встреча чеченской делегации с дагестанской общественностью, которая продолжилась в официальном формате уже с представителями власти Республики Дагестан. В результате снесенный дорожный знак был восстановлен. Свою позитивную роль в этом вопросе сыграло и публичное обращение главы ЧР Р. Кадырова к дагестанцам, к которым он обратился как к братьям с призывом не поддаваться на провокации[312]. Обращение было размещено в Instagram*, тиражировалось СМИ и широко обсуждалось в социальных сетях. В свою очередь, глава Республики Дагестан В. Васильев уточнил, что чеченская сторона не нарушила границы с Дагестаном, а ситуацию хотели «разогреть»

[312] Кадыров прокомментировал ситуацию на границе с Дагестаном [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2019. – 12 июня. – URL: https://ria.ru/20190612/1555503464.html (дата обращения: 18.11.2024).

* Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram внесена Министерством юстиции Российской Федерации в Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022).

в интересах отдельных лиц[313]. Оперативное и адекватное реагирование на вспышки межэтнической напряженности с использованием новейших технологий распространения и подачи информации, во многом, предотвратило возможный негативный сценарий последующих событий. Хотя это не означает, что выступления глав республик безоговорочно всех убедили в неизбежности принятия итогового решения.

Тем самым, механизмы народной дипломатии, включенные в коммуникативные стратегии этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества, расширяют спектр политических коммуникаций, адаптируя их к изменяющейся социокультурной реальности, способствуя социальной санкционированности дипломатического общения акторов этнополитики.

Сложные вариации этнокультурных аттитюдов и их институциализаций, представленные определенным образом (транспарентно / латентно) в этнополитической информационно-коммуникационной системе северокавказского региона, выдают ее социокультурные и полиэтничные основания. Однако, полноценное участие этнической группы в политических коммуникациях предполагает соблюдение определенных условий. Основные из них заключаются в том, что этническая группа, вступая в политические контакты с иноэтничными контрагентами, способствует развитию культурного взаимообмена и взаимовлияния. Этим объясняется сходство моделей политического поведения и риторики у северокавказских этнических элит, которые наиболее выпукло проявляются во время официальных массовых акций, потенциально имеющих консолидирующее целеполагание. Так, день окончания Кавказской войны – 21 мая – значится в календаре траурных дат ряда субъектов Северного Кавказа и ежегодно отмечается в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Республике Адыгея. В 2017 г. по случаю 153-летия окончания Кавказской войны, в г.

[313] *Фахрудинов Р.* Знак и снос: что происходит на границе Чечни и Дагестана [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2019. – 11 июня. – URL: https://www.gazeta.ru/social/2019/06/11/12410071.shtml (дата обращения: 18.11.2024).

Черкесске был торжественно открыт памятник жертвам Кавказской войны, на котором присутствовал глава КЧР Р. Темрезов, руководство республики и общественность. Памятник был установлен на народные пожертвования. Как было отмечено на церемонии открытия памятника, «он представляет собой монумент, в основе которого лежат элементы национальной культуры и единства народов республики, объединенных общей историей и стремлением жить в братской дружбе и согласии»[314].

Следует отметить, что изменение направленности риторики в публичных выступлениях участников траурных митингов, связанных с трагическими страницами истории народов Северного Кавказа, что мы связываем с реализацией государственной национальной политики. Сегодня в информационно-политическом пространстве региона превалируют нейтральные тона, хотя в ряде случаев можно встретить суждения о беспощадном колониальном истреблении горцев, прикрытой ассимиляции, русификации, геноциде и принуждении к миру, что препятствует преодолению исторических обид и формированию единой российской нации.

Однако следует отметить и то, что несмотря на внутренне противоречивый характер массовые политические акции историко-культурной направленности, которые проводятся на Северном Кавказе, обладают устойчивыми способами политического общения с сохранением смыслов, символов и интерпретаций событий прошлого. В феноменологической традиции аналогичные ситуации объясняются адресацией сообщения (знака) интерпретатору, смысловым соответствием информационных запросов и политических посланий, наличием общих мифов.

Вторым условием участия этнических групп в политико-коммуникативных процессах является наличие возможности у каждого субъекта политики беспрепятственно идентифицировать себя с воспринятой

[314] В Карачаево-Черкесии почтили память жертв Кавказской войны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. – 2017. – 21 мая. – URL: http://kchr.ru/news/detailed/37095/?sphrase_id=176438. (дата обращения: 18.11.2024).

культурой/средой (например, в рамках родовых отношений). Это условие важно для народов Северного Кавказа с устойчивыми кровнородственными и клановыми связями, являющимися прочным основанием для проведения политики власти с привлечением механизмов традиционалистской модели этнополитических коммуникаций. Во многом этим, на наш взгляд, объясняется стремление власти к возрождению в регионах Северного Кавказа таких институтов как Совет тейпов или Совет старейшин, которые стали активно создаваться после принятия соответствующего решения полномочным представителем Президента РФ в СКФО А. Хлопониным в 2011 г. В некоторых регионах Северного Кавказа к тому времени уже существовали общественно-политические институты этнической направленности, хотя они и имели неофициальный статус, что не рассматривалось как препятствие для их работы. Совет тейпов при главе Республики Ингушетия был создан в 2009 г., но официально зарегистрирован только в 2016 г.

Необходимо отметить, что динамика активности указанных Советов старейшин/Советов тейпов и разнообразие обсуждаемых ими этнических вопросов в политико-информационном пространстве позволяет говорить об их ситуативности и информационной закрытости. Их медийная активность чаще проявлялась в виде реакции на уже свершившиеся события, прямо или косвенно затрагивающие этническую сферу. Старейшины обращались с публичными призывами, затрагивающими проблемы возрождения традиций воспитания подрастающего поколения, патриотического воспитания, противодействия кавказофобии в СМИ, борьбы с исламским радикализмом и т. д.

Говоря о социокультурных особенностях северокавказского региона, следует отметить его субрегиональные различия, вызванные внутренними противоречиями и связанные с пониманием, интерпретацией и видением этнополитических проблем и способов их решения. Вследствие этого в регионах Северного Кавказа создаются новые общественно-политические

институты, открыто или латентно позиционируемые как альтернативные аналогичным провластным структурам и настроенные оппозиционно к действующей региональной власти. Так, в 2015 г. в Республике Ингушетия был создан альтернативный Совет тейпов ингушского народа (Мехк-Кхел), в который вошли 11 представителей, ранее входившие в Совет тейпов при главе субъекта[*]. В публичном обращении альтернативного Совета интерпретируются мотивы его создания и задачи.

Следует отметить, что среди основных мотивов значится несоблюдение регламента работы Совета тейпов при Главе Республики Ингушетия и в то же время, вводимые им ограничения в плане реализации практических задач, связанных с общественно-политическими вопросами развития ингушского общества: политической реабилитацией, решением территориальных споров с соседними республиками, ликвидацией последствий осетино-ингушского конфликта, возвращением прямых выборов губернатора и т.д.

Свое предназначение Совет тейпов ингушского народа на стадии создания видел в расширении политических коммуникаций с органами власти, и, прежде всего, в обеспечении взаимодействия Главы РИ с ингушскими тейпами. Согласно п.2.1 Положенияо о Совете тейпов при Главе РИ основные задачи данной организации были направлены на укрепление единства и мира народов Республики Ингушетия, сохранение историко-культурного потенциала, содействие консолидации ингушского общества, участие в принятии решений с учетом интересов граждан РИ, восстановление разорванных родственных связей между ингушскими тейпами; взаимодействие с ингушскими диаспорами за пределами РИ[315].

[*] Решением Верховного Суда Республики Ингушетия от 27.03.2020, вступившим в законную силу 29.07.2020, Региональное общественное движение Ингушетии «Совет тейпов ингушского народа» ликвидировано по административному исковому заявлению Управления Минюста России по Республике Ингушетия. См.: Суд ликвидировал Совет тейпов ингушского народа [Электронный ресурс] // ИА Интерфакс. – 2020. – 27 марта. – URL: https://www.interfax.ru/russia/701313 (дата обращения 18.11.2024); Организация ликвидирована 28.08.2020 г. [Электронный ресурс] // Rusprofile –сервис проверки и анализа контрагентов. – URL: https://www.rusprofile.ru/id/10695179 (дата обращения: 16.02.2025 г.).

[315] Указ Главы Республики Ингушетия от 03.07.2018 № 118 «Об утверждении Положения о Совете тейпов при Главе Республики Ингушетия» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/48109190/ (дата обращения: 18.11.2024).

Необходимо отметить, что существование на Северном Кавказе альтернативных социально-политических институтов и их коммуникативные практики в информационно-политическом пространстве свидетельствует: 1) о недостаточности обратной связи между властью и обществом на фоне имеющего общественного запроса, 2) об отсутствии возможностей прямого участия в управлении, дефиците диалога по линии «власть-общество».

На приоритетную роль социокультурных факторов в этнополитической ситуации на Северном Кавказе указывают и эксперты[316]. Они отмечают, что в процессе взаимодействия между мусульманским и немусульманским сегментом северокавказского социума нарастает социокультурный диссонанс. В определенной степени это проявляется и в этнополитических коммуникациях. В частности, в дискурсивных политических практиках отдельных религиозных деятелей, этнических элит и журналистов, выступающих от имени верующих против участия в тех или иных светских/государственных мероприятиях и праздниках. В подобных публичных обращениях культивируются эмоциональные состояния и оценочные суждения, стереотипы и мифы, которые вызывают ожидаемую (положительную или отрицательную) реакцию общественности. Начиная с 2010 г. в предпраздничный период на Северном Кавказе (особенно в республиках Северо-Восточного Кавказа) активизируется агитационно-пропагадистская работа с открытыми призывами не отмечать Новый год, визуализацию идеи (через рисунки, на которых изображена зачеркнутая новогодняя елка/дед Мороз) и медиатизацию (через выступления религиозных деятелей). Авторы посланий конструируют новые смыслы, вступающие в противоречие с укоренившимися представлениями и практиками, провоглашают религиозные ценности и адаптируют их к социально-политической реальности через оценочные суждения.

[316] *Авксентьев В.А.* Этнополитическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации: Сборник экспертных докладов / отв. ред. М.А. Омаров. – М.: РГГУ, 2018. – С.184.

Следует отметить, что подобная пропаганда только усиливает социокультурный раскол в обществе, причем не только между иноверцами, но и между единоверцами-мусульманами, т.к. не все из них готовы следовать подобным призывам. Участие представителей власти в общественной дискуссии по острым этноконфессиональным вопросам снижает градус социальной напряженности, как в случае с выступлением главы Чеченской Республики Р. Кадырова, который заявил, что в Исламе нет запрета на празднование Нового года[317].

Отметим и то, что признание значимости соотношения модернизации политической сферы с одной стороны, и преемственности, ценностно-нормативной непрерывности этнополитической культуры – с другой, требует научной рефлексии вопроса будущности этнополитических коммуникаций при социально-преобразовательном воздействии новейших информационно-коммуникационных технологий на традиционные культуры, которые на сегодняшний день не растворились в едином «тигле информатизации», хотя риски «культурной ассимиляции» существуют.

«Технологизация» политической сферы дает основание некоторым исследователям всерьез задумываться над возможной перспективой существования этничности за пределами политического самоопределения этнических общностей. Однако аналогичные сомнения сегодня не распространяются на Северный Кавказ – регион с устойчивым трендом сохранения этнокультурной и этнополитической идентичности. Объясняется это общим культурно-историческим развитием и современными модернизационными вызовами, стимулировавшими национально-патриотические и культуросберегающие идеалы и ценности, культивируемые национальными организациями в практической этнополитической деятельности. Примечательна в этом плане деятельность различных этнокультурных организаций: адыгских («Адыгэ Хасэ», «Международная

[317] Кадыров: Ислам не запрещает Новый год [Электронный ресурс] // КАВПОЛИТ. – 2015. – 25 декабря. – URL: http://kavpolit.com/articles/kadyrov_islam_ne_zapreschaet_prazdnovat_novyj_god-22405/ (дата обращения: 18.11.2024).

черкесская ассоциация» (МЧА), «Черкесский Конгресс»), карачаево-балкарских («Алан», «Эльбрусоид», «Конгресс карачаевского народа», «Къарачай Алан Халкъ», «Совет старейшин балкарского народа»[*]), ногайских («Бирлик»/«Единство», «Федеральная национально-культурная автономия ногайцев»), казачьих и русских («Кавказская казачья линия»[**], «Русь») и т.д.

Как позитивные, так и негативные этнические мобилизации северокавказских этнополитических групп основаны на ценностно-нормативных субсистемах, выполняющих функции жизнеобеспечения каждого актора политики. Балансируя между полюсами модернизации и традиционализма, данные субсистемы претерпели серьезные изменения вследствие масштабных административно-политических воздействий в советский и постсоветский период. Поэтому ценностно-нормативные субсистемы северокавказских этносов, отличаются между собой, а также от аналогичных субсистем христианской и мусульманской цивилизаций, но имеют много общего с ними. В основе этнополитического сознания и политических действий каждого этноса лежит «своя» ценностно-нормативная субсистема коммуникативных практик, стереотипов и манипулятивных технологий, которые определяют «этничность» в

[*] Кассационным Определением Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 г. по делу № 8а-9731/2023, решение Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 9 марта 2023 г. и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 19 июня 2023 г. о признании прекратившей деятельность в качестве юридического лица и исключении из Единого государственного реестра юридических лиц Общественной организации «Совет старейшин балкарского народа Кабардино-Балкарской Республики» оставлено без изменения, кассационная жалоба И.Ж.Сабанчиева – без удовлетворения. [Электронный ресурс] // Пятый кассационный суд общей юрисдикции. – URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9055265&case_uid=dd1f86e6-15cf-4c8b-80eb-5e7d41f53b92&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 16.02.2025); Организация ликвидирована 03.09.2023 г. [Электронный ресурс] // Rusprofile – сервис проверки и анализа контрагентов. – URL: https://www.rusprofile.ru/id/1405663(дата обращения: 16.02.2025).

[**] Решением Ставропольского краевого суда от 19.07.2019 г. по административному делу № 3а-241/2019 ~ М-177/2019 от 05.06.2019 г. деятельность Межрегиональной социально-ориентированной общественной организации содействия сохранению истории и культуры казаков Южного и Северо-Кавказского федеральных округов "Кавказская казачья линия" прекращена. [Электронный ресурс] //Ставропольский краевой суд. – URL: https://kraevoy--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=4&name_op=case&case_id=38156795&case_uid=71543945-39e0-4e6e-8f49-b8500e13fdd7&delo_id=41&new=0 (дата обращения: 16.02.2025); Организация ликвидирована 30.09.2019 г. [Электронный ресурс] // Rusprofile –сервис проверки и анализа контрагентов. – URL: https://www.rusprofile.ru/sou/5717717 (дата обращения: 16.02.2025).

политической коммуникации. Здесь уместно отметить несоответствие этнополитической коммуникации политической картине мира, что предопределено наличием в культурном механизме общения как осознанного опыта, так и неосознанного компонента. Это «коллективное бессознательное» свойство этничности иногда называют этнокультурным архетипом. К примеру, в образе Горца сочетаются такие формы этнокультурных архетипов кавказских народов как: бесстрашие, боевое братство, доблесть, отвага, смелость, стойкость, храбрость, честь. Поэтому в информационно-политическом пространстве северокавказского региона в символической политике, медиатизации и визуализации политики используются образы героев нартского эпоса, героев Кавказской войны, Великой Отечественной войны, героев-современников и т.д. Политические дискурсы, интерпретируемые и/или воспринимаемые как оскорбление чести кавказского горца или памяти его доблестных предков, провоцируют конфликты.

Неосознанный характер этнокультурного архетипа, с большим трудом поддающийся качественным изменениям, тем не менее, выявляет ситуативность рефлексии индивидов по данному поводу. Именно через сферу бессознательного осуществляется манипулирование этнополитическим сознанием и влияние на политическое поведение человека. Для активизации этнокультурного архетипа северокавказских этнических общностей, связанного с архетипом «действования», характеризующим кавказский тип личности, требуется такое оформление транслируемой информации, которое ориентировано на ментальные структуры этнического сознания. Однако, по мнению Э.А. Паина, весьма сомнительно влияние архетипов на выбор политического устройства или социальных отношений[318], но недооценка этого обстоятельства на Северном

[318] *Паин Э.А.* Российская интеллигенция перед вызовами времени. Времена перемен и время застоя [Электронный ресурс] // Горбачевские чтения. Вып. 6: Мифы о советской эпохе распространяются сегодня: к итогам дискуссии о 90-летии Октябрьской революции. Демократическое движение и интеллигенция в современной России. – М., 2008 – С. 130–141. – URL: https://dmitriyfurman.ru/wp-content/uploads/2012/03/gorbachevskie_chteniya_6_2008_.pdf (дата обращения: 18.11.2024)

Кавказе приводит к дефициту конструктивных этнополитических коммуникаций.

Социокультурный механизм регулирования этнополитических коммуникаций включает и инструментальную деятельность субъекта, направленную на достижение политических целей. В свою очередь инструментальная успешность субъекта во многом зависит от его коммуникативной деятельности, связанной с регулированием взаимоотношений с этническим сообществом. Речь идет о формализованных этно- структурах, -институтах, -субститутах, представителях этнократии и этномедиакратии, а также субстанциональных субъектах публичной сферы, существующих в не институциональной форме[319].

Следует отметить, что в современных политических реалиях региона заметна информационно-коммуникативная деятельность отдельных этнических индивидов, групп и НКО, лоббирующих интересы «своих» этносов по самым разным направлениям этнополитики – языковой ситуации, территориальному вопросу, восстановлению прав репрессированных народов, сохранению историко-культурного наследия и т.д. Эксперты отмечают наличие этноконфликтогенных факторов в политическом медиапространстве региона[320]. Учитывая специфичность государственного управления таким сложным в этнокультурном и политическом плане регионом, как Северный Кавказ, местные власти используют технологию «мягкой силы» и устанавливают намеренные контакты с теми субъектами, которые в силу этнокультурных факторов, имеют общественное влияние или их политическое поведение получает общественный резонанс, независимо от их лояльности к действующей власти. Это свидетельствует об «этнокультурном характере властных технологий» и управления информационно-коммуникационными процессами в публичной политике. В

[319] *Гавра Д П.* Публичная сфера: культурная и политическая традиция // PR-диалог. – 2000. – № 3 (8). – С.12.
[320] *Аствацатурова М.А., Абрамян В.Р.* Этноконфликтогенные факторы современного коммуникативного и информационного пространства Северо-Кавказского федерального округа // Университетские чтения – 2013: 10-11 января 2013 г.: [материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ]. – Пятигорск, 2013. – Ч. XIV: Секции 6-7 симпозиума 3. – 2013. – С. 90-95..

роли таких публичных агентов власти и посланников мира на Кавказе часто выступают известные спортсмены, деятели науки и искусства, гражданские активисты и т.д. При этом основная проблема в управлении заключается в поиске оптимального для северокавказского общества уровня культурного разнообразия, чтобы использовать его капитал для социального развития и предотвращать ситуации, когда оно становится фактором эрозии общественных связей[321].

В политической сфере этносоциальной среды требуется высокая политическая активность и сильная этногрупповая сплоченность, обеспечиваемая не формальной дисциплиной и внутриклановой иерархией, а добровольным подчинением уже принятым решениям на основе этнополитической идентичности. Политически активные субъекты с высоким уровнем этнополитической идентичности, характерной для моноэтничных регионов Северного Кавказа (Ингушетии и Чечни), воспринимают участие в коммуникативных актах/действиях осознанно, а остальные вынуждены подчиниться внутригрупповому давлению (конформизму) и принять действующие правила «игры».

Тем самым, рассмотрение социокультурного ракурса этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе показало, что культура, ее категории и ценности воспринимаются в регионе как факторы, которые имеют первостепенное значение. Социокультурные тенденции этнополитических коммуникаций можно определить, как исторические закономерности и направления их эволюции.

Необходимо отметить и то, что, формируясь под воздействием социальных и культурных факторов северокавказского социума, этнополитические коммуникации имеют противоречивую природу и динамику, связанную с политико-культурным контекстом. Следовательно, этнополитические коммуникации остаются жизнеспособным инструментом

[321] *Паин Э.А., Федюнин С.Ю.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. – М., 2017. – С.110.

объяснения политических процессов в северокавказской социокультурной среде.

2.2. Гибридный характер этнополитических коммуникаций: северокавказское измерение

Современные политические коммуникации отличаются сложным архитектурным строением, многомерностью, множеством инвариантов и непредсказуемостью. На этом основании исследователи отмечают гибридность политико-коммуникативных процессов в информационном обществе.

Этническое и культурное многообразие Северного Кавказа, наряду с другими особенностями региона (социокультурными, социально-экономическими, геополитическими и т.д.) и повышением информационной составляющей в общественно-политической жизни, значительно усложняют процессы взаимодействия в сфере национальной политики, где синтезируются различные этнические символы, смыслы, интерпретации, методы, механизмы, подходы, используемые властью, СМИ и обществом. Все это отражает гибридный характер исследуемого нами феномена. В данной связи мы рассмотрим гибридизацию этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе на примере презентационных стратегий этнических элит, связанных с интерпретацией этнополитических интересов.

Анализ информационно-политической сферы Северного Кавказа в рассматриваемый период позволяет говорить о специфичности принятия и реализации управленческих решений, осуществляемых политическими лидерами и элитами, а также – механизмов презентации этнополитических интересов в их коммуникативных стратегиях. Последние реализуются в разнообразных видах политической коммуникации: выборных процессах, деловых встречах, митингах, обращениях, переговорах, пикетах и т. д. Исключительное значение имеют и сигналы, повествующие о потенциальных

возможностях этнополитических групп презентовать свои послания власти наряду с готовностью последней проявить к ним интерес.

Механизмы презентации этнополитических интересов в коммуникативных стратегиях этноэлит на Северном Кавказе представляют собой гибридную систему, синтезирующую традиционные и инновационные элементы и позволяющую осознать их на этническом и национальном (государственном) уровне, разработать этнополитическую стратегию в области их обеспечения и преобразовать ее в скоординированную деятельность политтехнологов, этнических структур и отдельных представителей этнического сообщества. Данный механизм – совокупность обозначенных структур и определенных процессов принятия и реализации решений, связанных с осознанием, выявлением и презентацией этнополитических интересов. Такой процесс представляет собой суть презентации этнополитических интересов в публичной сфере власти северокавказского региона, отображая этнополитическую культуру коммуникаторов, в которой сочетаются традиционные и инновационные элементы.

В коммуникативных стратегиях этноэлиты используют механизмы презентации этнополитических интересов, представляющие собой сочетание и сложное переплетение элементов культурно-коммуникативной этносоциальной среды, этнополитической культуры, этнополитического сознания, массовых и региональных информационно-коммуникационных систем (по А.И. Соловьеву), локальных этнокультурных систем (по Дьяченко) и коммуникативных пространств этносов (по Рязанову). Поэтому в различных субъектах СКФО существует отличная от других в этнокультурной мозаике рассматриваемых презентационных практик, обусловленная показателями этнического строения населения и наличием актуальных этнополитических вопросов. Чем больше количество коренных народов в регионе, тем разнообразнее ресурсы и механизмы презентации этнополитических интересов, которые в интегрированном виде

представляются идентично этнониму той или иной этнической общности. Так, комплекс этнополитических вопросов абазинского малочисленного народа (политическое самоопределение, представительство в структурах государственной власти, получение льгот в соответствии со статусом малочисленного народа России и т.д.) объединен в «абазинский вопрос». Аналогичным образом оформлены, например, «аварский», «ногайский», «осетинский», «карачаевский», «кумыкский», «русский», «черкесский» вопрос, презентуемые этническими элитами в информационно-политическом пространстве. Поэтому в публичной сфере власти один и тот же, скажем, «абазинский вопрос» в разных культурно-политических контекстах имеет разное смысловое содержание и интерпретируется в соответствии с ним.

Актуальная для всех народов Кавказа проблема сохранения родного языка (в данном случае – абазинского), по-разному презентуется абазинами в поликультурной Карачаево-Черкесии, в почти моноэтничном Абазинском районе республики, в других регионах России и за ее пределами (Абхазии, Турции, Иордании и т.д.). На республиканском уровне «языковая» проблема обсуждается с «другими», поскольку она представляет политический интерес и для них, способствуя интеграции усилий разных народов (в частности, карачаевцев, ногайцев, черкесов). На уровне этнического сообщества в презентационных механизмах используются этноцентричные элементы культуры – язык, традиции, этнические символы, религия. Если за пределами современной этнической родины (имеется в виду Карачаево-Черкесия) коммуникативные стратегии абазин ориентированы на презентацию этнополитических интересов для этнической диаспоры, с тем, чтобы мобилизовать ее для решения общих вопросов, тогда используется современные способы медиатизации и визуализации (через фото- и видеоматериалы, публикации в СМИ и интернете и т.д.) прежнего опыта этноэлит в решении актуальных этнических вопросов.

С учетом того, что на Северном Кавказе многие народы самоидентифицируются как разделенные народы России (например,

балкарцы, ногайцы, осетины, русские, ингуши, карачаевцы, лезгины, чеченцы и т.д.), их этнополитические проблемы в публичной сфере политики представляются интегрировано, когда речь идет о фундаментальных и этноцентричных вопросах: социально-экономическом положении, политическом самоопределении, повышении этнополитического статуса, сохранении родного языка, традиций, истории, культуры и т.д.

Отметим, что в 2012 г. на съезде ногайцев с участием 200 делегатов из Дагестана, Карачаево-Черкесии, Чечни, Ставрополья и Астраханской области среди основных вопросов повестки дня были: разобщенность, земельный вопрос, высокий уровень безработицы и заболеваемость трудноизлечимыми болезнями[322]. В то же время механизмы презентации этнополитических интересов разделенных народов Кавказа включают региональные/страновые различия, поскольку в актуальной политической реальности для тех же ногайцев Дагестана, Карачаево-Черкесии, Чечни и Ставрополья важны разные этнополитические вопросы. Примечательно в данной связи и то, что одни и те же этнополитические вопросы по-разному интерпретируются представителями этнической группы, проживающими в конкретном субъекте Северного Кавказа и за его пределами. Это, на наш взгляд, объясняется разным восприятием и оценкой этнополитической ситуации.

Следует отметить, что усложнение механизмов презентации этнополитических интересов на Северном Кавказе вызвано специфичностью решения кадрового вопроса, когда часто упор делается не на профессиональные и квалификационные характеристики претендентов на ту или иную должность, а на систему неформальных связей (тейповых, родственных, этнических, патерналистских, криминальных и т.д.). Кадровый вопрос в инструменталистской политической традиции представляется как неравномерное распределение власти и властных полномочий между этническими общностями или как проблема этнического представительства в

[322] *Бондаренко М.* Ногайцы заговорили об автономии [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2012. – 8 ноября. –. URL: http://www.ng.ru/regions/2012-11-08/1_nogaicy.html (дата обращения: 17.11.2024).

органах государственной власти. На основе анализа информационно-политического пространства Северного Кавказа мы можем говорить о том, что этот вопрос наиболее актуален для Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Дагестана, где любые кадровые перемещения руководителей в структурах власти проецируются на этническую почву, анализируются на предмет соответствия утвердившейся в этнополитическом сознании неофициальной этнической квоте в системе государственного управления, а затем становятся предметом политических дискуссий и манипуляций.

Следует отметить, что в политическом дискурсе такая кадровая политика интерпретируется как ущемление конституционных прав народов, трудовая этническая дискриминация, целенаправленная провокация, результат успешной работы этнолоббистов, коррумпированность и «продажность» этноэлит, этнический коллаборационизм и т.д. При этом авторы публичных посланий обращаются к этноментальному комплексу через сформировавшиеся образы и стереотипы (например, многострадальный депортированный/репрессированный народ, малочисленный народ, непокорный народ), к конспирологии (конструируя, якобы, скрытые от всех схемы влияния иноэтничных функционеров на принятие кадрового решения), к конфликтным сюжетам профессиональной деятельности (с оправданием «своего» представителя власти) и т.д. Разумеется, использование таких сложных механизмов презентации этнополитических интересов сопряжено с большими рисками и имеет неоднозначные последствия для межэтнических отношений, т.к. в определенных условиях они способствуют этнической мобилизации. С другой стороны, механизмы презентации этнополитических интересов, запускающие этническую мобилизацию, демонстрируют свою эффективность для этноэлит, которые добиваются своих целей. Например, в Карачаево-Черкесии, когда в 2008 г. черкесы добились переназначения на должность премьер-министра республики «своего» кандидата, а в 2018-2019 гг. абазины отстояли должность руководителя налоговой службы республики за представителем их национальности.

На эмоциональное восприятие информации о кадровых рокировках вне устоявшихся правил этнического квотирования в системе власти в указанных сложносоставных республиках Северного Кавказа, большое влияние оказывают социальные факторы (коррупция, безработица, уровень преступности, низкие доходы населения, социальная защищенность и т.д.), оценка населением эффективности управленческой деятельности региональной власти, уровень общественного доверия власти и СМИ. Если население не доверяет региональной коррумпированной власти и поддерживающих ее СМИ, тогда риски, связанные с кадровыми рокировками в системе госуправления без учета этнического фактора, значительно меньше. Так, в 2017 г. в руководстве Дагестана на фоне крупных коррупционных скандалов в системе госуправления и начавшейся в этой связи антикоррупционной кампании федеральной власти, были произведены кадровые замены без учета принципа этнического квотирования, в соответствии с которым губернатором мог быть представитель аварского народа. В результате с октября 2017 г. по октябрь 2020 гг. республикой руководил В.А. Васильев.

Безусловно, условия, в которых функционируют механизмы презентации этнополитических интересов, имеют принципиальное значение для формирования коммуникативных стратегий этноэлит, политизации ситуации и обострения межэтнических отношений. В рассматриваемый период сохраняется низкий уровень социально-экономического развития республик СКФО и качества жизни населения, о чем свидетельствуют данные статистики и результаты исследований. Так, республики Северного Кавказа являются регионами-реципиентами и сегодня замыкают национальный рейтинг по качеству жизни в России, что видно из данных таблицы 1 приложения 1[*]. В официальных документах, регламентирующих государственную политику в СКФО, формализованы проблемы, связанные с

[*] См.: Приложение № 1. Таблица 1. Качество жизни в регионах Северо-Кавказского федерального округа – рейтинг 2018 г.

экономической и политической безопасностью, развитием потенциала региона, включая этнокультурный и информационный аспект [323] . Обозначенные факторы влияют на репертуар и конфигурации механизмов презентации этнополитических интересов в коммуникативных стратегиях этноэлит.

Говоря о гибридизации рассматриваемых механизмов, следует отметить то, что она заключается в сочетании различных типов этнополитической коммуникации (вербальных, визуальных, горизонтальных, прямых, формальных, неформальных и т.д.) с участием этноэлит, представляющих разные политические партии, движения, СМИ и иные общественно-политические институты, между которыми существуют конкурентные отношения в части, касающейся надэтнической деятельности. Кроме того, представители одной и той же этнической общности по-разному интерпретируют отдельные сюжеты, связанные с реконструкцией презентуемой проблемы, но и это не является препятствием для поддержания мнения этнического большинства в общих интересах.

Следует отметить, что в данном случае речь идет о таких презентационных механизмах этнополитических интересов, которые включают элементы, имеющие первостепенное значение для: укрепления этнического единства; самосохранения этнической общности; взаимодействия с диаспорой, «другими» национальностями и СМИ; участия в реализации государственной национальной политики. Здесь важную роль играют мнения старейшин, авторитетных людей (лидеров мнений), представителей интеллигенции.

С учетом того, что у каждой этнической общности на Северном Кавказе наряду с общими этнополитическими интересами, характерными для

[323] См.: Распоряжение Правительства РФ от 6 сентября 2010 г. N 1485-р <О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.> [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/ (дата обращения 17.11.2024); Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2018 [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2019. – 19 февраля. – URL: https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html (дата обращения: 17.11.2024).

всех народов России (сохранение межэтнического мира, согласия, самобытности, укрепления единой гражданской нации и т.д.), имеются специфичные этнополитические проблемы, в региональном информационно-политическом пространстве наблюдается столкновение взглядов, идей, мнений, связанных с их презентацией и интерпретацией.

Необходимо отметить, что многие дискуссионные вопросы имеют исторические корни (например, «аланский вопрос»), другие – связаны с конструированием новых традиций и обрядов (например, расточительные поминальные обряды), третьи – являются результатом деятельности власти (например, создание в КЧР «Аланского христианского центра» в 2017 г.). Не смотря на дискуссионность, соответствующие интерпретации тех или иных проблем используются в коммуникативных стратегиях этноэлит для обоснования других презентуемых этнополитических интересов. Так, продолжающийся и в настоящее время спор за аланское наследство между осетинами, балкарцами, карачаевцами и ингушами, не препятствует этноэлитам этих народов использовать аланский компонент в конструировании «своей» этноидеологии, отстаивании права на аланское историко-культурное наследие и т.д.

Следует отметить, что включение в механизмы презентации политических интересов этнической компоненты зависит от качества контактов между этнополитической элитой и этническим сообществом, к которым первая обращается лишь тогда, когда от него зависит или может зависеть ее инструментальная деятельность. Эти «идеологи этнического национализма» используют маркетинговые и не маркетинговые способы организации рассматриваемых презентационных механизмов, в том числе, с привлечением иноэтничных лоббистов (журналистов, экспертов, ученых и т. д.). Их мнения и экспертные оценки тиражируются в СМИ и социальных медиа, комментируются с позиции интересов этнической группы и интерпретируются как достоверные и неоспоримые. В большинстве случаев аналогичная презентационная деятельность осуществляется в

коммуникативных стратегиях этноэлит Северного Кавказа, связанных с завоеванием или перераспределением власти. В данном случае нельзя полностью исключать наличие и патриотически настроенных функционеров, действительно озабоченных проблемами «своей» этнической общности. Современная политическая история Северного Кавказа демонстрирует множество примеров публичной солидаризации представителей власти с акторами этнополитики и поддержки на этой основе презентуемых ими интересов. Так, депутаты Государственной Думы и сенаторы Совета Федерации, представляющие регионы Северного Кавказа часто подключаются к публичным дискуссиям по актуальным этнополитическим вопросам, активизируют свою профессиональную деятельность в данном направлении. Кроме того, солидаризация выражается в виде неформальных встреч, официальных заявлений в СМИ, писем руководству этнонациональной организации, выступлений, публикаций на странице персонального аккаунта политика в социальной сети и т.д.

Необходимо отметить, что совокупность презентационной деятельности акторов этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе включает вопросы сохранения этнокультурной самобытности, историко-культурного наследия этнического общностей, развития межэтнического диалога и другие аспекты актуальной этнополитики. Наряду с этим в северокавказском регионе в презентационной деятельности власти, СМИ и гражданского общества находят отражения такие проблемы, которые связаны с: оттоком этнических русских и их возвращением; повышением социально-политического статуса этнического общности; политическим самоопределением этнической общности; сохранением принципа этнического квотирования мест в органах власти; решением земельных вопросов и территориальных споров между регионами СКФО; межрегиональным объединением нескольких родственных этнических общностей в рамках одного экзоэтнонима и т. д. Эти этнополитические вопросы актуализируются в деятельности государственных информационных

структур, СМИ, общественных институтов, среди которых следует выделить этнокультурные и этнические медиа, некоммерческие организации (НКО), неправительственные организации (НПО), национально-культурные автономии (НКА), Совет старейшин, Совет тейпов, религиозные организации, латентных акторов, этнических антрепренеров и лоббистов, формальные и неформальные межэтнические альянсы и т.д. В данном контексте мы можем отметить презентационную деятельность таких акторов этнополитики как «Адыгэ Хасэ», «Кавказская казачья линия», «Конгресс карачаевского народа», «Мехк-Кхел», «Стыр Ныхас», которые активно используют современные информационно-коммуникационные технологии для презентации политических интересов этнических общностей. На различных интернет-платформах и официальных сайтах эти и другие институционализированные акторы этнополитики размещают различные информационные материалы, включенные в механизмы презентации этнополитических интересов, а именно: интервью, перепечатки этнически ориентированных медиа текстов из традиционных/печатных СМИ, обращения в органы государственной власти разного уровня, анонсы и фотоматериалы о планируемых и проведенных мероприятиях этнокультурной и общественно-политической направленности и т.д.

Следует отметить, что в рассматриваемый период презентационная деятельность общественных институтов осуществляется в условиях конкурирующей коммуникации, когда одни и те же этнополитические вопросы интерпретируются с противоположной точки зрения или иных подходов. Связано это с поддержкой политики власти в этнической сфере, этническим лоббизмом, выполнением политического заказа этнической элиты и т.д. Противоречивые презентации одних и тех же этнополитических вопросов представителями «Мы-группы» показатель их политизации и внутриэтнического раскола. Наиболее ярко это выражено в случаях презентации проблем, связанных с перераспределением власти по этническим квотам в сложносоставных республиках – Дагестане, Кабардино-

Балкарии и Карачаево-Черкесии. Фактически общественные институты, публично лоббирующие интересы определенных этнических кланов через механизмы презентации этнополитических проблем, становятся заложниками политических амбиций своих спонсоров. С этой точки зрения, презентационная деятельность представителей этнической «Мы-группы» ориентирована на власть и может рассматриваться как механизм давления на принятие политического решения. Все это позволяет нам сделать вывод о том, что на Северном Кавказе в условиях конкурирующей политической коммуникации значительно повышаются риски, связанные с политизацией презентуемых этнополитических проблем в интересах этнических элит.

Отметим и то, что одним из факторов гибридизации механизмов этнополитических интересов на Северном Кавказе является актуализация той или иной темы, часто обусловленная реализуемой государственной политикой в масштабах страны или региона: кадровой, этнокультурной, экономической, образовательной и т.д. К примеру, в ходе реализации кадровой политики несоблюдение этнической проекции властной рокировки в Карачаево-Черкесии или в Дагестане способствует развитию кризисных этнополитических коммуникаций, сопровождаемых использованием новых механизмов презентации вопросов представительства этнического сообщества в структурах власти. Их главное отличие заключается в сочетании традиционной для Северного Кавказа интерпретации особенностей функционирования системы государственной власти, ее этнического измерения и использования инновационных методов подачи информации. Это дает возможность заинтересованным этноэлитам манипулировать этнополитическим сознанием «своих» и «других» через анонимные послания, включающие доказательства ущемления их прав и свобод. Так, в ряде информационных ресурсов, в том числе в Телеграм-канале «Адыгэ Хэку – черкесский канал. Circassian news» 28 августа 2019 г. была размещена информация о руководителях территориальных представительств федеральных ведомств и иных структур с 2003 до 2019 г. с

указанием их этнической принадлежности. По мнению анонимных авторов, в обозначенный период в Карачаево-Черкесии наблюдается сокращение абазин, русских и черкесов, представленных в системе власти. Данная информация осталась без публичной реакции со стороны институционализированных акторов этнополитики. Эффективность презентации этнополитических интересов наиболее высокая при совпадении интересов этноэлиты с интересами этнического большинства.

Необходимо отметить, что этноэлита привлекает к проблеме общественное мнение и старается получить позитивные социальные санкции. Здесь имеется в виду мнение этнической группы, с которой идентифицируется этноэлита. Для развития горизонтальных коммуникаций, предполагающих привлечение внимания широкой общественности к проблеме этнической группы, используются современные интернет-технологии: социальные медиа, мессенджеры, чаты, электронная почта, видео хостинги и т. д. При этом основной особенностью презентации политически активных субъектов в виртуальном пространстве является совмещение ими разнообразных видов деятельности, что затрудняет разделение гражданской, политической, экспертной, журналистской активности[324] и, одновременно, свидетельствует о ее гибридизации.

Отметим и то, что немаловажное значение имеет обусловленная сохраняющимся цифровым неравенством степень адаптации сети интернет в политический процесс конкретного субъекта Северного Кавказа. Но это не является существенным препятствием для актора этнополитики, намеренно публикующего в нем политические послания. Прежде всего, это проблема для реципиента, обладающего коммуникативной компетентностью и потребностью в получении этнополитической информации, но не имеющего возможности доступа к ней в силу разных причин, связанных с финансовыми, технологическими и иными ограничениями.

[324] Структура и дискурс виртуальной элиты 2.0 в России. Монографическое исследование / Под ред. Д. С. Мартьянова. – СПб., 2017. – С.102.

Необходимо и обратить внимание на актуальные проблемы, с которыми сталкивается и актор, и адресат этнополитической интернет-коммуникации на Северном Кавказе. Если этнически спроецированное политическое послание первого ориентировано на конкретную этническую группу в потенциальной аудитории, то распространяемая через интернет информация, не может достичь эффекта «волшебной пули» в силу объективных причин. И проблема здесь не в языковом барьере, недостатке этнических СМИ политической направленности, правовом регулировании интернет-пространства и т.д., а в том, что не вся этническая группа разделяет политические интересы заинтересованных этнополитических групп и/или этнических антрепренеров. При этом наблюдается повышенный читательский/зрительский интерес к таким материалам со стороны иноэтничных пользователей Сети, включая зарубежных акторов этнополитики.

Однако нет никаких гарантий в том, что они смогут понять политический смысл информации, закодированной «на входе» и которую нужно раскодировать «на выходе». Данный процесс предусматривает знание одного из нескольких «этнокультурных кодов», действующих в коммуникативных пространствах северокавказских этносов и пересекающихся между собой в региональном информационно-политическом пространстве. Незнание «этнокультурного кода» является одним из барьеров качественной коммуникации в этнополитической сфере.

Следует отметить, что «этнокультурный код» на Северном Кавказе не метафора, а политическая категория, которая используется в рассматриваемых презентационных механизмах. К примеру, представители общественных организаций и политических партий Республики Ингушетия апеллируют к этнокультурному коду ингушского народа в публичном Обращении в адрес депутатов Парламента Ингушетии в 2018 г. с тем, чтобы обосновать свою заинтересованность в возвращении прямых выборов губернатора. Этнические элиты в послании утверждают, что «Исторически

Ингушетия всегда была составной частью российской – европейской цивилизации», а культурный код ингушей является «европейски ориентированным». При этом часть авторов представляют мусульманское духовенство.

Следует отметить, что уникальность указанного механизма презентации идеи о возвращении прямых выборов губернатора в Ингушетии заключается в синтезе противоречивых элементов: политических ценностей западной демократии (свободы выбора, соблюдения конституционных прав и т.д.) и норм мусульманского права (с помощью которых предполагается достижение политической цели – изменения депутатами выборного законодательства). Последующие события показали неэффективность такого подхода для демонстрации политических интересов этнических групп.

Если рассматривать эффективность механизмов презентации этнополитических интересов в сети интернет с позиции адресата, выявляется его готовность принять на веру информацию из источников, пользующихся у него доверием. Источники этнически маркированных политических текстов могут быть комплиментарными, провокационными и враждебными. В первом случае они используют язык этнической мобилизации, а во втором и третьем - язык вражды. Безусловно, использование того или иного подхода обусловлено целью и позицией актора, а иногда и уровнем его квалификации. Последний показатель тем более важен, если учесть, что в презентационных политических практиках местные этнополитические группы пользуются услугами иноэтничных журналистов, представляющих федеральные издания с низким уровнем этнологического образования, а также недостаточно компетентных в этнополитических проблемах Северного Кавказа и их истоках. Эти причины, наряду с другими, обусловили выдвижение инициативы о создании в столице СКФО г. Пятигорске специального Центра по подготовке журналистов для освещения событий в регионе. Кроме того, в регионах СКФО в рамках проведения актуальной политики нациестроительства в РФ реализуются различные образовательные

проекты для госслужащих, некоммерческих организаций и сотрудников СМИ, направленные на повышение уровня этнологических знаний.

Вне зависимости от того какой из указанных языков используется в каждом конкретном случае, они влияют на этнополитическое сознание адресата, выступая главным фактором формирования его культурно-политической идентичности. Именно поэтому важно осознавать последствия использования языка этнической мобилизации и языка вражды в механизмах презентации этнополитических интересов в публичной сфере власти, которые должны отвечать следующим требованиям:

- удовлетворять политическим потребностям наиболее полного, по реальным возможностям, осознания и превращения политических интересов этногруппы в фактор этнополитики, поскольку предметом анализа являются проблемы презентации этнополитических интересов;
- отвечать специфике реализации возможностей интернет-коммуникаций, которая заключается в том, что такие способы должны быть непосредственно связаны с формами, направлениями, площадками презентации этнополитических интересов в публичной/непубличной сфере власти;
- учитывать политические интересы других этнополитических групп/государства в условиях этнокультурного плюрализма и распространения идеологии гражданской российской нации, основываясь на принципе баланса сил/интересов.

Очевидно, что не все этнополитические группы предпочитают использовать публичные механизмы презентации политических интересов, поскольку, иногда, латентные межличностные контакты с представителями местной власти, и в первую очередь этнократии, оказываются более эффективными в удовлетворении политических потребностей. Поэтому одним из наиболее распространенных механизмов презентации интересов этнических групп на Северном Кавказе являются неформальные этнополитические контакты с привлечением услуг агентов влияния, под

которыми отечественный политолог А.А. Санглибаев понимает людей извне клана (этнической группы), но обслуживающих его интересы.

Следует отметить, что роль агентов влияния определяется их статусом в СМИ, органах государственной власти и силовых ведомствах. Они передают клану инсайдерскую информацию, тем самым сигнализируя о возможных рисках, одновременно стараясь скорректировать политику в направлении, которое отвечает интересам клана [325]. Исследование таких механизмов презентации политических интересов представляется крайне затруднительным в силу их неформальной природы и конспирации. Однако не следует отрицать их наличие в медиа пространстве, которое сегодня предоставляет возможность анонимного общения. Анализ этнополитических коммуникаций в северокавказском регионе, в т. ч. основанный на эмпирических исследованиях и результатах служебной деятельности, позволяет нам поставить вопрос о доверии к иноэтничным агентам влияния. Последнее имеет прямую зависимость от смены политической обстановки, позиционирования в медиа пространстве, изменения политического имиджа, намерений и этнической преданности.

В полиэтничной среде Северного Кавказа использование в разных пропорциях и соотношении различных способов политической коммуникации очевидно и характеризует рассматриваемый нами феномен этнополитической коммуникации как гибридный. Вместе с тем, коммуникации в пространстве власти постоянно воспроизводят ситуации, требующие от акторов политики выбора тех или иных каналов/способов трансляции и вместе с тем, презентации политических интересов. Этот выбор предопределен также ресурсными возможностями и может осуществляться лишь между каналами/способами трансляции, формами выражения или смысловой нагрузкой, в то время как остальные элементы обозначенного механизма остаются под влиянием социокультурных факторов. Именно

[325] *Санглибаев А.А.* Этнополитические процессы и конфликты на Северном Кавказе: региональные и групповые аспекты. – Черкесск, 2007. – С.100.

поэтому, оказываясь в ситуации выбора, этнополитические группы или отдельные их представители осознанно используют те каналы трансмиссии информации, модели и смыслы, которых вписываются в традиционные для северокавказского социума механизмы презентации этнополитических интересов. И здесь возникает вопрос – как проявляется традиционализм в презентационных механизмах? В первой попытке ответить на этот вопрос мы сталкиваемся с использованием мобилизационных форм этничности, проявляющихся в таких видах массовой политической коммуникации как митинги, пикеты, сельские сходы этнических сообществ и т.п.

Отметим, что распространение массовых форм презентации этнополитических интересов объясняется характерной для северокавказских народов общинностью (клановостью), близостью территориально-контактной этнической зоны, распространением культуры лектонического типа, которые можно объединить под традиционными элементами этнокультуры. «Массовизация» презентации в данном случае объясняется и значимостью проблемы для макроэтнической общности, и стремлением привлечь максимальное внимание к ней власти и общественности. К властным структурам макроэтническая общность чаще всего апеллируют для решения этностатусных проблем, соблюдения выборных процедур, урегулирования территориальных споров. Как правило, этностатусные вопросы в субъектах Северного Кавказа поднимают представленные в меньшинстве этнические группы.

Необходимо отметить, что презентационные практики свидетельствуют не только о коммуникативных, но и конфликтных формах номинации политических проблем этническими группами, что также обусловлено этнокультурой северокавкаских этносов. Достаточно вспомнить методы презентации политических интересов абазинами, требовавшими образования Абазинского района с использованием действий неуправляемых толп, врывавшихся в здание Дома правительства КЧР. Не случайно

исследователи подчеркивают, что создание Абазинского района в Карачаево-Черкесии отличалось политической остротой[326].

Следует отметить, что проявление следов традиционной воинской культуры в мире политики, свидетельствует о том, что «традиционная воинственность горцев во многом сохраняется до сих пор»[327]. Поэтому на Северном Кавказе во время массовых митингов, шествий, стихийных сходов имеют место столкновения с сотрудниками правоохранительных органов. Но не воинственные элементы механизма презентации политических проблем обеспечивают успех. Ключевую роль в решении этнополитических вопросов играет коммуникативная составляющая – готовность к диалогу и поиску компромиссного решения.

Отметим и то, что существующая социальная стратификация, демографические показатели и неоднородность политических структур, выступают естественными барьерами на пути к завоеванию политической власти этническим меньшинством. Возможно наличие и других препятствий, возникающих уже в процессе формирования «своих» команд-управленцев назначенцами из Москвы, которые управляют отдельными северокавказскими субъектами, например, Дагестаном и Ингушетией. В случаях несогласия с кадровыми назначениями, акторы этнополитики используют устоявшиеся механизмы презентации своих позиций по данным вопросам. Устойчивость данных механизмов объясняется их воспроизводством в информационно-коммуникативной системе на фоне отсутствия внятной позиции власти на послания этнополитических групп.

Следует отметить, что среди форм презентации этнополитических интересов в публичной сфере власти выделяются массовые стихийные акции протеста (митинги, форумы, перекрытие автомагистралей и т.п.), съезды местных народов, сопровождаемые информационными атаками на власть, с

[326] *Казенин К.И.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М., 2009. – С. 56-113.
[327] *Ханаху Р.А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). – Ростов-на-Дону, 2001. – С.41.

целью принудить ее к принятию этнически спроецированного политического решения. Достаточно в этой связи упомянуть кадровый эксперимент президента КЧР Б.С. Эбзеева, который нарушил принцип резервирования квот при распределении местной власти. Его попытки подойти к решению кадрового вопроса в республиканской власти не на основе негласно действующего этнического, а квалификационного подхода, не были поняты черкесским меньшинством КЧР, что привело к актуализации так называемого «черкесского проекта» (создания Черкесии) с созывом в ноябре 2008 г. Чрезвычайного съезда черкесского народа. В механизм презентации своей позиции черкесы включили не только недовольства, в связи с кадровыми назначениями на пост премьер-министра КЧР не черкеса по национальности, но и другие этнические проблемы, сочетающиеся с призывами к отделению черкесов от КЧР. Все это было представлено в многочисленных сообщениях СМИ, включая интернет-издания.

Однако говорить об эффективности данного механизма не приходится, так как он не обеспечил отмены проведенного Б.С. Эбзеевым кадрового назначения. Вместе с тем данный пример и дальнейшее развитие ситуации вокруг обозначенного кадрового эксперимента (на что, ранее не решались прежние руководители КЧР), демонстрирует устойчивость политической позиции черкесов в конкретном вопросе, нерешенность которого способствовала изменению в дальнейшем и количественных, и качественных характеристик осознанных этнополитических интересов, выходящих далеко за рамки некогда актуального кадрового вопроса в республиканской власти. В свою очередь, местная власть могла воспринимать аналогичные механизмы презентации интересов с позиции «меньшинства в меньшинстве». Речь идет о возможном представлении этнолоббистами и их сторонниками, представляющими этническое меньшинство, этнически спроецированных проблем без учета мнения большинства данной макроэтнической группы. Это не означает, что для большей убедительности власти следует увлекаться «массовизацией» этнополитических интересов в ходе их презентации в

публичной сфере политики, т.к. они тоже должны иметь реальные основания. В условиях компактного проживания северокавказских этносов, их ежедневного взаимодействия/общения, некоторые специалисты также не исключают возможности манипулирования этнополитическим сознанием.

Как было отмечено выше, следующей проблемой, обуславливающей включение механизма презентации, является урегулирование этнотерриториальных споров, имеющих глубокие исторические корни, и периодически возникающими в публичном пространстве северокавказского региона. Это объясняется многими причинами, включая нерешенность вопросов демаркации границ между субъектами Северного Кавказа или сохранением притязаний на уже демаркированные границы соседей. К примеру, административно-территориальные границы современной Ингушетии до сих пор не обозначены документально, что является конфликтогенным фактором, неоднозначно сказывающимся на попытках решить этнотерриториальный вопрос на границе с Чеченской Республикой и Республикой Северная Осетия-Алания. Так, осенью 2018 г. власти Ингушетии и Чечни решили вопрос размежевания территориальных границ посредством внутриэлитных договоренностей на уровне глав регионов без учета общественного мнения, что стало причиной массовых протестов в Ингушетии. Механизм презентации этнотерриториального ингушского протеста включал разнообразные элементы:

- массовые митинги во главе со старейшинами и руководителями тейпов;
- политические голодовки;
- протестную и этнорелигиозную риторику этнических активистов с включением прямых трансляций на разных интернет-платформах;
- апелляции к этнической истории, этнопсихологическому ментальному комплексу;
- призывы к отставке главы республики Ю.Б. Евкурова и его команды;

- политическое давление на власть с требованиями отмены соглашения и проведения референдума по принятому решению;
- распространение медиатекстов провокационного характера и т.д.

Информационное сопровождение этого этнотерриториального конфликта стало одним из факторов выделения ингушского протестного кейса в протестном поле страны в 2018 г.

Этничность в полиэтничных обществах используется как локальный политический ресурс[328], способствующий формированию этнонациональных движений. Мобилизация этничности, являясь проявлением политической культуры[329], используется для представления интересов в сфере публичной власти и нередко связана с избирательным процессом. Отказ от процедуры прямых выборов глав субъектов СКФО за исключением Ставропольского края и Чеченской Республики не актуализирует сегодня этот вид презентации. Правда иногда сбои дает современная политическая система, построенная по вертикали. В рамках этой системы предоставлено право участвовать в выборах. Но поскольку этническому электорату нужно выбирать из кандидатов, за которых он не готов голосовать, возникают проблемы. Причем, нежелание не всегда продиктовано клановой связью или этнической комплиментарностью, а тем, что прошлая этноцентристская деятельность предлагаемых кандидатов может явиться основанием для отказа в избрании их в последующем на высокие посты в структурах власти. Такой прецедент имел место в Парламенте КЧР в 2009 г. Тогда заинтересованные круги предпринимали усилия по оказанию давления на депутатов во время выборов ими представителя КЧР в Совет Федерации РФ. Трехкратный провал одного и того же кандидата – представителя этнического меньшинства КЧР, был репрезентован как проявление этнической комплиментарности со стороны этнического большинства,

[328] *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. – М., 2019. – С. 87.
[329] *Ачкасов В.А., Бабаев С.А.* «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России. – СПб., 2000.

доминировавшего в законодательной ветви власти КЧР. Эти неудавшиеся выборы, широко комментируемые экспертным сообществом и этническими группами в интернете, показали тогда несостоятельность и уязвимость партийной вертикали в традиционалистской среде.

Следует отметить, что и кандидат на указанную должность, и парламентское большинство составляли единороссы. По действующему законодательству они должны были проявить партийную солидарность и утвердить предлагаемую кандидатуру, причем это предложение выдвигалось трижды. Однако прошлая деятельность предлагаемого кандидата оставила глубокий след в этнополитическом сознании тех депутатов, которые составляли этническое большинство в Парламенте КЧР. Иными словами, нет гарантий в том, что партийная вертикаль и партийная приверженность сработает там, где есть этнические «травмы», что необходимо учесть во избежание межэтнической напряженности.

Необходимо отметить, что анализ формата указанных механизмов выявляет применение как традиционных СМИ (печати и телевидения), так и новых средств коммуникации (социальных сетей, мессенджеров и т.д.), которые по мере развития общества порождали новые формы социального и политического взаимодействия[330]. Востребованность СМИ объясняется не только тем, что политика превратилась в медиапроцесс, планируемый и контролируемый политтехнологами или общество почувствовало обременительность собственно политических контактов с властью. С этой точки зрения примечательна возросшая популярность мессенджера Telegram после вынесения судебного решения о его блокировке на территории России в 2017 г., о чем свидетельствуют результаты исследования компании SimilarWeb[331]. Данное приложение используется акторами этнополитики для

[330] *Грачев М.Н.* Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности // Вестник РУДН. – Серия: Политология. – 2001. – № 3. – С. 95.

[331] *Железнова А.* Развитие Telegram в России: базовые тренды. Рейтинг федеральных Telegram-каналов. Аналитический доклад [Электронный ресурс] // АПЭК: Агентство политических и экономических коммуникаций. – 2019. – 26 марта. – URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5271 (дата обращения: 18.11.2024).

наращивания своего влияния на принимаемые решения. На наш взгляд, определяющим фактором является то, что в регионе, как и в стране в целом, набирает власть медиакратия – власть медиа, использующаяся для презентации этнополитических интересов, посредством которых возможно манипулирование общественным, в том числе и этнополитическим, сознанием. Манипулятивные технологии особенно эффективны в отдаленных от республиканских столиц населенных пунктах, где увлеченных политикой людей не так много.

Анализ местной прессы, показывает, что этнополитические интересы в основном оформлены в виде развернутых статей, интервью и экспертных мнений, в которых раскрываются историко-культурные и правовые основания. Телевидение в некотором смысле ограничивает возможности этнических групп транслировать телезрителям свои послания, что объясняется как дороговизной телеэфира или существующей повесткой дня, в которую невозможно вписать этнически спроецированную информацию, так и медиапредпочтениями целевой аудитории, которая ориентирована на потребление медиаконтента из интернет-ресурсов.

Отметим и то, что традиционализм в рассматриваемых механизмах проявляется и в том, как этнические группы адаптируют современные информационно-коммуникативные средства и технологии для презентации политических интересов. Прежде всего, следует отметить, что в начале рассматриваемого периода не во всех субъектах Северного Кавказа местные печатные издания имели сетевые версии. К примеру, в Карачаево-Черкесии долгое время ни одна газета не располагала web-сайтом. Правда, в то же время на Северном Кавказе имели место случаи функционирования сайтов оппозиционных изданий, например, газет «Вести гор», «Новое дело», «Открытая газета». В 2008–2010 гг. в условиях отсутствия местных СМИ, этнические группы использовали всевозможные интернет-ресурсы для презентации своих интересов, в ряду которых следует выделить: ИА Регнум.ру, Северный Кавказ и др. В свою очередь материалы из этих и

других интернет-ресурсов тиражировались на других сайтах регионального значения.

Необходимо отметить, что низкий уровень «интернетизации» политики в северокавказском регионе в первой декаде XXI в. был обусловлен рядом объективных причин, среди которых мы обозначим основные. Во-первых, это ограничения, связанные с финансовыми возможностями обеспечения доступа в интернет; во-вторых, уровень медиаграмотности и сегодня требует дальнейшего повышения; в – третьих, макроэтнические группы не выставляют в качестве приоритетной использование кибер-диалога с властью; в-четвертых, сохраняется проблема доверия к интернету в традиционном северокавказском социуме. В дальнейшем власти оценили преимущества интернета, и он стал шире использоваться в рассматриваемых нами механизмах. Интернет получил такое распространение, при котором каждый желающий имеет к нему беспрепятственный доступ. Это позволило исключить из механизмов презентации этнополитических интересов такие способы распространения информации как тиражирование распечаток наиболее востребованных интернет-материалов этнической направленности.

Анализ механизмов презентации этнополитических интересов выявил недостаточную разработку идеи и схемы номинации, а также информационной стратегии. В стремлении представить в ускоренном темпе власти и широкой аудитории те или иные этнополитические вопросы, коммуникаторы не придают должного значения качеству распространяемой информации. В результате наблюдется динамика, когда одна идея, одолевая этническую группу, превращается в мега-идею и достигает своего апогея, затем умалчивается, а впоследствии сменяется на другую. Иногда этот процесс обусловливается объективными социально-политическими реалиями, а не отказом этнической группы от мега-идеи. Примером такой не до конца продуманной презентации этнополитических интересов может служить попытка решения вопроса об образовании нового субъекта РФ – Черкесии. Настаивающие на ее создании общественные организации КЧР,

КБР и Адыгеи, а также отдельные представители черкесов (адыгов) несколько сменили свою риторику после образования в январе 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа. Впоследствии в механизмах презентации этнополитических интересов черкесов (адыгов) вопрос о создании Черкесии не значился, т.к. актуализировалась проблема невключения Адыгеи в состав СКФО, хотя официальные власти этой республики не драматизировали ситуацию настолько, что было присуще национальным общественным организациям, обеспокоенным ее будущим в составе Краснодарского края. Однако те предложения, которые презентуют сегодня указанные этнические институты, направлены на создание единого для всех адыгских народов экзоэтнонима «черкес».

Следует отметить, что эффективность обозначенных гибридных механизмов зависит от аргументирования актуализации этнической проблемы, форм и методов ее презентации, сочетающих элементы традиции и современности. Наиболее удачным в этом плане выглядит презентация балкарским народом своей земельной проблемы, обострившейся в 2005 г. в Кабардино-Балкарии. После неэффективных массово-протестных акций и обращений в республиканские органы власти в пределах Кабардино-Балкарии, Совет старейшин балкарского народа осенью 2009 г. предпринял попытку пройти пешим ходом из столицы республики – г. Нальчика в столицу РФ – г. Москву для встречи с руководством страны. Эти намерения усилиями массмедиа были широко номинированы в печатных и электронных изданиях, в результате чего федеральная власть отреагировала, упредив проведение намеченного события и приняв старейшин. Кульминацией такой презентации явилось решение земельного вопроса балкарского народа. Возможно, успех акции балкарских старейшин объясняется статусом, который они занимают в традиционном кавказском обществе. Не выполнить волю старейшин, к слову которых прислушиваются все молодые люди на Кавказе, значит нанести моральную травму, как минимум, макроэтнической

группе. Здесь нужно отдать должное всем представителям власти, которые с пониманием подошли к решению земельного вопроса балкарцев.

На фоне приведенных примеров презентаций этнополитических интересов с использованием инновационных технологий производства и передачи информации, следует отметить случаи объективного отсутствия таких возможностей. Связано это бывает с действием ограничений правового порядка в отношении массовых акций или деятельности СМИ в тех или иных ситуациях. К примеру, из-за несвоевременной регистрации в ЦИК КЧР, СМИ запретили размещать на своих страницах политические тексты кандидатов, участвовавших в выборах на должность мэра г. Карачаевска в 2009 г. В таких условиях агитация проводилась изустно.

Отметим и то, что кандидаты на избираемую должность, понимая, что многие интернет-ресурсы не зарегистрированы как СМИ, не предпринимали попыток их использования для проведения пропагандисткой кампании, в рамках которой номинируются и этнические проблемы (вопросы реабилитации карачаевского народа, сохранения его истории и культуры и т. д.). Более того, на различных интернет-платформах размещались интервью кандидатов (но не политические программы) и их представителей, что увеличивало электоральный интерес к этим изданиям. Следовательно, в них можно было беспрепятственно публиковать свои агитационные материалы.

Однако этническая идентичность участвующих в предвыборном марафоне кандидатов, равно как и совпадение избирательного участка с территориально-контактной карачаевской зоной, способствовала использованию вербальных форм политической коммуникации. Это специфичное проявление информационного пространства традиционного социума с доминированием межличностных контактов и изустных форм связи и передачи информации с включением этнических информационных фильтров. Как видим, отсутствие традиционных СМИ актуализировало тип информационных отношений, цивилизационно оформившихся еще в

дописьменной (по Маклюэну) культуре, что способствует расширению горизонтальных связей. Приведенный пример крайне редкий в современную постиндустриальную эпоху, однако ярко демонстрирует гибридный характер этнополитических коммуникаций, сочетающих элементы традиционной, гражданской и этнополитической культуры.

Следует отметить, что использование сети интернет в механизмах презентации этнополитических интересов позволяет поднять на качественно новый уровень работу по изучению, анализу и использованию в прогнозировании и моделировании этнополитической информации для принятия соответствующих политических решений. При этом важно помнить, что политические процессы в регионах есть проявление модернистских реформ и национальной политики в стране. Однако в их проявлении сказывается специфика конкретного субъекта СКФО с его традициями, паттернами, региональной этнополитической культурой, что проявляется не только в реальности, но и в политическом интернет-пространстве.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что обозначенные механизмы должны отвечать следующим требованиям:

Во-первых, включать осознанные и реальные политические интересы, и возможные варианты их удовлетворения, поскольку предметом анализа являются проблемы презентации этнополитических интересов.

Во-вторых, учитывать специфику этнополитических коммуникаций, выступающих условием, формой выражения и содержанием презентации политических интересов в публичной сфере политики.

В-третьих, включать в себя материальную структуру, предполагающую наличие в ней соответствующих субъектов, занятых осознанием, выявлением и презентацией этнополитических интересов.

В-четвертых, учитывать политические интересы других этнополитических групп, основываясь на этноценозе и принципах коммуникативных отношений.

При соответствии этим требованиям указанные механизмы приобретут высокую качественную определенность и обеспечат на соответствующем уровне презентацию этнополитических интересов в публичной сфере власти. Поэтому, действие обозначенных механизмов направлено на реципиенты, в ряду которых выделяется власть и широкая общественность. Такой «радиус» действия объясняется их функционированием на всех уровнях общения.

Таким образом, мы можем выделить основные признаки гибридизаци этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе, которая проявляется в: 1) сочетании элементов традиционной, гражданской и этнополитической культуры (например, представлений о характере властных отношений и устройстве государства, «неписанных правил», норм обычного права и шариата); 2) синтезе традиционных и инновационных форматов связи (например, трансляция через новые медиа неформальных встреч местных элит); 3) актуализации многообразных смыслов и интерпретаций через сферу бессознательного (в т. ч. через этнические символы, хештеги, мемы, фейки, фреймы и другие способы визуализации); 4) увеличении горизонтальных связей над вертикальными (в т. ч. за счет общения с этническими диаспорами из других регионов России и зарубежья).

Гибридность этнополитических контактов на Северном Кавказе проявляется повсеместно, подчеркивая их сложность, нелинейность, многоаспектность и влияние социокультурных характеристик региона.

2.3. Историческая направленность этнополитических коммуникаций: северокавказская проекция

Отличительной особенностью политико-коммуникативных процессов на Северном Кавказе является повышение устойчивости и сохранения целенаправленности этнических контактов с использованием различных способов символизации сообщений, содержащих исторические факты и мифы, специфичные интерпретации прошлого и его переосмысления,

обладающие особым влиянием на взаимодействие власти, СМИ и гражданского общества.

В эволюции человечества факты истории и их интерпретации всегда были востребованы в периоды политических реформ, поскольку с их помощью власть моделирует и утверждает новые образы национальной и государственной идентичности, используя СМИ как средство выстраивания необходимых связей и влияния на общественное мнение. В процессе нациестроительства чрезвычайно важно сформировать у граждан страны чувства общности исторического прошлого и коллективной веры в общность судьбы данной нации [332] . Российский формат сочетает трансформацию политической системы и формирование гражданской политической нации, в связи с чем, вопросы использования историко-культурного наследия и научной экспертизы литературы по этнической истории приобретают особую значимость в условиях затяжного регионального этнополитического кризиса во втором десятилетии XXI в. и продолжающихся «войн памяти» на Северном Кавказе[333].

Необходимо отметить, что одной из целей программы по реализации государственной национальной политики является укрепление общероссийского гражданского самосознания и духовной общности российской нации [334] , что практически невозможно без актуализации исторического знания о совместном пути развития народов страны с использованием современных информационных технологий. При этом, как отмечают исследователи, существует широкий спектр проблем, связанных с идеологизацией этноисторического восприятия региона[335], интерпретацией

[332] *Smith A.D.* National identity and idea of European unity // International Affairs. – 1992. – Vol. 68. –№ 1. – P. 58.
[333] Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе: Экспертный доклад / ред. В.А. Тишков. – М.; Пятигорск, 2013. – С. 10-14.
[334] Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: URL: https://base.garant.ru/71580894/ (дата обращения: 05.02.2025).
[335] *Гибадуллин Р.М.* Этноисторическое восприятие территории региона как идеологическая и научная проблема // Этнополитика и миграция: конфликты, согласие и толернатность в XXI в.: сборник статей

сложной взаимосвязи исторической памяти и идентичности как феноменов индивидуального, группового и коллективного сознания, их влияния на практики интерпретации прошлого и межкультурных коммуникаций в истории с вопросом о роли национально-государственного нарратива в конструировании или, наоборот, деконструкции мифов исторической памяти [336] . Поэтому в данной части работы мы обращаемся к информационным и коммуникативным аспектам политики памяти властвующей элиты на Северном Кавказе.

Историко-культурное наследие не является единственным и исчерпывающим ресурсом власти, использующимся для повышения уровня российской идентичности среди граждан страны. Этим объясняется и деятельность исследователей, направленная на поиск ценностных оснований российской идентичности[337]. К тому же на фоне прогнозов ученых о росте популярности локальных культурных идентичностей [338] , повышается потребность в дальнейших поисках неинституциональных конструкций гармоничного развития гражданской нации в многонациональных регионах России каким и является Северный Кавказ.

В условиях продолжающейся борьбы за историю как общенациональную культурную ценность и ключевой фактор самоидентификации современного российского общества[339], актуализируется тяготение северокавказских культур к прошлому [340] . Это отражается в политико-коммуникативных процессах Северного Кавказа, отличающихся

Международного научного симпозиума (г. Набережные челны, 23 июня 2014 г.) / научн.ред.: О.И. Зазнаев, В.Т. Сакаев. – Казань, 2016. – С.232–237.

[336] История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: Материалы международной научной конференции, 3–4 октября 2016 г. / [под ред.: О. В. Воробьевой и др.]. – М., 2016.

[337] Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / Отв. ред. В.С. Магун. – М., 2006; *Дробижева Л.М.* Российская идентичность в массовом сознании // Вестник Российской нации. – 2009. – Т. 3. – №1. – С. 135–144; *Перегудов С.П.* Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 141–163; Трансформация гражданской идентичности в полиэтничном городе: институциональные механизмы и институциональные практики / М.Ю. Барбашин, Ф.А. Барков, М.А. Васьков, А.Н. Гвинтовкин, Е.Н. Крамарова, А.В. Сериков. – Ростов-на-Дону, 2012 и др.

[338] *Бараш Р.Э.* На чем зиждется гражданская идентичность в России // Вызовы для России в меняющемся мире (Мировое развитие. Выпуск 14) / Отв. ред.: Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова, Е.В. Шумицкая. – М., 2015. – С. 5–14.

[339] *Петров Ю.А.* История как ценность // Стратегия России. – 2016. – № 8 (152). – С. 6–13.

[340] *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – С.226.

частым обращением их участников к истории, которая приобрела статус «политической религии»[341].

Понимая политико-идеологическую значимость «разворачивающегося во времени нарратива»[342], акторы этнополитики используют его не только в целях укрепления этнической самоидентификации индивидов/этнических групп/общностей, но и для установления власти над массовым «знанием о прошлом», чтобы реализовать политические стратегии текущего момента с неоднозначными последствиями для институциональной политики идентичности. Кроме того, в данной ситуации проявляется ограниченность сферы влияния исторической науки на фоне потенциальных возможностей исторического дискурса в формировании массовых представлений о прошлом.

Активная «работа над прошлым» способствовала изменению политики идентичности в современной России с акцентуацией внимания на роли государства в этом процессе. Так, О.Ю. Малинова считает, что начавшийся в 2011–2012 гг. новый этап политики идентичности в стране характеризуется более пристальным вниманием государственной власти, которая стремится «расширить репертуар политически «пригодных» событий», что стало приобретать очевидные признаки «систематической стратегии»[343].

Действительно, государственная власть рассматривает историко-культурное наследие как ресурс формирования и укрепления общероссийской идентичности. Начиная с предвыборной статьи В.В. Путина о «национальном вопросе»[344] в российской публичной политике заметно возросло внимание к историко-культурному аспекту эволюции российского общества, который рассматривается как объективное условие для успешного развития российской нации. При этом особое внимание уделяется раскрытию

[341] *Коносов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. – М.. – 2011. – С.14, 34.
[342] *Bell D.* Mythscapes: memory, mythology, und national identity // British Journal of Sociology. – 2003. – Vol.54. – №1. – P. 63–81.
[343] *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М., 2015. – С.183.
[344] *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2012. – 23 января. – URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 18.11.2024).

потенциала молодежи и его использованию в интересах социально-культурного развития страны, укрепления единства российской нации, упрочения межнационального мира и согласия, в том числе через участие в патриотических, историко-культурных проектах и форумах, инициируемых на разных уровнях взаимодействия (региональном, муниципальном) как самими молодыми людьми, так и государственными структурами. Аналогичные мероприятия проводятся на уровне региона и муниципалитетов в рамках региональных молодежных и образовательных программ, а также в контексте реализации государственной национальной политики.

Следует отметить, что «работа над прошлым» с использованием современных информационно-коммуникационных технологий проводится в северокавказском регионе не только в рамках изучения школьных дисциплин. Немаловажную роль в закреплении знаний о локальной истории играют различные формы коммеморативных практик (нарративные, визуальные, монументальные и т.д.) которые отличаются поливариативностью трендов памяти, инструментализированной государственными институтами в разные годы под воздействием определенных обстоятельств и лоббистской деятельности этносоциальных/этнополитических групп. К примеру, в 2007 г. вся Карачаево-Черкесия праздновала 450-летие добровольного вхождения республики в состав России[345]. А в 2014 г. в столице республики прошла научно-практическая конференция, посвященная 185-летию вхождения Карачая в состав Российской империи[346], что ставит под сомнение первую памятную дату в части, касающейся истории карачаевского народа.

Очевидно, что коллективные памяти разных этнических сообществ, насыщенные новыми коммеморативными практиками и переоценкой истории в постсоветское время, приходят в противоречие. Этот процесс

[345] Карачаево-Черкесия отмечает присоединение к России [Электронный ресурс] // ИА Регнум. – 2007. – 29 сентября. – URL: https://regnum.ru/news/polit/892184.html (дата обращения: 18.11.2024).
[346] *Михайлова О.* Сохранение истории – фактор упрочения российской государственности [Электронный ресурс] // День Республики. – 2014. – 7 мая. – URL: https://denresp.ru/2014/05/07/soxranistorii-faktor-uprochneniya-ros-gosudarstva/ (дата обращения: 17.11.2024).

получил название «войны памяти», что, по оценкам экспертов, является одной из главных проблем исторической науки на Кавказе[347]. Отметим, что «войны памятей» имеют место и в информационно-политическом пространстве Северного Кавказа, где сталкиваются различные мнения и интерпретации прошлого, связанного с этнической историей с момента зарождения конкретной этнической общности и до настоящего времени. Битва за этническую историю вписывается в примордиалистскую концепцию интерпретации этничности, что подробно рассматривалось нами в первой главе.

Как было отмечено выше, северокавказский регион традиционно отличается полиэтничностью и поликонфессиональностью. Следовательно, этнополитические коммуникации часто связаны с манипуляциями в СМИ с использованием этнической истории и исторической памяти. Не только журналисты, но и многочисленные эксперты выступают в СМИ на исторические темы, затрагивающие актуальную этническую память, которая помнит о трагических моментах в судьбе той или иной этнической общности. Мы можем объяснить это тем, что понимание прошлого имеет принципиальное значение для формирования самоидентичности, а также поддержания позитивной групповой идентичности[348].

Необходимо отметить, что образы прошлого определяют системы ценностей и социальное поведение людей. Поэтому коммуникатору важно знать социально-ценностную ориентацию реципиента, чтобы направлять процесс обмена информацией в нужное русло и добиваться поставленных целей.

Однако, на Северном Кавказе возможности политического воздействия коммуникатора на реципиента или общественное мнение ограничены культивированием в регионе определенных социальных отношений,

[347] Карта конфликтов СКФО: долги за газ, дело ректора и курортная свалка [Электронный ресурс] // ФедералПресс. – 2016. – URL: https://fedpress.ru/article/1662220 (дата обращения: 17.11.2024).
[348] *Vail M*. The “Integrative” Rhetoric of Martin Luther King, Jr.’s “I Have a Dream” Speech // Rhetoric and Public Affairs. – 2006. – Vol.9. – P. 51–78. – doi.org/10.1353/rap.2006.0032.

эмоциональных состояний, атрибуций, регламентов и стереотипов. В этом контексте используются методы подсознательного стимулирования, когда в поток исторической информации внедряются принятые этническим большинством представления о прошлом, содержащие оценочные ассоциации, этнические авто- и гетеростереотипы или стандарты, что приводит к осуществлению замысла коммуникатора, направленного на получение автоматически положительной или отрицательной реакции на то или иное событие. К закрепленным на подсознательном уровне ассоциациям относятся и этнические предрассудки, провоцирующие ценностное отношение к проблеме «свои – чужие».

Среди основных исторических тем, рассматриваемых нами как потенциал этнополитических коммуникаций в исследуемом регионе, следует выделить историю Кавказской войны, этногенез кавказских этнических общностей, историю депортаций и реабилитации народов Северного Кавказа, увековечение памяти национальных героев, русских генералов, педагогов и т. д.

Кавказская война является одним из драматичных периодов истории народов Северного Кавказа, который связан с противоречивым характером их интеграции в социально-политическое и правовое пространство России. Исследование темы Кавказской войны продолжается, а в последние годы представлены и новые интерпретации событийной истории военно-политического противостояния и его переосмысления[349]. В информационно-политической сфере Кавказская война (1817–1864 гг.) интерпретируется с двух основных позиций:

1) как продолжение имперской политики России, связанной с расширением территории страны и покорением/замирением Кавказа;

2) как целенаправленный геноцид кавказских народов, приведший к мухаджирству. Поэтому в политическом дискурсе сторонники этих двух

[349] *Дзамихов К.Ф.* Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). – Нальчик, 2014. – С.3–14.

непримиримых концепций обвиняют друг друга в мифологизации и политизации истории Кавказской войны, обращая внимание на ее предысторию, ход военных действий и последствия. История Кавказской войны, используемая властью, СМИ и общественностью на Северном Кавказе, ориентирует этнические общности на распространяемые стереотипы и мифы, помогая освоить политические уроки прошлого и применить полученные знания в своей деятельности.

Специфичная восприимчивость и чувствительность к интерпретации истории Кавказской войны и ее героев в публичной сфере политики наглядным образом была продемонстрирована летом 2019 г., когда глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров затронул эту тему в одном из интервью, сравнив народное сопротивление горцев (газават) под руководством Шамиля с вторжением боевиков из Чечни на территорию Дагестана в 1999 г. Р. Кадыров резюмировал свое выступление тем, что ваххабизм был привнесен в Чечню из Дагестана. Эта речь имела общественный резонанс: в соседнем Дагестане начались стихийные митинги, активизировались эксперты, журналисты и другие акторы этнополитики. Действующий глава РД В. Васильев выступил с заявлением, в котором допустил плюрализм мнений и разные толкования исторических событий, высказав уверенность в том, что чеченцы и дагестанцы найдут мудрое решение[350].

Необходимо отметить, что политизация темы депортации народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг., нерешенность реабилитационных проблем, практика законодательного обеспечения реабилитационной политики и активность институтов гражданского общества, также определяют характер и направленность этнополитических коммуникаций. Политологи открыто заявляют, что решение проблем, связанных с

[350] Васильев: Попытки рассорить дагестанцев и чеченцев обречены на провал [Электронный ресурс] // ИА Eurasia Daily. – 2019. – 22 сентября. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/08/22/vasilev-popytki-rassorit-dagestancev-i-chechencev-obrecheny-na-proval (дата обращения: 18.11.2024).

реабилитацией репрессированных народов Северного Кавказа является одним из условий его социально-экономического развития[351].

Необходимо отметить, что история депортации северокавказских народов еще не до конца изучена, поскольку доступ к ряду архивных источников ограничен для исследователей. Данное обстоятельство, наряду с другими, используется отдельными специалистами для оправдания принудительных миграций (данный термин употребляется нами синонимично термину «депортация») северокавказских народов и выражения недовольства их требованиям по реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов». Как отмечают исследователи, процесс реабилитации репрессированных и депортированных народов России проходил сложно и неэффективно[352], несмотря на то, что федеральные органы власти уделяли этому вопросу большое внимание[353]. Основной причиной неэффективности реабилитационной политики власти на Северном Кавказе была недооценка этнополитического фактора. Управленческие решения были направлены на достижение экономических задач. В результате такой политики в регионах Северного Кавказа с компактным проживанием депортированных народов (Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Республика Ингушетия, Чеченская Республика) накопились проблемы в политической, экономической и социокультурной сферах, негативно сказавшиеся на последующем развитии балкарцев, ингушей карачаевцев и чеченцев.

Следует отметить, что связь темы массовых политических репрессий с современностью отличает ее от других актуальных этнополитических проблем историко-культурной направленности, способствуя интеграции

---

[351] «Заводами Кавказ не поднимешь»: Политолог – о том, как развивать СКФО [Электронный ресурс] // Аргументы и факты (Ставрополь). – 2019. – 28 января. – URL: https://stav.aif.ru/politic/caucasus/zavodami_kavkaz_ne_podnimesh_kak_zastavit_skfo_razvivatsya (дата обращения: 18.11.2024).

[352] *Петров А.Г.* Реабилитация репрессированных народов: законодательство и практика // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2013. – №2. – С. 143.

[353] *Аккиева С.И.* Проблемы реабилитации депортированного балкарского народа. Возвращение на историческую родину // Белые пятна российской и мировой истории. – 2015. – № 6. – С. 32.

представителей разных этнических групп (балкарцев, ингушей, карачаевцев, чеченцев) на основе коллективной исторической памяти, коллективной травмы и идентичности репрессантов, сформировавшейся под воздействием конкретных исторических событий, связанных с реабилитацией. В исследуемый период в Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и в Чечне функционировали и продолжают свою работу различные общественные и политические институты (как, например, «Конгресс карачаевского народа»), которые ставят своей целью восстановление исторической справедливости и нарушенных прав репрессированных народов.

Как отмечают исследователи, «драмы северокавказской истории, включая период Кавказской войны и эмиграции горцев, а также период сталинских депортаций, еще в полной мере не описаны, что дает повод для искаженных трактовок конфликтогенного характера» [354] . Более того, очевиден антироссийский настрой некоторых «исторических агентов», выполняющих идеологический заказ по дезинтеграции российского общества. Это одна из основных причин актуализации в политике памяти властвующей элиты на Северном Кавказе темы Кавказской войны и репрессивной политики государства прежних эпох.

Наряду с этим, согласно п. 15 ч. II «Стратегии по противодействию экстремизму в Российской Федерации» [355] среди основных угроз значится инспирирование этническими антрепренерами сепаратистских проявлений на почве межнациональных (межэтнических) конфликтов, которые обусловлены историческими и социально-экономическими особенностями и могут привести к дезинтеграци государства и разрушить единство российской нации.

---

[354] Состояние межэтнической экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад. / Под ред. В.А. Тишкова – М.; Пятигорск, 2013. – С.69.

[355] Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/ (дата обращения: 11.01.2025 г.).

Следует отметить, что в Карачаево-Черкесии день окончания Кавказской войны – 21 мая – значится в календаре траурных дат и отмечается ежегодно. В 2017 г. по случаю 153-летия окончания Кавказской войны, в Черкесске был торжественно открыт памятник жертвам Кавказской войны, на котором присутствовал Глава КЧР Р.Б. Темрезов, руководство республики и общественность. Памятник был установлен на народные пожертвования. Как было отмечено на церемонии открытия памятника, «он представляет собой монумент, в основе которого лежат элементы национальной культуры и единства народов республики, объединенных общей историей и стремлением жить в братской дружбе и согласии» [356] . Отметим здесь изменение риторики в публичных выступлениях участников траурных митингов, связанных с трагическими страницами истории народов Северного Кавказа. Хотя и сейчас можно встретить публичные суждения о беспощадном колониальном истреблении горцев, прикрытой ассимиляции, русификации, геноциде и принуждении к миру, что препятствует преодолению исторических обид, гармонизации межэтнических отношений и формированию единой российской нации.

Отметим и то, что так рассуждают и респонденты, которые приняли участие в исследовании, которое проводилось с участием автора в 2016 г. в рамках Программы Президиума РАН «Историческая память и гражданская идентичность». Так, по мнению молодых респондентов из Карачаево-Черкесии, исторический дилетантизм и/или искаженное представление о прошлом того или иного народа является одним из факторов межэтнических конфликтов[357].

Необходимо отметить, что в контексте рассматриваемого вопроса целесообразно обратить внимание на причины включенности дискурса о

[356] В Карачаево-Черкесии почтили память жертв Кавказской войны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. – 2017. – 21 мая. – URL: http://kchr.ru/news/detailed/37095/?sphrase_id=176438 (дата обращения: 18.11.2024).

[357] *Джантеева Д.С.* Историко-культурное измерение гражданской идентичности в полиэтничной Карачаево-Черкесии // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М., 2018. – С.403-414.

прошлом в этнополитические коммуникации Северного Кавказа. Во-первых, это обусловлено политической потребностью в выстраивании стратегий и целей, в необходимости обеспечения их поддержки со стороны влиятельных партнеров и гражданских структур, включая медиаторов. Они выполняют посреднические функции между акторами публичной политики[358].

Отметим и то, что первостепенное значение придается историческому оформлению этнических претензий на власть и повышение политического статуса этнической общности, что естественно в условиях исторически сложившейся иерархичности и конкуренции северокавказских этнических общностей в борьбе за ограниченные ресурсы. Одновременно с этим, исторический дискурс используется для групповой солидаризации, а также артикуляции этнокультурных ценностей как основы взаимодействия полиэтничного сообщества и власти. Кроме того, внутренняя противоречивость и несбалансированность обозначенного исторического дискурса создает возможность переориентации общественного внимания от актуальных этнополитических вопросов в конкретном регионе на аналогичные внешние проблемы более высокого порядка, так или иначе затрагивающие интересы этнической общности.

Во-вторых, исторический дискурс позволяет лоббировать этнополитические интересы и оказывать влияние на структуры государственного управления. Обращаясь к прошлому, акторы этнополитики интерпретируют/переинтерпретируют распределение общественных благ между этническими общностями и предлагают воплотить свои идеи в жизнь посредством включения в нормативно-программные, концептуальные и стратегические документы. Исторический дискурс актуализирует и механизмы традиционной народной дипломатии, способствующие достижению этнополитического консенсуса [359] . Приемлемость такого

[358] *Сунгуров А.Ю.* Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) // Публичная политика. – 2017. – №1. – С.18.
[359] *Джантеева Д.С.* Политико-коммуникативные процессы в полиэтничном регионе. – Карачаевск, 2016. – С.105.

консенсуса обусловлена этнополитической культурой северокавказских народов и вписывается в концепцию неформальной политической коммуникации[360].

В-третьих, исторический дискурс используется для формирования общероссийской гражданской идентичности как важного фактора упрочения единства российской нации. Кроме того, дискурс о прошлом способствует изменению статуса исторического образования как важного фактора рационализации исторического мышления и сохранения историко-культурного наследия[361].

Следует отметить, что проведенное нами исследование позволяет говорить о том, что потенциал исторического знания на Северном Кавказе используется недостаточно эффективно. В школьном образовании наблюдаются случаи систематической подмены уроков Отечественной истории на этническую историю, как это имело место в Карачаево-Черкесии. Нужна адекватная оценка последствий аналогичных случаев для общественно-политической безопасности и укрепления единства российской нации, т.к. аналогичные подходы сопровождаются демонизацией России, мифологизацией этнической истории, «героизацией» и «удревнением» отдельных этнических общностей на фоне гиперисторицизма общественного сознания северокавказского общества[362].

Тем самым, функции исторического дискурса в этнополитических коммуникациях Северного Кавказа потенциально связаны с решением следующих основных задач: конструирования идентичности (исторической, этнической, национальной, гражданской и т.д.); защиты политических и юридических прав народов [363] ; обоснования политических амбиций

---

[360] *Pye L.* Political Communication // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. – Oxford-New York, 1987. – P.443.

[361] *Ocal T.* Necessity of Cultural Historical Heritage Education in Social Studies Teaching // Creative Education. – 2016. – Vol. 7. – № 3. – P. 396-404.

[362] *Панарин С.А.* Позиционно-исторические предпосылки кавказской политики // Полис. Политические исследования. – 2002. – №2. – С.100.

[363] *Халюзин В.А*. Политическая жизнь традиционного северокавказского общества в контексте глобализации. – М., 2014. – С.121.

этнических общностей; этнической мобилизации; формирования ценностного отношения к проблеме «свои - чужие»; репрезентации и артикуляции групповых интересов, а также сохранения историко-культурного наследия и знания о прошлом через актуализацию образовательных стратегий, мемориальной деятельности и коммеморативной практики.

Необходимо отметить, что особенности реализации обозначенных функций исторического дискурса зависят от региональных условий, в которых устанавливаются политико-коммуникативные акты между акторами этнополитики. Вместе с тем, здесь имеется много общего, прежде всего, связанного с попытками политизации и этнизации актуализированной локальной истории. Следствием подобных политических манипуляций являются конфликты «памятей» с участием акторов этнополитики, которые придают особое значение истории в формировании, развитии и сохранении нации (этноса). По мнению ряда зарубежных ученых, история включена в структуру национальной (этнической) идентичности [364] и без истории невозможно существование нации.

Современные английские исследователи Э. Дж. Хобсбаум и Дэвид Дж. Кертцер считают, что «нацию делает нацией именно прошлое», оправдывающее ее существование, а историки создают это прошлое[365]. Во многом этим объясняется конструирование новых политических праздников и акций (День адыга, День осетинского флага, День дагестанской культуры и языков, День чеченского языка, Праздник айрана и т.д.), связанных с историей и культурой народов Кавказа.

Репрезентацией и интерпретацией различных аспектов прошлого занимаются ученые из смежных социогуманитарных наук, а также представители интеллектуально-экспертного сообщества и другие

[364] *Wodak R., De Cillia R., Reisigl M.* The Discursive Construction of National Identities [Electronic resource] // Discourse and Society. – 1999. – Vol. 10. – P. 149-173. – URL: https://doi.org/10.1177/0957926599010002002. (date of access: 17.11.2024).
[365] *Hobsbawm E.J., Kertzer D.J*. Ethnicity and nationalism in Europe today // Anthropology today. –1992. – Vol.8. – P.3.

«исторические агенты». В этой связи следует обратить внимание на то, что не вся информация о прошлом является историческим знанием. Специалисты различают историческое знание, историческую информацию и данные исторического характера.

Следует отметить, что в этнополитических коммуникациях Северного Кавказа используется историческая информация этнической направленности, которая способствует достижению политических целей акторами этнополитики (удержанию у власти, легитимации принимаемых решений, получению поддержки и т.д.) и, как правило, отвечает информационным запросам целевой аудитории. Для оживления сообщений об исторических событиях в этнополитических коммуникациях используются различные приемы (прямого обращения, нарушения ожидания партнера, ввода ложного персонажа и т.д.) с включением анекдотов, мифов и легенд о местных народах. При этом понятие «исторический факт» не всегда корректно применяется в сообщениях исторической направленности, где легко обнаружить его замену на востребованный «здесь и сейчас» «исторический материал» (В. Белковский), что влияет на восприимчивость информации о прошлом. Как отмечают аргентинские исследователи М. Карретеро и М. Кригер, «конструирование исторических нарративов основано на онтологической и неисторической концепции собственного народа, что затрудняет понимание альтернативного нарратива (counternarrative) местных исторических агентов»[366]. Указанные подходы вписываются в «этнически предвзятое» историческое оценивание, связывающее историко-дискурсивную практику иноэтничных субъектов политики с заранее заданным видением и таким образом вносящее в процесс проблематизации контекста коммуникативного акта искусственно заданные переменные. В данном случае интерпретационные рамки истории ухудшают качество восприятия информации о прошлом, затрудняют поиск «исторической

[366] *Carretero M., Kriger M.* Historical representations and conflicts about indigenous people as national identities // Culture & Psychology. – 2011. – Vol. 17. – Is. *2*. – P. 177–195.

истины», а в конченом итоге деформируют историческое сознание и приводят к конфликту «памятей».

Отметим и то, что предвзятое использование акторами этнополитики исторических конструкций ведет к усилению этнической дистанции и межэтнического размежевания. Следствием этого является ослабление конструктивного потенциала «исторической памяти» и кризисные этнополитические коммуникации. Политические дискуссии по спорным вопросам истории Северного Кавказа, провоцируются отсутствием общепринятых научных интерпретаций, что объясняется продолжением исследовательских работ, плюрализмом мнений, конкуренцией научных школ и т.д.

Многие этнополитические конфликты в северокавказском регионе имеют исторические корни и вызваны политическими просчетами государственной власти. На это указали и эксперты, принявшие участие в социологическом опросе «Политико-коммуникативные процессы в этнокультурной среде СКФО: проблемные аспекты, риски и совершенствование государственной политики». Опрос проводился в феврале 2017 г. во всех субъектах РФ, входящих в состав СКФО. В социологическом опросе приняли участие 49 экспертов. При расчёте выборки экспертов использовались следующие критерии:

1. Степень компетентности эксперта в решаемой проблеме. Для определения компетенции используются такие показатели как: уровень образования, профиль работы, специализация публичной политической деятельности, количество и качество ранее проведенных экспертиз, например, сбывшиеся прогнозы эксперта.

2. Уровень объективности и незаинтересованности эксперта при решении данной проблемы.

Спектр основной сферы деятельности экспертов разнообразен. Среди экспертов были: представители региональных органов власти (сотрудники администраций, министерств, парламентарии); журналисты; общественные

деятели, правозащитники; эксперты, ученые (несколько человек имеют ученую степень кандидата или доктора исторических/политических наук); представители политических партий (включая руководителей региональных отделений); работники органов местного самоуправления (работники администраций и депутаты); «лидеры мнений» (люди, пользующиеся авторитетом и влиянием в обществе). В каждом регионе СКФО указанные сферы деятельности были представлены равным количество экспертов (по 1 человеку), что позволило сравнить их мнения по исследуемым проблемам в зависимости от данного критерия (занятости).

Опрос проводился методом анкетирования *(анкета прилагается)*[*]. Исследование направлено как на выяснение оценок экспертов об уже известных аспектах политико-коммуникативных процессов в СКФО, так и на выявление оригинальной экспертной точки зрения о них.

По мнению большинства экспертов СКФО, распространению негативной этнической информации в регионе в наибольшей степени способствуют: «ухудшение экономической ситуации», а около половины из них отметили «недовольство национальной политикой региональной власти», «ошибки национальной политики в советский период», «наличие проблем у отдельных этнических сообществ».

Отмечая проблемы эффективных политических медиакоммуникаций в СКФО, более половины экспертов выделили: «ущемление этнических интересов/прав», «необъективную интерпретацию этнополитических событий» и «предвзятую интерпретацию этнополитических интересов отдельных этнических групп/сообществ», «фальсификацию этнической истории в публичной политике» наряду с «необъективным освещением в СМИ факторов, детерминирующих межэтнические отношения в регионе (включая историческую справедливость)» и «необъективную интерпретацию этнополитических событий». Менее проблематичными, по мнению экспертов, являются «конфликты, связанные с миграцией» и «объективное

[*] См. Приложение № 2.

освещение в СМИ факторов, детерминирующих межэтнические отношения на Северном Кавказе (историческая несправедливость, этноклановость, ущемление прав репрессированных народов, распространение экстремизма/терроризма и т.д.)». Тем самым, на Северном Кавказе наблюдается запрос на объективную этническую информацию в политических коммуникациях.

Вместе с тем, противоречивые дискурсивные практики акторов этнополитики в рассматриваемом регионе детерминированы гиперисторицизмом общественного сознания северокавказских народов[367]. Чрезмерная актуализация «ряда элементов исторического наследия» в сознании народа и акторов политического процесса[368] синхронизирует с развитием публичной истории, которая стремится донести до широкой аудитории не столько историческое знание, сколько переосмыслить прошлое, пригодное к употреблению в настоящем и будущем. При этом внимание фокусируется на этнической составляющей. В такой ситуации нарастает межэтническое соперничество за присвоение прошлого и усиливаются попытки создать «свои» версии этнической истории, в том числе через стратегии актуализации «нужного» и забвения «мешающего». Поэтому на Северном Кавказе чрезвычайно сложно использовать коммуникативные стратегии, способствующие преодолению сохраняющихся тенденций межэтнического размежевания, когда солидарность народов тоже имеет исторические основания. При этом возрастанию интереса к прошлому способствует унификация этнических культур наряду с тенденцией сокращения количества этнодифференцирующих признаков.

Следует отметить, что и в данном случае не все так однозначно. К примеру, в последние годы заметно снизилась публичная реабилитационная деятельность репрессированных и насильственно переселенных народов

[367] *Герман Р.Э.* Репрезентации исторического прошлого в структуре этнических идеологий Северного Кавказа // Полиэтничное общество, власть и демократия в России: Сборник статей. – М. – Махачкала, 2012. – С.545.

[368] *Панарин С.А*. Позиционно-исторические факторы кавказской политики // Полис. Политические исследования. – 2002. – №2. – С.100.

Северного Кавказа, в то время как адыгские этносы проявляют активность по солидаризации вокруг темы Кавказской войны, мухаджирства, принятия госпрограммы помощи черкесским репатриантам. Здесь можно отметить, что наибольшим мобилизационным потенциалом обладает дискурс о трагической истории народов Северного Кавказа, к которой апеллируют этноэлиты в своем стремлении получить политические дивиденды. Обращаясь к дискурсной проблеме «Россия и Кавказ», исследователи предлагают уделять внимание на сложносоставное содержание, детерминированное, прежде всего, противоречивым историческим процессом вхождения Кавказа в политико-правовое пространство России, а также многоуровневыми современными феноменами и процессами геополитической, этнополитической, этноконфессиональной природы[369].

Указанные обстоятельства объясняют и то, почему в этнополитических коммуникациях наибольшему политическому воздействию и переоценкам подвергается история Северного Кавказа Нового и Новейшего времени. В эти исторические эпохи на Кавказе произошли события, каждое из которых оставило глубокий след в исторической памяти кавказских народов. Именно с XIX века история в существенной мере обеспечивает социально-групповую идентификацию, а, начиная с XX века, функция идентификации стала реализовываться на уровне массовых представлений о прошлом[370]. Это означает, что профессионально подготовленная историческая информация направлена не только на распространение научного знания, но и на формирование массового «знания о прошлом» – «исторической памяти». При этом в развитии «индустрии памяти» (Кервин Клейн) участвуют не только историки, но и политики, журналисты и другие представители интеллектуальных кругов.

---

[369] *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М., 2010. – 264 с.

[370] *Джантеева Д.С.* Северный Кавказ в историческом медиадискурсе // Исторический выбор народов Кавказа – поступательное развитие в составе России: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 185-летию вхождения Карачая в состав Российского государства. 29 апреля 2014г. / отв. ред. Джантеева Д.С. – Черкесск, 2014. – С.43.

Следует отметить, что не случайно, опрошенные нами северокавказские эксперты указали на необходимость знания истории участниками политических коммуникаций в СКФО. При ответе на вопрос: «На Ваш взгляд, какими профессиональными компетенциями должны обладать основные акторы этнополитики, участвующие в политических коммуникациях СКФО?», эксперты указали, что для представителей власти на Северном Кавказе значение имеют: «уважение к обычаям и традициям проживающих в регионе народов», «объективное, основанное на конкретных фактах, отношение к потребностям этнических групп».

В настоящее время в субъектах Северного Кавказа проводятся исследования, ориентированные на изучение отношения молодежи к историческому прошлому, искусственной селекции событий этнической истории, вопросов покаяния и забвения, культурной памяти, примирения с исторической травмой в судьбе народа. Так, исследованием, проведенным в Чеченской республике, выявлены уязвимости в преемственности ценностей и сохранении межпоколенческих связей, объективном восприятии истории и модернизации общества[371].

Следует отметить, что в последние годы в стране в связи с актуализацией политики сохранения традиционных ценностей, наметилась тенденция усиления в общественном сознании консервативно-патерналистских установок. Следствием этого является увеличение доли граждан России, поддерживающих консервативную повестку и не разделяющих ценности «демократии» и «толерантности». Политические ценности современной молодежи страны в меньшей мере соотносятся с такими как «традиционность» и «коллективизм», несмотря на то, что они лежат в основе государственной этнополитики. Рассматривая данную проблему на примере отдельных регионов России, исследователи указывают, что формирование гражданской идентичности молодежи подвержено

[371] *Курбанова Л.У.* Межпоколенческая коммуникация в контексте культурной памяти (на примере социологических исследований среди молодежи Чеченской республики) // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием. – М., 2024. – С.329-330.

определенному давлению в условиях геополитической напряженности[372], что важно учесть при корректировке и практической реализации государственной этнополитики.

Как следует из нашего исследования, наибольшие требования, связанные со знанием истории, респонденты предъявляют к ученым/экспертам и журналистам, что связано с их профессиональной деятельностью и потенциальной возможностью актуализировать прошлое и «создавать историю народа». По мнению экспертов, журналисты должны изучать и знать историю и этнокультуру народов Северного Кавказа, объективно освещать мнения всех акторов этнополитики, знать обычаи «других», освещать вопросы этнополитики объективно и корректно, не нагнетая ситуацию.

Необходимо отметить, что отдельное внимание эксперты уделили исполнительной журналистике, которая должна быть нацелена на распространение позитивных исторических примеров, пригодных для практического применения. Ученые и эксперты должны демонстрировать, как минимум: «знание этнополитических процессов и возможность их прогнозирования»; «знание истории, культуры, обычаев, традиций народов»; «стремление к истине, стремление своими работами не навредить, а содействовать урегулированию конфликтных и проблемных ситуаций»; «знание объективных исторических фактов»; «умение анализировать и объективно оценивать исторические события и современное политическое состояние».

Таким образом, история Северного Кавказа становится особым типом не только медийного, но и политического продукта, активно использующимся в коммуникационных стратегиях этноэлит для продвижения определенных идей и достижения поставленных целей, но без учета исторического знания и исторической памяти они обречены стать причиной конфликтов и кризисных этнополитических коммуникаций.

---

[372] *Матюков Е.С.* Измерение национально-государственной идентичности крымчан: влияние реинтеграции? // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием. – М., 2024. – С.392-393.

Выводы по главе 2

1. Исторически Северный Кавказ отличается от других регионов России социокультурными характеристиками, которые оказывают существенное влияние на политико-коммуникационные процессы в регионе. СМИ, власть и общество в условиях культурного разнообразия Северного Кавказа продуцируют множество смыслов, символов, интерпретаций и коммуникативных практик, определяющих специфику этнополитических коммуникаций на региональном и субрегиональном уровнях. Тем самым социокультурные параметры северокавказского региона коррелируют с коммуникативными стратегиями этнополитической направленности.

С другой стороны, на Северном Кавказе существуют культурные ограничения, основанные на симбиозе элементов традиционной, гражданской и этнополитической культуры, которые, на наш взгляд, сужают спектр коммуникативных стратегий и тактик, исключая возможность коммуникации исходя из личных потребностей и позиции актора, вынужденного подчиняться мнению этнического большинства или действовать в рамках создавшейся ситуации.

2. Специфика современных этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе заключается в том, что они формируются в силу объективных и/или субъективных причин на основе сочетания традиционных и инновационных элементов с учетом меняющейся политической реальности и ресурсов. Традиционные по смысловому оформлению, пониманию и интерпретации этнополитические интересы (например, связанные с функционированием системы госуправления на основе принципа этнического квотирования, что характерно для КБР, КЧР и РД), презентуются с использованием новейших PR-технологий на различных интернет-платформах (социальных сетях, СМИ, мессенджерах, видео хостингах и т.д.), не запрещенных российским законодательством. Это характеризует этнополитические коммуникации на Северном Кавказе как гибридные.

Гибридность исследуемого феномена наиболее выпукло выражается в механизмах презентации этнополитических интересов, которые включены в коммуникативные стратегии этноэлит Северного Кавказа. Смысловое содержание и интерпретационные рамки презентации имеют прямую зависимость от культурно-политического контекста, соответствия принимаемых решений установившимся правилам политической игры, адекватности актуальной этнополитики и доступности власти.

3. В северокавказском обществе есть запрос на объективное историческое знание, которое рассматривается как основная опора институциональной политики идентичности, самоидентификации и фактор национальной безопасности на Северном Кавказе. С другой стороны, инструментализация историко-культурного наследия этноэлитами способствует этнической мобилизации и достижению различных политических целей в конкурентной борьбе за власть или ее осуществление. Именно этим, на наш взгляд, провоцируется повышенная и неоднозначная роль этнической истории и исторической памяти в политико-коммуникативных процессах северокавказского региона.

ГЛАВА 3
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ АКТОРОВ ЭТНОПОЛИТИКИ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

3.1. Новые тенденции и вызовы этнополитических медиакоммуникаций: северокавказский кейс

В условиях динамичного развития информационного общества, которое сопровождается медиатизацией политики с возрастающим влиянием СМИ на политические процессы[373], приоритетной исследовательской задачей становится изучение новых подходов и вызовов этнополитических коммуникаций в медиа сфере. Последние исследования в данной области демонстрируют прогрессивную динамику исчпользования интернета в политических коммуникациях. По оценке экспертов приоритетными направлениями интернет-коммуникаций в органах власти в 2017 г. являлись: взаимодействие по электронной почте (92,9%), проведение видеоконференций (41,8%) и телефонные переговоры через интернет (22,5%)[374].

Сегодня в России интернетом ежедневно пользуются почти 100 млн человек, что в 100 раз больше аналогичных показателей в 1998 г.[375] Как отмечают исследователи средний уровень цифровой грамотности россиян в 2018–2020 гг. вырос на 6 п.п. и составил 58 п.п. из 100 возможных[376].

Являясь одним из видов массовой коммуникации, этнополитические медиакоммуникации характеризуются как информационные взаимодействия

---

[373] *Hjarvard S*. The Mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. – 2008. – Vol. 29. – №.2. – P.106.; *Strömbäck J*. The Mediatization of Politics – Reshaping Politics and Transforming Democracies [Electronic resource]. – Sundsvall and Östersund, Sweden:, 2015. – 15 p. – URL: https://www.grcp.ulaval.ca/sites/grcp.ulaval.ca/files/stromback_2015.pdf (date of access: 18.11.2024).

[374] Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник. – М., 2019. – С.57.

[375] Ежедневная интернет-аудитория в России выросла до почти 100 млн человек [Электронный ресурс] // Известия. – 2023. – 30 сентября. – URL: https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/09/30/998068-ezhednevnaya-internet-auditoriya-rossii-virosla (дата обращения: 18.11.2024).

[376] Интернет в России в 2022–2023 годах [Электронный ресурс]: состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. – М., 2023. – С.46. – URL: https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2023-12-08/902141c1-6f76-44cd-8234-4cd588a40eea.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

между субъектами этнополитики, которые основаны на создании, распространении и потреблении информации с использованием медиа. Массовый характер этнополитических медиакоммуникаций объясняется включением в процесс коммуницирования средств массовой информации и коммуникации. Как отмечает канадский исследователь Г.М. Маклюэн, массовыми средства информации являются не только из-за размера их аудитории, а в силу того, что каждый становится вовлеченным в них одновременно [377] . И в данном случае независимо от характера и функциональной направленности, этнополитические медиакоммуникации проявляются в виде обмена смысловой и оценочной информацией, способствующей адаптации и идентификации коммуникантов. При этом наиболее подходящим форматом отношений между властью, массмедиа и этнической общностью является «гражданский дискурс как вид поливербального общения на основе целого свода статусно-ролевых правил плюралистического характера»[378]. Очевидно, что на данный вид общения определенное воздействие оказывает этнический фактор.

Особую значимость этнополитические медиакоммуникации имеют для поликультурного Северного Кавказа, демонстрирующего различные вариации коммуницирования с неоднозначными последствиями для социума, о чем более подробно говорилось во второй главе.

Продолжающийся на Северном Кавказе процесс информатизации общественно-политической жизни стимулировал использование новейших информационно-коммуникационных технологий в деятельности акторов этнополитики на фоне сохраняющихся вызовов глобального и локального уровня, связанных с актуальной информационной политикой, сохранением конфликтогенных факторов и политикой нациестроительства в Российской Федерации.

---

[377] *Маклюэн Г.М*. Понимание медиа. Внешние расширения человека. – М., 2007. – С. 402.

[378] *Киричек П.Н*. Массмедийный дискурс этнополитической коммуникации // Коммуникология. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 30.

Активными участниками этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе сегодня являются социальные субъекты с присущими им этнокультурными и политическими интересами. Часто участники политического процесса своей целью ставят максимальное распространение этнически обусловленных идей и хотят, чтобы они имели публичный характер, были правильно интерпретированы и восприняты медиааудиторией, которую сегодня уже не принято рассматривать исключительно как совокупность отдельных реципиентов информации. Исследователи выделяют три основные тенденции эволюции медиааудитории[379]:

1) инновационная трансформация культуры публичного авторства, т.к. интернет предоставляет возможность публичного авторства;

2) стремительный рост количества «несредних» интернет-пользователей, которым нужны специфичные формы коммуникации;

3) ускоряющееся разделение и дифференциация аудитории по собственной инициативе и новым основаниям.

Применительно к Северному Кавказу мы можем говорить еще об одной тенденции – сегментации медиааудитории по этническим/этнокультурным основаниям и по региональному/этнотерриториальному признаку. В практическом плане это проявляется в существовании целевых этнических аудиторий у национальных/этнокультурных СМИ, которые издаются во всех регионах Северного Кавказа. К примеру, «Абазашта», «Ватан», «Къарачай», «Лезги газет», «Ногай давысы», «Черкес хэку» и т.д. По состоянию на 23.03.2018 г. в Карачаево-Черкесии из 59 зарегистрированных СМИ 22 являлись многоязычными и издавались на национальных языках народов КЧР[380], а в Дагестане – 13 этнокультурных СМИ[381]. На различных интернет-

[379] *Дзялошинский И.М.* Медиапространство России: состояние и тенденции развития // Федеральный справочник. Связь и массовые коммуникации в России. – Т. 12. – М., 2013. – С. 97–104.

[380] Перечень СМИ, зарегистрированных Центральным аппаратом Роскомнадзора, редакции которых [Электронный ресурс] // Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати: Официальный сайт. – URL: https://minnac-kchr.ru/deyatelnost/smi/smi.php (дата обращения: 18.11.2024).

платформах созданы этнические сообщества с соответствующей атрибутикой, маркирующей их и отличающей от «других», системой правил общения/поведения, репертуаром тем для обсуждения и т.д. Кроме того, существуют интернет-сообщества, Телеграм-каналы и другие формы сетевой организации этничности, которые маркируются по территориальному и этнотерриториальному признаку. Например, «СКФО Telegraph», «Дагестан online», «Ингушетия. ГIалгIайче», «Къарачайлыла», «Кабардино-Балкарец», «CHECHNYA», «А у нас в КЧР», «Наша Осетия» и т.д.

Очевидно, что для достижения желаемого эффекта инициаторам осознанных этнополитических контактов в медиасфере необходимо учитывать современные трансформационные изменения медиааудитории поликультурного северокавказского региона. К тому же известно, что любая «социальная среда обладает уже сформировавшимися системами предпочтений и установок» [382] , поэтому информационные запросы медиааудитории региона имеют привычные «этнические координаты», иерархии и источники распространения. Следует также помнить о том, что этничность допускает дискриминационное поведение в межэтнических отношениях в зависимости от этнического состава участников[383]. Однако, это не исключает возможность возникновения медиаконфликтов между представителями одной этнической группы, которые могут быть вызваны разными причинами, в том числе, основанными на политических интересах/предпочтениях. Примечательны в этом плане медиаконфликты в ингушском обществе между сторонниками и оппонентами власти

[381] В Дагестане выходит 14 газет на национальных языках. Насколько они востребованы? [Электронный ресурс] // Дагестан: Республиканская государственная вещательная компания. – 2011. – 13 января. – URL: https://rgvktv.ru/news/obshchestvo/v_dagestane__vyhodit__14_gazet___na_nacionalnyh_yazykah__naskolko_oni_vostrebovany%3F-7248/ (дата обращения: 18.11.2024).

[382] *Дридзе Т.М.* Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. – 1998. – №2. – С. 96.

[383] *Nisser A.* Cross-Ethnic Interactions and the Influence of Politics Evidence from Online Spaces and a Field Experiment in Bosnia and Herzegovina [Electronic resource]: Dissertation submitted for the degree of Doctor of Social Sciences (Dr. rer. soc.). 2017. – P.4. – URL: http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2--gwduw0vgdsk27 (date of access: 18.11.2024).

Республики Ингушетия осенью 2018 г., когда был решен вопрос установления границы с Чеченской Республикой.

Следует отметить, что современные этнополитические медиакоммуникации Северного Кавказа насыщены многими положительными примерами, характеризующими качественные изменения в регионе в части проведения государственной национальной политики и ее информационного сопровождения, осуществляющейся с помощью разветвленной сети мадиаресурсов. Она включает как государственные СМИ, так и негосударственные медиа. Результатом целенаправленной информационной политики в СКФО и создания благоприятной медиасреды в последние годы, стало появление новых медиахолдингов и отдельных СМИ. В ряде регионов такой «информационный скачок» эксперты назвали «медиареволюцией». В этом плане выделяется Карачаево-Черкесия, где в 2013 г. был реализован инвестиционный проект по созданию медиахолдинга «КЧР-медиа», в который вошли 9 современных видов средств массовой информации и комуникации.

В предоставленных автору медиа-картах СМИ СКФО в 2018 г., составленных экспертами Межрегионального центра общественных инициатив «Северный Кавказ», значатся 217 СМИ, включая интернет-издания. По количеству ведущих региональных СМИ лидирующие позиции занимают Ставропольский край (51), Северная Осетия (38) и Кабардино-Балкария (28). Среди федеральных СМИ, работающих по СКФО, 11 информационных агентств и интернет-СМИ, 7 ТВ-каналов и радио, а также 6 федеральных СМИ без представительства в СКФО. Результаты многочисленных исследований свидетельствуют о резком росте количества пользователей социальных сетей в СКФО. В 2018 г. на Северном Кавказе наибольшую популярность имели Facebook*, Instagram* и ВКонтакте. Среди мессенджеров лидируют Ватсап и Телеграм.

* Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram внесена Министерством юстиции Российской Федерации в Перечень

Отметим, что приведенные данные характеризуют состояние медиапространства Северного Кавказа, развивающегося в контексте современных российских реалий, имеющихся возможностей и потребностей аудитории, которая в определенной степени ориентируется на традиционные формы коммуникации. И это понятно, если учесть, что в условиях продолжающейся глобализации на Северном Кавказе подрываются идеи самоидентификации, обычаи, традиции и принципы организации жизни[384]. Совершенно очевидно и то, что информационно-коммуникационные технологии разрушают идентификационный процесс в рамках традиционных социальных институтов[385], широко распространенных и имеющих прочные историко-культурные основания на Северном Кавказе. Поэтому в регионе предпринимаются попытки использовать интернет для интеграции отдельных онлайн-этнофоров в этнические виртуальные сетевые сообщества для поддержания и развития менталитета, а также решения актуальных политических вопросов, затрагивающих интересы этнической общности.

На основе комплексного анализа состояния информационно-политического пространства Северного Кавказа с учетом этнически ориентированной медиаполитики, мы можем говорить о том, что последняя не столь успешна из-за наличия коммуникационных проблем. Среди них мы выделили следующие:

1. «Цифровой разрыв» между участниками этнополитического процесса. В данном случае речь не идет о целенаправленном «этническом цифровом разрыве», основанном на принадлежности к определенной этнической группе, о чем писал М.Кастельс[386]. Эта коммуникационная

общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022).

[384] *Липина С.А.* Медиакоммуникации в региональном развитии: проблемы и возможности // Коммуникология. – 2014. – Т.8. – №6. – С.104-114.

[385] *Шарков Ф.И.* Развитие виртуальных сетевых сообществ в Интернете // Коммуникология. – 2015. – Т.3. – №5. – С.32.

[386] *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург, 2004.

проблема связана с цифровым неравенством в обществе, пользовательской активностью и цифровой компетентностью [387] отдельных этнофоров-пользователей. Безусловно, виртуальное коммуницирование акторов этнополитики находится в определенной зависимости и от коммерциализации доступа в интернет.

2. Межпоколенческий конфликт, вызванный неприятием информационно-коммуникационных технологий представителями старшего поколения, предпочитающими привычные способы этнополитической коммуникации, в том числе посредством включения механизмов традиционной народной дипломатии и неформальных контактов. Такое сознательное «исключение из интернета» объясняется распространением в регионе культуры общения лектонического типа и информационной безопасностью. Следует отметить, что вопросы, связанные с доверием и конфиденциальностью информации в социальных сетях, привлекают внимание и ученых[388].

3. Незавершенность процесса информатизации языков народов Северного Кавказа, что не позволяет использовать родной/национальный язык при онлайн-общении и удовлетворять этнокультурные потребности за счет электронных образовательных ресурсов, словарей, энциклопедической, художественной и исторической литературы, этнических средств массовой информации и коммуникации и т.д. Конечно, здесь имеются проблемы, отражающиеся на этом процессе. В частности, не все народы Северного Кавказа имеют письменный язык. В регионе остро стоит вопрос сохранения родных языков других народов, поскольку «языковая политика как

[387] *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // Психологический журнал. 2016. – Т.37. – №5. – С. 44-54.

[388] *Dwyer C., Hiltz S.R., Passerini K.* Trust and Privacy Concern within Social Networking Sites [Electronic resource]: A Comparison of Facebook and MySpace // Reaching New Heights. 13th Americas Conference on Information Systems, AMCIS 2007, Keystone, Colorado, USA, August 9–12, 2007. – Keystone, Colorado, USA, 2007. – P. 10. – URL: https://slideplayer.com/slide/4743550/ (date of access: 17.11.2024); *Determann L.* Social Media Privacy: A Dozen Myths and Facts [Electronic resource] // Stanford Technology Law Review. – 2012. – Vol. 7. – URL: http://stlr.stanford.edu/pdf/determann-socialmediaprivacy.pdf (date of access: 17.11.2024).

федеральных, так и региональных властей по-прежнему далека от совершенства»[389].

4. Отсутствие традиции, связанной с успешными политическими коммуникациями этнических виртуальных сетевых сообществ, созданными представителями кавказских народов[390]. Анализ механизмов презентации этнополитических интересов в медиасфере Северного Кавказа также выявил недостаточную разработку идеи и схемы номинации, а также информационной стратегии. В стремлении представить этнополитические вопросы, коммуниканты не придают значения качеству информации.

Необходимо отметить, что эффективность обозначенных механизмов зависит от легитимности заинтересованной группы, аргументирования актуализации этнической проблемы, форм и методов ее презентации, сочетающих элементы традиции и современности. Не менее важное значение имеет статус медиаресурса, с помощью которого презентуются этнополитические интересы. Поэтому представляется важным уделять внимание этому моменту. Реакция власти на наличие этнической проблемы приобретет особое значение, если, к примеру, она будет транслироваться социально значимыми СМИ, которым государство оказывает поддержку.

5. Особенности функционирования региональной этнополитической информационно-коммуникативной системы. Динамика ее развития имеет прямую зависимость от моделей взаимодействия государства, массмедиа и этнических сообществ со свойственными им интересами, потенциями, стилем поведения и нормами общения.

Отметим и то, что наличие указанных коммуникационных проблем определенным образом отражается и на политических медиакоммуникациях этнических сообществ. В частности, речь идет о конфигурации этнического

---

[389] *Тишков В.А., Степанов В.В*. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М., 2016. – С.4.

[390] *Хван И.С., Горгадзе А.А. и др*. Этнические сообщества в социальных сетях // Современная социология – современной социологии / Сборник статей VI международной научно-практической конференции памяти А.О. Крыштановского. – М., 2012. – С.593.

представительства в интернете, включая саморегулируемые этносетевые сообщества, формы и методы презентации этнополитических интересов, их обсуждение и согласование действий и т.д.

При этом медиакоммуникации используется акторами этнополитики преимущественно в двух направлениях. Первое связано с проецированием и реконструкцией реальных этнополитических процессов, которые динамично развиваются на Северном Кавказе, и прежде всего в контексте российского нациестроительства и поддержки государством этнокультурных и межкультурных мероприятий, направленных на сохранение самобытности местных народов и оптимизацию этноконфессиональных отношений.

Второе направление связано с тем, что участники политического процесса используют информационно-коммуникационные технологии для целенаправленного конструирования новой, виртуальной социально-политической реальности в соответствии с актуальными задачами, от решения которых зависят (как им представляется) перспективы развития этнического сообщества или устойчивость государственной власти. К примеру, в связи с предстоящей Всероссийской перепесью населения в 2020 г., в медиапространстве Северного Кавказа и за его пределами этноэлиты, представляющие разные национальности, ведут информационно-пропагандистские кампании в рамках конструирования единого суперэтноса. С одной стороны, этноэлиты из числа адыгейцев, кабардинцев и шапсугов призывают представителей этих национальностей самоидентифицировать себя в ходе переписи как «черкес», а с другой стороны – к этому призывают всех, кто на родном языке называет себя «адыгэ», а «черкес» – это иноэтноним. Черкесская пропаганда строится на отрицании существующих народов (адыгеец, кабардинец, шапсуг), требовании исключить их из федерального списка национальностей и утверждении иноназвания «черкес». В интернет-пространстве распространенными мемами стали «Мы черкесы!» и «Нет такой национальности кабардинец/адыгеец!». Визуализация этнополитической кампании осуществляется и через хэштег #ячеркесАты?

Сложность, неоднозначность и противоречивость этой пропагандлистской кампании, на наш взгляд, заключается в попытке этноэлит синтезировать элементы примордиалистской, конструктивистской и инструменталистской теории этничности. Оставаясь «по крови, почве, языку» адыгами, они хотят, чтобы «другие» их идентифицировали «черкесами». Согласно достижениям научной мысли по теории этничности, иноназвание этнической общности присваивают «другие» и, как правило, оно совпадает с самоназванием. В случае с адыгейцами и кабардинцами этому способствуют и обозначения административно-территориальных образований (Республика Адыгея и Кабардино-Балкарская Республика) – их исторической малой родины. Поэтому логично, когда этнических черкесов, компактно проживающих в КЧР, «другие» идентифицируют как «черкесы». В случае с адыгейцами, кабардинцами и шапсугами все сложно еще и потому, что их «другие» уже называют «адыгами». В СМИ Северного Кавказа освещаются адыгские праздники – «День адыгов», «День адыгского национального костюма», «День адыгского флага», которые интерпретируются как символы этнического единства. Теперь этноэлиты предлагают «другим» называть «адыгов» «черкесами», понимая, что это спорный термин и его инструментализация в целях этнической мобилизации чревата возникновением конфликтов, поскольку соседние кавказские народы воспринимают данный шаг как притязание на их этническую историю и неуважение памяти их предков, которых в далекие временами называли черкесами.

Приведенный пример позволяет нам говорить о том, что на Северном Кавказе не всегда акторы этнополитики способны соотнести политические риски, связанные с коммуникативными стратегиями по формированию определенного этнического образа и затрагивающими интересы «других». Непродуманные политтехнологии и пропагандистские кампании в информационном обществе, продуцируют кризисные этнополитические коммуникации в северокавказском регионе, которые сложно оптимизировать

в виду потенциально сохраняющихся конфликтогенных факторов и неуправляемости интернета.

Как известно, массовый, трансграничный и интерактивный характер медиакоммуникаций обусловлен развитием интернета, вытесняющим традиционные СМИ[391] на фоне сохраняющегося нестабильного состояния медиаиндустрии в 2019 г. и за его пределами. Вместе с тем конвергенция медиапространства создает дополнительные условия для реализации коммуникантами своих планов посредством новых медиа с привлечением специфичного символического капитала, особым образом конвертируемого в виртуальный идеологический конструкт. Сконструированная таким образом политическая медиареальность, которая включена в символическое поле политики, оказывает воздействие на политическое сознание граждан[392]. При этом созданию и распространению этнически проецированного медиаконтента среди целевой аудитории способствует соответствующий информационный запрос, доступность интернета и медиавоздействие. Так, впервые в истории страны в 2017 г. треть новых медиа приходится на онлайн издания, а это более 22 тыс. массмедиа[393]. Число пользователей интернета в России перевалило за 80 млн чел. (что составляет 66% населения страны в возрасте старше 12 лет).

Следует отметить, что повышение уровня медиаактивности и медиапотребления в рамках сложившейся в стране мощной информационно-коммуникативной медиасистемы [394] является новейшей тенденцией в развитии поликультурного социума на Северном Кавказе. Поэтому современная этнополитическая деятельность должна проводиться с учетом

---

[391] *Norris P*. Digital Divide? Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. – Cambridge, 2001. – P.201.

[392] *Русакова О.Ф., Грибоед Е.Г.* Политический медиадискурс и медиатизации политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2014. – Т. 14. – № 4. – С.67.

[393] *Плец Т.* СМИ России в 2017: международная экспансия и уход в онлайн [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mediadigger.ru/smi-rossii-v-2017-mezhdunarodnaja-ekspansia-vihod-online/ (дата обращения: 18.11.2024).

[394] *Дугин Е.Я.* Информационно-коммуникативные медиасистемы регионов в Стратегии пространственного развития России // Власть. – №11. – 2016. – С. 41.

не только этого, но и того факта, что интернет стал полигоном для молодых авторов [395] . Медиаактивность молодых пользователей-этнофоров и использование ими преимуществ интернета в этнополитической деятельности позволяют прогнозировать тенденцию развития межпоколенческих конфликтов в регионе, вызванных эволюцией информационного общества. Уже сегодня наблюдается рассогласование мнений относительно публичности принимаемых решений между молодыми участниками этнополитических процессов и представителями старшего поколения. Сопутствующим конфликтогенным фактором в данном случае является и то, что пользователи интернета интересуются политикой и субъективно лучше разбираются в ней, чем остальные [396] . Между тем, иллюзия вседозволенности в Сети и анонимность отправляемых сообщений также часто провоцируют межэтнические конфликты, связанные с интолерантным коммуникативным поведением участников этнополитических медиакоммуникаций. Поэтому актуальной проблемой данного вида политических контактов остается межэтническое согласие, на что обращают внимание и исследователи этнополитических коммуникаций [397] . Возможно, новая государственная информационная политика, обязывающая всех пользователей интернета в РФ проходить процедуру идентификации, качественно изменит ситуацию в этом вопросе.

Необходимо отметить, что наряду с указанным достижением поставленные коммуникантами цели способствуют введению новейших механизмов политического коммуницирования, основанных на маркетинговых технологиях. На региональном уровне они, как правило, используются наибольшим спросом во время предвыборных кампаний, часто сопровождаемых этнизацией избирательного процесса посредством

[395] *Дзялошинский И.М.* Медиапространство России: состояние и тенденции развития // Федеральный справочник. Связь и массовые коммуникации в России. – Т. 12. – М., 2013. – С. 97–104.
[396] *Быков И.А., Халл Т.Э.* Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей России // Полис. Политические исследования. – № 5. – 2011. – С. 160.
[397] *Блохин И.Н.* Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретация толерантности // Гуманитарный вектор. – 2014. – №3 (39). – С.113-114.

применения информационно-коммуникационных технологий. Поэтому не случайно в 2016 г. был введен мораторий на использование этнического фактора во время выборов депутатов Государственной Думы. Безусловно, в указанных условиях объективно возникает потребность в изменении политических практик и приспособлении участников этнополитических процессов к новой коммуникативной ситуации. На основе результатов проведенного нами медиа мониторинга политической активности северокавказских пользователей-этнофоров в социальных сетях мы можем предположить, что рост и падение популярности сетей Instagram*, Facebook* и Twitter в рассматриваемые периоды кореллируются с осенним избирательным циклом 2016 г. Известно, что он сопровождался конфликтными ситуациями (например, в Республике Дагестан и Карачаево-Черкесии), которые находили отражение в СМИ.

Одним из новых коммуникативных подходов в современных условиях является применение информационно-коммуникационных технологий и традиционных СМИ в этнополитической деятельности, направленной на оптимизацию межэтнических и межконфессиональных отношений в контексте нового этапа нациестроительства, наметившегося в стране в 2012 г. Сегодня максимальные усилия всех заинтересованных сторон сконцентрированы на упрочении единства российской гражданской нации – важнейшего политического проекта и стратегической цели современной этнополитики[398].

Кроме того, следует отметить, что этнополитический процесс на Северном Кавказе сопровождается распространением медиакоммуникаций

---

* Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram внесена Министерством юстиции Российской Федерации в Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022).

[398] *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (три года спустя) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Вып. 253. – М., 2016. – С.8.

наряду с сохраняющимися традиционными механизмами установления политических контактов. В определенной степени этому способствует и государственная информационная политика, направленная на «сохранение традиционных и привычных для граждан (отличных от цифровых) форм получения товаров и услуг» на основе приоритета «традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и соблюдении «основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий»[399].

Известно, что политическое использование масс-медиа зависит не только от намерений коммуникатора, но и актуальной социально-политической ситуации. В условиях Северного Кавказа, когда «многообразные этнические сообщества имеют различные степени конфликтного потенциала» [400], возрастает значение интегративной способности коммуникации, на которую указывал Ю. Хабермас[401]. Поэтому этнополитические медиакоммуникации могут рассматриваться как фактор стабилизации социально-политической ситуации и достижения целевых показателей государственной национальной политики. Этим, во многом, объясняется распространение в регионе массовых политических коммуникаций, которые инициированы институционализированными субъектами этнополитики, и рассматриваются нами в контексте концепта «шоу-политика»[402].

Отметим, что речь идет об информатизации этнополитической деятельности власти и институтов гражданского общества, связанной с проведением разного рода политических шоу, призванных консолидировать этнические сообщества. В их числе парады, открытия памятников

[399] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71670570/ (дата обращения: 18.11.2024).
[400] *Blagojevic B.* Causes of Ethnic Conflict: a conceptual framework // Journal of Global Change and Governance. – 2009. – Vol.3. – P. 3–18.
[401] *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности. – М., 2022. – 878 с.
[402] Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии: материалы дискуссии / А.И. Соловьев, О.Ю. Малинова, О.В. Гаман-Голутвина, М.В. Ильин, С.Н. Пшизова // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 28–52.

национальным героям, митинги, шествия, встречи депутатов с избирателями и т. д. Информационное сопровождение подобных мероприятий массмедиа и содействие их проведению признаются государством как социально значимая деятельность, поэтому те СМИ, которые осуществляют свою деятельность в этом направлении, получают финансовую поддержку от государства. Проводятся журналистские конкурсы на лучшее освещение вопросов межнациональных и этноконфессиональных отношений. В общероссийском масштабе выделяется конкурс «СМИротворец».

Необходимо отметить, что процесс развития этнополитических медиакоммуникаций в северокавказском регионе характеризуется активным включением аудитории в поддержание обратной связи. Современные медиаресурсы, в том числе некоторые государственные СМИ предоставляют пользователям возможность комментировать этнически спроецированные медиатексты. При этом коммуникативная активность медиааудитории наблюдается, когда транслируется информация о проведении этнических праздников, установлении памятников героям и выдающимся представителям той или иной национальности, проведении памятных мероприятий, приуроченных к трагическим страницам истории северокавказских народов и т.д.

Отметим и то, что научно доказано - востребованность СМИ и медиавоздействия многократно возрастают при обращении медиатекстов к этнической истории, а возможность дать субъективную оценку такому медиапродукту значительно увеличивает к нему интерес медиааудитории. В данном случае речь не идет собственно об этнических СМИ, итак нацеленных на удовлетворение информационных потребностей определенного этноса. Речь идет о русскоязычных СМИ, включая современные медиа, также обращающихся к этнической истории отдельных народов страны и СКФО.

Следует признать, что в силу противоречивости истории народов Северного Кавказа, ее интерпретации и восприятия в общественном

сознании, политические шоу, проводимые в одном национальном регионе, могут неоднозначно восприниматься в другом или даже на субрегиональном уровне. К примеру, установление памятника И. Сталину в мае 2016 г. в селе Озрек Кабардино-Балкарии интерпретировалось репрессированными в сталинскую эпоху балкарцами и карачаевцами как спланированная провокация и акт неуважения памяти невинных жертв депортации. По мнению инициаторов установки памятника, мотивация заключалась в увековечении имени И.В. Сталина, которое связано с победой в Великой Отечественной войне[403]. Поэтому некорректная проекция и интерпретация таких политических практик в медиасфере провоцирует более крупные этнополитические медиаконфликты, которые переходят в реальную плоскость.

Очевидным примером такого порядка является актуализация в масс-медиа так называемого «аланского вопроса». И если его прежний инфогенез не выходил за рамки политического медиадискурса с участием интеллигенции, то в первой половине 2017 г. актуализация «аланской темы» сопровождалась масштабными для Юга страны политическими событиями. Речь идет о референдуме в Южной Осетии о переименовании страны в Государство Алания (за эту инициативу проголосовали более 78% избирателей) и его массовой поддержке в Северной Осетии, включая официальную позицию руководства республики. Следствием этого стали публичные протесты в соседних регионах, где проживают народы (балкарцы, карачаевцы, чеченцы, ингуши), также претендующие на аланское наследие. Этноэлитами предпринимались попытки мобилизовать эти национальности для поддержки интернет-петиции против переименования Южной Осетии в Государство Алания, что, в свою очередь, вызвало стихийный митинг в Северной Осетии. Главам регионов – Северной Осетии и Ингушетии –

[403] В одном из сел Кабардино-Балкарии в День Победы установили бюст Сталина [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2016. – 10 мая. – URL: https://ria.ru/20160510/1430890688.html (дата обращения: 18.11.2024).

удалось скорректировать дальнейший конфликтный сценарий этнополитической коммуникации по «аланскому вопросу».

Безусловно, «борьба за обладание прошлым» (В.А. Шнирельман) между претендентами на аланское историко-культурное наследие, активно развернувшаяся в медийной сфере, сопровождается кризисными коммуникациями. На наш взгляд, они вызваны не только соответствующей этнополитической деятельностью, но и искажением этнической информации каналом ее распространения. Как отмечал Г.М. Маклюэн, информационно-коммуникативным каналам присущ определенный коэффициент коммуникативной проницаемости, так как «техническое средство не толерантно к сообщению, оно так или иначе придает сообщению свои свойства»[404].

При этом не имеет принципиальной важности место регистрации СМИ, главное, что в нем отображена этническая история. Некоторые редакторы массмедиа, полагаясь на их территориальную отдаленность от мест локализации этнических групп, о которых идет речь в медиатекстах, не придают значения последствиям публикации некорректных высказываний в их адрес. Но для того, чтобы эти медиатексты достигли этнических групп – героев журналистских материалов, достаточно читательского интереса к ним со стороны хотя бы нескольких их представителей, которые затем выступают в качестве лидеров мнений, распространяя в «своих» группах «этнизированную историю». Внимание к ней многократно усиливается, если она сфальсифицирована в негативную сторону. Более того, у представителей этнической группы, чья история искажена именно таким образом, появляется естественное желание опровергнуть негативную историю СМИ.

Отметим и то, что наличие аналогичных случаев в этнополитических медиакоммуникациях ни что иное как сознательная трансляция заведомо выгодной для редакции «этнической истории» с тем, чтобы дестабилизировать этнополитическую ситуацию.

[404] *Маклюэн Г.М.* Понимание медиа. Внешние расширения человека. – М., 2007. – С. 324.

Необходимо отметить, что в целом интолерантные медиатексты в определенной степени способствуют возбуждению ненависти и приводят к конфликтным этнополитическим медиакоммуникациям. В большинстве случаев это происходит из-за того, что аудитория не оценивает качество медиатекстов, определяемое и уровнем квалификации автора, на что мы обращали внимание в первой главе работы.

Известно, что этнически спроецированный медиатекст оказывает суггестивное воздействие на этническое сознание референтной медиааудитории, т.к. каждый этнофор гордится и дорожит историей «своей» этничсекой общности. Фактически неограниченное медиавоздействие на референтную группу этнически спроецированных медиатекстов обязывает СМИ к высокой ответственности. Также известно, что деятельность журналиста, освещающего этнополитические процессы в СКФО, основана на принципе рациональной выгоды. Поэтому среди объективных проблем политической журналистики в СКФО наряду с репрезентацией этнополитических интересов, границами свободы слова, общественным интересом, экспертным лоббизмом, выделим профессиональную этику и этнополитическую (этнологическую) культуру журналиста, освещающего межэтнические отношения, т.е. участвующего в этнополитических медиакоммуникациях.

Следует отметить, что мониторинговый анализ северокавказской медиасферы и результаты исследований [405] позволяют констатировать наличие проблем с адекватным пониманием свободы слова представителями профессионального журналистского сообщества, гражданскими журналистами и просто отдельными индивидами, представляющими медиааудиторию.

[405] Исследование коммуникативно-информационного пространства СКФО. Повышение эффективности информационной составляющей в управлении субъектами СКФО [Электронный ресурс]. – М., 2012. – URL: http://www.bastion.ru/files/sprav/komm_skfo12.doc (дата обращения: 18.11.2024); *Кумыкова М.М.* Информационная политика как условие социоэкономической модернизации регионов Северного Кавказа [Электронный ресурс] // Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В. Тишкова. – М., 2008. С. 219–230 – URL: http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1195.pdf. (дата обращения: 18.11.2024) и др.

Отметим и то, что формы проявления, характер и направленность этнополитических медиакоммуникаций, а также коммуникативная активность политических акторов зависят от актуальной социальной ситуации на Северном Кавказе вообще, или в отдельном регионе округа, в частности. Как правило, вопросы этнополитики в медиакоммуникациях актуализируются в связи с этническими праздниками и памятными датами, связанными с историей народов Северного Кавказа. К примеру, одним из медиатрендов 2015 г. было празднование 2000-летия Дербента.

Следует отметить, что в этнополитических медиакоммуникациях длительное время продолжаются споры относительно установления точной даты появления на свет самого древнего города России. Многие дагестанцы в своих комментариях и постах в социальных сетях выражают недовольство тем, что город праздновал 2000-летие, в то время, как полагали они, Дербенту – 5000 лет. В этом плане примечательно мнение академиков А.П. Деревянко и В.А.Тишкова, которые определили, что Дербенту 2000 лет. В свою очередь, экс-глава РД Р.Г. Абдулатипов в одном из своих публичных выступлений отметил, что Дербенту – 2000 лет как городу, а 5000 лет – как поселению[406].

Необходимо отметить, что анализ этнополитических контактов в медиасфере выявил наличие многих спорных моментов, вызванных особым отношением к истории и попытками политизировать известные проблемы северокавказских народов, возникшие в прежние исторические эпохи. В частности, речь идет о: пограничных спорах (Северная Осетия и Ингушетия, Чеченская Республика и Республика Ингушетия); земельных спорах, особенно в равнинных районах; реабилитации репрессированных народов, включая политические и территориальные аспекты; социально-культурном развитии малочисленных народов (например, абазин) и т.д. При этом характерной особенностью современной исторически обусловленной

[406] *Завьялова О.* «Дербент упоминается в Библии и Коране — таких городов мало в мире»: Глава Республики Дагестан Рамазан Абдулатипов – о праздновании юбилея одного из древнейших городов России // Известия. – 2015. – 23 июля [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/589102 (дата обращения: 18.11.2024).

медиапродукции, посвященной Северному Кавказу, является их политизация, т.к. история используется в политических целях.

Отметим, что на характер и направленность коммуникативных актов акторов этнополитики в медиапространстве определенным образом сказывается не только деятельность отдельных журналистов, но и развитие системы СМИ Северного Кавказа. Практически стали традиционными Форумы СМИ СКФО, проведенные Центром современной Кавказской политики «Кавказ» и Межрегиональным центром общественных инициатив «Северный Кавказ» при поддержке аппарата полномочного представителя президента РФ в СКФО, а также компании «Курорты Северного Кавказа». Форумы СМИ СКФО поочередно прошли в разных субъектах РФ в СКФО – Ставропольском крае (I, II, III, IV форумы), в Республике Ингушетия (V форум), в Чеченской Республике (VI форум). Следует отметить усилия организаторов этих мероприятий, которые совершенствуют подходы к формированию состава участников, повестку дня и общий стиль проведения мероприятия. Так, на Форуме СМИ СКФО, прошедшем в г. Грозном в 2018 г., участвовали около 1000 журналистов из России и зарубежных стран, политики, представители гражданских институтов. Была организована панельная дискуссия о цифровых медиа, реализован проект «Дни PR на Кавказе», подведены итоги и награждены участники конкурса «Медиакавказ» и т.д.[407].

Важным также представляется и то, что в июле 2015 г. Комиссия по вопросам информационного сопровождения государственной национальной политики президентского Совета по межнациональным отношениям поставила перед собой задачу создать в РФ организацию профессиональных журналистов, пишущих на межнациональные темы [408] . Это будет

[407] *Стеблинов И.* VI Международный форум «СМИ Северного Кавказа»: итоговый ролик [Электронный ресурс] // TheWikiHow. – 2018. – 27 декабря. – URL: https://thewikihow.com/video_CL6a1fAY9eU (дата обращения: 18.11.2024).

[408] В России создадут организацию профессиональных журналистов, пишущих на межнациональные темы [Электронный ресурс] // Чеченская Государственная Телерадиокомпания «Грозный». – 2015. – 1 июля. –. URL: http://grozny.tv/news.php?id=5931(дата обращения: 18.11.2024).

способствовать совершенствованию журналистского мастерства в части освещения этнополитических процессов в стране и на Северном Кавказе. К тому же, в соответствии с п.7, ст.10 и ст.11 закона РФ «О СМИ», во время регистрации и внесений изменений в запись о регистрации требуется указать примерную тематику и (или) специализацию средства массовой информации[409].

Во избежание использования деструктивного потенциала СМИ в конструировании виртуальной этнополитической картины мира, проводится медиамониторинг межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Применяются и другие механизмы информационного менеджмента государства в предупреждении конфликтных ситуаций в поликультурном северокавказском регионе.

Таким образом, развитие глобального информационного общества и существующие вызовы единству многонационального народа России делают уязвимыми этнополитические отношения в медиапространстве. В наибольшей степени это касается Северного Кавказа, где имеющиеся коммуникационные проблемы не только тормозят процесс модернизации политических медиакоммуникаций, но и отражаются на функционировании региональной этнополитической информационно-коммуникативной системы.

3.2. Стратегии этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе

Современное развитие политических процессов на Северном Кавказе, активное развитие медиапространства[410] и актуализация этнического фактора

[409] Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/10164247/ (дата обращения: 10.01.2025).

[410] Исследование коммуникативно-информационного пространства СКФО. Повышение эффективности информационной составляющей в управлении субъектами СКФО [Электронный ресурс]. – М., 2012. – URL: http://www.bastion.ru/files/sprav/komm_skfo12.doc (дата обращения: 18.11.2024).

в политике детерминируют медиатизацию этнополитических контактов с генерированием гибридных моделей стратегических медиакоммуникаций.

Следует отметить, что теоретическая и практическая значимость исследования специфики и стратегий этнополитических медиакоммуникаций в региональном измерении в рассматриваемый период связана с развитием информационного общества, неоднозначным воздействием глобализации на состояние и эволюцию этнических культур и национальных государств, в связи с чем актуализируются локальные политико-коммуникативные процессы, ассоциированные с этничностью.

Отметим и то, что являясь одним из видов массовой коммуникации, этнополитические медиакоммуникации характеризуются как процессы создания, распространения и потребления этнической информации на всех уровнях общения с использованием различных коммуникативных средств. Стратегии этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе представляют собой комплексные планы проведения политических медиакампаний в рамках реализации целей и задач актуальной этнополитики.

На массовом уровне этнополитических медиакоммуникаций в северокавказском регионе распространяются политико-коммуникационные кампании с использованием СМИ, инициированные институционализированными объединенными акторами политики.

Отметим, что стратегические политико-коммуникационные кампании этнической направленности на массовом уровне конструируются органами государственной власти совместно с медийными структурами, общественно-политическими объединениями и другими акторами политических процессов. Тем самым институциональная структура стратегических этнополитических медиакоммуникаций государства включает различные организации, участвующие в формировании их содержания и целей. В их числе следует выделить: пресс-службы государственных органов власти, управления и общественно-консультативных институтов (Советов, Общественных палат, Комиссий, Управлений по правам человека) регионов

Северного Кавказа, СМИ (федеральные/региональные, государственные/негосударственные, этнические/интернет-СМИ), региональные представительства общероссийских политических партий, институты гражданского общества (некоммерческие организации, неправительственные организации, национально-культурные автономии, религиозные организации), общественные движения и т.д.

Следует уточнить, что участие указанных институционализированных акторов предопределено фактом их существования в конкретном субъекте Северного Кавказа. К примеру, институты общественных палат были созданы во всех регионах СКФО в период с 2007 г. по 2013 г. На групповом уровне медиавзаимодействия акторов политики выделяются коммуникационные политические кампании, инициированные этническими элитами в совокупности с этнокультурными (этнонациональными) общественными организациями, многие из которых участвовали в региональных политических процессах с 90-х гг. XX в., но к настоящему времени прекратили свое существование по разным причинам. Так, в 2012 г. в Карачаево-Черкесии три общественные организации объединились в одну под названием «Къарачай Алан Халкъ» («Карачаевцы – Аланский Народ»)[*].

Необходимо отметить, что на индивидуальном уровне этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе распространена стратегия переговоров с использованием новейших средств связи и электронная деловая переписка представителей власти и этнических элит. На этом уровне используется и стратегия мгновенного обмена этнической информацией через мессенджеры и чаты. До недавнего времени через мессенджер WhatsApp можно было распространять информацию без каких-либо ограничений. Теперь одно и то же сообщение можно одновременно отправить только 5 пользователям.

[*] Карачаево-Черкесская общественная организация содействия социально-экономическому, культурному, спортивному и духовному развитию карачаевского народа «Къарача», Карачаево-Черкесская региональная общественная организация по защите прав и интересов карачаевского народа «Къарачай халк тере» («Карачаевский народный совет»), Карачаево-Черкесская региональная общенациональная карачаевская общественная организация «Алан». – Архив автора.

Отметим и то, что на массовом и групповом уровнях политико-коммуникационных процессов акторы политики ставят своей целью распространение этнополитических идей с последующей адекватной интепретацией и восприятием, что определяется содержанием этнической информации, ее идеологическим смыслом и социокультурными особенностями медиааудитории. Сегодня ее уже не принято рассматривать исключительно как совокупность отдельных реципиентов без учета тенденций развития медиааудитории. В частности, речь идет об изменении культуры публичного авторства, росте потребителей специфичной коммуникации и ускорении процессов, связанных с разграничением и дифференциацией аудитории[411].

Отметим, что для достижения желаемого эффекта, инициаторам стратегических этнополитических коммуникаций в медиасфере необходимо учитывать трансформацию медиааудитории поликультурного северокавказского региона, которая сегментируется по этническим, территориальным и этнотерриториальным основаниям, а информация селекционируется/ обрабатывается и передается в соответствии с этническими ожиданиями. К тому же известно, что любой социальной среде присущи отличительные системы координат[412], поэтому информационные запросы полиэтничной медиааудитории региона имеют привычные «этнические координаты», иерархии и источники распространения. Они определяются этническим строением общества в конкретном субъекте Северного Кавказа, актуальностью отдельных аспектов этнополитики для власти и/или этноэлит в определенной общественно-политической ситуации. При таком подходе мы можем говорить о ситуативности и фрагментарности стратегических коммуникаций акторов этнополитики, обусловленных трансформациями поликультурной медиааудитории Северного Кавказа.

---

[411] *Дзялошинский И.* Субъекты медиакоммуникации: личностные и групповые характеристики // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 4(8). – С. 50.

[412] *Дридзе Т.М.* Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. – 1998. – №2. – С. 99.

Исследователи культурно-идентификационных процессов в социокультурном пространстве отмечают, что сегодня поддержание этнического фактора оказывает активное влияние на социальное самочувствие народов. Поскольку этнокультурная идентичность выступает ядром этнополитической культуры народов Северного Кавказа[413], знание инициатором стратегических этнополитических медиакоммуникаций этнической принадлежности реципиентов и их интересов на определенном этапе развития политических процессов способствует повышению эффективности коммуникационной кампании. В данной связи отметим, что в регионах Северного Кавказа в рассматриваемый период сохраняются конфликтогенные факторы с ярко выраженной этнической проекцией – земельные, территориальные и приграничные споры, незавершенность реформы местного самоуправления, политизация общественно-политической сферы, отток русскоязычного населения и т.д.[414].

Следует обратить внимание и на развитие информационного пространства на региональном и субрегиональном уровнях, которое определяется неравномерностью проникновения интернета и цифровым разрывом между городскими и сельскими жителями, разным уровнем медиаграмотности населения, плотности медиаканалов, степени диверсификации СМИ, состояния кадров СМИ, невысоким уровнем технической оснащенности СМИ[415]. Если говорить конкретно о факторах, влияющих на эффективность стратегий этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе, следует выделить: 1) типовые свойства и социокультурные особенности контактов в сфере этнополитики;

---

[413] *Хунагов Р.Д.* Актуальные подходы к управлению идентификационными процессами // Власть. – 2014. – № 11. – С. 18.

[414] *Агеева Е.А., Кулькин Е.С.* Социологические методы исследования в полиэтничных регионах [Электронный ресурс] // Ежегодная международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина» (Москва, 2013). – М., 2013. – С. 608. – URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2013/12.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

[415] Измерение состояния и динамики институционального развития средств массовой информации в субъектах верхнего уровня РФ (измерение медиасферы), 2015–2017 гг. [Электронный ресурс] – М., 2017. – 57 с. – URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/28f/MS-index_2015-2017_Otchet-o-sostoyanii-institutsionalnogo-razvitiya-SMI-v-subektah-RF.pdf (дата обращения:18.11.2024).

2) гибридность этнополитических коммуникаций (сочетание традиционных и инновационных элементов); 3) историческую направленность политического дискурса этничности; 4) особенности актуальной этнополитической ситуации с учетом внутренних и внешних вызовов; 5) состояние информационно-политического пространства; 6) ресурсный потенциал коммуникантов. Эти аспекты в развернутом виде отражены в предыдущих частях работы.

Наряду с этим в современных условиях распространения политической культуры пост-правды, цифрового активизма анонимов, ботов, троллей и распространения fake-news, у представителей власти, этноэлит, групп и других акторов этнополитики возникает потребность в постоянном присутствии в медиапространстве, создании информационных поводов, порождающих позитивные/одобрительные реакции, комментарии и адекватные интерпретации в СМИ. Все это элементы коммуникационных стратегий презентации, агитации, пропаганды и PR, которые практикуются на Северном Кавказе как властью, так и политическими партиями, и другими общественно-политическими объединениями.

Отметим и то, что гибридность стратегических этнополитических медиакоммуникаций на разных уровнях общения заключается в том, что они сочетают разные формы коммуникации (вербальные, невербальные, визуальные, аудиальные, аудивизуальные и т.д.) и элементы медийных, этнополитических и политико-коммуникационных стратегий: агитации и пропаганды, борьбы за власть, политической рекламы, формирования имиджа, удержания власти, убеждения, этнонационализма, этнополитического дистанцирования, этнополитической мобилизации, этнического согласия и т.д.

Необходимо отметить, что анализ содержательной части стратегических этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе в рассматриваемый период в сопоставлении с достигнутыми результатами дает представление об актуальности этнополитических проблем и степени внимания к ним со стороны власти. Так, в 2000-е гг. на Северном Кавказе

имели место террористические акты (например, в Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Чечне, Ингушетии), жертвами которых стали сотни мирных людей. Незащищенной от террористов и идеологов экстремизма оказалась и информационная инфраструктура Северного Кавказа, в связи с чем экстремистские настроения инспирировались информационной деятельностью террористических организаций и этнических сепаратистов. К тому же, как тогда отмечал академик В. Тишков, в результате воздействия политической риторики, внешней пропаганды и некоторых объективных обстоятельств у части населения Северного Кавказа сформировался психологический комплекс прошлого унижения и современного на тот момент превосходства, что привело к ослаблению общероссийской лояльности[416].

Отметим, что в данной ситуации основное внимание институционализированных объединенных акторов политики в северокавказском регионе акцентировалось как на антиэкстремистской агитационно-пропагандистской кампании, так и на проведении контрпропагандистских стратегических коммуникаций, направленных на развенчание мифов, демонизирующих Россию и актуальную этнополитику власти.

Для повышения эффективности пропагандистских кампаний использовались различные коммуникационные каналы (традиционные СМИ, формы малой печати, интернет-сайты и т.д.), с помощью которых органы государственной власти и общественно-политические организации распространяли медийную продукцию антиэкстремистского содержания, демонстрировали видеоматериалы, раскрывающие деструктивный характер экстремистской идеологии и бесперспективность ее практического воплощения. Тем самым использование на Северном Кавказе стратегических этнополитических медиакоммуникаций антиэкстремистской направленности

[416] *Тишков В.А.* Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе. Общая оценка ситуации и природы конфликтов [Электронный ресурс] // Казанский федералист. – 2002. – № 2. – URL: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n2/stat8/(дата обращения: 18.11.2024).

детерминировано существующими внутренними и внешними угрозами информационной безопасности и общественно-политической стабильности региона.

Следует отметить, что стратегия дискредитации внутренних и внешних идеологов экстремизма востребована и сегодня, т.к. проблема распространения деструктивных экстремистских идей на Северном Кавказе остается актуальной, несмотря на позитивную динамику антиэкстремистской деятельности, наметившуюся с 2017 г. Так, если в 2011 г. в СКФО было совершено 51 преступление экстремистской направленности, а в 2017 – 172, то к осени 2019 г. зарегистрировано 63 аналогичных преступления[417]. Здесь следует отметить, что в антиэкстремистских и контрпропагандистских кампаниях институционализированных политических акторов на Северном Кавказе недостаточно внимания уделяется на то, что идеологические оппоненты намеренно политизируют различные аспекты экономической и общественно-политической жизни этнических общностей региона. Отчасти такой подход объясняется дефицитом контраргументов (показателей качественного изменения социальных условий жизни), чем и пользуются идеологи этнического экстремизма и внутреннего сепаратизма.

Отметим, что наиболее выражено это прослеживается на примере коммуникационных кампаний, инициированных этноэлитами разделенных народов Северного Кавказа, которые начиная с 1999 г. периодически пропагандируют идеи о территориальном воссоединении и создании новых административно-территориальных субъектов. Достаточно в этой связи отметить проект великой Черкесии, создание Карачаево-Балкарии, Ногайской Республики, Республики Лезгистан. Во время последнего ингушского протеста 2018–2019 гг. оппозиция пропагандировала идею внутреннего этнического сепаратизма и призывала к отделению Ингушетии от России с последующим присоединением к Грузии. Стратегической целью

[417] Портал правовой статистики [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. – URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

подобных антигосударственных кампаний является дестабилизация межэтнической ситуации и ослабление позиций российской государственности на Северном Кавказе.

Необходимо отметить, что коммуникационные кампании, инициированные этноэлитами совместно с этнокультурными (этнонациональными) общественными организациями Северного Кавказа, отличаются внутренней противоречивостью и непоследовательностью. В стремлении максимально использовать СМИ для презентации этнополитических проблем и пропаганды этнополитической идеологии «Мы-группы», коммуниканты не придают значения качеству информации. В результате можно наблюдать такую динамику, когда одна идея, одолевая заинтересованную этническую группу, превращается в мега-идею и достигает своего апогея, затем умалчивается, а впоследствии перекрывается другой. Иногда этот процесс обусловливается объективными социально-политическими реалиями, а не отказом от мега-идеи, как в случае с пропагандой идеи создания великой Черкесии. На этом основании мы можем говорить о том, что в коммуникационных кампаниях, инициированных этноэлитами Северного Кавказа, недостаточно разработаны идеи и схемы номинации этнополитических интересов, пропаганды этнополитической идеологии, а также информационной стратегии, которая должна отличаться гибкостью для своевременной адаптиации к меняющейся политической реальности.

Следует отметить и то, что в северокавказском регионе коммуникационные стратегии не всегда соответствуют распространенной в стране практике правоприменения и реализации этнополитики, что, на наш взгляд, связано с политизацией этничности и «этнизацией» политики. Достаточно в данной связи обратить внимание на проведение агитационно-пропагандистской кампании в предвыборный период, когда кандидаты используют этничность и потенциал этнических общественно-политических организаций в целях привлечения электората из этнической «Мы-группы».

Используемые при этом стратегии дискредитации политического оппонента из этнической «Мы-группы» сопровождаются распространением компромитирующих медиатекстов, оскорблений, угроз, фейковой информации, комментариев заинтересованных экспертов и т.д. В стратегии дискредитации используется тактика обвинения оппонента, представляющего политическую партию страны, которая проводит неугодную для этнической «Мы-группы» национальную политику или ее руководитель не проявляет политкорректность в публичных выступлениях.

Один из примеров этого порядка связан с обвинениями кандидата от политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации» Э. Маршанкулова, участвовавшего в парламентских выборах 2019 г. в Карачаево-Черкесии. Часть электората из числа карачаевцев выступала против Э. Маршанкулова, обвиняя его в том, что он ранее возглавлял региональное отделение партии «Коммунисты России», которая оправдывала сталинскую политику репрессий [418]. Э. Маршанкулов возглавлял в КЧР организацию «Атеисты России», учрежденную партией «Коммунисты России»[419].

Политические оппоненты Э.Маршанкулова, используя технологию разоблачения, дикредитировали его, представив как: 1) политика, оправдывающего политические репрессии советской эпохи, включая оправдание депортации карачаевского народа, и 2) «атеиста, поддерживающего депортацию карачаевцев. В итоге кандидатуру Э. Маршанкулова сняли с выборов, хотя на это были и другие причины.

Тем самым результаты стратегических предвыборных коммуникаций в полиэтничном северокавказском регионе в определенной степени зависят не только от личного этнополитического капитала и политической

[418] *Тимшина Е.Л.* Политические репрессии советской эпохи в партийной исторической политике современной России [Электронный ресурс] // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 2. – С. 83. – DOI: 10.7256/2454-0609.2022.2.37689. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37689 (дата обращения: 18.11.2024).

[419] В Москве учреждена организация «Атеисты России» [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2016. – 13 мая. – URL: https://www.interfax.ru/moscow/508148 (дата обращения: 18.11.2024).

конкурентоспобности кандидата от партии, но и соотношения этих показателей с этнической политикой партийной организации и ее руководителя. Как правило, такие стратегии обеспечивают политический успех кандидатам, участвующим в выборах регионального и субрегионального уровней.

В имиджевых стратегиях кандидатов, которые принимают участие в избирательных кампаниях, СМИ высвечивают их благотворительную деятельность, поддержку этнокультурных проектов, выступления в защиту этнических интересов и т.д. В период политической кампании в медиа публикуются отчеты о конструктивной этнокультурной и этнополитической деятельности кандидата, признании этой работы электоратом и вышестоящей властью и т.д.

Обозначенные коммуникационные кампании на Северном Кавказе были распространены до избирательного цикла 2016 г., начиная с которого в стране был введен запрет на использование этнического фактора в политической пропаганде. Данная правовая норма закреплена в стратегическом документе, регламентирующем антиэкстремистскую деятельность в части проведения национальной политики. В частности, документ предусматривает реализацию мер правового и информационного характера с тем, чтобы не допустить использования этнического фактора в избирательном процессе и в программных документах политических партий[420].

Однако введенные властью ограничения не решили проблему, а лишь содействовали модификации избирательных кампаний с использованием латентных форм этнического фактора через распространение личных онлайн сообщений в целях обеспечения поддержки «своего» кандидата на основе этноклановых/тейповых и иных неформальных связей. Политизация

[420] Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/ (дата обращения: 18.11.2024).

этничности и «этнизация» избирательной кампании на Северном Кавказе в открытой или латентной форме являются конфликтогенными факторами, ограничивающим конституционно гарантированное право каждого гражданина РФ избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также принимать участие в референдуме (ч.2, ст.32 Конституции РФ)[421].

Необходимо отметить, что политизированная этничность является действенным политическим инструментом в стратегии этнополитической мобилизации [422] с использованием технологий манипуляции этническими обычаями, ценностями, мифами и символами, они также применяются в коммуникационных кампаниях. Их содержательное наполнение имеет прямую зависимость от субрегиональных особенностей этнополитической ситуации и конкретных стратегических задач, актуальных на определенном этапе проведения политической информационной кампании.

К примеру, в Чеченской Республике не существует проблемы, связанной с запретом женского мусульманского головного убора (хиджаба), а в Ставропольском крае и в Карачаево-Черкесии, где в государственных общеобразовательных учреждениях следуют нормам светского государства, этот вопрос остается актуальным и провоцирует появление различных модификаций стратегии этнонационализма. Запрет на ношение мусульманских головных уборов в государственных общеобразовательных учреждениях в информационно-политическом пространстве интерпретируется этническими мусульманами Северного Кавказа как принятие дискриминационных правовых норм, противоречащих конституционно закрепленным религиозным правам и свободам граждан

[421] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения: 18.11.2024).

[422] Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации / ред.: В.А. Ачкасова, Г.С. Мельник. – М., 2016. – 248 с.

страны (ст.28 Конституции РФ) и на этой основе поощряющих дискриминационную практику в отношении этнических меньшинств.

Отметим, что неоднозначность ситуации заключается в том, что мусульманское духовенство России проявляет политическую лояльность в этом вопросе. Так, председатель Центрального духовного управления мусульман Российской Федерации Т. Таджуддин в 2015 г. публично заявил, что согласно мусульманским канонам девочкам до совершеннолетия не требуется прикрывать голову [423]. С этим категорически не согласны мусульманские богословы Северного Кавказа [424]. И среди представителей региональной власти есть лоббисты, публично отстаивающие этнорелигиозные интересы и ценности этнических общностей страны [425]. Дискуссия о хиджабе вышла на уровень федеральной этнополитической медиаповестки и сопровождалась противоречивыми комментариями сторонников и противников решения Конституционного суда РФ о том, что «хиджабу, подчеркивающему национальную принадлежность, не место в школе», а в Совете по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте Российской Федерации предложили передать этот вопрос на региональный уровень[426].

Следует отметить, что на Северном Кавказе коммуникационные стратегии этнонационализма могут провоцироваться этнополитикой власти, которая недооценивает деструктивный потенциал этнонационалистических и ксенофобских социальных явлений по отношению к государству. В социокультурных, геополитических и социально-экономических условиях Северного Кавказа следствием актуализации стратегии этнонационализма

[423] Мусульманкам не требуется носить хиджаб в школах, считает верховный муфтий России [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2015. – 9 февраля. – URL: https://tass.ru/obschestvo/1754506 (дата обращения: 18.11.2024).
[424] Хиджаб в светском обществе [Электронный ресурс] // Телеканал ННТ: Час Ислама. – 2017. – 3 февраля. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=gPZQRN7gH1I (дата обращения: 18.11.2024).
[425] Кадыров раскритиковал Васильеву из-за запрета хиджаба в школах [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2017. – 25 января. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2017/01/25/n_9607427.shtml (дата обращения: 18.11.2024).
[426] Политика в хиджабе [Электронный ресурс] // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – 2017. – 27 января. – URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/publications/read/4697/ (дата обращения: 18.11.2024).

является усиление межэтнической напряженности, что, в конечном итоге, может привести к делегитимации власти.

Отметим и то, что легитимность власти в полиэтничном государстве напрямую зависит от состояния национального вопроса. Сохранение межнационального мира на Северном Кавказе является одним из приоритетов актуальной этнополитики власти, направленной на решение двуединой задачи – укрепления единства российской гражданской нации при сохранении этнокультурного многообразия страны. В данной связи следует обратить внимание на специфику стратегических этнополитических медиакоммуникаций, связанных с проведением государственной национальной политики в северокавказском регионе. На государственном уровне политические кампании направлены на сохранение этнокультурного многообразия народов страны, достижение межэтнического и межконфессионального согласия, развитие этнокультурного сотрудничества, укрепление единства российской нации и т.д.

Необходимо отметить, что в каждом конкретном субъекте РФ, входящем в состав СКФО, цели стратегических этнополитических медиакоммуникаций определяются в четком соответствии с программно-целевыми задачами национальной политики государства, обозначенными в федеральных, региональных и муниципальных программах и стратегических документах [427] . При этом коммуникативные цели государственной национальной политики пересматриваются по мере необходимости с учетом региональных /субрегиональных особенностей и динамики политических процессов.

[427] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 18.11.2024); Постановление Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 № 718 «О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)"» // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/ (утратило силу с 01.01.2017 на основании Постановления Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: URL: https://base.garant.ru/71580894/ (дата обращения: 05.02.2025); программы национальной политики в субъектах и муниципальных образованиях Северного Кавказа.

Функциональное значение государственных стратегических медиакоммуникаций, формируемых вокруг решения этнонациональных вопросов, направлено на стабилизацию этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе посредством использования конструктивного потенциала современных медиа и различных коммуникативных стратегий. В их числе мы можем выделить стратегию этнокультурного и межэтнического сотрудничества, стратегию сохранения этнокультуры и поддержания этнокультурной идентичности, стратегию расширения возможностей межкультурного диалога и участия в нем этнических организаций, стратегию самопрезентации этнических общностей, стратегию гражданской интеграции и т.д.

С этой точки зрения стратегические этнополитические медиакоммуникации на Северном Кавказе можно рассматривать как факторы инициации межкультурного диалога, гражданской активности, генерирования конструктивных идей и инновационных подходов, направленных на преодоление деструктивных этносоциальных явлений, межэтнической напряженности и соответствующих коммуникационных барьеров.

Следует отметить, что информационное сопровождение мероприятий, реализуемых в рамках проведения государственной национальной политики, предполагает использование стратегий межрегионального сотрудничества заинтересованных сторон – государства, СМИ и гражданского общества. К таким мероприятиям следует отнести северокавказские форумы, фестивали, конкурсы и другие значимые события этнокультурной направленности, которые проводятся при поддержке государства. При этом следует помнить, что в условиях социокультурных особенностей Северного Кавказа, представители других этнических общностей, культур и политических ценностей не одинаково интерпретируют и воспринимают передаваемые через СМИ действия, образы, символы, мысли, мотивы и намерения отправителя послания.

К примеру, в медиапространстве Северного Кавказа и за его пределами широко освещался форум черкесской молодежи «Черкесы будущего», который прошел 8–10 ноября 2019 г. в г. Теберда Карачаево-Черкесии, где компактно проживают карачаевцы. Форум проходил под лозунгом «Территория единства» и был посвящен сохранению быта, культуры, традиций и языка черкесского народа. Официальный статус мероприятия подтверждается поддержкой Министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати Карачаево-Черкесской Республики[428]. География форума черкесской молодежи включает регионы Северного Кавказа – Кабардино-Балкарскую Республику, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Адыгея и Республику Северная Осетия-Алания, а также Краснодарский край и ряд зарубежных стран – Иорданию, Турцию и Сирию. В работе форума приняли участие более 60 человек, в том числе руководители и делегаты 7 черкесских общественных организаций[*]. Организаторы форума использовали стратегию самопрезентации этнической общности (в лице участников меропиятия) через символизацию политики (использование национального флага, культуры, традиций, языка), медиатизацию и визуализацию (распространение любительских видеоматериалов, телевизионных новостных сюжетов, фотографий с хэштегами #черкесыбудущего2019, #черкесыбудущего).

Отметим и то, что несмотря на потенциально конструктивное целеполагание мероприятия с позиции его организаторов и государственной власти Карачаево-Черкесской Республики, проведение черкесского

[428] В городе Теберда состоялось мероприятие, посвященное сохранению быта, культуры, традиций и языка черкесского народа [Электронный ресурс] // Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати: официальный сайт. – 2019. – 11 ноября. – URL: https://minnac-kchr.ru/news/detail.php?ID=966 (дата обращения: 18.11.2024).

[*] Общественное движение «Адыгэ Хасэ Черкесский Парламент по защите прав и интересов черкесского народа» Карачаево-Черкесской Республики, Общественное движение «Адыгэ Хасэ – Черкесский Парламент» Республики Адыгея, Карачаево-Черкесское региональное общественное движение развития и сохранения самобытности черкесского народа «Молодёжное Адыгэ Хасэ» (Черкесский Парламент), Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по оказанию содействия возвращению соотечественников «Пэрыт», Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по оказанию содействия возвращению соотечественников «Жьэгу», Кабардино-Балкарская региональная общественная организация по содействию развитию черкесской молодёжи «Черкесский Ренессанс», Карачаево-Черкесская региональная общественная организация по развитию культуры и традиций среди молодёжи «Адиюх».

молодежного форума на «исконной земле карачаевцев» было неоднозначно воспринято представителями карачаевского народа, что проявилось в комментариях и дизлайках информационных сообщений о данном мероприятии. Пользователи социальных сетей выражали недовольство тем, что форум не анонсировался, на него не были приглашены иноэтничные представители молодежи Карачаево-Черкесии и никто из организаторов и представителей власти не объяснил причины и критерии выбора г. Теберда для его проведения.

Данный пример демонстрирует, что игнорирование социокультурной специфики Северного Кавказа, обозначенных выше особенностей этнополитических коммуникаций и несоответствие стратегии политико-коммуникационной медиакампании ее целям, провоцируют противоречивые интерпретации, слухи и мифы среди «других» этнических общностей, которые составляют этническое большинство адресатов медиавоздействия в конкретном регионе и не воспринимают проводимую кампанию как соответствующую актуальной этнополитике, направленной на укрепление единства российской нации на основе межэтнического и гражданского согласия. Это позволяет сделать вывод о том, что стратегические этнополитические медиакоммуникации институционализированных акторов политики на Северном Кавказе, в ряде случаев, не обладают достаточной степенью общественной легитимности. В таком случае ставится под сомнение эффективность коммуникационной кампании с точки зрения ее соответствия целям государственной национальной политики.

Следует отметить, что стратегии взаимодействия государства, СМИ и гражданского общества в рамках реализации национальной политики имеют отличительные свойства, связанные с учетом присущих субъектам Северного Кавказа социокультурных особенностей, этнополитического дизайна и специфики развития информационно-политического пространства. К примеру, Чеченская Республика и Республика Ингушетия являются практически моноэтничными, в то время как Республика Дагестан и

Карачаево-Черкесская Республика полиэтничны и отличаются высоким индексом этнической мозаичности в масштабах всей страны.

Отметим и то, что в моноэтничных республиках Северного Кавказа этнический состав медиааудитории, на которую будет оказываться воздействие, предопределен. Это позволяет планировать логически последовательные и прогнозируемые действия для достижения стратегических целей.

Необходимо отметить, что в Республике Ингушетия и Чеченской Республике существует разделяемая этническим большинством точка зрения на освещаемые темы ключевой проблематики стратегии этнополитической коммуникации, что позволяет оказывать воздействие на мнение или поведение представителей «Мы-группы». В значительной мере это достигается за счет этнической информации, адекватной этнополитическим интересам и потребностям «Мы-группы», особенностям ее интерпретации и восприятия на конкретной стадии проведения кампании. Так, в рамках коммуникативной стратегии сохранения этнокультуры, институционализированные акторы политики посредством СМИ анонсируют и широко освещают этнические праздники, памятные даты, мероприятия историко-культурной направленности (выставки, экскурсии и т.д.) и другие этнокультурные события, произошедшие в регионе и за его пределами с участием представителей «Мы-группы».

К примеру, в настоящее время в Чеченской Республике отмечаются этнические праздники – День чеченской женщины и День чеченского языка, среди молодежи проводятся конкурсы стихотворений «Природа края в поэтической строке», телевизионный конкурс-фестиваль «Синмехаллаш», конкурс «Лучший учитель чеченского языка» и другие этнокультурные мероприятия, которые отличаются массовостью, театрализованностью и широким медийным сопровождением. Тем самым, в моноэтничных республиках Северного Кавказа – Республике Ингушетия и Чеченской Республике – стратегические этнополитические коммуникации с

использованием СМИ, реализуются, преимущественно, в рамках нормативной модели и модели общественного информирования, которые основаны на однонаправленном информационном воздействии. Безусловно, распространение формальных механизмов этнополитических коммуникаций напрямую зависит от публичной активности власти и развития системы обратной связи в отношениях с гражданским обществом, в т.ч. представленным этнокультурными институтами и акторами этнополитики, преследующими определенные интересы при взаимодействии в информационно-политическом пространстве и распространении этнической информации.

В Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Дагестан, Республике Северная Осетия-Алания и Ставропольском крае, где этническая структура населения имеет более сложное строение, для реализации идентификационных целей государственной национальной политики используются диалогические модели стратегических коммуникаций. Поэтому институционализированные акторы политики во время выбора стратегии этнополитической медиакоммуникации и формулировки ее цели, учитывают сложность процесса интерпретации действий участников политических процессов с позиции интересов и потребностей «своей» этнической группы. При этом диалогические стратегические коммуникации в полиэтничных субъектах Российской Федерации, входящих в состав СКФО, основаны на существующих межэтнических отношениях и диалоге культур.

Следует отметить, что одним из главных результатов использования стратегических коммуникаций в рамках реализации государственной национальной политики на Северном Кавказе стало снижение межэтнической напряженности в регионе. Этот позитивный тренд отмечается в публичных выступлениях официальных лиц на федеральном и региональном уровнях. В ноябре 2014 г. на III форуме Всемирного русского народного собора в г. Ставрополе полномочный представитель Президента

РФ в СКФО С.А. Меликов заявил, что на Северном Кавказе межнациональных проблем нет. По мнению С.А. Меликова, проблемы в этнической сфере возникают из-за непрофессионализма и коррумпированности структур и чиновников[429]. В ряде случаев, наоборот, представители власти в субъектах Северного Кавказа намеренно используют стратегию этнополитического дистанцирования, полагаясь на относительно благоприятную ситуацию и внутриэлитные договоренности с основными политическими игроками в сфере этноконфессиональных отношений.

Отметим, что, дистанцируясь от этнических проблем и их решения, власть сама провоцирует межэтническую напряженность, которая впоследствии перерастает в этнополитический конфликт, «подогреваемый» СМИ и пользователями социальных сетей. В данной связи следует указать на конфликтный сценарий создания Абазинского района в Карачаево-Черкесии в 2005-2006 гг., празднования кабардинцами юбилеев Канжальской битвы в Кабардино-Балкарии – в 2008 г. и в 2018 г. вопреки несогласию своих соседей-балкарцев. Тот факт, что после этнополитического конфликта глава КБР Ю.Коков был досрочно отправлен в отставку, свидетельствует о неэффективности власти, использующей стратегию этнополитического дистанцирования.

Таким образом, стратегии этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе отличаются ситуативностью и фрагментарностью, а в ряде случаев непродуманностью и несоответствием правовым нормам, детерминированными культурно-политическим контекстом и актуальной социальной ситуацией. Кроме того, развитие информационно-политического пространства в регионе провоцирует процессы усложнения коммуникационных стратегий акторов этнополитики в медиасфере, которые теперь не остановить.

[429] Сергей Меликов: Межнациональных проблем на Северном Кавказе нет [Электронный ресурс] // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия. – 2014. – 27 ноября. –. URL: https://flnka.ru/digest-analytics/7743-polpred-v-skfo-mezhnacionalnyh-problem-na-severnom-kavkaze-net.html (дата обращения: 18.11.2024).

Отметим и то, что нормативные модели трансмиссии этнической информации с использованием административного ресурса власти уже малоэффективны. В условиях конкурентной этнополитической коммуникации на Северном Кавказе необходимо знать социокультурную специфику региона, коммуникационных каналов и медиааудитории, а также – жанровые возможности стратегических коммуникаций и способы оценки их эффективности. Законодательное введение ограничений на использование этнического фактора в избирательных кампаниях на Северном Кавказе не решает проблемы в данной сфере, провоцируя их конвертацию в латентную форму.

3.3. Роль СМИ в политико-коммуникативных процессах полиэтничного северокавказского региона

Одним из главных инструментов реализации коммуникативных стратегий, презентации идей и расширения политического влияния являются медиа. В научной литературе до сих пор продолжаются споры о причастности медиа к «четвертой власти», а некоторые современные исследователи сетевых изданий называют их «пятой властью».

В каждый исторический момент медиа выполняют ту роль, которая всецело отображает их предназначение, обусловленное потребностью государства и общества в информационных сигналах, получении через СМИ социально-значимой информации для собственного позиционирования в поле политики. В связи с этим мы обращаемся к современному опыту участия СМИ в политико-коммуникативных процессах северокавказского региона, без которого невозможно оценить их роль в меняющейся этнополитической реальности и коммуникативном дизайне.

По результатам социологических исследований, направленных на выявление медиапредпочтений жителей субъектов Северного Кавказа, наиболее востребованными населением рассматриваемого региона в первой

декаде нового тысячелетия оставались традиционные СМИ (телевидение, радио, газеты, журналы и т.д.). Почти во всех субъектах Северного Кавказа именно они формировали общественное мнение по значимым политическим событиям. Так, если обратить внимание на состояние предложения и спроса в медиапространстве КЧР, то выявится, что активно востребованы полиэтничной аудиторией были государственные СМИ: ГТРК «Карачаево-Черкесия» и русскоязычная газета «День республики». Эти СМИ лидировали среди официальных подписных изданий региона. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других субъектах Северного Кавказа, где относительно высокий рейтинг государственным СМИ в то время обеспечивали, с одной стороны, низкая конкуренция на политическом медиарынке, с другой стороны – социальная ориентированность изданий.

Следует отметить, что в условиях наибольшего информационного благоприятствования для государственных печатных СМИ многие другие издания существовали лишь теоретически, прекратив реальную деятельность до очередной выборной кампании. К их числу относится и партийная пресса, присутствие которой в информационном поле Северного Кавказа обязательно, т.к. только политический плюрализм в СМИ поможет выявить общие гражданские ценности, на основе которых возможна интеграция общества. С.Г.Корконосенко связывает это состояние с отсутствием партийных теле- и радиоканалов в России и отмечает отсутствие инициативы со стороны политических партий[430].

Отметим, что аналогичным образом обстоят дела и сегодня, хотя в период выборов появляются эпизодические выпуски партийных печатных СМИ, включая рекламные тексты, в которых этнический компонент употребляется не столько для этномобилизации (т.к. это запрещено законом), сколько для критики действующей власти и политики лидирующей партии – конкурента. В предвыборных кампаниях используются различные политтехнологии, разоблачающие с помощью СМИ кумовство и клановость

[430] *Корконосенко С.Г.* Теория журналистики: моделирование и применение. – М., 2010. – С.231.

во власти, с которыми и призывают избирателей бороться, голосуя за ту или иную политическую партию. Так, в КЧР во время выборов депутатов в региональное законодательное собрание 18 сентября 2019 г., КПРФ в агитационных материалах в числе 10 причин голосовать за партию указала, что «КПРФ – против клановости и семейственности среди госаппарата и чиновничества в Карачаево-Черкесии». Кроме того, коммунисты требуют возродить ленинскую национальную политику с принятием законов, способствующих нормализации общественно-политической обстановки в регионе, миру и согласию между народами. Бюджетные ресурсы, по мнению Карачаево-Черкесского регионального отделения КПРФ, должны быть направлены на развитие национальных культур и создание условий для самореализации представителей всех народов КЧР[431].

Следует отметить, что в предвыборной кампании 2019 г. этнический компонент использовала и партия «Яблоко» в Ингушетии, которая призывала к «умному бойкоту» муниципальных выборов. Стратегия бойкотирования выборного процесса, запущенная ингушским отделением партии «Яблоко» в официальном заявлении от 14 августа 2019 г.[432], была направлена на активизацию протестного потенциала в русле абсентеизма и солидарности с арестованными этнонациональными лидерами ингушского народа, ранее выступавшими против Соглашения об установлении административной границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой. Ю. Евкуров и Р. Кадыров подписали документ 26 сентября 2018 г. в присутствии полпреда Президента РФ в СКФО А. Матовникова, а 4 октября депутаты Парламента РИ ратифицировали данный документ. Этнополитический бойкот как предвыборная коммуникативная стратегия на Северном Кавказе с медийным сопровождением и запуском хэштэга #бойкотвыборам, не оправдал ожидания инициаторов.

[431] КПРФ VS власти КЧР. Почему нужно сказать «да» коммунистам // КПРФ, вперед! – 2019. – 29 августа.
[432] *Муцольгов Р.* Мы уверены, что результаты выборов будут сфальцифицированы: Заявление ингушского «Яблока» [Электронный ресурс] // Партия Яблоко: Региональные отделения: Республика Ингушетия. – 2019. – 14 августа. – URL: https://www.yabloko.ru/regnews/Ingushetiya/2019/08/14 (дата обращения: 18.11.2024).

Безусловно, выборы являются ключевым моментом для конструирования групповых политических интересов, артикуляции существующих проблем и формулирования вариантов их политического решения. Но активизация СМИ лишь в период избирательных кампаний не может оказывать политического влияния, достигаемого за счет систематической работы. При этом использование этничности в предвыборной агитации воспринимается неоднозначно

Совершенно очевидно, что понимание роли СМИ в политико-коммуникативных процессах на Северном Кавказе представителями федеральных и региональных изданий существенно отличается. Федеральные СМИ, нарушая российское законодательство и злоупотребляя свободой информации, сознательно селекционируют и транслируют на многомиллионную аудиторию негативную этническую информацию, дискредитируя Северный Кавказ и кавказские народы. В особенности такая медиаполитика проводилась до начала Крымской кампании 2014 г. В этот период в СМИ рапространялись стереотипы о кавказцах как «диких», «непокорных», «криминальных», «коррумпированных», а Кавказ представлялся как «стреляющий», «нестабильный» и «взрывоопасный» регион страны, где уважают силу. Визуализация такой медиаполитики с негативными коннотациями осуществлялась через хэштеги #Кавказсила, #лицакавказскойнациональности, а лозунг русских националистов «Хватит кормить Кавказ!» превратился в один из распространенных мемов. Попытки использовать эти же формулировки в конструктивном направлении оказались малоэффективными. Поэтому в последнее время в медиапространстве Северного Кавказа проводится имиджевая кампания с использованием хэштега #СилаКавказа.

Отметим и то, что не без участия федеральных СМИ до начала Крымской кампании (2014 г.) в массовом сознании россиян был сформирован негативный образ Северного Кавказа и его представителей. Многие масштабные этнополитические проблемы и негативное воздействие

на развитие России «этнической преступности», проявлений экстремизма и других деструктивных явлений в федеральных СМИ стали рассматриваться через призму участия жителей СКФО. К тому же в указанных информационных материалах имели место случаи искажения понятий о социальных явлениях, что также способствовало формированию негативных стереотипов о Северном Кавказе. Именно тогда Р.Абдулатипов призвал отказаться от использования терминов «исламский терроризм», «исламский экстремизм» как факторов, способствующих накоплению в обществе конфронтационного потенциала и разжиганию межконфессиональной нетерпимости. Такие формулировки оскорбляют чувства миллионов добропорядочных мусульман, которые являются активными гражданами и патриотами России[433].

Следует отметить, что в связи с трансформацией политической системы страны, проведением государственной национальной политики по формированию единой российской нации с сохранением этнокультурного многообразия России, власть обратила внимание не неоднозначную роль СМИ в политико-коммуникативных процессах Северного Кавказа. Основной акцент был сделан на формирование медиаповестки дня в политическом дискурсе с акцентуацией внимания на проблему позитивизации имиджа региона. Поэтому одной из приоритетных задач созданного летом 2013 г. аналитического Центра современной Кавказской политики «Кавказ» (ЦСКП «Кавказ») было формирование положительного имиджа Северного Кавказа в медиапространстве[434].

Отметим и то, что с момента создания ЦСКП «Кавказ» способствовал объективному отражению ситуации на Северном Кавказе журналистами федеральных российских СМИ, создавал положительные информационные

[433] Рамазан Абдулатипов выступил с обращением к представителям средств массовой информации [Электронный ресурс] // РИА Дагестан. – 2014. – 17 июля. – URL: https://riadagestan.ru/news/president/ramazan_abdulatipov_vystupil_s_obrashcheniem_k_predstavitelyam_sredstv_massovoy_informatsii/ (дата обращения: 17.11.2024).

[434] *Козлов П.* Кремлевский центр улучшит имидж Северного Кавказа [Электронный ресурс] // Известия. – 2013. – 13 августа. – URL: https://iz.ru/news/555313#ixzz3CYqC8QkV (дата обращения: 17.11.2024).

поводы (популяризировал достопримечательности, традиции, культуру, историю народов Кавказа и т.д.). Конструктивная и целенаправленная работа ЦСКП «Кавказ» в медийной сфере способствовала и интеграции журналистов Северного Кавказа в Ассоциацию СМИ СКФО. Уже на первом заседании Ассоциации был принят Кодекс СМИ СКФО, включающий 7 основных принципов работы журналистов. Один из них гласит: «Мы ощущаем нашу общую ответственность перед земляками за будущее Северного Кавказа и входящих в его состав субъектов Российской Федерации и обязуемся своей деятельностью поддерживать созидательные процессы на его территории»[435].Первое учредительное собрание Ассоциации СМИ СКФО прошло в июне 2014 г. [436] Эти меры с потенциально консолидирующим целеполаганием, внесли качественные изменения в медиаобраз Кавказа и его представителей. Однако проблема демонизации Кавказа в масс-медиа еще остается.

Необходимо отметить, что в политико-коммуникативных процессах Северного Кавказа СМИ оказывают неоднозначное влияние на общественное мнение, которое фиксируется вокруг устойчивых идей и явлений. В этнополитической проекции общественное мнение в северокавказском регионе рассматривается нами как совокупность актуальных представлений, суждений и оценок этнических групп, основанных на этнополитическом сознании и способных оказывать влияние на принятие политических решений. Гетерогенность и конкурентность мнений и оценок общественности требуют привлечения конспирологических приемов для производства, хранения, обработки и дистрибуции информации. Распространенные в регионе коммуникативная культура лектонического типа, традиционные формы и механизмы самоорганизации и

[435] Руководители ведущих медиа СКФО объявили о создании Ассоциации СМИ Северного Кавказа [Электронный ресурс] // РИА Дагестан. – 2014. – 23 апреля. – URL: https://riadagestan.ru/news/society/rukovoditeli_krupneyshikh_media_skfo_obyavili_o_sozdanii_assotsiatsii_smi_severnogo_kavkaza/ (дата обращения: 18.11.2024).

[436] Ассоциацию СМИ Северного Кавказа возглавил Вадим Баканов [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2016. – 19 июля. – URL: https://tass.ru/obschestvo/3469516 (дата обращения: 18.11.2024).

социокультурной коммуникации кавказских народов [437] способствуют удовлетворению информационных запросов из неофициальных источников в высших эшелонах власти. Это объясняется предрасположенностью национализма к манипулятивным злоупотреблениям, которые практикуют политические элиты[438].

Отметим, что с другой стороны, этнократия действует в интересах государства, и с этой точки зрения она, по мере необходимости, использует административный ресурс для подавления антигосударственных публичных инициатив «своей» этнической группы. Эти обстоятельства объясняют ограниченное воздействие СМИ на северокавказское общество. А также в зависимости от возможности рационального использования полученной из неофициальных источников информации, она обнародуется в политической медиаповестке этнической группы. Предварительно данная процедура должна получить одобрительную оценку старейшин, наделенных по действующему на Северном Кавказе обычному праву горцев возможностью приоритетного информирования и селекционирования информации для обеспечения информационной безопасности «Мы-группы». Только после выработки определенной стратегии этническая информация «Мы-группы» становится достоянием медиа. Конечно, бывают исключения и из этих правил.

Отметим, что каждая этнополитическая группа преследует собственные интересы и проявляет высокие претензии к СМИ в части освещения волнующих их вопросов в приоритетном порядке и в нужном ключе. Однако в северокавказском регионе этнополитическая медиаповестка дня формируется не только журналистами. Большими возможностями в этом плане располагает этнократия, использующая маркетинговые способы взаимодействия с медиа, которые служат средствами поддержания

[437] *Тхагапсоев Х.Г.* Когда политикой правит культура: К особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов // Кавказология. – 2018. – №1. – С.12–36.
[438] *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. – М., 1995. – С.231.

конкурентоспособности в политической борьбе за власть. Следовательно, на политическом рынке Северного Кавказа информация в СМИ сознательно маркируется в соответствии с его сегментацией и условиями заказчика по этническим основаниям, формируя соответствующий спрос целевой аудитории, т.е. не спрос определяет/формирует предложение, а, наоборот. Этим объясняется то, что политические информационные продукты провоцируют соответствующие коммуникативные действия как отдельных этнофоров, так и этнических групп.

Отметим и то, что в зависимости от задач и возможностей СМИ проводят маркетинговые информационные кампании этнополитической направленности следующим образом: с учетом или без учета полиэтничной структуры медиа аудитории на уровне Северного Кавказа, в масштабах отдельного субъекта СКФО и на субрегиональном уровне; дифференциации медиа аудитории по этническому признаку; с учетом демонстрации лояльности/оппозиционности этнополитических групп к действующей власти.

Следует отметить, что в условиях, сохраняющихся конфликтогенных факторов в исследуемом регионе и сегментации политического рынка по этническим основаниям, манипулировать этнополитическим сознанием для достижения поставленных целей удается не всегда. А использование в СМИ информационных поводов, связанных с этнополитической повесткой оппозиции, часто провоцирует обратный эффект, способствуя этномобилизации сторонников власти из «Мы-группы».

К примеру, в 2015 г. оппозиционная общественная организация карачаевского народа «Союз карачаевской молодежи» анонсировала в СМИ съезд карачаевского народа, вызвав ответную реакцию сторонников власти во главе с региональной общественной организацией «Къарачай Алан Халкъ», которые интерпретировали планы по проведению съезда как целенаправленную попытку расколоть карачаевское общество и подорвать

межнациональный мир в республике. С подачи СМИ анонсированное мероприятие ассоциировалось как «съезд раздора».

Отметим и то, что, действуя в интересах, определенных акторов политики, СМИ использовали технологии манипулирования этнополитическим сознанием, идентифицируя организаторов съезда как защитников интересов не только карачаевцев, но и всех народов республики. В условиях нарастающего внутриэтнического кризиса использовались методы коммуникационного реинжиниринга. Сторонники власти на внеочередном расширенном заседании Центрального Совета организации «Къарачай Алан Халкъ» обсудили ситуацию совместно с инициаторами съезда и приняли «Обращение к карачаевскому народу»[439].

Следует отметить, что в документе отрицалась легитимность анонсированного съезда карачаевского народа, подчеркивался заказной и деструктивный характер пропагандистской деятельности организаторов, проявляющейся в намерении дезориентировать молодежь и направить ее на выполнение необдуманных действий. Однако в местах компактного проживания карачаевцев «этнизированная» политическая оппозиция продолжала информационную работу с применением разных приемов политтехнологий, включая слухи и мифы. Все это широко обсуждалось в СМИ, комментировалось на разных интернет-платформах. Параллельно сторонниками власти из этнической «Мы-группы» велась контрпропагандистская работа, окончательно подорвавшая политические замыслы организаторов съезда. В предполагаемый день его проведения – 13 ноября 2015 г. – в столице КЧР состоялось собрание карачаевской общественности, на котором осуждалась попытка «Союза карачаевской молодежи» дестабилизировать общественно-политическую ситуацию в республике, в т.ч. разыгрывая «этническую карту».

[439] Обращение участников расширенного заседания Центрального Совета КЧ РОО «Къарачай алан Халкъ» к карачаевскому народу [Электронный ресурс] // РИА Карачаево-Черкесия. – 2015. – 12 ноября. – URL: https://www.riakchr.ru/obrashchenie-uchastnikov-rasshirennogo-zasedaniya-tsentralnogo-soveta-kchroo-karachaj-alan-khalk-k-karachaevskomu-narodu/ (дата обращения 18.11.2024).

Необходимо отметить, что использование политтехнологий на Северном Кавказе сопряжено с определенными рисками, что позволяет рассматривать их распространение как конфликтогенный фактор [440] . Непродуманность используемых политических технологий с привлечением СМИ приводит не только к межэтническим конфликтам в регионе, но и – внутриэтническим. В таких условиях установление коммуникаций с контрагентами значительно усложняется, даже если они принадлежат к этнической «Мы-группе».

В ряде случаев медиатексты этнополитической направленности интерпретируются в СМИ как значимые для развития социума, который идентифицируется пассивным потребителем политических сообщений. Такой взгляд на общество имеет основания только в двух случаях: 1) когда информация не затрагивает политические интересы каких-либо этнических групп; 2) когда власть инициирует установление однонаправленных этнополитических коммуникаций. Как правило, это публичные выступления официальных представителей государственной власти РФ, субъектов СКФО, руководителей общественных организаций и других участников политических процессов, которые связаны с памятными датами или политическими праздниками этнической/национальной направленности (например, День народного единства, День государственности Кабардино-Балкарской Республики, День единения народов Карачаево-Черкесской Республики, День единства народов Дагестана, День гражданского согласия и единения (Чеченская Республика), День единения Ингушетии и России, День Хетага (Республика Северная Осетия-Алания).

Отметим, что при этом власть не безразлична к этническим проблемам, периодически актуализирующимся в регионе, их медиатизации и визуализации. Вопрос заключается в соотношении степени опасности для основ государственности политизируемых этнических проблем и способности власти нейтрализовать их без привлечения общественного

[440] *Зорин В.Ю.* Северный Кавказ – не место для политтехнологий // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М., 2014. – С.17–20.

мнения. Если власть нуждается в социальной санкции, она привлекает PR-специалистов и лояльные медиаресурсы, способные должным образом репрезентовать государственную информационную и национальную политику. Характерное для начала XXI в. «сращивание» средств массовой информации с механизмами рекламы и PR [441] наблюдается сегодня и в государственном секторе.

Отметим и то, что именно бюджетные издания в большинстве случаев получают государственную поддержку в регионе, поскольку рассматриваются как производители социально значимого медиапродукта. Определенное влияние на это оказывает и способность конструирования политических сообщений. Политические сообщения бывают убеждающие и предсказывающие, а мнения людей, воспринимающих эти сообщения, включают когнитивный и аффективный аспекты[442].

Следует отметить, что для СМИ Северного Кавказа процесс конструирования сообщений и их использования в массовых этнополитических коммуникациях многократно усложняется в виду сложного этноконфессионального состава кумулятивной региональной аудитории. При освещении этнополитических проблем в медиа невозможно оправдать информационные запросы и ожидания всех этнических групп. Сказанное не означает, что внутри этнической группы наблюдается полное взаимопонимание. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на характер этнополитических коммуникаций в моноэтнических образованиях Северного Кавказа – в Чечне и Ингушетии, сопровождающихся конкуренцией политических элит с использованием элементов информационных войн. Политические оппоненты Р.Кадырова и Ю.Евкурова привлекают потенциал зарубежных журналистов/блогеров/ экспертов, не выдерживающих нормы политкорректности и ответственности за свободу слова, использование фейковых новостей, диффамацию власти и призывы к

[441] *Шомова С.А.* Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2004. – С.336.
[442] *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. – М., 2004. – С. 71–72.

ее свержению. В этой ситуации, например, глава ЧР Р. Кадыров, лично вступает в неформальную коммуникацию, отстаивая свою позицию, интересы граждан РФ и призывая к ответу оппонентов. Часто эти дискуссии завершаются публичными извинениями перед Р. Кадыровым, а мем «Извинись» стал одним из распространенных в интернете.

Необходимо отметить, что наиболее остро этнические группы Северного Кавказа воспринимают медиатексты, в которых искажаются (преднамеренно или нет) события прошлого. Объясняется это особенностями исторической памяти и возросшей политизированной ролью истории Кавказа в социальной практике и формировании общественного мнения, основанного на этнической идеологии и этнополитических мифах. Об этом более подробно речь шла во второй главе.

Эксперты указывают на опасность использования истории в медиа для обоснования территориальных споров и претензий. «Большую моральную ответственность за это несут ученые-историки, создающие и пропагандирующие наукообразные мифы, деформирующие общественное сознание, ведущие его в тупик» [443] . Не меньшая ответственность за фальсификацию и политизацию истории возлагается на медиа как участников этнополитических коммуникаций. Очевидно, что авторы медиатекстов должны знать и понимать этнополитическую проблему, причины ее возникновения, этнические особенности интерпретации и восприятия дискуссионных вопросов актуальной этнополитики. Не случайно современные программы в вузах включают курсы по дополнительному этнологическому образованию журналистов, освещающих этнические проблемы. Даже если журналист придерживается теории фактов, а не мнений и, соответственно, не комментирует этнополитическое событие, он может не так его обосновать, что определенным образом проявляется на восприятии информации публикой и преобразовании ее во мнение.

[443] *Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Владикавказ, 2000. – С. 103.

Отметим и то, что следствием такого подхода является обострение межэтнической ситуации и судебные разбирательства с требованием о признании публикации в СМИ экстремистской. Поэтому не удивительно, что с каждым годом список экстремистских материалов расширяется. По данным Минюста России на 23 июля 2019 г. федеральный список экстремистских материалов включает 4923 пункта, по состоянию на 23 июля 2024 г. список запрещенных экстремистких материалов включает 5433 единицы[444]. В 2019 г. в СМИ распросранилась информация о том, что в Кабардино-Балкарии в судебном порядке решается вопрос о признании экстремистской статьи, которая посвящена межэтническому конфликту балкарцев и кабардинцев в 2008 г., вспыхнувшему из-за споров о Канжальской битве и праздновании ее 310-летия [445]. Аналогичный конфликт произошел в КБР и в сентябре 2018 г., так как не устранены его причины – различные интерпретации истории кабардинцами и балкарцами. Указанная статья была признана экстремистской Верховным Судом КБР 12.01.2024 г. и включена в реестр экстремистских материалов Минюста России под номером 5419[446].

Следует отметить, что в ряде случаев, чтобы повысить значимость текстов в СМИ, используются экспертные оценки происходящего, т.к. «именно оценочная информация в значительной степени способствует формированию общественного мнения» [447] . Здесь мы имеем дело с совокупностью когнитивных и аффективных составляющих медиатекстов. Следствием когнитивно-интеллектуальной вовлеченности в этнополитические проблемы журналистов и экспертов является повышение общественного внимания и формирование соответствующего мнения.

---

[444] Экстремистские материалы [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/ (дата обращения: 17.11.2024).

[445] Статью к десятилетию кабардино-балкарского конфликта в Кенделене хотят признать экстремистской [Электронный ресурс] // Национальный акцент. – 2019. – 6 сентября. – URL: https://nazaccent.ru/content/30854-statyu-o-desyatiletii-kabardino-balkarskogo-konflikta-v.html (дата обращения: 18.11.2024).

[446] Экстремистские материалы [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?id=10331 (дата обращения 18.11.2024).

[447] *Бусаргин Р.В*. Влияние информационных технологий на массовое сознание россиян: этнополитические интенции: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2006. – С.93–94.

Между тем, возможности журналистов в формировании медиаповестки дня могут ограничиваться существующей политической системой, а также политикой власти, если речь идет о государственных СМИ или изданиях, контролируемых государством. На Северном Кавказе многие СМИ принадлежат государству или находится под его контролем[448]. В этой связи ведущая роль в формировании общественного мнения по актуальным вопросам этнополитики принадлежит действующей власти, лидерам мнений и общественным объединениям.

Отметим, что в зависимости от значимости этнополитической проблемы для сохранения стабильности в регионе власть инициирует медиадискурс соответствующей общественно-политической направленности и впоследствии принимает оптимальное решение, согласованное с реализуемой государственной национальной политикой. При этом интересы и ожидания отдельных участников этнополитических процессов игнорируются. В условиях межэтнической напряженности инициатива власти в установлении медиаповестки дня по этнополитическим вопросам бывает откровенно вынужденной, т.к. от ее позиции зависит дальнейшее развитие событий. С этой точки зрения, СМИ выступают как инструмент конструирования политических отношений и выстраивания коммуникаций, необходимых для управления культурным разнообразием.

Вместе с тем, в периоды актуализации определенных этнополитических вопросов в политико-коммуникативных процессах Северного Кавказа участие СМИ заключается не только в освещении внутриэтнических и/или межэтнических отношений, но воздействии на них с учетом информационных запросов и политических интересов этнических групп. Здесь важно понимать, что восприятие актуальных политических

[448] Исследование коммуникативно-информационного пространства СКФО. Повышение эффективности информационной составляющей в управлении субъектами СКФО [Электронный ресурс]. – М., 2012. – URL: http://www.bastion.ru/files/sprav/komm_skfo12.doc (дата обращения: 18.11.2024); Измерение состояния и динамики институционального развития средств массовой информации в субъектах верхнего уровня РФ (измерение медиасферы), 2015–2017 гг. [Электронный ресурс] – М., 2017. – 57 с. – URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/28f/MS-index_2015-2017_Otchet-o-sostoyanii-institutsionalnogo-razvitiya-SMI-v-subektah-RF.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

медиатекстов и реакция на них зависят от источника информации и распространенных в обществе стереотипов. Поэтому в северокавказском регионе аудитория, дифференцируясь по этническим основаниям, сегментируется в соответствии с медиапредпочтениями. Причем представители «Мы-группы» отдают предпочтения разным медиа, которым доверяют больше других информационных ресурсов.

Необходимо отметить, что, учитывая этническую структуру и медиапредпочтения аудитории на Северном Кавказе, авторам медиатекстов не следует раскрывать этнополитические проблемы региона через противопоставление позиций этнических групп, или их представителей, по-разному интерпретирующих этнополитику. Очевидно, что следствием такой медиатизации этнополитики является социальная напряженность в этнической сфере. В такой ситуации, например, журналисту или блогеру сложно найти аргументы, чтобы убедить членов данной группы принять его позицию, который с точки зрения группы проявляет к ней неуважение и недостаточно осведомлен о проблеме. Как правило, такие случаи связаны с деятельностью журналистов федеральных СМИ, освещающих общественно-политические события на Северном Кавказе.

В данной части работы также важно отметить наличие в СКФО горизонтальных связей не только между журналистами, но и государственными структурами. 27 марта 2014 г. в Махачкале был подписан Меморандум о сотрудничестве между органами исполнительной власти субъектов СКФО в сфере реализации информационной политики. В рамках Меморандума, подписанного один год, работа велась по трем направлениям работы: культурно-просветительскому, административно-воспитательному и информационно-аналитическому[449].

Следует отметить, что создание единого информационно-коммуникативного пространства органами исполнительной власти субъектов

[449] В СКФО впервые принят меморандум о сотрудничестве в сфере информационной политики на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // ИА Грозный информ. – 2014. – 28 марта. – URL: https://www.grozny-inform.ru/news/express/50301/ (дата обращения: 18.11.2024).

СКФО, интеграция журналистов СКФО и деятельность сотрудников ЦСКП «Кавказ» способствовали изменению мнения россиян о ситуации на Российском Кавказе в лучшую сторону уже весной 2014 г.

Отметим и то, что не только уровень распространения и независимость СМИ, но и актуальная ситуация влияют на функционирование политической журналистики. В одних случаях пресса выступает в роли инструмента формирования общественного мнения, в других – она ни что иное как общественная трибуна, с помощью которой различные этнические группы презентуют свои интересы. Иногда, можно наблюдать совпадение этих функций СМИ.

Отдельное внимание следует обратить и на роль СМИ в процессе оптимизации этнополитических отношений в северокавказском регионе. Одним из факторов формирования текущего состояния и основных тенденций эволюции этноконфессиональной сферы Северного Кавказа является информационно-коммуникативная деятельность субъектов государственной медиаполитики (акторов властных, политических отношений и государственной службы), направленная на оптимизацию межэтнических и межконфессиональных отношений на всех уровнях взаимодействия. Реализуя этот управленческий заказ, органы государственной власти и их пресс-службы используют позитивный потенциал СМИ, вводя определенный «информационный режим» на освещение темы этнорелигиозного взаимодействия в субъектах РФ, входящих в состав СКФО. Субъекты государственной медиаполитики осознают ответственнность за сохранение этноконфессионального мира на Северном Кавказе. Поэтому их участие в этнополитической коммуникации имеет систематический характер и мотивировано ролью в коммуникативных этнополитических стратегиях, направленных на сотрудничество.

Необходимо отметить, что регулирование государственного информационно-коммуникативного взаимодействия имеет исторические корни и объясняется нормативным характером этнополитической

деятельности власти в публичной сфере. Магистральные направления этой работы формализованы в основном документе, регламентирующем информационную политику государства в сфере этноконфессиональных отношений. Речь идет о «Стратегии государственной национальной политики в РФ до 2025 года», в которой есть соответствующие положения.

С принятием этого Стратегического документа этнополитическая деятельность государства в ее информационно-коммуникативном измерении заметно активизировалась на всех уровнях властных отношений в масштабах страны и субъектов РФ в СКФО. Данный процесс связан с институциональными изменениями в структуре государственной системы обеспечения этноконфессионального диалога наряду с поддержкой со стороны государства СМИ, осуществляющих работу в направлении укрепления общественного согласия и общенациональной идентичности. Так, в Совете по межнациональным отношениям при президенте РФ создана Комиссия по информационному сопровождению реализации государственной национальной политики в РФ.

Следует отметить, что коммуникации участников политического процесса в северокавказском регионе носят формальный и неформальный характер в зависимости от особенностей позиционирования и легитимации их в современном политическом пространстве. Форма этнополитических контактов зависит и от ряда других обстоятельств, включая состояние актуальной этнополитической и коммуникационной ситуации в районах установления контактов; стратегии сотрудничества этнополитики и медиаиндустрии; перспективы принятия эффективных решений по развитию благоприятной этноконфессиональной среды и устранения коммуникативных барьеров политических конкурентов; перспективы реализации планируемых коммуникативных мероприятий; благонадежности агентов влияния, их готовности реально участвовать в принимаемых решениях. При этом эффективность этнополитических контактов

значительно возрастает в зависимости от включения позитивного потенциала СМИ.

Отметим и то, что как правило, позитивный потенциал СМИ используется в формальных механизмах этнополитических коммуникаций независимо от других параметров данного вида контактов. Это объясняется формализацией как самих коммуникативных актов, так и – взаимоотношений между коммуникантами и СМИ. К примеру, на официальные мероприятия по этноконфессиональной проблематике приглашаются аккредитованные СМИ, распространяющие информацию о данном событии с доминированием позитивных сюжетов по обсуждаемой теме.

В последние годы, в связи с усилением работы государства в сфере межнациональных отношений в части формирования единой российской нации, в СКФО наблюдается медиаактивность журналистов, освещающих темы межнационального сотрудничества и солидарности. Конечно, данные медиасюжеты основаны на реальных событиях и отражают действительность Российского Кавказа.

Необходимо отметить, что свою состоятельность и эффективность на Северном Кавказе демонстрирует и неформальная этнополитическая коммуникация, к которой, как правило, субъекты этнополитики обращаются в конфликтных ситуациях.

Отметим, что включение СМИ в механизмы формальных и неформальных этнополитических коммуникаций дает возможность максимально распространить предмет обсуждения и принятые решения. Однако, в виду сложившихся историко-культурных традиций, на Северном Кавказе широкое распространение получили прямые политические контакты, когда участники этнополитики общаются друг с другом без посредников. Причем не всегда эти контакты носят публичный или массовый характер. Так, частыми явлениями в северокавказском регионе стали выезды губернаторов и руководителей органов государственной власти в муниципалитеты для решения этнополитических вопросов. Иногда

представителей власти приглашают на национальные съезды, круглые столы, расширенные заседания национальных общественных организаций и другие публичные мероприятия, на которых поднимаются вопросы этнополитики. На основе проведенного анализа мы можем констатировать, что народы Северного Кавказа предпочитают традиционные способы взаимоотношений власти и гражданского общества, когда речь идет о вопросах этнополитики. Такой формат этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе имеет исторические корни и воспринимается его участниками как диалог субъектов, неравнодушных к обсуждаемым этнополитическим вопросам и осознающих свою роль в их решении. Нельзя сказать, что аналогичные встречи отличаются высокой эффективностью, так как не всегда государство поддерживает общественные инициативы, связанные с этнической политикой.

Отметим и то, что распространение политических интернет-коммуникаций проявляется в расширении присутствия представителей власти в медиасфере. Практически все главы субъектов Северного Кавказа имеют свои аккаунты в разных, а то и в нескольких социальных сетях – ВКонтакте, Twitter, Facebook* и т.д. В ряде регионов Северного Кавказа используется методика рейтингования публичной активности политиков. Также заметно присутствие в интернете ведомств, курирующих вопросы информационной и/или этноконфессиональной политики в субъектах РФ в СКФО. Этого нельзя сказать об институтах гражданского общества, включая национальные общественные организации СКФО. Лишь немногие из них имеют свои сетевые ресурсы или аккаунты в социальных медиа.

Следует отметить, что высокую информационную активность демонстрирует Министерство по делам национальностей Республики

* Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram внесена Министерством юстиции Российской Федерации в Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022).

Дагестан и Республики Ингушетия в социальной сети Facebook*. Эти ведомства на своих страницах размещают информацию о проведенных мероприятиях, анонсируют этнокультурные события республиканского масштаба, размещают другую информацию по теме межнациональных отношений. Наряду с этим, следует отметить, слабость обратной связи, которая проявляется не только в комментариях, но и в других реакциях в виде символов (лайков). Нерегулярность или отсутствие обратной связи с аудиторией значительно снижает интерес к позитивной этнической информации, транслируемой субъектами государственной медиа- и этнополитики.

На этом фоне заметно выделяется интерес СМИ к контенту социальных медиа. Так, в рейтинге упоминаемости соцсетей в российских СМИ по итогам 2015 г. лидирующие позиции занимают Facebook* и Twitter, первая упоминалась в различных источниках более 430 тыс. раз, а вторая – 410 тыс. раз[450]. И это без учета случаев, когда журналисты в своих медиатекстах развивают темы, обсуждаемые в социальных медиа. В качестве примера можно привести случай, связанный с обсуждением проблемы отсутствия мечети в г. Ставрополе и строительства мечети в г. Кисловодске, где проживают десятки тысяч мусульман. По мнению священнослужителей, в 2013 г. в Ставрополе проживало около 30 тыс. мусульман[451].

Эта тема нашла отражение в СМИ после того как автор работы в ходе ее обсуждения в соцсети Facebook* озвучил, что на расширенном заседании Центрального совета КЧ РОО «Къарачай Алан Халкъ» муфтий КЧР и председатель Координационного центра мусульман Северного Кавказа

* Американская транснациональная холдинговая компания Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram внесена Министерством юстиции Российской Федерации в Перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (решение Тверского районного суда города Москвы от 21.03.2022 и апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 20.06.2022).

[450] Выпущен рейтинг упоминаемости соцсетей в российских СМИ [Электронный ресурс] // Cossa. – 2016. – 22 марта. – URL: https://www.cossa.ru/news/124264/ (дата обращения: 18.11.2024.).

[451] По Ставрополю бродит призрак мечети [Электронный ресурс] // Newsland. – 2013. – 18 апреля. – URL: https://newsland.com/post/4468927-po-stavropoliu-brodit-prizrak-mecheti (дата обращения: 18.11.2024).

(КЦМСК) Исмаил Бердиев сообщил о том, что вопрос со строительством мечети обсуждался с высшим руководством страны и скоро будет решен. Эта информация вызвала интерес у журналиста издания «Свободная пресса-Юг» Антона Чаблина, который обратился к автору этих строк с просьбой подтвердить озвученный факт и дать экспертный комментарий по ситуации вокруг мечети в Ставрополе.

В статье «Каким будет завтра ислам на Кавказе» [452] А.Чаблин констатировал, что «эксперты спорят, нужно ли строить новые мечети в регионе» и написал об официальном заявлении муфтия КЧР И.Бердиева. Позиция автора данной работы также была донесена до широкой публики и заключается в том, что в последние десятилетия в России наблюдается процесс мусульманского возрождения, повлекший за собой бурное строительство культовых сооружений. В конце 2013 г. председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнудтин назвал рост числа мечетей в стране беспрецедентным. Оправдались ожидания тысяч мусульман, и в столице России открылась соборная мечеть, что явилось большим знаковым событием для всех.

Отметим, что в этом контексте выделяется неоднозначная ситуация вокруг строительства мечетей в Ставрополе и Кисловодске, где живут тысячи мусульман и выдвигают обоснованные претензии, связанные с отсутствием возможности в полной мере реализовать свои конституционные права в части выполнения религиозных обрядов.

Следует отметить, что потребность в мечетях там есть и противодействие их строительству только усугубляет межконфессиональные, а вместе с ним, и межэтнические отношения. Все это противоречит и процессу укрепления единства российской нации на основе межкультурного взаимопонимания.

[452] *Чаблин А*. Каким будет завтра ислам на Кавказе? [Электронный ресурс] // Свободная пресса – Юг. – 2015. – 4 декабря. – URL: http://yug.svpressa.ru/society/article/129290/ (дата обращения: 17.11.2024).

Очевидно, что в вопросе строительства мечетей в Ставрополе и Кисловодске принципиальное значение имеет позиция власти, которая заинтересована в сохранении стабильности. Тем более укрепление межнационального и межконфессионального согласия официально отнесены к полномочиям органов государственной власти субъектов страны[453].

Отметим, что тем самым на Северном Кавказе наблюдается уникальная ситуация, когда различные виды медиа – социальные сети и интернет-СМИ – являются друг для друга источником этнической информации, отражающей политику власти. С учетом того, что мы живем в эпоху пост-правды и в информационно-политическом пространстве распространяется противоречивая, непроверенная и недостоверная информация, имеющая к тому же, этнические коннотации, к ней нужно относиться критически и проверять на предмет объективности.

Необходимо отметить, что распространение в СМИ Северного Кавказа этнической информации детерминировано такими базовыми обстоятельствами как: реформирование сферы межэтнических и межконфессиональных отношений в рамках современной концепции нациестроительства в Российской Федерации; актуализация этнополитических вопросов в республиках (например, этнотерриториальных споров между Ингушетией и Северной Осетией, Чечней и Ингушетией, Дагестаном и Чечней); распространение идеологии экстремизма; нарастание рисков этнокультурной трансформации; демократизация этнополитического сознания, а также развитие информационного общества. Эти изменения привели к обострению противоречия между объективно назревшей потребностью в снижении удельного веса негативной, искаженной и провокационной этнической информации в политических коммуникациях рассматриваемого региона с участием медийного компонента, с одной стороны, и необходимостью обеспечения эффективного информационного

[453] *Чаблин А*. Храм для верующих или место раздора? // Свободная пресса – Юг. – 2015. – 5 декабря. – [Электронный ресурс]. URL: http://yug.svpressa.ru/society/article/129290/ (дата обращения: 18.11.2024).

менеджмента для сохранения межэтнического и межконфессионального мира – с другой[454].

Очевидно и то, что в медиа этническая информация имеет разные проекции и функциональную направленность, поэтому она может быть позитивной, негативной, искаженной, провокационной, нейтральной и т.д. Контент и культурно-политический контекст этнической информации зависят от состояния этнополитической ситуации, ее медиатизации и политизации этнических интересов.

Отметим, что на дистрибуцию и восприятие этнической информации влияют информационно-коммуникационные возможности коммуникантов, этнический менталитет и этнополитическая культура, не говоря о современных вызовах этнополитических медиакоммуникаций, на которые мы уже обращали внимание в предыдущей части работы. Этим объясняется неоднозначная реакция реципиентов на этническую информацию, даже если она позитивная. Для этого, к примеру, достаточно упустить из внимания участие в официальном общественно-политическом мероприятии представителей определенной этнической общности.

Следует отметить, что продуцированию и дистрибуции положительной этнической информации в политико-коммуникативных процессах, в том числе с участием медиа, по мнению большинства экспертов Северо-Кавказского федерального округа, принявших участие в упомянутом выше исследовании*, способствуют: решение этнокультурных и этнополитических задач, которые поставлены обществом; проведение массовых культурно-спортивных мероприятий этнической направленности, в том числе и празднование общегосударственных, исторических и этнических праздников; активное взаимодействие с органами государственной власти и управления; позитивный опыт участия в реализации государственной национальной

---

[454] *Джантеева Д.С.* Медиа-мониторинг деструктивных этносоциальных процессов как инструмент регулирования этнополитических коммуникаций // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН. – М., 2016. – С.97.

* См.: Описание исследования. С. 205–207.

политики; позитивные практики возрождения и развития этнической культуры, а также, как отметили около половины экспертов, достижения представителей этнического сообщества в разных сферах жизнедеятельности человека, включая сферу политики, науки, спорта, культуры и т.д.

Отметим и то, что позитивизация этнической информации имеет прямую зависимость с удовлетворением этнических общностей деятельностью власти в решении вопросов этнополитического и этнокультурного развития. Распространение позитивной этнической информации с помощью СМИ, способствует гармонизации межэтнических отношений и расширению практик конструктивного взаимодействия с властью в данной сфере.

В условиях трансформации традиционного северокавказского общества выделяются особые взаимосвязи между ролью медиа в распространении позитивной этнической и различными формами этнополитических контактов. В данной связи примечательно мнение экспертов о том, что наименьшее влияние на распространение позитивной этнической информации в политических коммуникациях регионов СКФО имеют народные сходы/собрания, на которых инициируют конструктивные предложения этнической направленности. Это можно объяснить тем, что подобные коммуникативные практики рассматриваются в контексте концепции «этнической мобилизации». Они сопровождаются актуализацией этнополитических проблем при одновременном выдвижении соответствующих требований к власти, вплоть до отставки отдельных руководителей.

Следует отметить, что практика последних лет свидетельствует, что этнические сходы/собрания или еще шире – съезды народов, не являются эффективными инструментами влияния на принятие политических решений даже при условии использования потенциала современных СМИ. Очевидным примером этого порядка является прошедший 14 июня 2017 г. в Дагестане Всероссийский съезд ногайского народа, на котором были выдвинуты

требования к региональной власти, связанные с решением земельного вопроса[455]. Съезд ногайцев широко анонсировался и освещался в медиа, но это не имело воздействующего эффекта на местную власть, в связи с чем, его участники обратились к главе государства.

Отметим, что аналогичные политико-коммуникативные практики свидетельствуют об ограниченности влияния СМИ на принятие политических решений. Понятно, что этномобилизационные коммуникативные практики не находят адекватного отражения в местных государственных СМИ, которые в подобных случаях предпочитают применять фигуру умолчания. Во многом такая позиция обеспечивает региональным государственным СМИ лидирующее положение среди источников распространения позитивной этнической информации в регионах СКФО. Подавляющее большинство экспертов указали на это обстоятельство. Кроме того, основными источниками дистрибуции позитивной этнической информации о народах Северного Кавказа в региональных политических коммуникациях являются: пользователи социальных сетей и общественные организации, «лидеры мнений», а также органы государственной и муниципальной власти. Федеральные СМИ и органы федеральной власти на местах значительно уступают им в данном вопросе, так как распространяют мало позитивной информации о народах Северного Кавказа.

Исследованием установлено, что одним из ключевых факторов распространения негативной этнической информации в политических коммуникациях регионов СКФО является ухудшение экономической ситуации. Так считают более половины экспертов. При этом сохраняются определенные проблемы в сфере этнических отношений, но миграция из других регионов, этническая преступность и неуважение к культуре друг друга менее всего влияют на распространение указанного вида информации. Эксперты СКФО уверены, что состояние экономической ситуации в регионе

[455] Политика дагестанских властей превращает ногайскую степь в пустыню [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. – 2017. – 16 июня. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/06/16/politika-dagestanskih-vlastey-prevrashchaet-nogayskuyu-step-v-pustynyu-mnenie (дата обращения: 18.11.2024).

в наибольшей степени влияет на дистрибуцию негативной этнической информации в политических коммуникациях, создавая межэтническую напряженность.

Очевидно, что в условиях социально-экономической нестабильности и конкуренции этнических общностей усиливается борьба за ограниченные ресурсы, которая неоднозначно интерпретируется в СМИ Северного Кавказа с использованием механизмов манипуляции этнополитическим сознанием. Этнические предприниматели осознанно используют деструктивный потенциал СМИ для дестабилизации этноконфессиональной ситуации в регионе и получения политических дивидендов (назначения «своих» на руководящие должности в структурах власти; обеспечения протекции; лоббирования интересов и т.д.). Для этого применяются различные коммуникативные стратегии (дискредитации, формирования образа врага, формирования негативного имиджа и т.д.) с включением механизмов неформальных политических коммуникаций (прежде всего, слухов).

Необходимо отметить, что сопоставительный анализ полученных результатов выявил доминирование объема позитивной этнической информации в политических коммуникациях Северного Кавказа над совокупным объемом искаженной, негативной, провокационной этнической информации. Это объясняется реформированием сферы этноконфессиональных отношений и пониманием важности создания информационно-коммуникативной системы для поддержки государственной политики. Большинство опрошенных нами экспертов указали на связь между актуализацией позитивной этнической информации в региональных политических коммуникациях и реализацией положений Стратегии государственной национальной политики[456]. При этом в информационно-

[456] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 18.11.2024).

политическом пространстве СКФО доминирует нейтральная этническая информация.

Отметим и то, что СМИ представляют собой механизм транспарентности при реализации государственной политики [457] , а формирование национальной идентичности является одной из важных задач ее информационного сопровождения. Но здесь наблюдается диспропорция между активным освещением этнополитической деятельности федеральных структур (ФАДН, Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям и т.д.) и определенной инерцией в данном вопросе региональных органов государственной власти. При этом на уровне регионов СКФО недостаточно используются возможности медиаторов[458], в том числе экспертных структур, на что также указали респонденты, предлагая меры для оптимизации политических коммуникаций в СКФО. Так, половина экспертов (25 человек из 49) считает, что на Северном Кавказе необходимо расширить сотрудничество власти с представителями экспертного сообщества по оценке состояния и мониторингу межэтнических и межконфессиональных отношений.

Следует отметить, что на этом фоне в регионах СКФО заметно выделяется публичная деструктивная деятельность акторов этнополитики. Среди источников распространения негативной этнической информации большинство экспертов указали на: пользователей социальных сетей/блогеров; неизвестных лиц, заинтересованных в дестабилизации межэтнической и межконфессиональной ситуации в регионе; представителей этнических групп/сообществ, недовольных национальной политикой региональных органов власти, а около половины экспертов выделили интернет-СМИ и оппозиционные СМИ. При этом региональные СМИ, по

[457] *Демшар Ф.* Средства массовой коммуникации как механизм транспарентности при реализации государственной политики // Коммуникология. – 2016. – Т.4. – №1. – С.13-28.
[458] *Сунгуров А.Ю.* Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) // Публичная политика. – 2017. – №1. – С.18.

мнению экспертов, распространяют значительно меньше негативной информации о народах Северного Кавказа.

Отметим, что интернет-источники являются основными поставщиками негативной этнической информации, поскольку «виртуальная реальность» рассматриваются отдельными гражданскими активистами и журналистами как «территория свободы» для артикуляции националистических / экстремистских идей и осуществления замыслов, связанных с вызовами устойчивости этнополитической ситуации и единству российской нации.

В данной связи эксперты СКФО предлагают ряд мер для оптимизации политических коммуникаций. Большинство из них уверено, что этому будет способствовать: «оперативное реагирование на необъективную информацию, претендующую на адекватное отражение этноконфессиональной ситуации в регионе», «демонстрация тематических программ и фильмов на ТВ об истории и культуре народов Северного Кавказа». Около половины экспертов считают, что политико-коммуникативные процессы на Северном Кавказе можно оптимизировать, используя «потенциал этнической журналистики в укреплении этнического и межконфессионального согласия» и оказывая «государственную поддержку деятельности СМИ региона, направленную на укрепление межэтнического и межконфессионального взаимоотношения и согласия». Более половины экспертов указали на «необходимость повышения регулирующей роли государства в сфере информационно-коммуникационной деятельности акторов этнополитики путем сотрудничества на основе общих интересов», а треть из них выделила «усиление медиа-мониторинга деструктивных этносоциальных процессов». Менее эффективными эксперты назвали такие меры как: «выступления в СМИ известных, авторитетных людей, старейшин», «распространение специальной печатной продукции антиэкстремистской/сепаратистской направленности», наряду с усилением идеологического противостояния идеологии экстремизма и терроризма. Среди репрессивных мер, направленных на оптимизацию политических коммуникаций в

этносоциальной среде, 20 экспертов из 49 предлагают «ужесточить наказание за призывы к межнациональной розни и экстремизму».

Следует отметить, что СМИ в рассматриваемый период играли неоднозначную роль в политико-коммуникативных процессах на Северном Кавказе. В разные годы рассматриваемого периода деятельность независимых СМИ на Северном Кавказе была направлена на установление контроля над властью, критику политики государства, включая этнополитику, а также на дестабилизацию общественно-политической ситуации. При этом СМИ использовались как инструмент в политичекой борьбе этнических элит, претендующих на выражение интересов «Мы-группы» или ее части.

Отметим и то, что практическая реализация функций СМИ Северного Кавказа, контролируемых государством, заключаются в проведении официальной информационной и национальной политики на основе сотрудничества с медийными структурами органов государственной власти и других институционализированных акторов политики, проявляющих лояльность. С этой точки зрения роль СМИ заключается в содействии диалогу власти и общества, конструировании политических коммуникаций, адекватных актуальной этнополитике власти и ее проведения.

Выводы по главе 3

1. Новые подходы и вызовы этнополитических медиакоммуникаций, преимущественно, обусловлены применением информационно-коммуникационных технологий на фоне сохранения традиционных способов установления этнополитических контактов.

В силу объективных и субъективных причин экономического, технического и социокультурного характера, на Северном Кавказе наблюдаются: «цифровой разрыв», межпоколенческий конфликт, незавершенность процесса информатизации общественно-политической

жизни и отсутствие традиции развития этносетевых сообществ для решения актуальных вопросов этнополитики. Тем самым «цифровизация» этнополитической жизни Северного Кавказа имеет амбивалентный характер. С одной стороны, она способствует развитию этнополитических контактов, а с другой стороны – создает социальную дистанцию, провоцирующую «цифровой» межпоколенческий конфликт.

2. На Северном Кавказе стратегии этнополитических медиакоммуникаций синтезируют элементы медийных, политических и этнополитических коммуникационных кампаний. При этом стратегии предопределены культурно-политическим контекстом и динамикой общественно-политической ситуации.

В условиях Северного Кавказа наиболее оптимальными являются диалогические коммуникационные кампании, основанные на объективных знаниях о реалиях региона, а именно - этнополитических: отношениях, идеологии, мифах, сознании и локальных моделях коммуникативного поведения и т.д.

3. СМИ играют противоречивую роль в региональных политико-коммуникативных процессах. С одной стороны, они используются для конструирования этнических границ, дезинформации и создания напряжения в сфере этнических отношений через формирование негативного образа жителей Северного Кавказа, фальсификации истории, противопоставления позиций этнических общностей на одну и ту же проблему, «этнизацию» политики и т.д. Все это провоцирует этнополитическую мобилизацию с актуализацией многих проблем в данной сфере, находящихся в латентном или замороженном состоянии. Вместе с тем, СМИ выступают в роли общественной трибуны, дискуссионной площадки и территории согласия, с помощью которых разные этнические группы и власть презентуют свои интересы, взгляды и позиции по актуальным вопросам этнополитики с тем, чтобы найти оптимильные решения. Поэтому задача заключается в том, чтобы минимизировать риски, связанные с использованием деструктивного

потенциала масс-медиа и его влияния на состояние этнополитических коммуникаций.

Глава 4
УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

4.1. Коммуникативное измерение современного национального строительства на Северном Кавказе

Реализация государственной национальной политики на Северном Кавказе сопровождается геополитическими и внутренними вызовами, медиатизацией общественно-политической жизни, а также превалированием этнонационалистических и религиозных компонентов в политической культуре северокавказских обществ, которые проявляются на всех уровнях властных отношений. В регионе, где сохраняется конфликтогенный потенциал, наблюдается террористическая активность и прогнозируется этнополитическая нестабильность и кризисные процессы[459], актуализируются вопросы управленческих этнополитических коммуникаций. К тому же, нациестроительство как способ формирования межэтнических отношений[460] предполагает применение коммуникативных стратегий, установление различных конфигураций деловых контактов и поиск управленческих решений. В этом контексте «формирование государственной политики рассматривается как сложный нелинейный динамичный процесс, поток коммуникаций, транслирующий изменчивые вариации публичных и латентных, формальных и неформальных отношений государственных и гражданских акторов»[461].

С учетом значимости медиа-политики и политической коммуникации в современном информационном обществе [462] отметим, что в процессе

[459] *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. – 2016. – №1. – С.98.
[460] *Барышная М.А.* Нациестроительство как способ формирования межэтнических отношений // Власть. – 2014. – №3. – С.43-47.
[461] Государственная политика и управление / под ред. А.И. Соловьева. – М., 2017. – С.8.
[462] *Kuhn R., Neveu E.* Political Journalism: New challenges, new practices. – London, 2002. – 268 p.

реализации программы нациестроительства в России ключевую роль играет массовая политическая коммуникация, конструируемая органами государственной власти всех уровней и медийными структурами (имеются в виду пресс-службы). Устойчивость и эффективность работы этой конструкции обусловлена наличием в ее основании этноидентификационных основ государственного управления полиэтническим сообществом в реформационных условиях. Их функциональное значение направлено на создание посредством СМИ информационной среды, в которой минимизирован или полностью исключен фактор конфликтогенности[463].

Следует отметить, что новый информационно-коммуникационный механизм формирования российской нации ориентирует региональные политические элиты на поддержку конструктивного потенциала СМИ, институтов гражданского общества и активное информационное сопровождение государственной национальной политики медийными структурами органов государственной власти.

Как отмечает В.Ю. Зорин, традиции межнационального мира нуждаются в поддержке и развитии[464]. Укрепление российской модели государственно наицональной политики особенно актуально в современных условиях, когда антироссийские политические силы предприниимают попытки разобщить российскую нацию, используя ее многонациональность, как уязвимость страны. На этом акцентировано внимание Президента РФ В.В.Путина во время заседания Совета по межнацинальным отношениям при Президенте РФ[465]. На наш взгляд, достигнутая сегодня позитивная

[463] *Ижаев А.Н.* Информационно-политическая и этническая идентичность в пространстве массовой коммуникации: автореферат дис. … канд. полит. наук:10.01.10. – М., 2007. – С.14.

[464] Владимир Зорин: Традиции межнационального мира автоматически не работают, их надо поддерживать и развивать [Электронный ресурс] // Всероссийский конгресс этножурналистов «Культура мира». – 2016. – 14 ноября. – URL: http://ethnokongress.ru/actualtheme/22615-vladimir-zorin-tradicii-mezhnacionalnogo-mira-avtomaticheski-ne-rabotayut-ih-nado-podderzhivat-i-razvivat.html. (дата обращения: 18.11.2024).

[465] Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 2018. – 28 октября. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58922 (дата обращения: 17.11.2024).

межэтническая динамика на Северном Кавказе[466], обусловлена укреплением политико-коммуникативных связей региональных и федеральных политических элит.

По мнению академика В.А. Тишкова, «суть нациестроительства, включая прежде всего формирование национальной идентичности (или самосознания), которая заключается в том, чтобы обеспечить среди сообщества людей, составляющих жителей данного государства и находящихся под юрисдикцией и под управлением его суверенной власти, более или менее чувство общей солидарности («мы – россияне») и патриотизма по отношению к своему государству («Россия – наша страна»)[467].

Необходимо отметить, что для адекватного понимания сложного процесса обеспечения общенационального единства и межэтнической интеграции российского общества на основе национального самосознания, следует учитывать, что конструкты сознания находятся в символической плоскости и играют важную роль в жизни отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом, особенно в современную эпоху развития информационного общества. Поэтому упрочение общегражданской идентичности в многонациональной России, где национальный вопрос носит фундаментальный характер [468], предполагает создание информационной (символической, духовной) общности и обеспечение идейного единства власти и общества. Именно это позволяет государству рассчитывать на поддержку населения. Такой подход основан на национальных интересах России и закреплен в программно-стратегических документах,

[466] Состояние межэтнических отношений и этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации СевероКавказского федерального округа (второе полугодие и итоги 2017 г.): экспертный доклад // отв. ред. М.А. Аствацатурова. Экспертный доклад. – Пятигорск, 2017. – С.177.

[467] *Тишков В.А.* Понимание нациестроительства в России в мировом контексте [Электронный ресурс] // От Древней Руси к Российской Федерации. История Российской государственности. Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ, 28–29 сентября 2012 г. – СПб., 2013. – С. 58–67. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publikacii/va_tishkov.html (дата обращения: 18.11.2024).

[468] *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2012. – 23 января. – URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 18.11.2024).

регламентирующих деятельность власти и общества в сфере межэтнических отношений, как на федеральном уровне [469], так и на уровне регионов. Официальные документы предполагают активное взаимодействие власти и общества в контексте реализации государственной национальной политики. Тем самым нациестроительство является средством формирования управленческих этнополитических коммуникаций. Как известно, сущность управления заключается в установлении целенаправленных коммуникационных контактов людей, обменивающихся и потребляющих определенную информацию. В данном случае речь идет об этнически ориентированной политической информации.

Отметим, что специфика программы нациестроительства на Северном Кавказе определяет необходимость установления этнополитических коммуникаций, развития информационного пространства и оказания целенаправленной помощи партнерам государства, что можно наблюдать в практическом плане, хотя в последние годы, в условиях демократизации общественно-политической жизни и рационализации этнополитического дискурса, возникла сегментация всех уровней информационного пространства (глобального, локального, личного).

Наряду с традиционными методами пропаганды идей межэтнического и межконфессионального согласия, власти на местах стали использовать маркетинговые стратегии и PR-технологии для утверждения идеологии гражданской нации. В особенности эти технологии применяются в контексте общественно-политических и/или культурно-массовых мероприятий этнической или патриотической направленности. Но, как отмечают исследователи, в современной системе государственного управления российским полиэтничным социумом неэффективно используются широкие

[469] См.: Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 18.11.2024); Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71580894/ (дата обращения: 05.02.2025).

возможности политической коммуникации, куда входят пропаганда, реклама, маркетинг, связи с общественностью[470].

Вместе с тем, в условиях гибридизации политических коммуникаций и мультимедийных систем[471], а также сохранения вызовов гражданскому единству, требуется повышенная активность государства в решении задач, связанных с формированием единого информационного пространства и утверждением идеологии российской нации. Работа в этих направлениях в СКФО ведется с момента его образования, хотя проект гражданской нации официально оформился в 2012 г. Так, с 2010 г. при поддержке аппарата полномочного представителя Президента РФ в СКФО, в округе созданы информационно-коммуникационные механизмы для политического взаимодействия власти и гражданского общества. Более выражены вертикальные и горизонтальные связи между политическими элитами и участниками этнополитических процессов.

Следует отметить, что развитию публичной политики в регионе способствуют функционирующие в СКФО экспертно-аналитические структуры (ЦСКП «Кавказ» с представительствами во всех регионах СКФО, Московский Кавказский клуб), институты - медиаторы (общественные советы и палаты различного вида, экспертные и экспертно-консультативные советы, государственные правозащитные организации) и новые медиа (включая «Кавказ сегодня», «Это Кавказ»). Среди каналов прямого общения власти с населением следует выделить открытые диалоговые платформы, на которых обсуждаются вопросы социально-экономического и общественно-политического развития СКФО. Это Всекавказский молодежный форум «Машук», Северо-Кавказский гражданский форум «Архыз - XXI», форум СМИ Северного Кавказа, ставропольский форум Всемирного русского народного собора (ВРНС). Иначе говоря, в регионе актуализированы диалоговые формы политической коммуникации. При этом обратная связь

[470] *Киричек П.Н.* Массмедийный дискурс этнополитической коммуникации // Коммуникология. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 31.
[471] *Chadwick A.* The hybrid media system: Politics and power. – New York, 2013. – 272 p.

рассматривается как обязательный элемент управленческой деятельности, т.к. «в простейших обратных связях... фиксируются успех или неудача в выполнении задачи»[472]. Здесь обращают на себя внимание противоречивые политические практики институтов обеспечения взаимодействия гражданского общества и власти в регионах Северного Кавказа в условиях периодически возникающих межэтнических напряжений. В особенности это касается СМИ, блогеров и гражданских активистов. Данный фактор детерминировал процесс совершенствования информационно-коммуникационного механизма позитивизации имиджа Северного Кавказа как основного элемента современного нациестроительства.

Следует отметить, что в 2014 г. был подписан Меморандум о сотрудничестве между органами исполнительной власти субъектов СКФО в сфере реализации информационной политики. Это обусловило трансформацию региональной политико-коммуникативной системы с активизацией горизонтальных межрегиональных связей, направленных на реализацию государственной информационной политики. Вместе с тем, данный документ требует обновления, поскольку он слабо отражает задачи информационной безопасности (формализованные в 2016 г. в соответствующей доктрине) и политики нациестроительства в СКФО. Это важно, если учесть ряд обстоятельств. Во-первых, антикавказские настроения в СМИ и искусственное создание информационных поводов, направленных на дестабилизацию ситуации в СКФО. Во-вторых, распространение экстремистской идеологии, чьи последователи противопоставляют ее идеологии гражданского нациестроительства и институциональной религии. В-третьих, наличие мнения о том, что Северный Кавказ продолжает превращаться во «внутреннее зарубежье» России.

Говоря об этом, следует указать на специфичность политико-коммуникативных процессов на Северном Кавказе, обусловленных следующими базовыми обстоятельствами:

[472] *Винер Н*. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. – М., 1983. – С.69.

– традиционалистскими особенностями коммуницирования, основанными на лектоническом типе общения и проявляющихся в распространении неформальных политических контактов при принятии управленческих решений, способствующих удержанию власти;

– информационной закрытостью власти и дефицитом управленческого внимания к проблемам межэтнических отношений, вследствие чего они конвертируются в онлайн сферу;

– этнократическим характером власти и распространением различных моделей межэтнических отношений (партнерской, патронажной, конфликтной и т.д.);

– стремлением к монополизации регионального информационного политического пространства и установлению контроля над СМИ, интернетом и деятельностью акторов этнополитики;

– правовым нигилизмом политических элит по отношению к существующим нормам закона и использование их в целях обеспечения политического доминирования[473];

– кадровым обеспечением системы госуправления на основе политической лояльности и/или встраивания в нее представителей «живучих» земляческих, джамаатских, тейповых, этноклановых и иных традиционных структур;

– специфическим восприятием современных модернизационных процессов как отрицания традиционного. При этом часть традиционных институтов недостаточно адаптивны и не способны функционировать в условиях современности.

Отметим, что указанные обстоятельства, наряду с социально-политическими факторами, определяют состояние и функциональную направленность политико-коммуникативных процессов на Северном Кавказе, отражаясь на эффективности политики государства в сфере

[473] *Салгириев А.Р.* Ресурсы влияния и стратегии политических элит в политических процессах на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – №4 (41). – С.186.

межэтнических отношений. В данной связи обращает внимание использование информационно-коммуникационных технологий в политике. Во всем мире подобный подход способствует информационной открытости власти и ее подотчетности. Информационная открытость власти является основой социального партнерства, и непонимание этого увеличивает дистанцию между властью и обществом.

Отметим, что стратегическими целями развития информационного общества в РФ являются в числе прочих: 1) развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления; 2) повышение эффективности государственного управления, развитие экономики и социальной сферы[474]. На официальных сайтах ряда профильных министерств и ведомстве регионов СКФО информация о ходе реализации региональных программ по межэтническим отношениям представлена эпизодически. Очевидны различные подходы информационного сопровождения государственной национальной политики на уровне регионов СКФО. Это проявляется не только в степени наполняемости официальных сайтов контентом, но и в отборе, подаче, информативности материалов. Данная ситуация обусловлена отсутствием стандартов/методик информационного сопровождения государственной национальной политики.

Необходимо отметить, что радикальные преобразования политической структуры России и актуализация национальной политики в XXI веке[475] изменили отношение к политико-коммуникативным процессам в этнокультурной среде, связанным с выбором коммуникативных стратегий. Как известно, современная политика нациестроительства в РФ ориентирована на формирование гражданской нации и рассматривается как

[474] Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71670570/ (дата обращения: 18.11.2024).
[475] *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. – М., 2016. – С.14-20.

способ государственного регулирования межэтнических отношений посредством применения коммуникативных стратегий, установления различных конфигураций деловых контактов и поиска управленческих решений.

Отметим и то, что одним из определяющих параметров оптимального сценария развития Северного Кавказа является стабилизация общественно-политической и межэтнической ситуации [476]. А в числе приоритетных мероприятий, направленных на укрепление гражданской идентичности, межэтнических отношений и содействие этнокультурному развитию народов Северного Кавказа, значится проведение соответствующей информационной политики. С учетом этого и значимости информационно-коммуникационной составляющей современной программы нациестроительства в Российской Федерации [477], отметим ключевую роль коммуникативных стратегий этнонациональной политики для северокавказского региона.

Под коммуникативными стратегиями этнонациональной политики в данной работе понимаются долгосрочные, перспективные задачи, направленные на укрепление государственной власти, достижение идентификационных целей актуальной политики нациестроительства с использованием властных полномочий при подготовке и принятии этнополитических решений и их легитимации с помощью коммуникативных технологий и практик – текстов, медиа- и вербальной коммуникации, связей с общественностью, политической рекламы и т.д. В целом коммуникативные технологии включают все многообразие методов, приемов, механизмов и процедур этнополитического стратегического взаимодействия на всех уровнях властных отношений.

---

[476] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.09.2010 № 1485-р <О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.> [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/ (дата обращения 17.11.2024).

[477] *Сулейманова Ш.С.* Эффективность информационного обеспечения государственной политики: проблемы и перспективы // Коммуникология. – 2018. – Т. 6. – № 1. – С. 15-33. – DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-1-15-33.

С принятием «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» в 2012 г. и созданием Федерального агентства по делам национальностей в 2015 г., коммуникационные стратегические кампании стали носить более унифицированный характер, предопределенный целями и задачами в сфере регулирования и управления этнополитикой. Поэтому этнонациональные коммуникативные стратегии в субъектах Северного Кавказа органично вписаны в федеральную политическую повестку власти и обусловлены последовательностью реализации ее информационно-коммуникативной политики в контексте концепции российского нациестроительства.

Основные целевые установки стратегических этнополитических коммуникаций государства в рамках реализации политики нациестроительства, равно как и других видов аналогичного социального коммуникативного воздействия, состоят в передаче сообщения (информировании), убеждении (изменении мнения и поведения, подчинении) и информационном обмене (установлении диалога, сотрудничества)[478].

Этнополитическими целями стратегических коммуникаций государства на Северном Кавказе являются:

- информирование реципиентов о значимых этнополитических и этнокультурных инициативах и событиях;
- регулирование этнополитической деятельности посредством целенаправленного административного воздействия (информационного, экономического, правового и т.д.);
- пропаганда позитивных практик и результатов межэтнического и межконфессионального взаимодействия и сотрудничества;
- создание позитивного имиджа этнических общностей и их политических интересов, рассматриваемых в контексте государственной политики;

[478] *Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М., 2012. – С.74-75.

- координация надэтнических гражданских инициатив и усилий по укреплению единства российской нации;
- контроль информационной деятельности участников этнополитического процесса;
- соблюдение ритуальных этнополитических текстов и коммуникативных действий.

Следует отметить, что этнополитические стратегические коммуникации государства на Северном Кавказе формируются с учетом социокультурных особенностей региона. Общеизвестно, что социокультурный контекст формирует уникальную социальную реальность, на фоне которой политические институты, политические коммуникации и публичная сфера власти не только на Северном Кавказе, но и в современной России (включая ментальные модели российских чиновников) тяготеют к формам, характерным для традиционных обществ [479] . Современное северокавказское общество, пережившее ретрадиционализацию [480] и находящееся на стыке кризиса традиционного общества, модернизации и встречного процесса архаизации, демонстрирует приверженность и доверие лектоническому типу коммуникации, который используется в коммуникативных стратегиях этнополитических элит в процессе формального и неформального взаимодействия. Здесь следует отметить и конструктивный потенциал неформальных этнополитических контактов, которые используются в консенсусно-коммуникативной стратегии власти во всех регионах Северного Кавказа. Это и межэтнические элитные договоренности по вопросам актуальной этнополитики, и соблюдение традиционных обычаев примирения этнических и иноэтничных кровников, и привлечение института старейшин и т. д. Латентный характер

[479] *Зиновьев А.О.* Социокультурный контекст политических институтов, политических коммуникаций и публичной сферы в современной России // Политические коммуникации в изменяющейся России / Сборник научных статей / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М., 2013. – С.63.
[480] *Авксентьев В.А., Васильченко В.А.* Ставрополье многонациональное: напряжения, конфликты, пути стабилизации // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 16. – С. 198–201.

согласительных коммуникаций обусловлен неформальной политической коммуникативной культурой[481] и готовностью к поиску компромисса.

Необходимо отметить, что эмпирические исследования неформальных политических практик на Северном Кавказе подтверждают мнение о том, что конфликтные этнополитические ситуации регулируются с помощью коммуникативной стратегии народной дипломатии при медиаторстве власти. Такой подход соответствует коммуникативной логике российской власти и общества, ориентированной на закрепление положительного результата в сфере этноконфессиональных отношений в стране в условиях новых вызовов и рисков, с которыми Российская Федерация столкнулась в последнее время[482]. Неформальное медиаторство власти в кризисных этнополитических коммуникациях ограничено результатами выбора коммуникативной стратегии народной дипломатии и политической целью, поэтому оно имеет перманентный и ситуативный характер. При этом заинтересованность власти в урегулировании межэтнической ситуации является одним из факторов эффективности согласительной политической коммуникации, осуществляемой в неформальной обстановке.

Следует отметить, что преднамеренное участие власти в межэтнических кризисных коммуникациях проявляется в выполнении ею неформальной медиаторной функции и включено в планируемый охват политического управления, т.к. стратегическое коммуникативное действие было детерминировано неэффективной деятельностью официальных структур. Причем в роли латентных медиаторов могут выступать более статусные представители власти нерегионального/федерального масштаба и эффективные социальные менеджеры. Тем самым, неформальные политические контакты дополняют официальные формы взаимодействия, которые не способны учесть все векторы эволюции социума, а также служат

[481] *Baugut P., Reinemann C.* Informal Political Communication Cultures: Characteristics, Causes, Effects [Electronic resource] // German Policy Studies. – 2013. – Vol. 9. – № 1. – URL: https://www.questia.com/read/1G1-353464506/informal-political-communication-cultures-characteristics (дата обращения: 17.11.2024).
[482] *Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник российской нации. – 2018. – № 1. – С.19.

социально санкционированными типами коммуникативного этнополитического поведения, не предусмотренными в рамках официальных коммуникативных стратегий. История знает достаточно примеров, когда функциональные недостатки официальной структуры порождали альтернативную (неофициальную) структуру для реализации существующих потребностей более эффективным путем. И это один из факторов «живучести» неформальных типов политических контактов и наметившегося роста их числа в современном сетевом обществе.

Следует отметить, что анализ взаимосвязи этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества, состояния политического информационного пространства Северного Кавказа позволяет говорить о деструктивном воздействии на него внутрисистемных противоречий, детерминированных сохранением ненормативных коммуникативных практик с неоднозначными последствиями, несбалансированным проведением государственной национальной политики и ее информационным сопровождением. Низкие темпы модернизации информационно-коммуникационной сферы не позволяют эффективно использовать рациональный и конструктивный потенциал массмедиа в медиастратегиях государства.

При указанных обстоятельствах актуализируются вопросы, направленные на изменение содержания официальных информационных ресурсов и сообщений профильных министерств и ведомств в части, касающейся освещения государственной национальной политики в соответствии с программными целями и задачами. Наряду с этим, мы бы предложили установить критерии и порядок оценки гражданами, в том числе посредством использования современных информационно-коммуникационных технологий, эффективности деятельности органов государственной власти в контексте реализации и информационного сопровождения современной национальной политики.

Следует отметить, что достижению идентификационных целей программы нациестроительства и формированию общественного доверия к проводимой политике государства будут способствовать: целенаправленное информационное воздействие на массы[483]; преодоление замкнутости информационного поля в многонациональных республиках и устранение коммуникационных проблем в медиа сфере[484]. Для этого необходимо дальнейшее совершенствование управленческих этнополитических коммуникаций наряду с региональной информационно-коммуникационной системой. В этом смысле примечательно мнение А.Н. Чумикова о том, что информационное поле Северного Кавказа следует оптимизировать[485].

Необходимо отметить, что сложность учета изложенных обстоятельств дополняется противоречием между глобально развивающимся информационным обществом, с одной стороны, и коммуникационными барьерами (социальными, технологическими и культурными), тормозящими процесс модернизации политических коммуникаций на Северном Кавказе - с другой. Модернизационные политические процессы способствуют изменению иерархии коллективных идентичностей в оппозиции «свой» - «чужой» посредством унификации гражданства и равенства, но ценностные и фундаментальные изменения групповых идентичностей становятся факторами дезинтеграции и регионализации[486].

На основе анализа эмпирического материала по СКФО и опыта работы в пресс-службе Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики, можно предположить, что политико-коммуникативная управленческая

---

[483] *Пушкарева Г.В.* Информационное сопровождение государственной политики: технологии и проблемы эффективности // Государственная политика и управление / под ред. А.И. Соловьева. – М., 2017. – С. 110–136.

[484] *Джантеева Д.С.* Тенденции и вызовы этнополитических медиакоммуникации // Коммуникология. – 2017. – Т. 5. – №3. – С.90–100. – DOI 10.21453/2311-3065-2017-5-3-90-101

[485] *Чумиков А.Н.* Российский Кавказ в современном информационном поле: тренды, проблемы, решения. Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения. – М., 2015. – С.104.

[486] *Попов М.Е.* Социокультурная интеграция как инструмент деэскалации региональных конфликтов идентичности // Публичная политика – 2015: сб. статей. – СПб., 2016. – С.74.

деятельность на Северном Кавказе в контексте нациестроительства должна быть нацелена на решение ряда задач, а именно:

- своевременное обнаружение и получение этнически ориентированных информационных массивов и потоков в целях дальнейшего использования в политическом управлении;
- отбор, оценку, систематизацию и обработку полученной информации, требуемой для принятия политических решений с учетом их последствий для этнополитической сферы;
- хранение этнически ориентированной информации и организации ее распределения;
- установление контроля за информационной деятельностью акторов этнополитики для своевременной нейтрализации противозаконного медиа контента.

В полиэтничном и поликонфессиональном Северо-Кавказском регионе в целях упрочения интеграционной гражданской идентичности необходимо соблюдать формулу «Единство в многообразии».

4.2. Регулирование коммуникативной деятельности акторов этнополитики в северокавказском регионе

В условиях существующих информационных вызовов и угроз единству народов России[487], увеличилась значимость государственной национальной политики, основанной на идеологии гражданского нациестроительства[488]. В этой связи актуализировались вопросы государственного управления медийной политикой в сфере межэтнических отношений.

[487] Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71556224/ (дата обращения 18.11.2024).
[488] *Тишков В.А*. Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник Российской нации. – 2009. – № 6 (8). – С. 45–61.

В п.21(и) Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. [489] обозначены основные задачи по обеспечению информационного сопровождения этнополитической деятельности органов власти.

Практическая реализация этих задач на всех уровнях властных отношений в конкретном административно-территориальном измерении зависит от применяемого механизма государственного управления политико-коммуникативным процессом в актуальной социально-политической ситуации.

Следует отметить, что в северокавказском регионе таким механизмом должна стать информационная политика, отражающая интересы акторов этнополитики и способная обеспечить их участие в принятии адекватных решений, направленных на гармонизацию межэтнических отношений в обществе. Без такого подхода представляется проблематичным создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения устойчивого межнационального мира на Северном Кавказе[490].

С учетом указанных обстоятельств и задач, в регионе применяются методы государственного менеджмента информационно-коммуникативных процессов в сфере межэтнических отношений, к которым мы бы отнести следующие:

1) разработку нормативно-правовой базы;

2) формирование исполнительных органов власти и других структур, специализирующихся на проведении национальной и информационной политики;

3) разработку и реализацию механизмов стимулирования информационно-коммуникативной сферы национальных отношений;

---

[489] Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 18.11.2024).

[490] Там же.

4) выработку межрегиональных соглашений с целью повышения эффективности реализации национальной и информационной политики.

Нормативно-правовая база, регулирующая отношения в сфере национальной и информационной политики государства в регионах СКФО. Регулирование информационно-коммуникативного аспекта деятельности власти в указанных сферах осуществляется на основе ряда законодательных и нормативных актов. Главными регуляторами, официально регламентирующими сферу национальных отношений и информационной политики в регионах СКФО, являются конституционные нормы. В них закреплены основные права и свободы граждан, связанные с защитой этнополитических интересов и удовлетворением запросов в вопросах информационного обеспечения жизнедеятельности общества.

Существующая в регионах СКФО нормативно-правовая база также включает федеральные и региональные законодательные акты, и другие нормативные документы. В основном они указаны в программных документах, в части касающейся обоснования их правового обеспечения.

Совершенствование политико-правового опыта в стране и субъектах РФ, входящих в состав СКФО, находит отражение в принятии новых документов, регламентирующих национальную и информационную политику государства в рассматриваемый период.

В 2017 г. была обновлена «Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг.». Из документа следует, что для формирования информационного пространства знаний в стране реализуются мероприятия по сохранению культуры и общероссийской идентичности многонационального народа России; а также совершенствуются механизмы законодательного регулирования деятельности всех видов СМИ, включая средства обеспечения доступа к информации (интернет-телевидение,

новостные агрегаторы, социальные сети, сайты в сети интернет, мессенджеры)[491].

Необходимо отметить, что законодательное регулирование информационно-коммуникативной деятельности акторов этнополитики на Северном Кавказе представляет собой неоднозначный процесс. К примеру, в Республике Северная Осетия-Алания до сих пор не принят законопроект «О языках народов Северной Осетии», который прошел первое чтение в Парламенте региона в 2013 г. В 2014 г. Конституционный проект закона «О государственных языках Республики Северная Осетия-Алания» был вынесен на широкое публичное обсуждение общественным движением «Национальный форум ALANIA». 29 ноября 2013 г. было принято Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания № 436 «О проекте закона Республики Северная Осетия-Алания «О государственных языках Республики Северная Осетия-Алания»[492]. Вопросы создания базы нормативно-правового обеспечения языковой политики в республике и развитие системы изучения родного (осетинского) языка являлись задачами государственной программы «Национально-культурное развитие осетинского народа на 2018–2020 г.»[493] В республике функционировала Комиссия при Главе РСО-А по сохранению и развитию осетинского языка.

Исполнительные органы власти и структуры, специализирующиеся на проведении национальной и информационной политики. Как правило, в разработке и реализации программ в указанных сферах принимают участие различные государственные структуры. Тем не менее, на уровне региональных систем государственного управления этими вопросами

[491] Совбез усилит правовое регулирование деятельности соцсетей, мессенджеров и СМИ [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2016. – 14 декабря. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2016/12/14/n_9452027.shtml (дата обращения: 18.11.2024).

[492] Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 29.11.2013 № 436 «О проекте закона Республики Северная Осетия-Алания "О государственных языках Республики Северная Осетия-Алания"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/31925937/ (дата обращения: 18.11.2024).

[493] Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 05.12.2017 № 452 «О государственной программе Республики Северная Осетия-Алания "Национально-культурное развитие осетинского народа" на 2018–2020 годы"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/45506660/ (дата обращения: 18.11.2024).

занимаются отраслевые ведомства исполнительной ветви власти. Их деятельность осуществляется с учетом динамики этносоциальной и этнополитической стратификации северокавказского общества[494], а также в рамках существующей конфигурации властных отношений на федеральном, окружном, региональном и субрегиональном уровнях. Поэтому она совершенствуется в части введения инновационных методов управления этнополитическими коммуникациями за счет реализации положений отраслевых законов и нормативных документов, а также – использования современных информационно-коммуникационных технологий в обеспечении национальных интересов и информационной безопасности. Данные факты определяют существующие диспропорции в структурах региональных систем регулирования информационно-коммуникативного аспекта сферы межэтнических отношений.

Отметим, что новый формат работы ведомств, специализирующихся на национальной и информационной политике исполнительной власти, обозначен в региональных документах, изданных или обновленных после принятия Стратегии государственной национальной политики в РФ в декабре 2012 г. Так, в Карачаево-Черкесской Республике было принято новое положение о Министерстве по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати»[495], в Ставропольском крае в 2013 г. дважды были внесены поправки в «Положение о Комитете Ставропольского края по делам национальностей и казачества» от 18.06.2012 г. [496], а в РД издан указ «О координирующей роли Министерства по национальной политике Республики Дагестан в обеспечении межнационального мира и согласия в

[494] *Аствацатурова М.А.* Региональное моделирование национальной стратегии и гражданской идентичности в Северо-Кавказском регионе // Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В.А. Тишкова. – М., 2008. – С.237.

[495] Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики № 67 от 18.03.2013 «Об утверждении Положения о Министерстве Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати» [Электронный ресурс] // Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати. – URL: http://minnac-kchr.ru/11111/ПОЛОЖЕНИЕ.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

[496] Постановление губернатора Ставропольского края от 22.11.2013 № 883 «Об утверждении Положения о Комитете Ставропольского края по делам национальностей и казачества» [Электронный ресурс] // Ставропольский край: Портал органов государственной власти. – URL: http://www.stavregion.ru/_/cms_page_media/1177/polozenie_kom_nac_kazach.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

Республике Дагестан»[497]. В структурах профильных ведомств регионов имеются специалисты по взаимодействию с институтами гражданского общества и СМИ. Так, в структуре Миннаца КЧР имеется должность заместителя министра, курирующего информационно-коммуникативный аспект деятельности ведомства и отдел по взаимодействию со СМИ и издательской деятельности.

Следует отметить, что отличительная особенность системы государственного регулирования информационно-коммуникативной деятельности акторов этнополитики в регионах СКФО проявляется как в наличии, так и в отсутствии определенных структурных компонентов. К примеру, при губернаторе Ставропольского края с августа 2005 г. функционирует Совет по вопросам межэтнических отношений, а в Дагестане аналогичный Совет появился в ноябре 2014 г. В Кабардино-Балкарии вопросы межэтнических отношений рассматриваются членами Совета при Главе КБР по вопросам духовно-нравственного воспитания и Совета по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития и реализации майских указов Президента РФ.

Отметим, что в Ингушетии значительный вклад в укрепление межэтнических отношений вносит традиционный институт народной дипломатии – Совет тейпов при Главе РИ. В Совете при Главе КЧР по развитию гражданского общества и правам человека, также рассматриваются вопросы, связанные с миграционной политикой и защитой прав человека в сфере межнациональных отношений.

На основании существующей региональной нормативно-законодательной базы в структуру госуправления информационно-коммуникативными процессами в сфере межэтнических отношений включены Коллегии и Общественные советы, деятельность которых слабо

[497] Указ Президента Республики Дагестан от 17.12.2013 № 338 «О координирующей роли Министерства по национальной политике Республики Дагестан в обеспечении межнационального мира и согласия в Республике Дагестан» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/26579903/ (дата обращения: 18.11.2024).

освещается в медиасфере. В ряде случаев персональный состав Коллегии и Общественного совета почти идентичен, что мы можем объяснить попыткой власти максимально использовать дипломатический потенциал привлеченных лиц, хотя это не означает, что данные структуры не требуют обновления.

Региональные отличия системы государственного регулирования рассматриваемого вопроса напрямую отразились на состоянии социальных институтов – СМИ, этноНКО, НКА и других институтов гражданского общества, которые выступают партнерами государства в современном нациестроительстве.

Разработка и реализация механизмов стимулирования информационно-коммуникативной сферы межэтнических отношений. Одним из направлений этнополитической и информационной деятельности власти в регионах СКФО является разработка и реализация механизмов поддержки специализирующихся в данной сфере институтов гражданского общества, включая СМИ и общественные организации. В этой связи из местных бюджетов осуществляется финансирование подведомственных учреждений и социально-ориентированных НКО. При этом сумма затрат зависит от региональных показателей и финансовых возможностей государства.

Наряду с финансовой поддержкой информационно-коммуникативной деятельности структур, реализующих на территории отдельного региона государственную национальную политику РФ, профильные ведомства занимаются организацией работ по: изготовлению и показу на телевидении тематических видеороликов, направленных на информирование населения о безопасном поведении в экстремальных ситуациях; проведению журналистских конкурсов и т.д. Отдельное внимание уделяется изготовлению и распространению полиграфической продукции антиэкстремистской направленности (информационные издания, буклеты). Правда, не во всех региональных программных документах подчеркивается

необходимость информационного противоборства распространению идеологии экстремизма и терроризма в рамках существующих угроз информационной безопасности страны и региона. Возможно, емкое выражение «создание эффективной системы профилактики терроризма и экстремизма», подразумевает это.

Однако, без системы информационного противодействия существующим угрозам информационной безопасности и национальным интересам РФ невозможно сформировать благоприятную информационную среду в целях привлечения инвестиций и развития социально-экономического потенциала КЧР, о чем говорится в подпрограмме «Обеспечение оперативного освещения деятельности органов исполнительной власти Карачаево-Черкесской Республики и социально-экономической ситуации в федеральном и региональном информационном пространстве».

На наш взгляд, одним из эффективных механизмов информационно-коммуникативной деятельности акторов этнополитики в СКФО является создание постоянно действующей, открытой площадки для диалога между всеми заинтересованными сторонами с целью оптимизации существующих рисков и угроз национальным интересам России на Северном Кавказе.

Выработка межрегиональных соглашений с целью повышения эффективности реализации национальной и информационной политики. Государственное регулирование медиасферы и межэтнических отношений в современном постиндустриальном обществе практически невозможны без совместной эффективной работы отраслевых структур власти разных регионов страны. Такие факторы как снятие социально-политической напряженности в регионе и гармонизация межэтнических отношений, медийных бум и наличие эффективных технологий позитивного медиавоздействия, новых методов стимулирования медиаактивности лоббистов государственной национальной политики и принятия решений, позволяют с большей уверенностью рассуждать о стабильности в будущем.

Следует отметить, что повышению эффективности реализации государственной национальной и информационной политики в субъектах РФ в СКФО способствует подписании и соблюдении Меморандума о сотрудничестве между органами исполнительной власти регионов Северного Кавказа[498] в сфере реализации информационной политики. Также этой цели подчинены государственные программы по обучению и стажировке госслужащих, конференции, организация и реализация социально значимых проектов, стимулирование лоббистов национальной и информационной политики государства.

Отметим и то, что развитие информационного общества и виртуализация современных этноконфессиональных вызовов актуализируют вопросы, связанные с повышением внимания к информационному менеджменту (INFMAN) как одному из основных факторов гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений на Северном Кавказе.

В последние годы в связи с развитием информационного общества интерес исследователей к информационному менеджменту значительно возрос. Несмотря на это, в социогуманитарной науке еще продолжаются дискуссии относительного понимания его сущностных характеристик и определения.

Следует отметить, что трактовки сущности информационного менеджмента варьируются от традиционного понимания информационного обслуживания до общей теории управления. Условно можно выделить следующие наиболее популярные определения информационного менеджмента: информационное обеспечение (в широком смысле – специалистов, управления); информационные ресурсы и управление ими; информационные услуги и предпринимательство; информационные системы и управление ими; организация научно-информационной деятельности; обработка и анализ информации; оффис-менеджмент; организация

[498] В СКФО впервые принят меморандум о сотрудничестве в сфере информационной политики на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // ИА Грозный информ. – 2014. – 28 марта. – URL: https://www.grozny-inform.ru/news/express/50301/ (дата обращения: 18.11.2024).

коммуникаций; управление информационными технологиями; стратегическое планирование и менеджмент[499].

Отметим, что ряд исследователей предлагает расширить понятие и обозначить его как информационно-коммуникативный менеджмент с учетом информационной революции, построения информационного общества, бурного развития коммуникации, духопатии в общественной психике в результате бездуховного информационного воздействия массмедиа и появления новых ниш в содержании и методах информационного менеджмента и управления[500].

Нам представляется убедительным определение В.В. Воробьева, который считает, что информационный менеджмент является сердцевиной информационной политики и направлен на управление информационными процессами, обеспечивающими развитие всех сфер жизнедеятельности социума[501]. В этой связи обратимся к информационному менеджменту этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе, который остается малоизученной областью реализации властного потенциала государства.

Очевидно, что в результате целенаправленной государственной этнонациональной и религиозной политики на Северном Кавказе наблюдается отступление этнического национализма и достигнуты положительные результаты в борьбе с разными проявлениями экстремизма. Не смотря на это, в регионе сохраняется обозначенный и в «Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года» конфликтогенный потенциал[502], который в определенной степени и проекции актуализируется субъектами этноконфессиональных отношений, что способствует созданию социальной напряженности. В ряде регионов СКФО в числе актуальных

[499] *Кормишина Г.М.* Информационный менеджмент: теория и практика формирования информационного общества // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – № 52. – С.114-118.

[500] *Попов В.Д.* Духовно-информационный потенциал эгрегора в менеджменте и управлении // Социология власти. – №6. – 2010. – С.39.

[501] *Воробьев В.В.* Критерии оценки информационного менеджмента // Социология власти. – 2005. – № 2. – С. 131.

[502] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.09.2010 № 1485-р <О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.> [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/ (дата обращения 17.11.2024).

проблем и вызовов социально-экономического развития обозначена недостаточная эффективность системы государственного и муниципального управления, обусловленная социокультурными особенностями, развитием «теневого» сектора экономики и отсутствием на государственном уровне системной политики повышения кадрового потенциала[503].

Следует отметить, что ситуация еще более усугубляется, если данная деструктивная политико-коммуникативная деятельность получает широкое информационное сопровождение и находит отражение в СМИ и различных интернет-ресурсах, пропагандирующих антигосударственные идеи экстремизма, сепаратизма, этнонационализма и т.д. При этом в последнее время прогрессирующее распространение на Северном Кавказе получил радикальный псевдоисламизм. Различные террористические и экстремистские организации, включая зарубежные, используют этот главный антигосударственный протестный мобилизующий идеологический ресурс, основываясь на социально-психологических компонентах и наднациональных ценностях северокавказского общества. К сожалению, имеющиеся сегодня гаджеты исламской направленности [504] не получили достаточное распространение в регионе, что могло бы снизить степень восприимчивости молодых людей к псевдоисламским учениям.

Необходимо отметить, что применение «психологами от террора» (В.Ю. Зорин) «информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание имеет целью нагнетание межнациональной и социальной напряженности, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечение к террористической деятельности новых сторонников»[505].

---

[503] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.04.2022 № 1089-р <Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 г.> [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404484724/ (дата обращения 17.11.2024).

[504] Гаджет, читающий Коран: как цифровые технологии помогают молиться [Электронный ресурс] // Life.ru. – 2016. – 13 ноября – URL: https://life.ru/p/930273 (дата обращения: 03.12.2023г.).

[505] Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71556224/ (дата обращения 18.11.2024).

Отметим и то, что трансграничный характер этих процессов повышает риски, связанные с информационной безопасностью и сохранением стабильности этноконфессиональной ситуации в СКФО, где заметна целенаправленная медиаактивность террористов. Кроме того, по информации руководителя ФСБ России А. Бортникова, озвученной в сентябре 2016 г. в г.Баку во время заседания Совета руководителей органов безопасности и спецслужб государств-участников СНГ, международные террористические структуры планируют расширить свою террористическую деятельность на Северном Кавказе, в том числе, путем использования средств связи и сети интернет. Случай, связанный с задержанием пяти боевиков в Карачаево-Черкесии, которых удалось дифференцировать через социальные медиа, подтверждает обозначенный тезис. Все задержанные, по информации следствия, молодые люди в возрасте от 19 до 25 лет, перебивавшиеся случайными заработками. Нашли они друг друга через социальные сети «по интересу к деятельности запрещенной в России террористической организации ИГ», которой они и принесли присягу на верность[506].

Необходимо отметить, что в таких условиях возрастает потребность в проведении государством эффективного информационного менеджмента, направленного на обеспечение национальных интересов и информационной безопасности России на Северном Кавказе в сфере этноконфессиональных отношений. Среди основных угроз информационной безопасности РФ выделяется деятельность различных террористических и экстремистских организаций, которые «широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды

[506] *Ларинцева А.* В Карачаево-Черкесии раскрыли ячейку «исламского государства» [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2016. – 20 октября. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3120990 (дата обращения 18.11.2024).

экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников»[507].

Следует отметить, что сегодня интернет играет особую роль в дистрибуции экстремистских идей. На этом акцентируется внимание в «Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года». В данном документе отмечено, что «информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «интернет», стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии». Поэтому не лишены оснований мнения некоторых экспертов Северного Кавказа, которые прогнозируют начало киберджихада (З. Арухов) под псевдоисламскими лозунгами.

Отметим и то, что существующие угрозы и современное состояние информационной безопасности России обусловили ужесточение мер по противодействию терроризму и экстремизму и привели к: введению тюремных сроков за призывы к экстремизму и поддержку экстремистских идей в интернете; приравниванию популярных блогеров к СМИ; усилению контроля за интернет-переводами религиозной литературы; принятию антитеррористического «закона Яровой», в соответствии с которым владельцы интернет-ресурсов, с помощью которых передаются электронные сообщения, обязаны уже с 20 июля 2016 г. сдавать ключи шифрования по требованию ФСБ. Примечательна работа в данном аспекте субъектами противодействия экстремизму на Северном Кавказе. Так, по данным МВД по РД в 2015 г. было выявлено 13 сайтов и 5 сетевых групп, в которых пропагандировались идеи запрещенной в РФ организации - «Исламского государства». В результате оперативной работы сотрудников органов безопасности – 8 из них заблокированы. По итогам мониторинга сети

[507] Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71556224/ (дата обращения 18.11.2024).

интернет выявлено 117 сайтов, содержащих медиатексты с призывами к экстремизму. Материалы по ним были направлены в Роскомнадзор по РД для ограничения доступа к данным ресурсам. Всего заблокировано 113 ресурсов и 4 сайта.

Наряду с блокировкой экстремистских интернет-сайтов и сетевых групп, органы государственной власти в СКФО проводят работу по ограничению конкретной деструктивной информации. По официальным данным МВД по КЧР, в 2015 г. сотрудниками полиции в Минюст РФ по КЧР было направлено 13 информационных материалов для признания их экстремистскими, которые впоследствии были включены в федеральный список.

Необходимо отметить, что важным направлением деятельности органов государственной власти в указанном аспекте является информационное противодействие идеологии экстремизма и терроризма в сети интернет, в рамках которой широкое распространение получили информационные материалы по противодействию экстремизму и терроризму. Это объясняется тем, что публикационная активность и информационно-пропагандистская деятельность субъектов противодействия экстремизму, являются основными критериями оценки и намеченными целями их работы. К примеру, в подпрограмме «Профилактика экстремизма и терроризма в Карачаево-Черкесской республике на 2014–2017 гг.» отмечено, что «количество публикаций антитеррористической направленности в республиканских средствах массовой информации» является одним из целевых индикаторов и показателей, а «усиление работы по информационно-пропагандистскому обеспечению антитеррористических мероприятий»[508] – одним из ожидаемых результатов реализации указанного программного документа.

[508] Подпрограмма «Профилактика терроризма и экстремизма в КарачаевоЧеркесской Республике на 2014–2017 годы» [Электронный ресурс] // Министерство по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати КарачаевоЧеркесской Республики: официальный сайт. – URL: http://minnac-kchr.ru/sites/default/files/Подпрограмма%202.pdf (дата обращения: 17.11.2024).

Отметим и то, что несмотря на активизацию работы по информационному противодействию идеологии терроризма и профилактике экстремизма на Северном Кавказе, которая основана на существующей нормативно-правовой базе, общественно-политическая обстановка в регионе остается неспокойной, так как не пресечена в полной мере деятельность религиозно-экстремистского бандподполья и не уничтожена идеология терроризма как крайней формы проявления экстремизма. Об этом убедительно свидетельствуют, например, распространенные в СМИ и сети интернет результаты антиэкстремистской деятельности органов государственной власти субъектов РФ в СКФО. На основе проведенного анализа указанных официальных данных из открытых источников нами установлено, что в 2015 г. в таких регионах СКФО как РД, ЧР, КЧР, Ставропольский край и РСО-Алания в общей сложности было совершено 988 преступлений экстремистского и террористического характера.

Секретарь Совета безопасности России Н.П. Патрушев в марте 2016 г. во время совещания по безопасности в сфере туризма и продовольственной безопасности СКФО также акцентировал внимание на неустойчивости социально-политической обстановки на Северном Кавказе. При этом он подчеркнул, что в субъектах РФ в СКФО активизировалась работа антитеррористических комиссий, улучшилась реализация программ по укреплению межнационального согласия[509].

Примечательно, что к данной работе привлечены дополнительные силы обеспечения информационной безопасности: экспертные советы, рабочие группы и т.д. К примеру, в Карачаево-Черкесии при Межведомственной рабочей группе по противодействию идеологии терроризма в феврале 2014 г. был создан Экспертный совет по оценке качества контрпропагандистских материалов[510]. Автор работы также включен в состав Экспертного совета,

[509] Патрушев: общественно-политическая обстановка в СКФО остается неспокойной [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. – 2016. – 3 марта. – URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/Patrushev-obshchestvenno-politicheskaya-obstanovka-v-SKFO-ostaetsya-nespokoynoy.html (дата обращения: 18.11.2024).

[510] Распоряжение Администрации Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 03.02.2014 № 1-р «Об Экспертном совете по оценке качества контрпропагандистских материалов при

который представлен политологами, социологами, юристами, специалистами в области государственно-конфессиональных отношений, авторитетными представителями общественных организаций и традиционных для республики конфессий. Возглавила Экспертный совет председатель Общественной палаты КЧР Вера Молдованова. За время работы Экспертного совета был рассмотрен ряд информационных материалов и даны рекомендации относительно возможности (невозможности) их публикации на основе аргументированных выводов и заключений с учетом характера и степени влияния на целевую аудиторию.

Отметим, что усилению эффекта радикальных экстремистских дискурсов наряду с социально-экономическими и идеологическими факторами способствует виртуализация жизненного мира современных граждан страны, особенно молодежи. интернет-форумы и сайты становятся проводниками радикальной информации, интегрируя пользователей на первом этапе в свои сетевые сообщества, а затем инициируя активный радикализм в реальной жизни. В свою очередь, радикализация идеологической деятельности молодых людей в России и на Северном Кавказе свидетельствует о кризисе традиционных механизмов социализации, которые не в состоянии уловить динамичные изменения социальной действительности, колебаний и трансформации ценностного мира молодежи.

Следует отметить, что важным направлением антиэкстремисткой деятельности власти в информационной сфере является регулирование СМИ по дискредитации деятельности террористических и экстремистских организаций, а также - содействие субъектов противодействия экстремизму в создании нетерпимого отношения к любым проявлениям террора и экстремизма.

Информационно-коммуникационный аспект антиэкстремистской деятельности должен быть направлен на формирование в сознании людей

Межведомственной рабочей группе по противодействию идеологии терроризма в Карачаево-Черкесской Республике» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/30922288/ (дата обращения:18.11.2024).

неприязненного отношения к террору и экстремизму, а также готовности противодействовать этим противозаконным социальным явлениям. Только тогда можно решить главную проблему, заключающуюся в том, чтобы «уничтожить саму идеологию терроризма»[511].

Отметим и то, что процесс управления информацией государством осуществляется в рамках сложившейся конфигурации государственного влияния на информационные процессы путем привлечения ресурсов различных социальных институтов и структур. Так, управление информацией этноконфессиональной направленности в Северокавказском регионе осуществляется при тесном взаимодействии органов государственной власти федерального и регионального уровней, средств массовой информации и коммуникации, ФАДН, политических и религиозных структур, а также институтов гражданского общества.

Информационный менеджмент в сфере этноконфессиональных отношений определенным образом регламентирован существующей в РФ нормативно-правовой базой, на основе которой в субъектах СКФО реализуются государственные целевые программы в данном направлении. При этом используемые сегодня инструменты системы управления информационными процессами позволяют совершенствовать деятельность в сфере регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе, которые характеризуются как благоприятные, но требуют постоянного регулирующего влияния государства. Так, по мнению М.А. Аствацатуровой в числе проблемных аспектов антиконфликтогенного менеджмента межэтнических отношений на Северном Кавказе выделяются как «недостаточность оперативной информированности органов государственной власти, местного самоуправления, общественных

[511] *Синцов Н.В.* Основные идеологические установки религиозно-экстремистских организаций, действующих в Северо-Кавказском регионе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи [Электронный ресурс] // Материалы региональной научно-практической конференции «Основные идеологические установки релиозно-экстремистских организаций, действующих в Северо-Кавказском регионе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи». – Пятигорск, 2013. – С. 3–9. – URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/sbor3_pyatigorsk.pdf (дата обращения 18.11.2024).

объединений о текущей ситуации», так и «недостоверность и предвзятость СМИ и интернет-пространства в оценке событий при акцентуации негативного компонента ситуаций»[512].

Необходимо отметить, что важными аспектами информационного менеджмента в указанной сфере социальных отношений также являются: использование «языка вражды» в СМИ; взаимодействие отраслевых органов власти с журналистами, освещающими национальные и религиозные вопросы в СМИ в части их перехода от фестивально-праздничного формата медиа контента к формату конструктивного обсуждения проблемных аспектов в сфере этноконфессиональных отношений; разработка критериев успешности этнических СМИ в части содействия гармонизации этноконфессиональных отношений. На тему межэтнических отношений есть запрос общества, и если журналисты не отвечают на него соответствующим образом, то эта потребность удовлетворяется за счет других информационных источников[513].

Отметим, что к числу актуальных проблем информационного менеджмента государства, направленного на гармонизацию этноконфессиональных отношений, следует отнести и несовершенство нормативно-правовой базы медиасферы. К примеру, существовавшая в исследуемый период противоречивость существующего законодательства в сфере СМИ позволяла заинтересованным лицам распространять информацию о деятельности террористических и экстремистских организаций без указания на то, что они запрещены законом, что создавало у молодежи ложные стереотипы с соответствующими последствиями. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) России разъяснил, что при

---

[512] *Аствацатурова М.А.* Антиконфликтогенный менеджмент межэтнических отношений в Северо-Кавказском федеральном округе: некоторые обощения // Вестник Северо-Кавказского государственного университета имени К.Л. Хетагруова. – 2010. – №1. – С. 26.

[513] Журналисткий форум в Дагомысе начался с обсуждения национальной темы [Электронный ресурс] // Национальный акцент. – 2016. – 27 сентября. – URL: https://nazaccent.ru/content/21967-zhurnalistskij-forum-v-dagomyse-nachalsya-s/ (дата обращения: 18.11.2024).

упоминании в СМИ, запрещенных в стране экстремистских и террористических организаций необходимо уточнять что они запрещены[514]. Также на законодательном уровне следует запретить СМИ употреблять в названии всемирной террористической организации ИГИЛ/ИГ слово «исламское», так как терроризм не имеет ничего общего с исламской религией, но способствует вовлечению молодых мусульман в свою деятельность.

Существующие этноконфессиональные вызовы устойчивости государственности на Северном Кавказе обусловили применение комплекса методов и подходов информационного менеджмента. В частности, речь идет о: мониторинге информационного пространства на предмет обнаружения нарастающих этноконфессиональных противоречий; выявлении и ограничении нежелательного медиаконтента с точки зрения его влияния на состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе; проведении пропагандистской информационной кампании и т.д. Динамика и вариации используемых приемов информационного менеджмента предопределены актуальной этноконфессиональной ситуацией как в масштабах отдельного российского субъекта, так и в пределах всего Северо-Кавказского региона.

Следует отметить, что ярким примером эффективной пропагандисткой кампании является информационно-просветительская акция «Работайте, братья!». Именно эти слова произнес младший лейтенант полиции МВД по РД Магомед Нурбагандов, который в ответ на требование боевиков призвать своих коллег-полицейских оставить службу в органах, не подчинился им и, наоброт, призвал своих коллег к работе. 21 сентября 2016 г. за мужество и героизм, проявленные при исполнении служебного долга, Нурбагандову Магомеду Нурбагандовичу было присвоено звание Героя России. Президент России Владимир Путин вручил звезду Героя его родителям. В рамках акции

[514] Роскомнадзор официально разъяснил порядок употребления названия «Исламское государство» [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2016. – 8 ноября. – URL: https://www.interfax.ru/russia/536152 (дата обращения: 18.11.2024).

«Работайте, братья!» молодежные активисты рассказывали горожанам о поступке Нурбагандова и расклеивали с разрешения владельцев стикеры с призывом героя на автомобили. Инициативу интернет-сообщества «Дагестан против» (@dagestanprotiv) поддержали информационно-культурный центр Министерства печати и информации Республики Дагестан и добровольческое объединение «Открытые сердца».

Отметим, что в информационно-просветительской акции приняли участие не только жители Дагестана, но и других регионов России. В первые же организаторы получили запросы из Москвы, Санкт-Петербурга, Грозного, Калининграда, Назрани, Нальчика, Пятигорска и Ростова-на-Дону. Акция в память о герое-полицейском прошла Краснодаре, Сургуте, Нижневартовске, Республике Коми и Ханты-Мансийском автономном округе. Ее география продолжает увеличиваться. Кроме того, в целях увековечивания подвига Героя России М.Н. Нурбагандова создан сайт «Работайте, братья!», на котором размещены визуальные информационные материалы, стикеры, ссылки на сайты государственных структур, обеспечивающих безопасность граждан страны[515]. Так же учреждена государственная премия «Работайте, братья!». Учредителями премии выступили МВД РФ, Минобороны РФ и Росвоенцентр при Правительстве РФ[516]. В столице Чеченской Республики Грозном именем Героя России М.Н. Нурбагандова названа одна из улиц.

Антиэкстремистская деятельность власти должна проводиться с учетом повышенного уровня медиаактивности и медиапотребления среди молодежи СКФО. Проведение пропагандисткой кампании способствует повышению эффективности антиэкстремистской деятельности власти на фоне заметной взаимосвязи между медиаактивностью экстремистов и их реальными действиями, что подтверждается официальными данными. К примеру, преступления террористической/экстремисткой направленности доминируют

[515] «Работайте, братья!»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://работайтебратья.рф (дата обращения: 18.11.2024).
[516] Учреждена премия «Работайте, братья!» [Электронный ресурс] // Дагестанская правда – 2017. – 11 января. – URL: https://dagpravda.ru/novosti/uchrezhdena-premiya-rabotajte-bratya-imeni-geroya-rossii-magomeda-nurbagandova/ (дата обращения: 18.11.2024).

в Дагестане, где только в 2016 г. был ограничен доступ к 277 сайтам, что значительно выше таких показателей в других субъектах СКФО.

Антиэкстремистское направление этнополитической деятельности субъектов противодействия экстремизму регламентировано региональными программами, составленными в соответствии с целевыми установками общероссийских стратегических и доктринальных документов в сфере национальной и информационной политики. В региональных программах по противодействию экстремизму особое внимание уделяется информационному менеджменту в части контроля публикационной активности и информационно-пропагандистской деятельности субъектов противодействия экстремизму, которые являются основными критериями оценки и намеченными целями их работы. Тем самым, заметны результаты антиэкстремистской деятельности органов государственной власти на Северном Кавказе в части информационного противодействия идеологии терроризма и проявлениям экстремизма. Данная работа проводится в тесном сотрудничестве всех субъектов противодействия экстремизму на всех уровнях власти.

Следует отметить, что требуют усиления внимания вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием информационно-коммуникационного механизма профилактики и противодействия экстремизму и терроризму на всех уровнях власти. Это важно для того, чтобы сформировать в общественном сознании неприязненное отношение к идеологии экстремизма и терроризма, без чего эффективность антиэкстремистской деятельности - практически невозможна.

Таким образом, оптимизация государственно-административной структуры в регионах Северного Кавказа продолжается, чтобы преодолеть существующие структурно-функциональные диспропорции и повысить эффективность воздействия государства на состояние этнополитических коммуникаций. Эта работа проводится при непосредственном участии Федерального агентства по делам национальностей (ФАДН).

4.3. Политико-коммуникативные процессы в северокавказской этнокультурной среде: проблемы, риски и поиски решений

Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий в мире и современные вызовы безопасности и единству многонационального народа России, наряду с виртуализацией этнокультурных процессов и активизацией экстремистских сил на Северном Кавказе, актуализировали изучение политико-коммуникативных процессов в регионе. При этом особого внимание требуют вопросы, связанные с проблемными аспектами политического взаимодействия акторов этнополитики, рисками возникновения кризисных и конфликтных ситуаций, а также проблемами повышения эффективности государственного управления в данной сфере развития поликультурного социума.

Следует отметить, что политические коммуникации в условиях этнокультурного разнообразия Северного Кавказа демонстрируют множество вариаций формальных и неформальных контактов, устанавливаемых между акторами этнополитики в борьбе за власть, ее осуществление или удержание. Формат, содержание, направленность и эффекты этнически обусловленных политических взаимодействий зависят от множества факторов, включая ресурсное обеспечение, замыслы и компетенцию коммуникантов, а также актуальную социально-политическую ситуацию и условия установления коммуникативных актов. Поскольку «политическая коммуникация сочетает в себе универсальные, общесоциальные и собственно политические и отраслевые черты» [517], их изучение является важной исследовательской задачей и представляет повышенный научный интерес.

В данной связи в 2017 г. мы провели экспертный опрос «Политико-коммуникативные процессы в этнокультурной среде СКФО: проблемные

[517] *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. – 2002. – № 3. – С. 5–18.

аспекты, риски и совершенствование государственной политики»[*]. В ходе опроса эксперты выразили солидарность в основном вопросе, связанном с возможным влиянием этнокультурной среды на политические коммуникации. По мнению большинства экспертов, этнокультурная среда в Северо-Кавказском регионе влияет или скорее влияет на политические коммуникации. Так считают 92% экспертов. При этом наибольшее количество положительных утвердительных ответов на данный вопрос в Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Только 3 эксперта отрицают влияние этнокультурной среды на политические коммуникации в регионе.

Отметим, что результаты опроса превзошли наши ожидания и гипотеза о том, что влияние этнокультурной среды на политико-коммуникативные процессы наиболее выражено в национальных республиках Северного Кавказа не совсем оправдалась, так как Ставропольский край занял лидирующие позиции в этом вопросе. Поэтому мы можем говорить о том, что «национальный» статус региона и показатель этнической мозаичности не являются уникальными индикаторами при оценке степени влияния этнокультурной среды на политико-коммуникативные процессы в регионе. На наш взгляд многое в этом вопросе определяется динамикой этнополитической активности участников политических коммуникаций.

Следует отметить, что для изучения представлений экспертов о специфике политических коммуникаций в этнокультурной среде СКФО и регионах округа, определенное значение имеют социальные факторы, которые в наибольшей степени влияют на характер взаимодействия государства, его партнеров и оппонентов на Северном Кавказе.

Применительно к СКФО эксперты выделили такие факторы этнокультурной среды как: «ориентация органов государственной власти и управления на сбалансированное проведение национальной политики в регионе», «учет этнокультурных и этнополитических интересов в

[*] Описание методологии опроса на С.208.

региональной политике», «удовлетворение этнокультурных и этнополитических интересов в региональной политике», а также «влияние федеральных органов государственной власти». Подчеркнутую экспертами роль государства в регулировании этнополитических коммуникаций мы можем объяснить, прежде всего, сохранением конфликтогенного потенциала в регионе.

Отметим и то, что среди деструктивных факторов этнокультурной среды СКФО, отражающихся на характере взаимодействия гражданского общества и власти, эксперты из Дагестана и Ингушетии выделили «клановость и возможность участия в серых экономических схемах». Они также указали на влияние «размера этноса и его единства», подчеркнув, что «при этом с оппонентами есть только следующие пути развития отношений – либо склонение на свою сторону (обман, подкуп, запугивание), или разобщение их рядов и деморализация. В остальном в отношениях государства с населением действует единая форма отношений по всей стране».

В региональном разрезе ответы экспертов на данный вопрос распределились следующим образом. Более половины экспертов из КЧР, КБР, РСО-А и РД считают, что наибольшее влияние на политические коммуникации регионов оказывают потребности акторов этнополитики, связанные с удовлетворением этнокультурных и этнополитических интересов в региональной политике и необходимостью ориентации органов государственной власти и управления на сбалансированное проведение национальной политики в регионе. Более половины экспертов из РСО-А, ЧР, РД и РИ указали на влияние федеральных органов власти, а большинство экспертов из Северной Осетии уверены, что на состояние политических контактов в регионе влияют «мероприятия по формированию общероссийской гражданской идентичности».

Необходимо отметить, что этнокультурная среда оказывает неоднозначное влияние на политико-коммуникативные процессы в

северокавказском регионе. На политические коммуникации в регионе, по мнению экспертов, существенное влияние оказывают и другие обстоятельства, связанные с медийной составляющей. В частности, среди факторов, влияющих на эффективную работу участников политических коммуникаций в северокавказском социуме, эксперты выделили: уровень медиаграмотности представителей власти и населения, недоступность / закрытость власти, недоступность и отсутствие информационно-коммуникационных каналов, недостаток независимых СМИ для объективного освещения этнополитической ситуации, а также уровень медиаактивности представителей власти и населения.

Закономерность таких экспертных оценок объясняется медиатизацией политики [518] и виртуализацией этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе[519] и их влияния на этнополитическую сферу[520].

По мнению экспертов, на этноконтактную ситуацию в сфере политики влияют и такие факторы как: ухудшение межэтнической ситуации (26,5%), активное государственное регулирование информационно-коммуникационной сферы (26,5%) и коммуникативные барьеры (стереотипные ситуации и установки в отношении «других»). При этом наименьшее воздействие на состояние этнополитических коммуникаций в СКФО оказывают: распространение традиционной системы правовых норм (обычного права); правоприменительная практика в отношении деструктивных элементов; индифферентность населения к замыслам коммуникатора (представителей власти, «этнических предпринимателей», этнических лоббистов и т.д.).

В данном случае следует обратить внимание на то, что указанные факторы коррелируют с ответами экспертов на вопрос «Укажите,

---

[518] *Пшизова С.Н.* Спин-контроль в системе политических коммуникаций современной России // Политические коммуникации в изменяющейся России: Сб. научн. статей / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М., 2013. – С. 52.

[519] *Джантеева Д.С.* Специфика этнополитических медиакоммуникаций // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 11. – С.155.

[520] *Родык Г.Ю.* Коммуникационные механизмы влияния на этнополитическую сферу // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2013. – №2. – С.179.

пожалуйста, наиболее проблемные аспекты в политических коммуникациях между иноэтничными субъектами в Вашем регионе». В особенности это касается вариантов ответов, связанных с состоянием межэтнических отношений и наличием коммуникативных барьеров в этнокультурной среде Северного Кавказа.

Следует отметить, что в основном, по мнению экспертов, проблематичными представляются «этнизация политических вопросов (распределения властных полномочий, языковой ситуации, образовательной политики и т.д.)» и «этнизация экономических вопросов (земельных споров, распределения бюджетных средств и т.д.)», «принадлежность участников коммуникации к разным финансово-политическим группам, созданным по этноклановому принципу», «открытое/скрытое использование «этнической карты» (40,8%). Определенную значимость в этом вопросе эксперты придают культурным стандартам. Не смотря на существование в обществе основной политической культуры [521] , они отмечают такие проблемы как: «недостаточное знание коммуникантами этнополитической культуры друг друга», «принадлежность участников коммуникации к разным этнокультурным сообществам» и «несовпадение моделей политического поведения и ценностных ориентиров». Менее всего на эффективность политических контактов между иноэтничными акторами этнополитики влияют «неуважение к культуре друг друга» и «неумение использовать этническую составляющую в решении вопросов межэтнического взаимодействия». Отметим, что анализ ответов респондентов в региональном аспекте подтверждает мысль о том, что политические коммуникации являются своеобразным инструментом реализации политических целей[522].

Следует отметить, что большинство экспертов из КЧР, РД, ЧР и около половины из них в РСО-А уверены, что одним из главных препятствий в

[521] *Даракчян Г.О.* Новейшие тренды политической культуры в современной политологии // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 9. – С.16-18.
[522] *Шарков Ф.И.* Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. – 2012. – №2. – С. 129.

установлении эффективных политических контактов в регионе является «принадлежность участников коммуникации к разным финансово-политическим группам, созданным по этноклановому принципу». Это вывод основан на очевидной сегментации политического пространства Северного Кавказа, где определяющими параметрами этнополитических коммуникаций являются конфигурации политических взаимодействий этноэлит на основе экономических интересов, т.е. их маркетизация. В самом деле, финансовые ресурсы играют неоднозначную роль в межэтнических отношениях[523].

Наряду с этим, более половины экспертов из КЧР, РД, ЧР и около половины из них в Ставропольском крае отметили такие проблемы региональных политических коммуникаций как: «этнизация политических вопросов (распределения властных полномочий, языковой ситуации, образовательной политики и т.д.)» и «этнизация экономических вопросов (земельных споров, распределения бюджетных средств и т.д.)».

Большинство экспертов из КЧР, ЧР и около половины из них в Ставропольском крае указали на то, что препятствует эффективным политическим контактам в этнокультурной среде региона «манипуляция этнополитическим сознанием». В КБР и ЧР этому препятствует «открытое/скрытое использование «этнической карты», в РИ – «несовпадение моделей политического поведения и ценностных ориентиров». Кроме того, по мнению большинства экспертов, для ЧР актуально «открытое/скрытое проявление этнической комплиментарности и, наоборот».

Необходимо отметить, что указанные экспертами социальные явления, относящиеся к разряду деструктивных, имеют место в реальной политической жизни Северного Кавказа и соответствующим образом отражаются в медиа среде. Поэтому экспертам было предложено ответить на вопрос «Если говорить о состоянии медиа среды и проблемах эффективных

[523] *Харитонов Е.М.* Финансовые ресурсы в системе этнических отношений на Юге России // Гуманитарии Юга России. – 2015. – № 4. – С. 23.

политических коммуникаций в СКФО, то чтобы Вы выделили, прежде всего?» Сравнительный анализ выделенных экспертами проблемных аспектов региональных этнически проецированных политических коммуникаций и медиакоммуникаций, показал следующее.

Следует отметить, что существующие на Северном Кавказе этнополитические проблемы, которые находятся в фокусе внимания мониторинговых служб, находят отражение в медиакоммуникациях в еще более гипертрофированной форме, вызывая неоднозначную реакцию целевой и кумулятивной аудитории. Усиливает данный эффект и то, что репрезентация обозначенных проблем в медиа среде, не всегда соответствует реальности. Поэтому в ряду проблемных аспектов эффективных этнополитических медиакоммуникаций в СКФО экспертами выделяются – «ущемление этнических интересов», «необъективная интерпретация этнополитических событий», «предвзятая интерпретация этнополитических интересов отдельных этнических групп/сообществ», «недостаточное знание журналистами этнокультуры народов Северного Кавказа» и т.д. При этом следует отметить, что проблемы, связанные с культурными стандартами политического поведения коммуникантов в сфере межэтнических отношений, наиболее актуальны в медиакоммуникациях. Так считают 57% экспертов СКФО, которые указали на «недостаточное знание журналистами этнокультуры народов Северного Кавказа» и 20,4% экспертов, считающих одной из проблем «навязывание этнокультурных стандартов «другим». В реальных политических коммуникациях в СКФО, по мнению части экспертов, тоже существуют проблемы, связанные с принадлежностью участников коммуникации к разным этнокультурным сообществам и недостаточным знанием коммуникантами этнополитической культуры друг друга.

Современные технологии и статистический ландшафт позволяют наблюдать поведение аудитории, ее реакцию, запросы и даже усталость[524]. По мнению экспертов, уровень конфликтности в этнополитических медиакоммуникациях выше, чем в реальных политико-коммуникативных процессах. Так, оценивая данный показатель в политических коммуникациях регионов СКФО, лишь 5 экспертов назвали «неуважение к культуре друг друга» проблемой для установления контактов, в то время как в медиакоммуникациях на «распространение интолерантных медиатекстов» указали более четверти экспертов. Исследователи отмечают необходимость толерантного отношения участников этнополитических коммуникаций, интерпретируя ее как коммуникативную совместимость [525] . Но, при очевидных потенциальных угрозах информационной безопасности страны, связанных с деятельностью современных медиа и экстремистских/ террористических групп [526] , СМИ являются основным ресурсом информационного обеспечения оптимизации межэтнических отношений[527] и фактором межкультурных коммуникаций в обществе риска[528], что важно учитывать в информационной политике.

Необходимо отметить, что эмпирический анализ взаимосвязи этнополитической деятельности власти и гражданского общества и состояния политического информационного пространства в СКФО позволяет говорить о деструктивном воздействии внутрисистемных противоречий, детерминированных сохранением ненормативных коммуникативных практик

---

[524] *Лосева Н*. Аудитория новых медиа // Как новые медиа изменили журналистику. 2012-2016 / под ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. – Екатеринбург, 2016. – С. 34.

[525] *Блохин И.Н.* Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретация толерантности // Гуманитарный вектор. – 2014. – №3 (39). – С. 114.

[526] См.: *Дударенок А.С.* Религиозно-политический и этнический экстремизм в сетевом информационном обществе // Труды политологической школы «Каспий». Вып. 2 / под ред. проф. А.-Н.З. Дибирова. – Махачкала: Лотос, 2014. – С.104–118; *Сулейманова Ш.С.* Журналистика в управлении информационно-коммуникационными процессами. – М., 2016; *Шиллер В.В., Шелудков Н.Н.* Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «ВКонтакте) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – №3 (55). – Т. 1. – С.124–128 и др.

[527] *Магомедова М.А*. СМИ как основной ресурс информационного обеспечения оптимизации межнациональных отношений // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №1. – С. 345–347.

[528] *Савинова О.Н*. СМИ как фактор межкультурного диалога в обществе риска и подготовка журналистских кадров // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 3 (18). – С. 84–88.

с неоднозначными последствиями, несбалансированным проведением государственной национальной политики, низкими темпами модернизации информационно-коммуникационной сферы. Указанные обстоятельства оказывают непосредственное влияние и на оценку эффективности этнополитической деятельности в контексте реализации национальной стратегии в СКФО. По мнению экспертов, в публичной сфере СКФО наиболее эффективными проводниками государственной национальной политики являются: органы государственной власти, общественные организации, региональные СМИ и органы муниципальной власти. Социальные сети играют неоднозначную роль в данном вопросе, поэтому мнения экспертов относительно их возможной эффективности и неэффективности – разделились поровну.

Отметим, что установившееся партнерство между властью, институтами гражданского общества и СМИ, создает оптимальные условия для реализации программы нациестроительства на Северном Кавказе. Но при этом недостаточно используется потенциал массмедиа, что объясняется сложным финансовым положением, нехваткой квалифицированных кадров, отсутствием у производителей и распространителей информации знаний и навыков для использования новых медиа [529] , распространением неформальных этнополитических контактов и состоянием политического информационного пространства. Не случайно власти субъектов РФ в СКФО придают значение оцифровке печатных изданий, рекомендуют региональным СМИ увеличивать количество потенциально заинтересованной интернет-аудитории с помощью сайтов и аккаунтов в социальных сетях[530].

Отметим и то, что на Северном Кавказе этнокультурное разнообразие большинством населения рассматривается как позитивный фактор,

[529] *Рябова Е.Л., Сулейманова Ш.С.* Новые медиа и современные политические процессы // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 6 (96). – С.11.

[530] Итоги работы за 2015 год подвело министерство печати и информации Дагестана [Электронный ресурс] // Республиканская государственная вещательная компания «Дагестан». – 2016. – 16 февраля. – URL: https://rgvktv.ru/news/obshchestvo/itogi-raboty-za-2015-god-podvelo-ministerstvo-pechati-i-informatsii-dagestana-38346/ (дата обращения: 18.11.2024).

способствующий взаимообогащению культур и развитию межкультурного диалога. К тому же, этническая солидарность является внушительной политической силой [531] перед современными вызовами единству многонационального народа страны. Данная позиция подтверждается результатами научных исследований. Так, в Дагестане 77% опрошенных респондентов видят в полиэтничности больше пользы для России, чем вреда. В среднем по стране такой точки зрения придерживается менее половины респондентов (45%) [532]. Говоря о причинах позитивного взаимодействия акторов этнополитики, большинство экспертов СКФО отметили, что они обусловлены «обеспечением межэтнического согласия», «реализацией государственной национальной политики», «решением вопросов этнокультурного развития», «формированием определенного общественного мнения о межнациональной ситуации» и «формированием единой российской нации».

Следует отметить, что перспектива развития Северо-Кавказского региона требует использования конструктивного потенциала этнического фактора [533] в политико-коммуникационных процессах. По мнению большинства экспертов для стабилизации региональных политических коммуникаций, в СКФО с участием акторов этнополитики необходимо «активизировать работу по регулированию информационно-коммуникативной деятельности акторов этнополитики путем сотрудничества на основе общих интересов» и «расширить сеть публичных диалоговых площадок для обсуждения этнополитических проблем с властью». Около половины экспертов считает, что для стабилизации этнополитических коммуникаций в регионах СКФО следует: «усилить идеологическое противодействие идеологии экстремизма в молодежной среде», «расширить

[531] *Esman M.J.* Ethnic policy. – New York, 1994. – 304 p.
[532] Игорь Баринов: Интернет должен стать пространством противодействия экстремизму [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по делам национальностей: официальный сайт. – 2016. – 15 апреля. – URL: https://fadn.gov.ru/press-centr/news/igor-barinov-internet-dolzhen-stat-prostranstvom-protivodejstviya-ekstremizmu (дата обращения: 18.11.2024).
[533] *Хунагов Р.Д., Шадже А.Ю.* Кавказский фактор в современной России // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 77–80.

экспертную деятельность (проведение мастер-классов/тренингов для журналистов/политиков/общественников, специализирующихся на этнической проблематике)», «ужесточить наказание за призывы к межнациональной розни и экстремизму» и «усилить медиа-мониторинг деструктивных этносоциальных процессов». Эксперты считают менее эффективной в этом вопросе распространение практики введения моратория на упоминание этничности в массовых политических коммуникациях (выборах, референдумах и т.д.).

Необходимо отметить, что позитивное взаимодействие акторов этнополитики вызвано, в основном, реализацией государственной национальной политики и утверждением идеологии гражданской нации. В данной связи представляется важным обратить внимание на повышение эффективности этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества с учетом мнения экспертного сообщества региона. Отдельного внимания требуют вопросы грамотного использования интернет-технологий как потенциально мощных инструментов становления и развития гражданского общества в третьем тысячелетии[534].

Таким образом, результаты исследования характеризуют состояние проблемного поля политико-коммуникативных процессов в этнокультурной среде Северного Кавказа и подтверждают, что межэтнические отношения и религиозный фактор не являются истинными причинами напряженной этнополитической обстановки в регионе.

Выводы по главе 4

1. Коммуникативные стратегии политики нациестроительства на Северном Кавказе являются эффективным инструментом в управлении культурным разнообразием. Государственная политика нациестроительства предполагает использование коммуникативных стратегий, ориентированных

[534] *Holt R.* Dialogue on the Internet: Language, Civic Identity, and Computer-Mediated Communication. – Westport, Conn., 2004.

на достижение программно-целевых показателей при одновременном учете социокультурных особенностей региона. Очевидно, что коммуникативные стратегии отличаются по институциональному оформлению/ социальной роли / целям и используются государством, его партнерами и оппонентами на Северном Кавказе в различных политических целях – для оказания политического влияния, установления сотрудничества или интеграции на общей идеологической основе. При этом следует отметить, что в условиях гибридизации политических коммуникаций для утверждения идеологии гражданского нациестроительства необходимо совершенствовать коммуникативные стратегии и практики этнонациональной политики на Северном Кавказе.

2. Эффективность реализации национальной и информационной политики на Северном Кавказе будет зависеть от широкого медийного сопровождения деятельности профильных ведомств, а также готовности власти взаимодействовать и оказывать финансово-правовую поддержку общественным объединениям и СМИ, специализирующимся на межэтнических и социально значимых вопросах развития гражданского общества и государства. Состояние и перспективы этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе имеют определенную связь с информационным менеджментом, направленным на обеспечение национальных интересов и информационной безопасности с учетом положения стратегических прогнозов РФ.

3. Этнополитические коммуникации на Северном Кавказе характеризуются сохранением коммуникативных доминант конструктивного и деструктивного политического поведения участников политико-коммуникативных процессов, в связи с чем, необходимо принимать адекватные управленческие решения.

Заключение

Развитие политических коммуникаций в сложносоставных государствах все больше определяется этническим фактором. В современных условиях существовавшие прежде модели политической коммуникации трансформируются под воздействием глобализации, военных конфликтов, стимулирующих рост этнической миграции, динамику этнической мобилизации, развитие новых медиа и технологий искусственного интеллекта. Это создает дополнительные коммуникационные возможности огромному количеству людей с разной этнокультурной идентификацией, чья политическая деятельность может иметь как конструктивный, так и деструктивный характер, представляя реальную угрозу для безопасности государства и ее граждан. В этой связи мы можем говорить о том, что социально-политическая стабильность сложносоставных государств сегодня определяется эффективностью управления культурным разнообразием для достижения идентификационных целей актуальной политики нациестроительства.

Политические процессы в России с конца 1999 г. сопровождаются актуализацией этнического фактора в политико-коммуникативном пространстве. Этничность продолжает оставаться одним из значимых факторов этнополитических коммуникаций, оказывая существенное воздействие на социально-политическую ситуацию в стране и сплоченность российской нации перед ицом общего врага. Именно поэтому, на наш взгляд, государственная политика нациестроительства в России должна быть нацелена на повышение эффективности управленческих политических коммуникаций с использованием современных коммуникативных стратегий и определением новых приоритетов взаимодействия власти, СМИ и гражданского общества.

По мере становления информационного общества плотность и интенсивность этнических связей в политическом пространстве России меняется под воздействием способов доставки и дистрибуции информации.

С другой стороны, динамика коммуникативной активности акторов этнополитики не всегда детермируется конструктивными политическими замыслами коммуниканта, что приводит к межэтнической напряженности, создавая угрозу российской государственности и комплексной системе безопасности страны. Поэтому исследование коммуникативного аспекта этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества в региональном измерении осуществляется в тесной связи с социально-экономическими, социокультурными и историческими факторами. Исследование специфики, стратегий и приоритетов этнополитических коммуникаций является одним из значимых векторов работы по повышению эффективности политики нациестроительства на основе использования результатов научных исследований в управленческих практиках в сфере межэтнических отношений и информационной политики.

Изучив этнополитические коммуникации в одном из полиэтничных и поликонфессиональных макрорегионов Российской Федерации – Северо-Кавказском федеральном округе, подведем итоги исследовательской работы и формализуем выводы.

1. В диссертационной работе, которая основана на теоретических положениях отечественных и зарубежных исследователей, были проанализированы теоретико-методологические подходы к анализу концепта «этничность», ее коммуникативной сущности и политической субъектности. Такой подход, по нашему мнению, представляется актуальным и значимым для дальнейшего научного осмысления этнополитической коммуникации как одного из видов политической коммуникации. Политическая коммуникативистика как наука о природе, строении и развитии информационно-политической сферы социума, специфичных для нее механизмах и тенденциях развития разнообразных контактов, представляет возможность для изучения проявлений этничности как коммуникативной и политической категории. Междисциплинарность и полипарадигмальность, базирующиеся на политико-коммуникативном подходе и политико-

социокультурном подходе, современных этнополитических теориях, позволили использовать наиболее приемлемый инструментарий для анализа рассматриваемого феномена в контексте политических, экономических, социокультурных реалий и развития медиапространства.

2. Исследование взаимодействия и взаимовлияния политической коммуникации, этничности и СМИ в полиэтничном регионе позволило установить отличительные особенности установления контактов между акторами политики с разной этнокультурной идентификацией; использования этнического фактора в политических коммуникациях; изменения функциональности и особенностей проявления этничности на разных уровнях коммуницирования в том числе, в зависимости от использования этноцентричных элементов культуры.

Расширение коммуникационных возможностей акторов этнополитики имеет как позитивные, так и негативные последствия, способствующие появлению новых видов виртуального национализма, распространения экстремистской идеологии, этнической киберпреступности и других деструктивных социальных явлений, что актуализирует политику государства по правовому регулированию интернета.

Рассмотрение различных теорий СМИ позволило выявить их роль в политико-коммуникативных процессах, раскрыть проблему политической субъективности/политической предвзятости, обозначить особенности использования манипулятивных технологий и введение ограничительных границ с помощью механизмов цензуры и системы психологической защиты.

В полиэтничном регионе характер, направленность и эффективность взаимодействия и взаимовлияния политических коммуникаций, этничности и СМИ имеет прямую зависимость от состояния межэтнических отношений и эффектиности национальной политики государства.

3. Одним из значимых итогов проведенной работы является разработка методологических подходов для исследования основных характеристик этнополитической коммуникации. Изучение центрального для

настоящего исследования концепта «этнополитическая коммуникация» осуществлялось с помощью поиска научных категорий, которые дали возможность рассмотреть сущностные свойства, структуру (и ее компоненты), а также формы этнополитической коммуникации, разработать типологию коммуникативного действия акторов этнополитики, классифицировать этнополитические коммуникации по разным основаниям и дифференцировать коммуникантов по этническому критерию. Для этого мы использовали такие концепты как: «этнополитика», «коммуникация», «политическая коммуникация», «этническая идентификация», «гражданская культура», «традиционные институты гражданского общества», «этнополитическая культура», «этнопсихологические элементы», «межэтническое согласие», «изменение».

4. Региональная проекция этнополитических коммуникаций обусловила наш исследовательский интерес к анализу типовых признаков обозначенного феномена применительно к северокавказскому региону.

На основе изучения закономерностей этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе мы выделили их типовые признаки, которые впоследствии были обобщены и представлены в виде 4 пар антиномий, позволяя идентифицировать рассматриваемое явление как нелинейное, разноуровневое и многомерное. В частности, мы выделили такие типовые признаки этнополитических коммуникаций в изучаемом регионе как: 1) традиционность и инновационность; 2) межэтническое согласие и враждебность; 3) неформальность и институциональность; 4) этноидеологический и общественно-политический дискурс. Такой подход, на наш взгляд, способствует научному осмыслению отличительных свойств этнополитических коммуникаций в конкретном регионе. Поиск региональных универсалий этнополитических контактов может предоставить основу для интеграции их конструктивного потенциала, и преодоления деструктивных этносоциальных явлений на Северном Кавказе.

5. Этнополитические коммуникации на Северном Кавказе представляют собой сложный феномен, сочетающий социальные, политические, исторические и этнокультурные элементы. Исторически на формирование и развитие этнополитических коммуникаций в рассматриваемом регионе существенное воздействие оказывали: 1) политическое взаимодействие северокавказских обществ с центральной властью, которое в разные исторические периоды принимало черты как позитивного сотрудничества, так и открытого противостояния; 2) фактор административно-территориального и национально-территориального деления Северного Кавказа, обусловившие специфику межнациональных отношений в регионе в советский и постсоветский периоды; 3) факторы распространения этнического национализма и религиозного фундаментализма в постсоветский период, оказывающие влияние на рост межнациональной напряженности и противоречий в регионе.

В рамках проведенного исследования подтвердилась авторская гипотеза о том, что этнополитические коммуникации на Северном Кавказе – сложный и противоречивый процесс, обусловленный историческими, идеологическими, социально-политическими и политико-правовыми особенностями.

Коммуникативный вектор этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества на Северном Кавказе направлен на преодоление внутренних и внешних противоречий и барьеров. Регулирование политических процессов в этнической сфере на основе коммуникативного подхода, позитивизации имиджа Северного Кавказа, расширения межкультурного диалога и нейтрализации экстремистских элементов позволили значительно снизить степень межэтнической напряженности в регионе и кавказофобию в стране.

6. Коммуникации в пространстве власти постоянно воспроизводят ситуации, требующие от акторов политики выбора тех или иных каналов/способов трансляции и вместе с тем, презентации политических

интересов. Оказываясь в ситуации выбора, этнополитические группы или отдельные их представители осознанно используют те каналы трансмиссии информации, модели и смыслы, которые вписываются в традиционные для северокавказского социума этнополитические интересы.

7. Традиционные методы социального взаимодействия лежат в основе политических контактов акторов этнополитики. Коммуникативный эффект взаимодействия в регионе имеет прямую зависимость от моделей поведения коммуникантов, способности адекватного понимания/интерпретации процесса политического коммуницирования.

Традиционные подходы к установлению политических контактов между акторами этнополитики характеризуют сущность коммуникативных действий, в которых этничность выступает как политическая и коммуникативная категория. Совокупный коммуникативный эффект устанавливаемых контактов в северокавказском регионе предопределен состоянием специфичной этнокультурной среды, типом коммуникативных действий, коммуникативными компетенциями, связанными, в том числе, со знанием «этнокультурных кодов» и способностью их декодировать в процессе взаимодействия.

Необходимо указать на специфичность политико-коммуникативных процессов на Северном Кавказе, обусловленных следующими базовыми обстоятельствами: традиционалистскими особенностями коммуницирования, информационной закрытостью власти и дефицитом управленческого внимания к проблемам межэтнических отношений, этнократическим характером власти и распространением различных моделей межэтнических отношений (партнерской, патронажной, конфликтной и т.д.), стремлением к монополизации регионального информационного политического пространства и установлению контроля над СМИ и деятельностью акторов этнополитики, кадровым обеспечением системы госуправления на основе политической лояльности и/или встраивания в нее представителей традиционных структур, специфическим восприятием современных

модернизационных процессов как отрицания традиционного. При этом часть традиционных институтов недостаточно адаптивны и не способны функционировать в условиях развития информационного общества и применения технологии искусственного интеллекта.

8. Коммуникативная деятельность акторов этнополитики на Северном Кавказе имеет противоречивый характер и отличается ситуативностью на фоне устойчивости идентичности. В практической плоскости сохранение этого тренда позволяет рассматривать этнополитические коммуникации как жизнеспособный инструмент объяснения политических процессов в северокавказской среде.

Обращение к отдельным аспектам этнополитических коммуникаций на Северном Кавказе (социокультурному, презентационному, историческому) позволило раскрыть их региональную специфику, выделить доминирующие способы поддержания этнополитических контактов, сегментацию информационного пространства и медиааудитории.

9. Стратегии этнополитических медиакоммуникаций на Северном Кавказе сочетают элементы медийных, политических и этнополитических коммуникационных кампаний. Они отличаются зависимостью от культурно-политического контекста, ситуативностью, фрагментарностью. В отдельных случаях недостаточно продуманная стратегия способна привести к обратному эффекту, поставив под сомнение общественную легитимность всей политической кампании. Сохранение межнационального мира и согласия на Северном Кавказе возможно при регулирующем воздействии диалогических коммуникационных кампаний, учитывающих этнокультурные особенности и этнополитические интересы участников политико-коммуникативных процессов. Стратегии этнонационализма и этнополитического дистанцирования, наоборот, способствуют созданию межэтнической напряженности, что в условиях Северного Кавказа, проведения СВО и отражения военной агрессии в приграничных регионах

страны, представляет большую угрозу для национальной безопасности России.

10. Межнациональный мир на Северном Кавказе – одна из главных ценностей, и над его укреплением необходимо постоянно работать. При этом выбор той или иной модели управления политико-коммуникативными процессами – взаимодействие, информирование, информационное игнорирование, интерактивное управление – зависит от особенностей регионального политического процесса. С учетом этого, а также значимости информационно-коммуникационной составляющей современной программы нациестроительства в Российской Федерации, следует выделить ключевую роль коммуникативных стратегий национальной политики, конструируемых органами государственной власти совместно с медийными структурами, общественно-политическими объединениями и другими акторами этнополитики.

Коммуникативные стратегии – это эффективный инструмент в управлении культурным разнообразием; государственная политика нациестроительства предполагает использование коммуникативных стратегий, ориентированных на достижение программно-целевых показателей при одновременном учете социокультурных особенностей региона и продолжающейся СВО; коммуникативные стратегии отличаются по институциональному оформлению/ социальной роли/ целям и используются государством, его партнерами и оппонентами; в условиях гибридизации политических коммуникаций для утверждения идеологии гражданского нациестроительства необходимо совершенствовать коммуникативные стратегии и практики национальной политики на Северном Кавказе.

Исследование неформальных политических практик на Северном Кавказе, проведенное автором, подтверждает мнение о том, что конфликтные этнополитические ситуации регулируются с помощью коммуникативной стратегии народной дипломатии при медиаторстве власти.

Этнополитические стратегические коммуникации государства на Северном Кавказе формируются с учетом социокультурных особенностей региона. Общеизвестно, что социокультурный контекст формирует уникальную социальную реальность, на фоне которой политические институты, политические коммуникации и публичная сфера власти не только на Северном Кавказе, но и в современной России (включая ментальные модели российских чиновников) тяготеют к установлению контактов, характерных для традиционных обществ. Современное северокавказское общество, находящееся на стыке кризиса традиционного общества, модернизации и встречного процесса архаизации, демонстрирует приверженность и доверие лектоническому типу коммуникации, который используется в коммуникативных стратегиях этнополитических элит в процессе формального и неформального взаимодействия. Здесь следует отметить и конструктивный потенциал неформальных этнополитических контактов, которые используются в консенсусно-коммуникативной стратегии власти во всех регионах Северного Кавказа.

Составным элементом коммуникативных стратегий государства является менеджмент информационно-комуникативных процессов в сфере межэтнических отношений, включающий такие элементы как:

1) разработка нормативно-правовой базы;

2) формирование исполнительных органов власти и других структур, специализирующихся на проведении национальной и информационной политики;

3) разработка и реализацию механизмов стимулирования информационно-коммуникативной сферы национальных отношений;

4) выработка межрегиональных соглашений с целью повышения эффективности реализации национальной и информационной политики.

10. СМИ приобретают особую роль в современных общественно-политических процессах и являются полноправными участниками этнополитических коммуникаций, но СМИ не обладают достаточным

кратологическим потенциалом, позволяющим идентицировать их как самостоятельный актор политических процессов. СМИ на Северном Кавказе используются как инструмент формирования общественного мнения, конструирования выгодных для власти политических отношений и выстраивания моделей коммуникаций, необходимых для управления культурным разнообразием.

Медиавзаимодействие акторов этнополитики на Северном Кавказе выявило их уязвимость с точки зрения существующих вызовов информационного общества и их влияния на укрепление единства российской нации. Сохраняющиеся в регионе проблемы (социальные, технологические и культурные) замедляют процесс модернизации политических медиакоммуникаций и функционирование этнополитической информационно-коммуникативной системы.

В этой ситуации в регионе предпринимаются попытки использовать интернет-технологии в процессе реализации актуальной этнополитики государством, его партнерами и оппонентами. Как показало исследование, на данном этапе этнически ориентированная медиаполитика не столь успешна из-за наличия коммуникационных проблем: «цифрового разрыва» между участниками этнополитического процесса, межпоколенческого конфликта; незавершенности процесса информатизации языков народов Северного Кавказа; отсутствия традиции, связанной с успешными политическими коммуникациями этнических виртуальных сетевых сообществ, созданными представителями кавказских народов и т.д.

11. Изучение вопроса распределения этнической информации позволяет утверждать, что данный процесс в условиях развития информационного общества, гибридизации политических коммуникаций сопряжен с определенными рисками, способными дестабилизировать этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе. Использование проективного подхода к управлению политическими коммуникациями с учетом этих трансформаций и на основе эмпирических данных позволит

оптимизировать этнополитическую деятельность власти, СМИ и гражданского общества.

12. Этнополитические коммуникации в современном северокавказском обществе следует идентифицировать как разноуровневое и многомерное явление со свойственными этнополитическими и историческими характеристиками. Конфигурации этих элементов определяют тип, масштабность, значимость и эффективность политических контактов, устанавливаемых для решения этнополитических задач.

Эмпирический анализ взаимосвязи этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества, состояния политического информационного пространства Северного Кавказа позволяет говорить о деструктивном воздействии на него внутрисистемных противоречий, детерминированных сохранением ненормативных коммуникативных практик с неоднозначными последствиями, несбалансированным проведением государственной национальной политики и ее информационным сопровождением. Низкие темпы модернизации информационно-коммуникационной сферы не позволяют эффективно использовать рациональный и конструктивный потенциал массмедиа в медиастратегиях государства. При указанных обстоятельствах актуализируются вопросы, направленные на изменение содержания официальных информационных ресурсов и сообщений профильных министерств и ведомств в части, касающейся освещения государственной национальной политики в соответствии с программными целями и задачами. Наряду с этим мы бы предложили установить критерии и порядок оценки гражданами, в т.ч. посредством использования современных информационно-коммуникационных технологий, эффективности деятельности органов государственной власти в контексте реализации и информационного сопровождения современной национальной политики.

13. В условиях существующих информационных вызовов и угроз единству народов России, увеличилась значимость реализации

государственной национальной политики, основанной на идеологии гражданского нациестроительства. Политико-коммуникативная управленческая деятельность на Северном Кавказе должна быть направлена на решение задач, связанных с использованием информации в государственном управлении с учетом ее влияния на этнополитическую сферу.

Новый информационно-коммуникационный механизм формирования российской нации ориентирует региональные политические элиты на поддержку конструктивного потенциала СМИ, институтов гражданского общества и активное информационное сопровождение государственной национальной политики.

14. Современные этнополитические медиакоммуникации Северного Кавказа насыщены многими положительными примерами, характеризующими качественные изменения в регионе в части проведения государственной национальной политики и ее информационного сопровождения, осуществляющейся с помощью разветвленной сети мадиаресурсов. Она включает как государственные СМИ, так и негосударственные медиа. Результатом целенаправленной информационной политики в СКФО и создания благоприятной медиасреды в последние годы, стало появление новых медиахолдингов и отдельных СМИ. При этом эффективность этнополитических контактов значительно возрастает в зависимости от включения позитивного потенциала СМИ.

Как правило, позитивный потенциал СМИ используется в формальных механизмах этнополитических коммуникаций независимо от других параметров данного вида контактов. Это объясняется формализацией как самих коммуникативных актов, так и – взаимоотношений между коммуникантами и СМИ.

В последние годы, в связи с усилением работы государства в сфере межнациональных отношений в части формирования единой российской нации, в СКФО наблюдается медиаактивность журналистов, освещающих

темы межнационального сотрудничества и солидарности. Данные медиасюжеты основаны на реальных событиях и отражают действительность Северного Кавказа. Позитивизация этнической информации имеет прямую зависимость с удовлетворением этнических общностей деятельностью власти в решении вопросов этнополитического и этнокультурного развития. Распространение позитивной этнической информации в политических коммуникациях способствует гармонизации межэтнических отношений и расширению практик конструктивного взаимодействия с властью в данной сфере. Сопоставительный анализ полученных результатов выявил перевес объема позитивной этнической информации в политических коммуникациях Северного Кавказа над совокупным объемом искаженной, негативной, провокационной этнической информации. Это объясняется реализацией актуальной этнополитики государством и его партнерами, пониманием важности создания информационно-коммуникационной системы для поддержки государственной национальной политики с учетом возросшего значения СМИ в политических коммуникациях.

15. Существующие угрозы и современное состояние информационной безопасности России обусловили ужесточение мер по противодействию терроризму и экстремизму и привели к: введению тюремных сроков за призывы к экстремизму и поддержку экстремистских идей в интернете; приравниванию популярных блогеров к СМИ; усилению контроля за интернет-переводами религиозной литературы; принятию антитеррористического «закона Яровой», закона о фейковых новостях и оскорблениях власти.

Информационно-коммуникационный аспект антиэкстремистской деятельности должен быть направлен на формирование в сознании людей неприязненного отношения к террору и экстремизму, а также готовности противодействовать этим противозаконным социальным явлениям. Только тогда можно решить главную проблему, заключающуюся в том, чтобы «уничтожить саму идеологию терроризма». Существующие

этноконфессиональные вызовы устойчивости государственности на Северном Кавказе обусловили применение комплекса методов и подходов информационного менеджмента. В частности, речь идет о: мониторинге информационного пространства на предмет обнаружения нарастающих этноконфессиональных противоречий; выявлении и ограничении нежелательного медиа контента с точки зрения его влияния на состояние межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе; проведении пропагандистской информационной кампании и т.д. Динамика и вариации используемых приемов информационного менеджмента предопределены актуальной этноконфессиональной ситуацией как в масштабах отдельного российского субъекта, так и в пределах всего Северо-Кавказского региона.

Дальнейший успех реализации национальной и информационной политики на Северном Кавказе будет зависеть от более широкого медийного сопровождения деятельности профильных ведомств, а также готовности власти взаимодействовать и оказывать финансово-правовую поддержку общественным объединениям и СМИ, специализирующимся на межэтнических и социально значимых вопросах развития гражданского общества и государства. Состояние и перспективы этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе имеют определенную связь с информационным менеджментом, направленным на обеспечение национальных интересов и информационной безопасности с учетом положения стратегических прогнозов РФ.

Перспектива развития северокавказского региона требует использования конструктивного потенциала этнического фактора в политико-коммуникативных процессах. Исследованием установлено, что для стабилизации региональных политических коммуникаций в СКФО с участием акторов этнополитики необходимо: активизировать работу по регулированию информационно-коммуникативной деятельности акторов этнополитики путем сотрудничества на основе общих интересов; расширить сеть публичных диалоговых площадок для обсуждения этнополитических

проблем с властью; усилить идеологическое противодействие идеологии экстремизма в молодежной среде, расширить экспертную деятельность (проведение мастер-классов / тренингов для журналистов / политиков / общественников, специализирующихся на этнической проблематике), ужесточить наказание за призывы к межнациональной розни и экстремизму; усилить медиа-мониторинг деструктивных этносоциальных процессов.

Как установлено исследованием, позитивное взаимодействие акторов этнополитики вызвано, в основном, реализацией государственной национальной политики и утверждением идеологии гражданской нации. В данной связи представляется важным обратить внимание на повышение эффективности этнополитической деятельности власти, СМИ и гражданского общества с учетом мнения экспертного сообщества региона.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

а) Официальные документы

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/10103000/ (дата обращения: 18.11.2024).

2. Закон Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024) «О средствах массовой информации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/10164247/ (дата обращения: 10.01.2025).

3. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/70284810/ (дата обращения: 18.11.2024).

4. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71556224/ (дата обращения 18.11.2024).

5. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/71670570/ (дата обращения: 18.11.2024).

6. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ:

информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/ (дата обращения: 18.11.2024).

7. Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/ (дата обращения: 11.01.2025 г.).

8. Постановление Правительства Российской Федерации от 20.08.2013 № 718 «О федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)"» // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70339260/ (дата обращения: 10.12.2024).

9. Постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 309 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Развитие Северо-Кавказского федерального округа" на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544202/ (дата обращения: 10.12.2024).

10. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.12.2016 № 1532 (ред. от 13.12.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: URL: https://base.garant.ru/71580894/ (дата обращения: 05.02.2025).

11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.09.2010 № 1485-р <О Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г.> [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL:

https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6642479/ (дата обращения 17.11.2024).

12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 № 207-р <Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.> [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/ (дата обращения: 18.11.2024).

13. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.04.2022 № 1089-р <Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа на период до 2030 г.> [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404484724/ (дата обращения 17.11.2024).

14. Кассационное Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 г. по делу № 8а-9731/2023 по кассационной жалобе И.Ж. Сабанчиева на решение Нальчикского городского суда Кабардино-Балкарской Республики от 9 марта 2023 г. и апелляционное определение судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 19 июня 2023 г. о признании прекратившей деятельность в качестве юридического лица и исключении из Единого государственного реестра юридических лиц Общественной организации «Совет старейшин балкарского народа Кабардино-Балкарской Республики». [Электронный ресурс] // Пятый кассационный суд общей юрисдикции. – URL: https://5kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9055265&case_uid=dd1f86e6-15cf-4c8b-80eb-5e7d41f53b92&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 16.02.2025).

15. Указ Президента Республики Дагестан от 17.12.2013 № 338 «О координирующей роли Министерства по национальной политике Республики Дагестан в обеспечении межнационального мира и согласия в Республике Дагестан» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ:

информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/26579903/ (дата обращения: 18.11.2024).

16. Указ Главы Республики Ингушетия от 03.07.2018 № 118 «Об утверждении Положения о Совете тейпов при Главе Республики Ингушетия» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/48109190/ (дата обращения: 18.11.2024).

17. Указ Главы Карачаево-Черкесской Республики № 67 от 18.03.2013 «Об утверждении Положения о Министерстве Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати» [Электронный ресурс] // Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати. – URL: http://minnac-kchr.ru/11111/ПОЛОЖЕНИЕ.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

18. Распоряжение Администрации Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики от 03.02.2014 № 1-р «Об Экспертном совете по оценке качества контрпропагандистских материалов при Межведомственной рабочей группе по противодействию идеологии терроризма в Карачаево-Черкесской Республике» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/30922288/ (дата обращения:18.11.2024).

19. Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 29.11.2013 № 436 «О проекте закона Республики Северная Осетия-Алания "О государственных языках Республики Северная Осетия-Алания"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/31925937/ (дата обращения: 18.11.2024).

20. Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 05.12.2017 № 452 «О государственной программе Республики Северная Осетия-Алания "Национально-культурное развитие осетинского народа" на 2018–2020 годы"» [Электронный ресурс] // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: https://base.garant.ru/45506660/ (дата обращения: 18.11.2024).

21. Постановление губернатора Ставропольского края от 22.11.2013 № 883 «Об утверждении Положения о Комитете Ставропольского края по делам национальностей и казачества» [Электронный ресурс] // Ставропольский край: Портал органов государственной власти. – URL: http://www.stavregion.ru/_/cms_page_media/1177/polozenie_kom_nac_kazach.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

22. Решение Ставропольского краевого суда от 19.07.2019 г. по административному делу № 3а-241/2019 ~ М-177/2019 от 05.06.2019 г. о прекращении детельности Межрегиональной социально-ориентированной общественной организации содействия сохранению истории и культуры казаков Южного и Северо-Кавказского федеральных округов "Кавказская казачья линия" [Электронный ресурс] //Ставропольский краевой суд. – URL: https://kraevoy--stv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=4&name_op=case&case_id=38156795&case_uid=71543945-39e0-4e6e-8f49-b8500e13fdd7&delo_id=41&new=0 (дата обращения: 16.02.2025).

б) Информационные и справочные материалы

23. Ассоциацию СМИ Северного Кавказа возглавил Вадим Баканов [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2016. – 19 июля. – URL: https://tass.ru/obschestvo/3469516 (дата обращения: 18.11.2024).

24. В городе Теберда состоялось мероприятие, посвященное сохранению быта, культуры, традиций и языка черкесского народа [Электронный ресурс] // Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати: официальный сайт. – 2019. – 11 ноября. – URL: https://minnac-kchr.ru/news/detail.php?ID=966 (дата обращения: 18.11.2024).

25. В Дагестане выходит 14 газет на национальных языках. Насколько они востребованы? [Электронный ресурс] // Дагестан: Республиканская государственная вещательная компания. – 2011. – 13

января. – URL: https://rgvktv.ru/news/obshchestvo/v_dagestane__vyhodit__14_gazet___na_nacionalnyh_yazykah__naskolko_oni_vostrebovany%3F-7248/ (дата обращения: 18.11.2024).

26. В Карачаево-Черкесии почтили память жертв Кавказской войны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. – 2017. – 21 мая. – URL: http://kchr.ru/news/detailed/37095/?sphrase_id=176438. (дата обращения: 18.11.2024).

27. В Карачаево-Черкесии почтили память жертв Кавказской войны [Электронный ресурс] // Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. – 2017. – 21 мая. – URL: http://kchr.ru/news/detailed/37095/?sphrase_id=176438 (дата обращения: 18.11.2024).

28. В КБР около 20 семей стали участниками проекта гостеприимства «Куначество» [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2024. – 17 мая. – URL: https://tass.ru/obschestvo/20917249 (дата обращения: 18.11.2024).

29. В Москве учреждена организация «Атеисты России» [Электронный ресурс] // Интерфакс. – 2016. – 13 мая. – URL: https://www.interfax.ru/moscow/508148 (дата обращения: 18.11.2024).

30. В одном из сел Кабардино-Балкарии в День Победы установили бюст Сталина [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2016. – 10 мая. – URL: https://ria.ru/20160510/1430890688.html (дата обращения: 18.11.2024).

31. В России создадут организацию профессиональных журналистов, пишущих на межнациональные темы [Электронный ресурс] // Чеченская Государственная Телерадиокомпания «Грозный». – 2015. – 1 июля. –. URL: http://grozny.tv/news.php?id=5931(дата обращения: 18.11.2024).

32. В СКФО впервые принят меморандум о сотрудничестве в сфере информационной политики на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // ИА

Грозный информ. – 2014. – 28 марта. – URL: https://www.grozny-inform.ru/news/express/50301/ (дата обращения: 18.11.2024).

33. Выпущен рейтинг упоминаемости соцсетей в российских СМИ [Электронный ресурс] // Cossa. – 2016. – 22 марта. – URL: https://www.cossa.ru/news/124264/ (дата обращения: 18.11.2024.).

34. Вячеслав Михайлов: «Владимир Путин реанимировал процессы восстановления дружбы народов» [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. – 2016. – 23 июня. – URL: https://vestikavkaza.ru/interview/Vyacheslav-Mikhaylov-Vladimir-Putin-reanimiroval-protsessy-vosstanovleniya-druzhby-narodov.html (дата обращения: 17.11.2024).

35. Гаджет, читающий Коран: как цифровые технологии помогают молиться [Электронный ресурс] // Life.ru. – 2016. – 13 ноября – URL: https://life.ru/p/930273 (дата обращения: 18.11.2024).

36. Васильев: Попытки рассорить дагестанцев и чеченцев обречены на провал [Электронный ресурс] // ИА Eurasia Daily. – 2019. – 22 сентября. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/08/22/vasilev-popytki-rassorit-dagestancev-i-chechencev-obrecheny-na-proval (дата обращения: 18.11.2024).

37. *Дзялошинский И.М.* Медиапространство России: состояние и тенденции развития // Федеральный справочник. Связь и массовые коммуникации в России. – Т. 12. – М.: Центр стратегического партнерства, 2013. – С. 97–104.

38. Ежедневная интернет-аудитория в России выросла до почти 100 млн человек [Электронный ресурс] // Известия. – 2023. – 30 сентября. – URL: https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/09/30/998068-ezhednevnaya-internet-auditoriya-rossii-virosla (дата обращения: 18.11.2024).

39. *Железнова А*. Развитие Telegram в России: базовые тренды. Рейтинг федеральных Telegram-каналов. Аналитический доклад [Электронный ресурс] // АПЭК: Агентство политических и экономических коммуникаций. – 2019. – 26 марта. – URL:

http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5271 (дата обращения: 18.11.2024).

40. «Заводами Кавказ не поднимешь»: Политолог – о том, как развивать СКФО [Электронный ресурс] // Аргументы и факты (Ставрополь). – 2019. – 28 января. – URL: https://stav.aif.ru/politic/caucasus/zavodami_kavkaz_ne_podnimesh_kak_zastavit_skfo_razvivatsya (дата обращения: 18.11.2024).

41. Журналистский форум в Дагомысе начался с обсуждения национальной темы [Электронный ресурс] // Национальный акцент. – 2016. – 27 сентября. – URL: https://nazaccent.ru/content/21967-zhurnalistskij-forum-v-dagomyse-nachalsya-s/ (дата обращения: 18.11.2024).

42. Заседание Совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 2018. – 28 октября. – URL: http://kremlin.ru/events/president/news/58922 (дата обращения: 17.11.2024).

43. *Землянова Л.М.* Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 2004. – 416 с.

44. Игорь Баринов: Интернет должен стать пространством противодействия экстремизму [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по делам национальностей: официальный сайт. – 2016. – 15 апреля. – URL: https://fadn.gov.ru/press-centr/news/igor-barinov-internet-dolzhen-stat-prostranstvom-protivodejstviya-ekstremizmu (дата обращения: 18.11.2024).

45. Интернет в России в 2022–2023 годах [Электронный ресурс]: состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. – М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023. – 207 с. – URL: https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2023-12-08/902141c1-6f76-44cd-8234-4cd588a40eea.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

46. Итоги работы за 2015 год подвело министерство печати и информации Дагестана [Электронный ресурс] // Республиканская государственная вещательная компания «Дагестан». – 2016. – 16 февраля. –

URL: https://rgvktv.ru/news/obshchestvo/itogi-raboty-za-2015-god-podvelo-ministerstvo-pechati-i-informatsii-dagestana-38346/ (дата обращения: 18.11.2024).

47. Кадыров прокомментировал ситуацию на границе с Дагестаном [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2019. – 12 июня. – URL: https://ria.ru/20190612/1555503464.html (дата обращения: 18.11.2024).

48. Кадыров раскритиковал Васильеву из-за запрета хиджаба в школах [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2017. – 25 января. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2017/01/25/n_9607427.shtml (дата обращения: 18.11.2024).

49. Кадыров: Ислам не запрещает Новый год [Электронный ресурс] // КАВПОЛИТ. – 2015. – 25 декабря. – URL: http://kavpolit.com/articles/kadyrov_islam_ne_zapreschaet_prazdnovat_novyj_god-22405/ (дата обращения: 18.11.2024).

50. Карачаево-Черкесия отмечает присоединение к России [Электронный ресурс] // ИА Регнум. – 2007. – 29 сентября. – URL: https://regnum.ru/news/polit/892184.html (дата обращения: 18.11.2024).

51. Карта конфликтов СКФО: долги за газ, дело ректора и курортная свалка [Электронный ресурс] // ФедералПресс. – 2016. – URL: https://fedpress.ru/article/1662220 (дата обращения: 17.11.2024).

52. Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2017 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. – 2018. – 14 февраля. – URL: https://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html (дата обращения: 18.11.2024).

53. Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2018 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. – 2019. – 19 февраля. – URL: https://riarating.ru/infografika/20190219/630117422.html (дата обращения: 17.11.2024).

54. Коронавирус. Хроника распространения [Электронный ресурс] // Российская газета. 2020. – 3 марта. – URL: https://rg.ru/2020/03/03/koronavirus-hronika-rasprostraneniia.html (дата обращения: 18.11.2024).

55. КПРФ vs власти КЧР. Почему нужно сказать «да» коммунистам // КПРФ, вперед! – 2019. – 29 августа.

56. Ксенофобию разжигают СМИ – считает автор книги «Россия между «Норд-Остом» и Кавказом» [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – 2005. – 31 марта. – URL: https://regnum.ru/news/polit/431050.html (дата обращения: 18.11.2024).

57. Мусульманкам не требуется носить хиджаб в школах, считает верховный муфтий России [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2015. – 9 февраля. – URL: https://tass.ru/obschestvo/1754506 (дата обращения: 18.11.2024).

58. *Муцольгов Р.* Мы уверены, что результаты выборов будут сфальцифицированы: Заявление ингушского «Яблока» [Электронный ресурс] // Партия Яблоко: Региональные отделения: Республика Ингушетия. – 2019. – 14 августа. – URL: https://www.yabloko.ru/regnews/Ingushetiya/2019/08/14 (дата обращения: 18.11.2024).

59. На территориях Белгородской, Брянской и Курской областей введен правовой режим КТО [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет РФ: Официальный сайт. 2024. 9 августа. – URL: http://nac.gov.ru/kontrterroristicheskie-operacii/na-territoriyah-belgorodskoy-bryanskoy-i-kurskoy.html (дата обращения: 17.11.2024).

60. Обращение участников расширенного заседания Центрального Совета КЧ РОО «Къарачай алан Халкъ» к карачаевскому народу [Электронный ресурс] // РИА Карачаево-Черкесия. – 2015. – 12 ноября. – URL: https://www.riakchr.ru/obrashchenie-uchastnikov-rasshirennogo-zasedaniya-tsentralnogo-soveta-kchroo-karachaj-alan-khalk-k-karachaevskomu-narodu/ (дата обращения 18.11.2024).

61. Патрушев: общественно-политическая обстановка в СКФО остается неспокойной [Электронный ресурс] // Вестник Кавказа. – 2016. – 3 марта. – URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/Patrushev-obshchestvenno-politicheskaya-obstanovka-v-SKFO-ostaetsya-nespokoynoy.html (дата обращения: 18.11.2024).

62. Перечень СМИ, зарегистрированных Центральным аппаратом Роскомнадзора, редакции которых находятся на территории Карачаево-Черкесской Республики, по состоянию на 01.08.2024 [Электронный ресурс] // Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати: Официальный сайт. – URL: https://minnac-kchr.ru/deyatelnost/smi/smi.php (дата обращения: 18.11.2024).

63. По Ставрополю бродит призрак мечети [Электронный ресурс] // Newsland. – 2013. – 18 апреля. – URL: https://newsland.com/post/4468927-po-stavropoliu-brodit-prizrak-mecheti (дата обращения: 18.11.2024).

64. Подписан закон об обеспечении возможности получения образования на родных языках из числа языков народов России [Электронный ресурс] // Президент России: Официальный сайт. – 2018. – 3 августа. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/news/58252 (дата обращения: 18.11.2024).

65. Подпрограмма «Профилактика терроризма и экстремизма в Карачаево-Черкесской Республике на 2014–2017 годы» [Электронный ресурс] // Министерство по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати Карачаево-Черкесской Республики: официальный сайт. – URL: http://minnac-kchr.ru/sites/default/files/Подпрограмма%202.pdf (дата обращения: 17.11.2024).

66. Политика в хиджабе [Электронный ресурс] // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. – 2017. – 27 января. – URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/publications/read/4697/ (дата обращения: 18.11.2024).

67. Политика дагестанских властей превращает ногайскую степь в пустыню [Электронный ресурс] // EurAsia Daily. – 2017. – 16 июня. – URL: https://eadaily.com/ru/news/2017/06/16/politika-dagestanskih-vlastey-prevrashchaet-nogayskuyu-step-v-pustynyu-mnenie (дата обращения: 18.11.2024).

68. Портал правовой статистики [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации. –URL: http://crimestat.ru/ (дата обращения: 18.11.2024).

69. Проект «Куначество» – победитель конкурса [Электронный ресурс] // РИА Кабардино-Балкария. – 2024. – 29 января. –. URL: https://kbrria.ru/konkursy/ProektKunachestvopobeditelkonkursa (дата обращения: 18.11.2024).

70. Проект «Куначество» высоко оценили в Турции // Кабардино-балкарская правда. – 2015. – 7 ноября.

71. Путин объявил о начале военной операции на Украине [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2022. – 24 февраля. – URL: https://tass.ru/politika/13825671 (дата обращения: 12.11.2024).

72. Путин поручил изменить Стратегию государственной национальной политики [Электронный ресурс] // РБК. – 2023. – 18 июля. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/64b5a9c49a7947754c579a29 (дата обращения: 17.11.2024).

73. «Работайте, братья!»: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://работайтебратья.рф (дата обращения: 18.11.2024).

74. Рамазан Абдулатипов выступил с обращением к представителям средств массовой информации [Электронный ресурс] // РИА Дагестан. – 2014. – 17 июля. – URL: https://riadagestan.ru/news/president/ramazan_abdulatipov_vystupil_s_obrashcheniem_k_predstavitelyam_sredstv_massovoy_informatsii/ (дата обращения: 17.11.2024).

75. Рейтинг регионов по качеству жизни – 2018 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. – 2019. – 19 февраля. – URL: https://riarating.ru/regions/20190219/630117442.html (18.11.2024).

76. Роскомнадзор официально разъяснил порядок употребления названия «Исламское государство» [Электронный ресурс] // ИА ТАСС. – 2016. – 8 ноября. – URL: https://www.interfax.ru/russia/536152 (дата обращения: 18.11.2024).

77. Руководители ведущих медиа СКФО объявили о создании Ассоциации СМИ Северного Кавказа [Электронный ресурс] // РИА Дагестан. – 2014. – 23 апреля. – URL: https://riadagestan.ru/news/society/rukovoditeli_krupneyshikh_media_skfo_obyavili_o_sozdanii_assotsiatsii_smi_severnogo_kavkaza/ (дата обращения: 18.11.2024).

78. Сергей Меликов: Межнациональных проблем на Северном Кавказе нет [Электронный ресурс] // Федеральная лезгинская национально-культурная автономия. – 2014. – 27 ноября. – URL: https://flnka.ru/digest-analytics/7743-polpred-v-skfo-mezhnacionalnyh-problem-na-severnom-kavkaze-net.html (дата обращения: 18.11.2024).

79. Словарь по обществознанию / Ю.Ю. Петрунин, М. И. Панов, Л.Б. Логунова и др.; под ред. Ю.Ю. Петрунина. – 3-е изд. – М.: КДУ, 2006. – 512 с.

80. Совбез усилит правовое регулирование деятельности соцсетей, мессенджеров и СМИ [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2016. – 14 декабря. – URL: https://www.gazeta.ru/tech/news/2016/12/14/n_9452027.shtml (дата обращения: 18.11.2024).

81. СПЧ: В России сохраняется стабильность в межнациональных отношениях [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2024. – 1 ноября. – URL: https://rg.ru/2024/11/01/spch-v-rossii-sohraniaetsia-stabilnost-v-mezhnacionalnyh-otnosheniiah.html (дата обращения: 17.11.2024).

82. Статью к десятилетию кабардино-балкарского конфликта в Кенделене хотят признать экстремистской [Электронный ресурс] //

Национальный акцент. – 2019. – 6 сентября. – URL: https://nazaccent.ru/content/30854-statyu-o-desyatiletii-kabardino-balkarskogo-konflikta-v.html (дата обращения: 18.11.2024).

83. *Стеблинов И.* VI Международный форум «СМИ Северного Кавказа»: итоговый ролик [Электронный ресурс] // TheWikiHow. – 2018. – 27 декабря. – URL: https://thewikihow.com/video_CL6a1fAY9eU (дата обращения: 18.11.2024).

84. Стенограмма обращения Владимира Путина к гражданам России [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2020. – 25 марта. – URL: https://rg.ru/2020/03/25/stenogramma-obrashcheniia-vladimira-putina-k-grazhdanam-rossii.html (дата обращения: 18.11.2024).

85. Суд ликвидировал Совет тейпов ингушского народа [Электронный ресурс] // ИА Интерфакс. – 2020. – 27 марта. – URL: https://www.interfax.ru/russia/701313 (дата обращения 18.11.2024).

86. Учреждена премия «Работайте, братья!» [Электронный ресурс] // Дагестанская правда – 2017. – 11 января. – URL: https://dagpravda.ru/novosti/uchrezhdena-premiya-rabotajte-bratya-imeni-geroya-rossii-magomeda-nurbagandova/ (дата обращения: 18.11.2024).

87. *Фахрудинов Р.* Знак и снос: что происходит на границе Чечни и Дагестана [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2019. – 11 июня. – URL: https://www.gazeta.ru/social/2019/06/11/12410071.shtml (дата обращения: 18.11.2024).

88. Хиджаб в светском обществе [Электронный ресурс] // Телеканал ННТ: Час Ислама. – 2017. – 3 февраля. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=gPZQRN7gH1I (дата обращения: 18.11.2024).

89. Цифровая экономика: 2019: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др. – М.: НИУ ВШЭ, 2019. – 93 с.

90. Экстремистские материалы [Электронный ресурс] // Министерство юстиции Российской Федерации: официальный сайт. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/?id=10331 (дата обращения 18.11.2024).

II. Литература

а) Монографии, статьи, диссертационные исследования

91. *Абазалиева Л.Р.* Анализ этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2014. – №2. – С. 60–65.

92. *Абакаров Р.И., Авксентьев В.А., Адиев А.З., Аккиева С.И., Аствацатурова М.А., Давыдова Е.В, Л.Х. Дзаховой, Иванова С.Ю., Зинченко М.С., Кубанова Л.В, Лаза В.Д., Теммоев И.Ю., Чабиева Т.С., Чекменев Д.С., Чихтисов Р.А., Щербина Е.А., Шульга М.М., Юсупов М.М*. Участие органов государственной власти, муниципальных образований и институтов гражданского общества в реализации государственной национальной, миграционной и языковой политики Российской Федерации в Северо-Кавказском федеральном округе. Экспертный доклад. Монографическое издание. Пятигорск: ПГУ, 2016. –126 с.

93. *Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В.* Архаизация российских регионов как социальная проблема. – Уфа: Мир печати, 2016. – 404 с.

94. *Абдулатипов Р.Г.* О перспективах человека, этноса и нации // Философия и практика этнического многообразия и единства России: Материалы всероссийской научной конференции / под ред. М.И. Билалова. – Махачкала. Издательский дом «Дагестан», 2017. – С.11–17.

95. *Абдулатипов Р.Г.* Российская нация (этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях). – М.: Научная книга, 2005. – С.107.

96. *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* О состоянии национального вопроса в современной России: политика, культура, гражданин // Публичное и частное право. – 2014. – Вып. II (XXII). – С. 7–20.

97. *Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А.* Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. – М.: Этносоциум, 2016. – 102 с.

98. *Авксентьев В.А.* Политизированная этничность как институциональное препятствие укреплению общероссийской гражданской идентичности / /Политическая экспертиза: Политэкс. – 2023. – Т. 9. – №4. – С.587–599.

99. *Авксентьев В.А.* Этнополитическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе // Этнополитическая ситуация в Российской Федерации: Сборник экспертных докладов. / отв.ред. М.А. Омаров. – М.: РГГУ, 2018. – 348 с.

100. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д.* Массмедиа и этнический дискурс на Северном Кавказе: политизация или деполитизация? // Общество: политика, экономика, право. – 2020. – № 11 (88). – С.12–20.

101. *Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д.* Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация эничности // Политическая наука. – 2020. – № 3. – С. 74–97.

102. *Авксентьев В.А., Васильченко В.А.* Ставрополье многонациональное: напряжения, конфликты, пути стабилизации // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 16. – С. 198–201.

103. *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. – 2016. – №1. – С. 92–99.

104. *Агеева Е.А., Кулькин Е.С.* Социологические методы исследования в полиэтничных регионах [Электронный ресурс] // Ежегодная международная научно-практическая социологическая конференция «Продолжая Грушина» (Москва, 2013). – М.: ВЦИОМ, 2013. – С. 608–611. – URL: https://conf.wciom.ru/fileadmin/user_upload/conference/2013/12.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

105. *Аккиева С.И.* Проблемы реабилитации депортированного балкарского народа. Возвращение на историческую родину // Белые пятна российской и мировой истории. – 2015. – № 6. – С. 9–37.

106. *Акофф Р.* Планирование будущего корпорации / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. В.И. Данилова-Данильяна. – М.: Прогресс, 1985. – 327 с.

107. *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / [пер. с англ. Е. Генделя]. – М.: Мысль, 2014. – 499 с.

108. *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор / сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкина; под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. – М: Аспект Пресс, 2002. – 535 с.

109. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. – М.: Кучково поле, 2001. – 288 с.

110. *Антоновский А.Ю.* Этнос как медиум коммуникации: к системно-коммуникативной концептуализации этноса // Личность. Культура. Общество. – 2011. – Т. XIII. – № 4. – С.84-89.

111. *Арутюнов С.А*. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 243 с.

112. *Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н.* Этнические процессы и информация // Природа. – 1972. – №7. – С 58–63.

113. *Арутюнян Ю.В.* Опыт осмысления проблемы этнократии // Социологические исследования. – 2004. – № 3. – С. 142–145.

114. *Асп Э.К.* Введение в социологию. – СПб.: Алетейя, 2000. – 245 с.

115. *Аствацатурова М.А.* Антиконфликтогенный менеджмент межэтнических отношений в Северо-Кавказском федеральном округе: некоторые обощения // Вестник Северо-Кавказского государственного университета имени К.Л. Хетагруова. – 2010. – №1. – С. 25–29.

116. *Аствацатурова М.А.* Региональное моделирование национальной стратегии и гражданской идентичности в Северо-Кавказском регионе // Российский Кавказ: Книга для политиков / под ред. В.А. Тишкова. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2007. – С. 233–240.

117. *Аствацатурова М.А.* Северный Кавказ: перспективы и риски. Трансформация регионального этнополитического пространства. – М.: Academia, 2011. – 192 с.

118. *Аствацатурова М.А.* Субъективирование этнической идентичности в новых полицентричных политических конфигурациях // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс, 2024. – С .49–50.

119. *Аствацатурова М.А., Абрамян В.Р.* Этноконфликтогенные факторы современного коммуникативного и информационного пространства Северо-Кавказского федерального округа // Университетские чтения – 2013: 10-11 января 2013 г.: [материалы науч.-метод. чтений ПГЛУ] / М-во образования и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Пятигорский гос. лингвист. ун-т»; отв. ред. З.А. Заврумов. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. – Ч. XIV: Секции 6-7 симпозиума 3. – 2013. – С. 90–95.

120. *Аствацатурова М.А., Джафаров Ш.А*. Современные северокавказские проекции упрочения единства российской гражданской нации // Вестник российской нации. – 2016. – № 3. – С.104-115.

121. *Аствацатурова М.А., Линец И.А.* Политическая актуализация диалоговых механизмов власти и этноконфессиональных институтов гражданского общества в Северо-Кавказском регионе // Государственное и

муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – № 2. – С.185–189.

122. *Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л.* Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2010. – 264 с.

123. *Ачкасов В.А*. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб.ун-та, 2012. – 232 с.

124. *Ачкасов В.А.* Этнополитология // Тенденции и проблемы развития российской политической науки в мировом контексте: традиция, рецепция, новация / отв.ред.: О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – С. 168–184.

125. *Ачкасов В.А., Бабаев С.А.* «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. филос. общества, 2000. – 144 с.

126. *Ачкасова В.А.* Политизация этничности как коммуникационный ресурс: российская электоральная практика // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике: материалы междунар. науч. конф., 23-24 ноября 2016 г. / отв. ред.-сост. Д. П. Гавра. – СПб.: СПбГУ, 2016. – №2. – С.12-18.

127. *Баранов А.В.* Политика исторической памяти как компонента конструирования российской гражданской идентичности (по материалам Северного Кавказа) // Этничность, религия и политика / Под ред. Т.А. Сенюшкиной и А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. – 402 с.

128. *Баранов Н.А*. Нация как субъект политической коммуникации: современный опыт России // Современные проблемы межкультурных коммуникаций: сб. статей / Науч. ред. Е.П. Борзова, К.М. Оганян. – СПб.: Санкт-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2007. – С. 54–60.

129. *Бараш Р.Э*. На чем зиждется гражданская идентичность в России // Вызовы для России в меняющемся мире (Мировое развитие. Выпуск 14) /

Отв. ред.: Ю.Д. Квашнин, Н.В. Тоганова, Е.В. Шумицкая. – М.: ИМЭМО РАН, 2015. – С. 5–14.

130. *Барбашин М.Ю.* Институциональная теория этничности // Этнографическое обозрение. – 2006. – №3. – С.112–127.

131. *Барбашин М.Ю.* Столкновение традиционализма и постмодернизма в современных этнополитических процессах транзитивного общества // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Т. XI. – № 2. – С.168–178.

132. *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пилыцикова. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 9–47.

133. *Барышная М.А.* Нациестроительство как способ формирования межэтнических отношений // Власть. – 2014. – № 3. – С.43-47.

134. *Бергер П., Лукман Е.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Моск. филос. фонд, 1995. – 322 с.

135. *Бертон Дж. В.* Конфликт и коммуникации: Использование контролируемой коммуникации в международных отношениях // Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., научн. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 353–361.

136. *Бирагова Б.М.* Позитивизация имиджа Северного Кавказа как медиаполитическая стратегия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. – 2014. – №4. – С. 47–51.

137. *Блохин И.Н.* Журналистика в этнополитических коммуникациях: интерпретация толерантности // Гуманитарный вектор. – 2014. – №3 (39). – С.110–115.

138. *Блохин И.Н.* Этнологическая культура журналиста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2008. – № 2 – Ч. II. – С. 302–307.

139. *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 1 / Редкол. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. / Отд-ние экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. – М.: Экономика, 1989. – 303 с.

140. *Богданов С.В.* Стратегические коммуникации: концептуальные подходы и модели для государственного управления // Государственное управление: Электронный вестник. – 2017. – Вып.61. – С.132-152.

141. *Бондаренко М.* Ногайцы заговорили об автономии [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2012. – 8 ноября. – URL: http://www.ng.ru/regions/2012-11-08/1_nogaicy.html (дата обращения: 17.11.2024).

142. *Бордовских А.Н.* Информационная коммуникация и политический риск будущего // Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6-8 декабря 2018 г. / под общ. ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М. Аспект Пресс, 2018. – С.82–83.

143. *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. – 2011. – № 4. – С. 157–166.

144. *Брайант Д., Томпсон С.* Основы воздействия СМИ / пер. с англ. – М.: ИД Вильямс, 2004. – 432 с.

145. *Бромлей Ю.В.* К вопросу о сущности этноса // Природа. – 1970. – № 2. – С. 51–55.

146. *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. – 3-е изд., испр. – М.: URSS, 2009. – 436 с.

147. *Бромлей Ю.В.* Человек в этнической (национальной) системе // Вопросы философии. – 1988. – № 7. – С. 16–28.

148. *Буева Л.П.* Социальная среда и сознание личности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 268 с.

149. *Бурдье П.* Социальное пространство и символическая власть // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.

150. *Бусаргин Р.В.* Влияние информационных технологий на массовое сознание россиян: этнополитические интенции: дис. …канд. полит. наук: 23.00.02. – Саратов, 2006. – 142 с.

151. *Быков И.А.* Киберпространство как фактор развития политических идеологий // Политическая наука. – 2008. – № 2. – С. 79-98.

152. *Быков И.А.* Сетевая политическая коммуникация: теория, практика и методы исследования. – СПб: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. – 200 с.

153. *Быков И.А., Халл Т.Э.* Цифровое неравенство и политические предпочтения Интернет-пользователей России // Полис. Политические исследования. – №5. – 2011. – С.160.

154. *Ванханен Т.* Этнические конфликты. Их биологические корни в этническом фаворитизме / пер. с англ. Д. О. Румянцева. – М: Кучково поле, 2014. – 287 с.

155. *Васильев Л.С.* Комплекс «свои – чужие» как историко-культурный и социально-политический феномен // Мы и Они. Ксеноформизм и образ «другого»: сб. статей на тему ксенофобии / отв. ред. Л.С. Васильев; ред.-сост. Я. Л. Рябинин. – М.: КДУ, 2007. – С. 27–118.

156. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 602–639.

157. *Вевьерка М.* Формирование различий // Социологические исследования. – 2005. – №8. – С. 13–24.

158. *Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований // Актуальные проблемы теории коммуникаций: сб. научн. трудов. – СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004. – С. 98–107.

159. *Винер Б.Е.* Формы этничности, бывает ли у этничности сущность и что сторонники академика Бромлея могут взять у новых теорий [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. –

URL: http://www.old.jourssa.ru/2005/2/6aViner.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

160. *Винер Н.* Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. – М.: Наука, 1983. – 344 с.

161. *Виханская Е.Л.* «Черкесский» дискурс в Интернете: Поиски пути из прошлого в будущее (Аналитический обзор) // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. тр. / отв. ред. Л.Н. Верченов, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко. – М.ИНИОН РАН, 2013. – С. 228–247.

162. Владимир Зорин: Традиции межнационального мира автоматически не работают, их надо поддерживать и развивать [Электронный ресурс] // Всероссийский конгресс этножурналистов «Культура мира». – 2016. – 14 ноября. – URL: http://ethnokongress.ru/actualtheme/22615-vladimir-zorin-tradicii-mezhnacionalnogo-mira-avtomaticheski-ne-rabotayut-ih-nado-podderzhivat-i-razvivat.html. (дата обращения: 18.11.2024).

163. *Власов Р.Г.* Аналитическая философия управления (методология). – 2-е изд., доп. и перераб. – Омск: СИБИТ, ИПЭК, 2006. – 271 с.

164. *Воденко К.В., Овчаренко Д.Л., Стукалова Е.В.* Ценностно-культурная матрица: теоретический конструкт и социальная реальность // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т.6. – № 6. – С. 78–86.

165. *Войскунский А.Е.* Метафоры Интернета // Вопросы философии. – 2001. – № 11. – С. 64–79.

166. *Володенков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Проспект, 2015. – 272 с.

167. *Волох В.А., Сулейманова Ш.С.* Роль и значение медиаполитики в управлении миграционными процессами // Политика и общество. – 2015. – № 10. – С. 1427–1433.

168. *Воробьев В.В.* Критерии оценки информационного менеджмента // Социология власти. – 2005. – № 2. – С. 119–131.

169. *Гавра Д.П.* Публичная сфера: культурная и политическая традиция // PR-диалог. – 2000. – № 3 (8). – С.10-15.

170. *Гавра Д.П.* Категория стратегической коммуникации: концептуальные подходы и модели для государственного управления// Век информации. – 2015. – №3 (4). – С. 229–233.

171. *Гаджиев М.М.* Конфликтогенный потенциал историко-политических факторов формирования межнациональных отношений на Северном Кавказе // Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство, право и управление. – 2016. – № 9. – С.128–131.

172. *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ.; ред. и послесл. И.И. Крупника. –М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

173. *Герман Р.Э.* Репрезентации исторического прошлого в структуре этнических идеологий Северного Кавказа // Полиэтничное общество, власть и демократия в России: Сборник статей / под общ. ред. М.К. Горшкова и А.-Н.З. Дибирова. – М. – Махачкала: Лотос, 2012. – С. 545–553.

174. *Гибадуллин Р.М.* Этноисторическое восприятие территории региона как идеологическая и научная проблема // Этнополитика и миграция: конфликты, согласие и толернатность в XXI в.: сборник статей Международного научного симпозиума (г. Набережные челны, 23 июня 2014 г.) / научн.ред.: О.И. Зазнаев, В.Т. Сакаев. – Казань: Изд-во Казан.ун-та, 2016. – С.232–237.

175. *Гигаури Д.И.* Политический миф и ритуал в структуре современной символической политики: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.03. – Санкт-Петербург, 2016. – 27 с.

176. *Гозгешева С.М.* Северо-Кавказский федеральный округ: традиционные ценности народов и политическая стабильность // Правовая политика и правовая жизнь. – 2011. – №1. – С. 24–29.

177. Государство и общество в пространстве власти и политических коммуникаций. Политическая наука: Ежегодник. 2013 / РАПН: гл. ред. А.И. Соловьев. – М.: РОССПЭН, 2013. –445 с.

178. Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. – М.: Издательство Института социологии РАН, 2006. – 327 с.

179. *Грачев М.Н.* Дискурсная политизация неполитического контента // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: сборник материалов Международного научного форума (30 июня – 2 июля 2021 г.) / отв. ред. А.А. Малышев. В 2-х т. Т. 2. – СПб.: Медиапапир, 2021. – С. 200–201.

180. *Грачев М.Н.* Конструкты постправды в современной политической пропаганде // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: Сборник материалов Международного научного форума: В 2 т. / Отв. ред. В. В. Васильева. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2019. Т. 1. С. 54–56.

181. *Грачев М.Н*. Политическая коммуникация: генезис концепции // Политические коммуникации XXI века: гуманистические аспекты: Материалы межвузовской научно-практической конференции 25 марта 2002 г. – М.: РИЦ «Москва – Санкт-Петербург», 2002. – С. 7–15.

182. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

183. *Грачев М.Н.* Средства коммуникации как инструмент преобразования социально-политической действительности // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2001. – № 3. – С.88–103.

184. *Григорьева К.С.* Этничность как социальный ресурс и барьер (на примере этнических общин Краснодарского края) // Мир России. – 2017. – № 1. – С.82–83.

185. *Гриффин Э.* Коммуникация: теории и практики / пер. с англ. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2015. – 688 с.

186. *Губогло М.Н.* Вопросы теории и практики этнической мобилизации (К истории национальных движений в России) // Этническая

мобилизация и межэтническая интеграция: сб. статей / ред.-сост. М.Н. Губогло. – М., 1999. – С. 25–64.

187. *Губогло М.Н.* Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. – М.: Наука. – 2003. – 764 с.

188. *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 816 с.

189. *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – С.66.

190. *Гумилев Л.Н.* Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. – М.: Прогресс, 1993. – 575 с.

191. *Гусаева К.Г.* Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности. – Махачкала: Наука плюс, 2006. – 296 с.

192. *Дадуев М.А*. Концептуальные основы этнополитики в современной России // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 2. – С. 169–174.

193. *Даракчян Г.О*. Новейшие тренды политической культуры в современной политологии // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 9. – С. 16–18.

194. *Даракчян Г.О.* Формирование межнациональной культуры общения как составная часть этнополитической культуры студенческой молодежи (на материалах Краснодарского края): автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – Ростов-на-Дону, 2008. – 30 с.

195. *Даурбекова Х.И.* Граждаснкое общество, ислам и масс-медиа на Северном Кавказе: постановке проблемы [Электронный ресурс] // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. – 2016. – № 4 (октябрь–декабрь). – С. 49–56. – URL: https://cyberleninka.ru/article/v/grazhdanskoe-obschestvo-islam-i-mass-media-na-severnom-kavkaze-k-postanovke-problemy (дата обращения: 18.11.2024).

196. *Демшар Ф.* Средства массовой коммуникации как механизм транспарентности при реализации государственной политики // Коммуникология. – 2016. – Т. 4. – № 1. – С. 13–28.

197. *Джантеева Д.С.* Историко-культурное измерение гражданской идентичности в полиэтничной Карачаево-Черкесии // Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. Опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 403–414.

198. *Джантеева Д.С*. Коммуникативные стратегии этнонациональной политики на Северном Кавказе // Вопросы этнополитики. – 2018. – №1(1). – С. 70–77.

199. *Джантеева Д.С*. Медиа-мониторинг деструктивных этносоциальных процессов как инструмент регулирования этнополитических коммуникаций // Россия в условиях новой политической реальности: стратегия и методы развития: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РАНХиГС при Президенте РФ, 25–26 ноября 2016 г. / под ред. О.В. Гаман-Галутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Изд-во «Проспект», 2016. – С. 97.

200. *Джантеева Д.С*. Политико-коммуникативные процессы в полиэтничном регионе. – Карачаевск: Карачаево-Черкесский гос. ун-т им. У.Д. Алиева, 2016. – 113 с.

201. *Джантеева Д.С.* Северный Кавказ в историческом медиадискурсе // Исторический выбор народов Кавказа – поступательное развитие в составе России: материалы I Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 185-летию вхождения Карачая в состав Российского государства. 29 апреля 2014 г. / отв. ред. Джантеева Д.С. – Черкесск: БИЦ СевКав. ГГТА, 2014. – С. 40–46.

202. *Джантеева Д.С*. Специфика этнополитических медиакоммуникаций // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 11. – С. 155–162.

203. *Джантеева Д.С.* Тенденции и вызовы этнополитических медиакоммуникации // Коммуникология. – 2017. – Т. 5. – №3. – С. 90–100. – DOI 10.21453/2311-3065-2017-5-3-90-101.

204. *Джантеева Д.С.* Теоретическая концептуализация этничности в контексте политического знания // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2018. – Т. 8. – Вып. 4 (43). – С. 347–357.

205. *Дзамихов К.Ф.* Кавказская война: некоторые историографические итоги и концептуальные проблемы изучения // Кавказская война: актуальные проблемы исторического дискурса (к 150-летию окончания). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – С. 3–14.

206. *Дзахова Л.Х., Баликоев Т.М.* Роль общественно-политических организаций в оптимизации межнациональных отношений (историко-политологический анализ). – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2016. – 104 с.

207. *Дзидзоев В.Д., Гаджиев М.М.* Национальная политика постсоветской России на Северном Кавказе и проблемы выхода из кризиса. – Владикавказ: ИР, 2017. – 342 с.

208. *Дзялошинский И.М.* Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.

209. *Дзялошинский И.М.* Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. – М.: Издательство АПК и ППРО, 2012. – 592 с.

210. *Дзялошинский И.М.* Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. – Серия 10: Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 29–54.

211. *Дзялошинский И.М.* Субъекты медиакоммуникации: личностные и групповые характеристики // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 4 (8). – С. 49–71.

212. *Дзялошинский И.М.* Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. – М.: Гум. ин-т, 2006. – 26 с.

213. *Дойч К.* Нация и мир // Этнос и политика: Хрестоматия / Авт.-сост. А.А. Празаускас. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – С.111–115.

214. *Дохолян С.В.* Северный Кавказ как «внутренне зарубежье» России // Региональные проблемы преобразования экономики: международное сотрудниество и межрегиональная интеграция: Сборник материалов I Международного форума. – М.: Изд-во «Перо», 2012. – С. 73–81.

215. *Древаль М.И.* Образ Северного Кавказа на федеральных телеканалах // Общественные науки и современность. – 2015. – № 5. – С.154–162.

216. *Дридзе Т.М.* Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. – 1998. – № 2. – С. 95–105.

217. *Дробижева Л.М.* Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2006. – 327 с.

218. *Дробижева Л.М.* Методологические проблемы этносоциологических исследований // Социологический журнал. – 2006. – №3/4. – С. 89–101.

219. *Дробижева Л.М.* Российская идентичность в массовом сознании // Вестник Российской нации. – 2009. – Т. 3. – №1. – С. 135–144.

220. *Дробижева Л.М.* Этничность в современной России: этнополитика и социальные практики // Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова. – М.: КАНОН- пресс-Ц, 2001. – С. 199–221.

221. *Дробижева Л.М.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. – М.: Новый хронограф, 2013. – 336 с.

222. *Дробижева Л.М.* Этничность и межэтнические отношения в Стратегии государственной национальной политики, этнополитическом дискурсе и массовом сознании // Позитивный опыт регулирования

этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 6–7 сентября 2018 г., посвященной 50-летию первого этносоциологического исследования в СССР / Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Г.И. Макаровой, Л.В. Сагитовой. – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. – С 17–22.

223. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации / отв. ред.: Дробижева Л.М.; редкол.: Антонян В.С., Кашуба М.С. – М.: Мысль, 1996. – 381 с.

224. *Дроздик Л.А.* Политическая коммуникация как социокультурное явление общества // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Sciences. – 2016. – Vol. IV (14). – № 89. – С. 25–28.

225. *Дугин Е.Я.* Информационно-коммуникативные медиасистемы регионов в Стратегии пространственного развития России // Власть. – 2016. – № 11. – С. 38–45.

226. *Дударенок А.С.* Религиозно-политический и этнический экстремизм в сетевом информационном обществе // Труды политологической школы «Каспий». Вып. 2 / под ред. проф. А.-Н.З. Дибирова. – Махачкала: Лотос, 2014. – С.104–118.

227. *Дука О.Г.* Дискурс исторической науки и дискурс идентичности // Дискурс Пи. Научно-практический альманах. – 2005. – № 5. – С. 170–172.

228. *Дьяченко И.И.* Локальные этнокультурные системы: Основные характеристики и закономерности: дис. ... канд. соц. наук: 24.00.01. – Ростов-на-Дону, 2005. – 138 с.

229. *Егоров С.Б., Киселев С.Б., Чистяков А.Ю.* Этническая идентичность на пограничье культур: По материалам обследования сельского населения Ленинградской и Смоленской областей. – СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2007. – 170 с.

230. *Жданов Ю.А.* Проблемы теории и истории культуры. – 2-е изд., перераб. – Ростов-на-Дону: Наука-пресс, 2005. – 428 с.

231. *Завьялова О.* «Дербент упоминается в Библии и Коране — таких городов мало в мире»: Глава Республики Дагестан Рамазан Абдулатипов – о праздновании юбилея одного из древнейших городов России // Известия. – 2015. – 23 июля [Электронный ресурс]. – URL: https://iz.ru/news/589102 (дата обращения: 18.11.2024).

232. *Захарова В.И.* Внешняя культурная политика и современные этнополитические коммуникации // Коммуникология. – 2014. – Т.5. – № 3. – С. 95–100.

233. *Зиновьев А.О.* Социокультурный контекст политических институтов, политических коммуникаций и публичной сферы в современной России // Политические коммуникации в изменяющейся России: Сборник научных статей / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: РАПН, 2013. – С. 60–63.

234. *Зинченко В.Г.* Межкультурная коммуникация: От системного подхода к синергетической парадигме. – М.: Флинта, 2007. – 224 с.

235. *Зорин В.Ю.* Записки политолога. – М., 2018. – 264 с.

236. *Зорин В.Ю.* Интервью. Этнокультурные коммуникации: власть и гражданское общество перед новыми вызовами // Коммуникология. – 2014. – № 4. – С.15–26.

237. *Зорин В.Ю.* Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века. – М.: Юрайт, 2018. – 250 с.

238. *Зорин В.Ю.* Северный Кавказ – не место для политтехнологий // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2014. – С.17–20.

239. *Зорин В.Ю.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник российской нации. – 2018. – № 1. – С.13–30.

240. *Зорин В.Ю., Абрамов А.В.* Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая наука в современной России [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2018. – № 1. – URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/369/367 (дата обращения 18.11.2024).

241. *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (три года спустя) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: ИЭА РАН, 2016. – Вып. 253. – 36 с.

242. *Ибрагимова П.А.* СМИ и публичность власти в этнонациональной политике современного общества [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2012. – №1. – URL: http://www.mediascope.ru/node/1025 (дата обращения: 17.11.2024).

243. *Иванов В.В.* Гармонизация межнационального общения как фактор стабилизации регионального социума на Северном Кавказе // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 8. – С.169–171.

244. *Ижаев А.Н.* Информационно-политическая и этническая идентичность в пространстве массовой коммуникации: автореферат дис. … канд. полит. наук:10.01.10. – М., 2007. – 28 с.

245. Измерение состояния и динамики институционального развития средств массовой информации в субъектах верхнего уровня РФ (измерение медиасферы), 2015–2017 гг. [Электронный ресурс] – М.: Циркон, 2017. – 57 с. – URL: https://www.zircon.ru/upload/iblock/28f/MS-index_2015-2017_Otchet-o-sostoyanii-institutsionalnogo-razvitiya-SMI-v-subektah-RF.pdf (дата обращения:18.11.2024).

246. Исследование коммуникативно-информационного пространства СКФО. Повышение эффективности информационной составляющей в управлении субъектами СКФО [Электронный ресурс]. – М.: Фонд перспективных исследований «Бастион», 2012. – URL:

http://www.bastion.ru/files/sprav/komm_skfo12.doc (дата обращения: 18.11.2024).

247. Историческая память и российская идентичность на Северном Кавказе [Текст] / [Атанова С.А., Воронов Д., Джантеева Д.С. и др.; ред. колл.: А.Н. Аликберов (отв. ред.) и др.]. – М.: Институт востоковедения РАН, 2017. – 175 с.

248. История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики: Материалы международной научной конференции, 3–4 октября 2016 г. / [под ред. О.В. Воробьевой и др.]. – М.: Аквилон, 2016. – 472 с.

249. *Казенин К.И.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. – М.: REGNUM, 2009. – 180 с.

250. *Казенин К.И.* Исламское право в ситуации конкуренции правовых систем: случай Северного Кавказа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – Т.3. – № 35. – С. 234–239.

251. *Казенин К.И.* Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. – М, 2012. – 78 с.

252. Как развивалась медиасреда Северного Кавказа – информационная история округа [Электронный ресурс] // ЦСКП «Кавказ». – 2017. – 14 февраля. – URL: https://jrnlst.ru/content/kak-razvivalas-mediasreda-severnogo-kavkaza-informacionnaya-istoriya-okruga (дата обращения: 17.11.2024).

253. *Калтахчян С.Т.* К вопросу о понятии «нация» // Вопросы истории. – 1966. – № 6. – С. 24–44.

254. *Кастельс М.* Власть коммуникации. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

255. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / [пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова]. – Екатеринбург: У-Фактория: Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. – 327 с.

256. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана.- М.: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с.

257. *Кац Э, Лазарсфельд П.Ф.* Личное влияние: роль людей в потоке массовой информации / пер. с англ. О.В. Орлеанского. – М.: Издательство редких книг, 2024. – 390 с.

258. *Киричек П.Н.* Массмедийный дискурс этнополитических коммуникаций // Коммуникология. – 2016. – Т.4. – №1. – С. 29–41.

259. *Козлов В.И.* Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика. – М.: Старый сад. – 1999. – 343 с.

260. *Козлов Д.В.* Нации и национализм: возможности теоретического осмысления. – Иркутск: Изд-во ИГУ. – 2013. – С.8.

261. *Козлов П.* Кремлевский центр улучшит имидж Северного Кавказа [Электронный ресурс] // Известия. – 2013. – 13 августа. – URL: https://iz.ru/news/555313#ixzz3CYqC8QkV (дата обращения: 17.11.2024).

262. *Кокшаров Н.В.* Этничность. Этнос. Нация. Национализм [Электронный ресурс] // CREDO NEW. – 2002. – №4. – URL: http://credonew.ru/content/view/305/27 (дата обращения: 18.11.2024).

263. Коммуникативные технологии в процессах политической мобилизации / под научн. ред. В.А. Ачкасовой, Г.С Мельник. – М.: ФЛИНТА, 2016. – 248 с.

264. *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. – М.: Новое литературное обозрение. – 2011. – 315 с.

265. *Корконосенко С.Г.* Теория журналистики: моделирование и применение. – М.: Логос, 2010. – 248 с.

266. *Кормишина Г.М.* Информационный менеджмент: теория и практика формирования информационного общества // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – №52. – С.114–118.

267. *Косоруков А.А.* Публичная сфера и цифровое управление современным государством. – М.: МАКС Пресс, 2019. – 320 с.

268. *Кочетков В.В.* Психология межкультурных различий. – М.: Per Se, 2002. – 413 с.

269. *Круглова А.Ю.* Деструктивные исламистские и тюрко-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, детельность и методы противодействия: дис. … канд. соц. наук: 22.00.04. – Ростов-на-Дону, 2019. – 224 с.

270. *Крюков М.В.* Социальное и этническое: проблемы соотношения // Расы и народы. – 1992. – Вып. 22. – С. 5–25.

271. *Кузиванова О.Ю., Грибанов В.В.* Государство и этнополитический капитал: к постановке проблемы // Человеческий капитал. – 2014. – № 6 (66). – С. 58–61.

272. *Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). – Владикавказ, 2000. – 115 с.

273. Культурная сложность современных наций / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Михлухо-Маклая РАН. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С.6.

274. *Кумыкова М.М.* Информационная политика как условие социоэкономической модернизации регионов Северного Кавказа [Электронный ресурс] // Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В. Тишкова. – М.: Росинформагротех, 2008. С. 219–230 – URL: http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1195.pdf. (дата обращения: 18.11.2024).

275. *Курбанов Р.В.* Северный Кавказ в современном информационно-политическом пространстве // Труды географического общества Республики Дагестан. – 2014. – № 42. – С. 111–115.

276. *Курбанова Л.У.* Межпоколенческая коммуникация в контексте культурной памяти (на примере социологических исследований среди

молодежи Чеченской республики) // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием. Москва, МГИМО МИД России, Финуниверситет, 5–7 декабря 2024 г. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс, 2024. – С. 329–330.

277. *Лазарсфельд П., Мертон Р.* Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М., 2002. – С. 231–233.

278. *Лазарсфельд П.Ф., Берельсон Б., Год Х.* Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской компании / пер. с англ. М. Ю. Завгородней [и др.]. – Ульяновск: УлГУ, 2018. – 151 с.

279. *Ларинцева А.* В Карачаево-Черкесии раскрыли ячейку «исламского государства» [Электронный ресурс] // Коммерсант. – 2016. – 20 октября. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3120990 (дата обращения 18.11.2024).

280. *Лассвелл Г.Д.* Применение данных контент-анализа при изучении социальных перемен / пер. Е.Б. Матыгиной // Политическая лингвистика. – 2011. – №3 (37). – С. 258-265.

281. *Лепилкина О.И.* Межэтническое взаимодействие как объект изображения в современной ставропольской газетной периодике [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2010. – №4. – URL: http://www.mediascope.ru/node/626 (дата обращения 18.11.2024).

282. *Липина С.А.* Медиакоммуникации в региональном развитии: проблемы и возможности // Коммуникология. – 2014. – Т.8. – №6. – С.104-114.

283. *Липпман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Е. Абаевой. – М.: АСТ, 2023. – 446 с.

284. *Литвинова Т.Н.* Институциональные решения постконфликтного развития Чеченской республики // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2022. – № 5. – С. 43–54.

285. *Литвинова Т.Н*. Территориальные споры на Северном Кавказе как источник нестабильности на Северном Кавказе // Право и управление. XXI век. –2023. – Т. 17. – № 2 (59). – С. 3–12.

286. *Литвинова Т.Н., Кочеткова О.А.* Горизонтальные связи как фактор развития экономического федерализма в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. – 2023. – №5 (181). – С. 41–47.

287. *Лобанова Е.А.* Политическая коммуникация в контексте политологического анализа: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2006. – 205 с.

288. *Ломакина Н.В.* Этнический фактор в современных цивилизационных процессах: дис … канд. филос. наук: 09.00.11. – Нальчик, 2007. – С.76.

289. *Лосева Н*. Аудитория новых медиа // Как новые медиа изменили журналистику. 2012-2016 / под ред. С. Балмаевой, М. Лукиной. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – С. 31–85.

290. *Лубский А.В.* Конфликтогенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2005. – 192 с.

291. *Луман Н.* Медиакоммуникации / пер. с нем. А. Глухова, О.Никифорова. – М.: Логос. 2005. – 280 с.

292. *Лурье С.В.* Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 101–111.

293. *Магомедова М.А*. СМИ как основной ресурс информационного обеспечения оптимизации межнациональных отношений // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №1. – С. 345–347.

294. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В.Г. Николаева. – 4-е изд. – М.: Кучково поле, 2014. – 462 с.

295. *Максимова О.Н.* Этнополитическая культура современного российского региона: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2015. – 385 с.

296. *Малахов В.С.* Символическое производство этничности и конфликт // Язык и этнический конфликт. – М.: Гендальф, 2001. – 150 с.

297. *Малинова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: РОССПЭН, 2015. – 206 с.

298. *Малышева О.П.* Политическая коммуникация как феномен этнокультуры // Вуз культуры и искусств в образовательной системе региона: материалы Пятой Всероссийской электронной научно-практической конференции. – Самара: СГАКИ, 2008. – С. 209–212.

299. *Малькевич А.А.* Роль государственной информационной политики в социально-экономической стабилизации Северного Кавказа // Управленческое консультирование. – 2014. – №3 (63). – С. 18–29.

300. *Малькова В.К.* Этнические сайты в российском интернете // Государственная национальная политика России: экспертное мнение / ред.: В.В. Степанов, А.В. Черных. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 25–34.

301. *Малькова В.К.* Этнополитическая индоктринация контента Рунет // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. – Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. – С. 201.

302. *Малькова В.К.* Этнополитические реалии в современном российском медийном пространстве // Вестник российской нации. – 2019. – № 1. – С. 35–44.

303. *Мальцева Д.А., Сафонова О.Д., Тузова П.Р.* Стратегии и технологии информационного риск-менеджмента: вызовы цифровизации и медиатизации//Современные политические стратегии. Коллективная монография.Санкт-петербурский государственный университет. – СПб.: Изд-

во «Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского», 2022. – С.258-278.

304. *Мартынова Ю.А.* Анализ коммуникативных стратегий в общественно-публицистическом дискурсе // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. – 2009. – Т.9. – Вып.2. – С. 96–101.

305. *Матюков Е.С.* Измерение национально-государственной идентичности крымчан: влияние реинтеграции? // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса РАПН с международным участием. Москва, МГИМО МИД России, Финуниверситет, 5-7 декабря 2024 г. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, М.М. Мчедловой, Л.Н. Тимофеевой. – М.: Аспект Пресс, 2024. – С.392–393.

306. *Медведев Н.П.* Этнос, нация и политика // Вестник РУДН. Сер. Политология. – 2012. – №2. – С. 29–36.

307. *Медведев Н.П.* К вопросу о лоббистской деятельности// Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2021. – Т.11. – №5 (74). – С.1701-1706.

308. *Медведев Н.П.* Этнонациональные отношения и политическая стабильность// Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2024. – Т.14. – №5 (110). – С.1719-1724.

309. *Медушевский Н.А., Брад А.Н.* Воздействие интернет-коммуникации на процессы межэтнического и межконфессионального взаимодействия: аспекты конструирования этнополитических конфликтов//Теории и проблемы этнополитических исследований. – 2024. – Т.13. – №5-1. – С.20-25

310. Методологические проблемы социально-гуманитарных наук / под ред. Т.В. Науменко. – М.: Научная библиотека, 2013. – 495 с.

311. *Микиденко Н.Л.* Информационно-символическая природа этнических групп // Идеи и идеалы. – 2014. – № 1 (19). – Т.2 – С. 75–80.

312. *Минина А.А., Лебедева Е.П.* Правовое информирование как условие стабилизации состояния межэтнических отношений на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. – 2014. – №1. – URL: http://politika.snauka.ru/2014/01/1196 (дата обращения: 18.11.2024).

313. *Михайлов В.А., Михайлова Н.В*. Была ли Россия «тюрьмой народов»? // Свободная мысль. – 2013. – № 6 (1642). – С.143-162.

314. *Михайлова Н.В., Иглин Д.А., Гришин В.О.* Политическая культура и коммуникация: актуальное прочтение // Этносоциум. – 2018. – № 10. – С. 32–38.

315. *Михайлова О*. Сохранение истории – фактор упрочения российской государственности [Электронный ресурс] // День Республики. – 2014. – 7 мая. – URL: https://denresp.ru/2014/05/07/soxranistorii-faktor-uprochneniya-ros-gosudarstva/ (дата обращения: 17.11.2024).

316. *Мнацаканян М.О.* Нации и национализм. Социология и психология национальной жизни. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 367 с.

317. *Мозговой В.Э.* Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: автореферат дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04. – Краснодар, 2015. – 26 с.

318. *Морозова Е.В.* Гибридные субъекты публичной политики: антиистеблишментские партии // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 90.

319. *Мукомель В.И.* Ксенофобии на Юге России: носители интолерантных установок // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – №5. – С. 29–47.

320. *Мукомель В.И.* Ксенофобии на Юге России: этно- и мигрантофобии // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – №6. – С.49–66.

321. *Мурадов М.* Избирательное право защищают по законам шариата [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2011. – 15 декабря. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/1838503 (дата обращения: 18.11.2024).

322. *Муртузалиев С.И.* Проблемы идентичности кавказцев и россиян. – Махачкала: Формат, 2010. – 166 с.

323. *Мусихин Г.И.* Символизация как контекстуальный синтез политической онтологии, политической эпистемологии и политического языка // Общественные науки и современность. – 2015. – № 6. – С.45–57.

324. *Мухамеджанова М.Н.* Особенности самоорганизации этнических культур России в условиях модернизационных преобразований. – 2-е изд. доп. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 234 с.

325. *Мухарямов Н.М.* К семантике этнополитического // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 11–28.

326. *Мыльников М.А.* Этническая диаспора как субъект политических коммуникаций: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. – Астрахань, 2009. – 186 с.

327. *Назаров А.Д.* Единство и духовная общность многонационального народа России в координатах государственной национальной политики: коммуникативные аспекты и особенности // Этносоциум. – №11 (89). – 2015. – С. 9–30.

328. *Назаров А.Д.* Современные тенденции в информационном обеспечении реализации государственной национальной политики Российской Федерации. – М.: ИЭА РАН, 2016. – С. 65–82.

329. *Налчанджян А.* Этническая характерология. – Ереван: Огебан, 2001. – 447 с.

330. Национализм [Электронный ресурс] // Философия: информационно-поисковый тезаурус / сост.: Е.В. Магай, Р.Р. Мдивани; научн. ред.: Р.Р. Мдивани, Ю.Ю. Чёрный. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – С.141. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/3605/tezaurus_filosofiia.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

331. *Ндайишимийе Т.Г.* Российские политичсекие традиции как ресурс власти и оппозиции: дис…канд. полит. наук: 23.00.02. – Казань, 2017. – 207 с.

332. *Новицкий И.Я.* Управление этнополитикой Северного Кавказа. – Краснодар: Изд-во «Здравствуйте», 2011. – 270 с.

333. *Нос А.И.* Политическая коммуникация в современной России: автореферат дис. …канд. полит. наук: 23.00.02. – Ставрополь, 2004. – 25 с.

334. *Павлова Е.Д*. Скрытое воздействие средств массовой информации на массовое сознание как социально-философская проблема: автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – М., 2004. – 24 с.

335. *Паин Э.А.* Конструктивизм и примордиализм: взаимодополняющие методологии в этнологии и социологии // Общественные науки и современность. – 2023. – № 4. – С. 53–67.

336. *Паин Э.А.* Российская интеллигенция перед вызовами времени. Времена перемен и время застоя [Электронный ресурс] // Горбачевские чтения. Вып. 6: Мифы о советской эпохе распространяются сегодня: к итогам дискуссии о 90-летии Октябрьской революции. Демократическое движение и интеллигенция в современной России. – М.: Горбачев–Фонд, 2008 – С. 130–141. – URL: https://dmitriyfurman.ru/wp-content/uploads/2012/03/gorbachevskie_chteniya_6_2008_.pdf (дата обращения: 18.11.2024)

337. *Паин Э.А*. Этничность, нация и политика. Критические очерки по этнополитологии. –М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 392 с.

338. *Паин Э.А., Федюнин С.Ю.* Нация и демократия: перспективы управления культурным разнообразием. – М.: Мысль, 2017. – 265 с.

339. *Паин Э.А., Простаков С.А., Мохов С.В.* Этнополитические процессы в зеркале рунета // Политическая наука. – 2013. – № 1. – С. 133–160.

340. *Паленая Е.М.* Тенденции трансформации информационного пространства современного Северного Кавказа: дис… канд. соц.наук.: 22.00.06. – Ростов-на-Дону, 2004. – 117 с.

341. *Панарин С.А.* Позиционно-исторические факторы кавказской политики // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 2. – С. 100–112.

342. *Панов П.В.* Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – 229 с.

343. *Паскачев А.Б.* Национальная политика России (от империи к единой российской нации). – М.; Ярославль: Литера, 2016. – 246 с.

344. *Перегудов С.П.* Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 3. – С. 141–163.

345. *Петров А.Г.* Реабилитация репрессированных народов: законодательство и практика // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – 2013. – № 2. – С. 137–143.

346. *Петров Ю.А.* История как ценность // Стратегия России. – 2016. – № 8 (152). – С. 6–13.

347. *Пивоварова Н.И.* Этнофобии в политическом процессе на Северном Кавказе: пути преодоления: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Ростов-на-Дону, 2008. – 194 с.

348. *Пименов В.В.* Основы этнологии. – М.: МГУ, 2007. – 699 с.

349. *Плец Т.* СМИ России в 2017: международная экспансия и уход в онлайн [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mediadigger.ru/smi-rossii-v-2017-mezhdunarodnaja-ekspansia-vihod-online/ (дата обращения: 18.11.2024).

350. Позитивный национализм [Электронный ресурс] // Философия: информационно-поисковый тезаурус / сост.: Е.В Магай, Р.Р. Мдивани; научн. ред.: Р.Р. Мдивани, Ю.Ю.Чёрный. – М.: ИНИОН РАН, 2019. – С. 386. – URL: https://inion.ru/site/assets/files/3605/tezaurus_filosofiia.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

351. Политическое проектирование: глобальное, национальное, региональное измерения / под ред. М.Н. Грачева и Н.А. Борисова. – М.: Мир философии, 2016. – 464 с.

352. *Пономарев Н.Ф.* Политические коммуникации и манипуляции. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 332 с.

353. *Попов В.Д.* Духовно-информационный потенциал эгрегора в менеджменте и управлении // Социология власти. – 2010. – № 6. – С. 30–46.

354. *Попов М.Е.* Социокультурная интеграция как инструмент деэскалации региональных конфликтов идентичности // Публичная политика – 2015: Сб. статей / под ред. М.Б. Горного и А.Ю. Сунгурова. – СПб.: Норма, 2016. – С.70–78.

355. Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации/под ред. В. А. Ачкасовой, Г. С. Мельник. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. – 424 с.

356. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 2012. – 23 января. – URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 18.11.2024).

357. *Пушкарева Г.В.* Информационное сопровождение государственной политики: технологии и проблемы эффективности // Государственная политика и управление / под ред. А.И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С.110-136.

358. *Пушкарева Г.В.* Информационное сопровождение государственной политики: технологии и проблемы эффективности // Государственная политика и управление / под ред. А.И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2017. – С. 110–136.

359. *Пшизова С.Н.* Спин-контроль в системе политических коммуникаций современной России // Политические коммуникации в изменяющейся России: Сб. научн. статей / под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: РАПН, 2013. – С. 50–57.

360. *Рева Е.К.* Этническая информация в социально-политическом контексте // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. Гуманитарные науки. – 2012. – №27. – С.381.

361. *Ренан Э.* Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений: в 12 т. / пер. с франц. под ред. В.Н. Михайловского. – Киев, 1902. – Т. 6. – С. 87–101.

362. *Родык Г.Ю.* Коммуникационные механизмы влияния на этнополитическую сферу // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2013. – № 2. – С. 179–188.

363. Российский Кавказ: Проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 597 с.

364. *Русакова О.Ф., Грибоед Е.Г.* Политический медиадискурс и медиатизации политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2014. – Т. 14. – №4. – С. 65–77.

365. *Рушанян К.С.* Роль региональных СМИ в развитии этнополитических процессов и институтов в Ставропольском крае: автореферат дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Ставрополь, 2009. – 21 с.

366. *Рябова Е.Л.* Национальные отношения и культура конфликтного взаимодействия // Вестник БИСТ. – 2012. – №1 (13). – С. 63–68.

367. *Рябова Е.Л., Сулейманова Ш.С.* Новые медиа и современные политические процессы // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 6 (96). – С. 9–29.

368. *Рязанов А.В*. Структурные изменения этнических коммуникативных пространств: динамика и направленность // История и современность. – 2008. – № 1. – С. 32–48.

369. *Савва Е.В.* Информационные механизмы политизации этничности (на примере Северного Кавказа) // Человек. Сообщество. Управление. – 2012. – № 1. – С.115–121.

370. *Савельев В.Ю.* Взаимодействие органов власти и управления с национально-культурными объединениями в реализации государственной национальной политики Российской Федерации: на примере субъектов ЮФО: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – Ставрополь, 2006. – 263 с.

371. *Савинов Л.В.* Общество и этнополитика: специфика этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе: монография. – Новосибирск: СибАГС, 2005. – 168 с.

372. *Савинов Л.В.* Региональная этнополитика в условиях социального транзита: на примере Сибирского федерального округа: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.05. – М., 2013. – 367 с.

373. *Савинов Л.В*. Смыслы и ценности этнополитики // Ценности и смыслы. – 2009. – № 2. – С. 29–36.

374. *Савинова О.Н*. СМИ как фактор межкультурного диалога в обществе риска и подготовка журналистских кадров // Вестник Марийского государственного университета. – 2015. – № 3 (18). – С. 84–88.

375. *Садохин А.П*. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: КНОРУС, 2016. – 256 с.

376. *Салгириев А.Р.* Ресурсы влияния и стратегии политических элит в политических процессах на Северном Кавказе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4 (41). – С. 184–189.

377. *Санглибаев А.А.* Этнополитические процессы и конфликты на Северном Кавказе: региональные и групповые аспекты. – Черкесск: КЧИГИ, 2007. – 189 с.

378. *Сафонов А.Л*. Нации и этносы в историческом процессе: проблемы философской концептуализации. – М.: МГИУ, 2015. – 255 с.

379. *Сафонов А.Л., Орлов А.Д*. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций. – СПб: ЛИТЕО, 2017. – 336 с.

380. *Свенцицкая Н.П.* Роль средств массовой информации в урегулировании межнациональных конфликтов на Северном Кавказе: дис … канд. соц. наук: 22.00.08. – М., 2000. – 157 с.

381. Северный Кавказ: модернизационный вызов / И.В. Стародубровская, Н.В. Зубаревич, Д.В. Соколов, Т.П. Интигринова, Н.И. Миронова, Х.Г. Магомедов. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. – 328 с.

382. *Семененко И.С.* Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 11. – С. 91–102.

383. *Семенов Ю.И.* Этнополитология: Трудный путь становления новой научной дисциплины // Отечественная история. – 2001. – № 4. – С. 170–178.

384. *Семенов Ю.И.* Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 15–31.

385. *Семенов Ю.И*. Этносы, расы, нации [Электронный ресурс] // Скепсис: научно-просветительский журнал. – 2004. – 13 апреля. – URL: https://scepsis.net/library/id_75.html (дата обращения: 18.11.2024).

386. *Сикевич З.В.* Социально-психологическое содержание этнического конфликта // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Серия 6: Международные отношения. – 2005. – № 3. – С. 80–86.

387. *Сикевич З.В.* Этнические предубеждения как основа проявления интолерантности // Гуманитарий Юга России. – 2018. – № 2. – С. 36–53.

388. *Сикевич З.В*. Этнический фактор в политических процессах современной России: автореферат дис. … доктора социологических наук: 23.00.02. – СПб., 1996. – 58 с.

389. *Синцов Н.В*. Основные идеологические установки религиозно-экстремистских организаций, действующих в Северо-Кавказском регионе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи [Электронный ресурс] // Материалы региональной научно-практической конференции «Основные идеологические установки релиозно-экстремистских организаций, действующих в Северо-Кавказском регионе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи». – Пятигорск, 2013. – С. 3–9. – URL: http://nac.gov.ru/sites/default/files/sbor3_pyatigorsk.pdf (дата обращения 18.11.2024).

390. *Смирнова С.К.* Этнополитическое развитие Удмуртии в контексте современных трансформационных процессов в Российской Федерации: дис. … д-ра полит. наук: 23.00.02. – Москва, 2003. – 452 с.

391. *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю. М. Филиппова, Э. С. Загашвили и др. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.

392. Современные тенденции развития символического пространства политики и концепт идеологии: материалы дискуссии / А.И. Соловьев, О.Ю. Малинова, О.В. Гаман-Голутвина, М.В. Ильин, С.Н. Пшизова // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 4. – С. 28–52.

393. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл. – 1998. – 389 с.

394. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И.* «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения родителей и детей // Психологический журнал. 2016. – Т. 37. – №5. – С. 44–54.

395. *Соловьев А.И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. Политические исследования. – 2002. – № 3. – С. 5–18.

396. *Солоненко А.А.* Этнонации и нации-сограждaнства: иммиграционный аспект // Ученые записки Казанского государственного университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Т. 151. – Кн. 1. – С. 168–173.

397. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа: второе полугодие 2015 года: экспертный доклад / под общ. ред. В.А. Тишкова. М. – Пятигорск – Ставрополь: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета (ПГЛУ), 2015. – 140 с.

398. Состояние межэтнических отношений и этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского

федерального округа (второе полугодие и итоги 2017 г.): экспертный доклад / отв. ред. М.А. Аствацатурова. – Пятигорск: ПГУ, 2017. – 185 с.

399. Состояние научной экспертизы по проблемам этнической истории, культуры, межэтнических и конфессиональных отношений в Северо-Кавказском федеральном округе: экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова. – Москва: ИЭА РАН; Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2013. – 89 с.

400. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / отв. ред. Л.М. Дробижева. – М.: Academia, 2002. – 475 с.

401. *Сподарец О.Л.* Взаимодействие культурных кодов в современной политической коммуникации // Грамота. – 2016. – №6. – Ч.2. – С.157-161.

402. *Сторожева С.П.* Информационное взаимодействие как механизм социокультурной динамики // Проблемы информологии / под общ. ред. В.З. Когана. – Новосибирск: Веди, 2005. – С. 199–214.

403. Структура и дискурс виртуальной элиты 2.0 в России / под ред. Д. С. Мартьянова. – СПб.: ЭлекСис, 2017. – 132 с.

404. *Сулейманова Ш.С.* Журналистика в управлении информационно-коммуникационными процессами. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 134 с.

405. *Сулейманова Ш.С.* Роль новых медиа в современном мире // Трансформация медиасреды в XXI веке. Материалы международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Д.В. Неренц. – 2019. – С. 432–439.

406. *Сулейманова Ш.С.* Этнический фактор в современном политическом развитии России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – С. 94–101.

407. *Сулейманова Ш.С.* Этнонациональная политика Российской Федерации и СМИ: проблемы взаимовлияния // Нациестроительство: состояние, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции, Москва, 30 ноября 2018 г. / [отв. ред. М.А. Омаров]. – М.:

Издательский центр Российского гос. гуманитарного ун-та, 2018. – С. 255–262.

408. *Сулейманова Ш.С.* Эффективность информационного обеспечения государственной политики: проблемы и перспективы // Коммуникология. – 2018. – Т. 6. – № 1. – С. 15–33. – DOI 10.21453/2311-3065-2018-6-1-15-33.

409. *Сумина И.В*. Национализм в современном обществе [Электронный ресурс] // Когнитивные науки в информационном обществе. – 2022. – Т. 2. – № 4. – URL: https://knio.ru/PDF/03KN422.pdf (дата обращения: 11.12.2024).

410. *Сунгуров А.Ю.* Публичная политика: основные направления исследований (мировой и российский опыт) // Публичная политика. – 2017. – №1. – С. 8–28.

411. *Сусоколов А.А.* Структурные формы самоорганизации этноса // Расы и народы. – Вып. 20. – М.: Наука, 1990. – С. 5–39.

412. *Суший Е.В.* Глобализация и коммуникация: перспективы и стратегии управления // Коммуникативные стратегии информационного общества: Труды 2-й Межд. научн.-теор. конф. – СПб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2009. – С.11–18.

413. *Сущий С.С.* Сфера межнациональных взаимодействий и управленческие практики региональных властей (опыт Юга России) // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 22. – № 6. – С. 48–54.

414. *Тайсаев Д.М.* Эволюция. Этничность. Культура. На пути к построению к постнеклассической теории этноса. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 197 с.

415. *Терин В.П.* Политические аспекты социокультурного воздействия массовой коммуникации: Исследование опыта Запада: дисс ... д-ра соц. наук: 23.00.02. – М., 2001. – 286 с.

416. *Тернер Дж.* Прошлое, настоящее и будущее в американской социологии // Личность. Культура. Общество. – 2001. – Т. III. – Вып. 2(8). – С. 11–39.

417. *Тимофеева Л.Н.* Политическая коммуникативистика: проблемы становления // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 5. – С. 41–54.

418. *Тимофеева Л.Н.* Политические коммуникации через СМИ: почему мнения важнее фактов? // Время больших перемен: политика и политики: Материалы Всероссийской научной конференции РАПН. Москва, РУДН, 24-25 ноября 2017 г. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. – М.: РУДН, 2017. – С.378–379.

419. *Тимшина Е.Л.* Политические репрессии советской эпохи в партийной исторической политике современной России [Электронный ресурс] // Исторический журнал: научные исследования. – 2022. – № 2. – С. 74–88. – DOI: 10.7256/2454-0609.2022.2.37689. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37689 (дата обращения: 18.11.2024).

420. *Тишков В.А.* О примирении конструктивизма и примордиализма (оммаж народоведу Андрею Владимировичу Головневу) // Этнография / ETNOGRAFIA. – 2023. – № 1 (19). – С. 6–25.

421. *Тишков В.А.* Понимание нациестроительства в России в мировом контексте [Электронный ресурс] // От Древней Руси к Российской Федерации. История Российской государственности. Материалы международной научной конференции. Москва, МГУ, 28–29 сентября 2012 г. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 58–67. – URL: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/novye_publikacii/va_tishkov.html (дата обращения: 18.11.2024).

422. *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 542 с.

423. *Тишков В.А.* Усложняющееся разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций / отв. ред.

В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – С. 7–19.

424. *Тишков В.А.* Федерализм и этнический фактор на Северном Кавказе. Общая оценка ситуации и природы конфликтов [Электронный ресурс] // Казанский федералист. – 2002. – № 2. – URL: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n2/stat8/ (дата обращения: 18.11.2024).

425. *Тишков В.А*. Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник Российской нации. – 2009. – № 6 (8). – С. 45–61.

426. *Тишков В.А.* Этнология и политика. – М.: Наука, 2001. – 240 с.

427. *Тишков В.А., Степанов В.В*. Национальные языки и этнокультурное образование в регионах // Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России / ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – М.: ИЭА РАН, 2016. – С. 4–19.

428. *Тишков В.А., Шабаев Ю.П.* Этнополитология: Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Московского университета, 2019. – 416 с.

429. *Тощенко Ж.Т.* Этнократия: история и современность (социологические очерки). – М.: РОССПЭН, 2003. – 432 с.

430. Трансформация гражданской идентичности в полиэтничном городе: институциональные механизмы и институциональные практики / М.Ю. Барбашин, Ф.А. Барков, М.А. Васьков, А.Н. Гвинтовкин, Е.Н. Крамарова, А.В. Сериков. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2012. – 240 с.

431. *Трофимов Е.Н.* Россия многонациональная. Политико-правовые основы управления национальными процессами (1906–2012 гг.). – 2-е изд., пересм. и доп. – М.: Логос, 2013. – 377 с.

432. *Трофимов Е.Н.* Северный Кавказ – средоточие национальных проблем // Вестник Южного научного центра РАН. – 2009. – Т. 5. – № 3. – С. 38–42.

433. *Трофимов Е.Н*. Северный Кавказ: этнотуризм и социальные коммуникации // Этносоциум и межнациональная культура. – 2019. – № 9 (135). – С. 17–26.

434. *Тульчинский Г.Л*. Различение политического и политологического дискурсов этничности // Этнические процессы в глобальном мире: Материалы международной научной конференции / отв. ред. И.В. Земцова; С.-Петерб. институт управления и права. – СПб.: Астерион, 2014. – С. 8–17.

435. *Туронок С.Г.* Интернет и политический процесс // Общественные науки и современность. – 2001. – № 2. – С. 51–63.

436. *Тхагапсова И.Б.* Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в русле современной национальной политики в регионе: на примере Карачаево-Черкесской Республики: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.06. – Майкоп, 2006. – 176 с.

437. *Тхагапсоев Х.Г*. Когда политикой правит культура: К особенностям постсоветской трансформации бытия кавказских этносов // Кавказология. – 2018. – № 1. – С. 12–36.

438. *Тхагапсоев Х.Г.* Южная Россия: Кавказский этнокультурный мир как тип локальной цивилизации // Региональные культуры средневековья на территории России: сборник научных статей / отв. ред. Л. М. Мосолова. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2001 (Санкт-Петербург). – С. 164–184.

439. *Тхатель С.А*. Социокультурные особенности развития гражданского общества на Северном Кавказе // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 9. – С. 95-97.

440. *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества / пер. с англ. М.В. Арапова и И.В. Малыхиной; под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 398 с.

441. *Фадеичева М.А*. Полиэтническое общество и стратегии этнической политики государственной власти // Власть. – 2013. – № 2 (40). – С. 45–49.

442. *Фадеичева М.А.* Этнополитические концепции этнонациональных общностей и индивидов (теоретико-методологический анализ): автореферат дис… д-ра полит. наук: 23.00.01. – Екатеринбург, 2004. – 311 с.

443. *Файзулин Ф.С., Файзулин Т.Ф.* Этнический фактор и противоречия в реализации его потенциала в обществе // Проблемы развития территорий. – 2014. – Вып. 6 (74). – С. 176–181.

444. *Фантров П.П.* Политические технологии взаимодействия институтов государства и гражданского общества в процессе обеспечения национальной безопасности России: дис … канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2019. – 223 с.

445. *Федоров С.Е., Филюшкин А.И.* История и теория наций и национализма. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2016. – 208 с.

446. *Федченко А.И.* Политические PR-технологии в условиях межэтнической напряженности на примере Осетино-Ингушского конфликта: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М., 2011. – 169 с.

447. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики: опыт предупреждения и урегулирования конфликтов / Тишков В.А., Степанов В.В., Аккиева С.И. [и др.]. – М.: ИЭА РАН, 2018. – 452 с.

448. *Филиппов В.Р*. Ксенофобия в СМИ: Стратегии преодоления // Свободная мысль XXI. – 2005. – № 6. – С. 106–120.

449. *Филиппов Р.В.* «Советская теория этноса»: историографический очерк. – М.: Институт Африки РАН, 2010. – 214 с.

450. *Хабенская Е.О.* Этнические стереотипы и ксенофобия в СМИ (по материалам мониторинга прессы столичного региона) [Электронный ресурс] // Дневник Алтайской школы политических исследований – 2005. – № 21. –

С. 171–174. – URL: http://ashpi.asu.ru/studies/2005/hbnskja.html (дата обращения: 17.11.2024).

451. *Хабермас Ю.* Вовлечение другого: Очерки неполитической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 418 с.

452. *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность: Московские лекции и интервью. – М.: АО «Ками»: Изд. центр «Academia», 1995. – С. 209–245.

453. *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: Весь мир, 2022. – 878 с.

454. *Халюзин В.А.* Политическая жизнь традиционного северокавказского общества в контексте глобализации. – М.: ООО «ЦИУМиНЛ», 2014. – 164 с.

455. *Ханаху Р.А.* Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). – 2-е изд., перераб. и доп. – Ростов-на-Дону: Аякс, 2001. - 190 с.

456. *Ханхунова М.Ю.* Этническая идентичность в виртуальном коммуникативном пространстве: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. – Улан-Удэ, 2017. – 191 с.

457. *Харитонов Е.М.* Финансовые ресурсы в системе этнических отношений на Юге России // Гуманитарии Юга России. – 2015. – № 4. – С. 23–31.

458. *Хатчинсон Дж., Смит Э.* Национализм // Контексты современности - II: Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. / сост. и ред. С.А.Ерофеев. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – С. 110–115.

459. *Хван И.С., Горгадзе А.А., Сукиасян Е.А. и др*. Этнические сообщества в социальных сетях // Современная социология – современной социологии / Сборник статей VI международной научно-практической конференции памяти А.О. Крыштановского. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – С. 14–19.

460. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. / пер. А.А. Васильева. – СПб.: Алетейя, 1998. – 307 с.

461. *Хунагов Р.Д.* Актуальные подходы к управлению идентификационными процессами // Власть. – 2014. – № 11. – С. 17–20.

462. *Хунагов Р.Д., Шаджe А.Ю*. Кавказский фактор в современной России // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 77–80.

463. *Цаллер Дж.* Происхождение и природа общественного мнения. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 558 с.

464. *Цветков О.М.* Российская гражданская нация: проблемы укрепления и интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: Философия, История, Социология, Юриспруденция, Политология, Культурология. – 2009. – № 3. – С. 189–192.

465. *Цибенко С.Н*. Технологии национальной мобилизации в многосоставных обществах с этнокультурной сегментацией (на примере России и Турции): дис… канд. полит. наук: 23.00.02. – Ростов-на-Дону, 2019. – 220 с.

466. *Чаблин А*. Каким будет завтра ислам на Кавказе? [Электронный ресурс] // Свободная пресса – Юг. – 2015. – 4 декабря. – URL: http://yug.svpressa.ru/society/article/129290/ (дата обращения: 17.11.2024).

467. *Чаблин А.* Масс-медиа как фактор гражданской интеграции на Северном Кавказе: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Кавказовед. – 2016. – 6 июля. – URL: http://www.kavkazoved.info/news/2016/07/06/mass-media-kak-faktor-grazhdanskoj-integracii-na-severnom-kavkaze-problemy-i-perspektivy.html (дата обращения: 18.11.2024).

468. *Чаблин А*. Храм для верующих или место раздора? // Свободная пресса – Юг. – 2015. – 5 декабря. – [Электронный ресурс]. URL: http://yug.svpressa.ru/society/article/129290/ (дата обращения: 18.11.2024).

469. *Чагилов В.Р.* Этничность и постсовременность: политизированная этническая идентичность в условиях глобализации. – Невинномысск: Невинномысский. ин-т экономики, упр. и права (НИЭУП), 2002. – 182 с.

470. *Чебоксаров Н.Н., Арутюнов С.А.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. – Вып. 2. – М.: Наука, 1972. –С. 8-30.

471. *Черемин Н.Б., Рябков Н.Ю.* Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Серия: Социальные науки. – 2012. – № 2 (26). – С. 177–183.

472. *Черных С.С.* Нации и национализм: История и современность. – М.: ЛЕНАНД, 2023. – 200 с.

473. *Чумиков А.Н.* Новые коммуникационные технологии и продвижение региона в социокультурном контексте // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М.: Новый хронограф, 2015. – С.552–580.

474. *Чумиков А.Н.* Российский Кавказ в современном информационном поле: тренды, проблемы, решения // Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. – М.: Аспект Пресс, 2015. – С. 93–104.

475. *Шабров О.Ф.* Политические технологии // Знание. Понимание. Умение. – 2012, №4. – С. 328–330.

476. *Шадже А.Ю.* Северный Кавказ в современном идентификационном пространстве России // Философия и практика этнического многообразия и единства России: Материалы Всероссийской научной конференции / под ред. М.И. Билалова – Махачкала: ООО РА «Маг», 2017. – С. 280–284.

477. *Шадже А.Ю., Куква Е.С.* Культурная идентификация в условиях глобализации // Межкультурная коммуникация и проблемы толерантности (междисциплинарный подход): Материалы Международной научной конференции / под ред. А.С. Молчана. – Краснодар, 2017. – С. 25–31.

478. *Шаов А.А.* Этническая идеология как предмет социально-философского знания (анализ этнического самосознания абхазов и адыгов): автореферат дис. …канд. филос. наук: 09.00.11. – Ростов н/Д, 2001. – 17 с.

479. *Шарков Ф.И.* Коммуникология: основы теории коммуникации. – М.: Дашков и К°, 2013. – 487 с.

480. *Шарков Ф.И.* Особенности развития коммуникаций в современном обществе [Электронный ресурс] // Информационно аналитический портал «VIPERSON» (Виперсон). – 2009. – 22 июля. – URL: https://viperson.ru/articles/feliks-sharkov-osobennosti-razvitiya-kommunikatsiy-v-sovremennom-obschestve (дата обращения: 18.11.2024).

481. *Шарков Ф.И.* Политическая коммуникация в современном информационном обществе // PolitBook. – 2012. – № 2. – С. 121–130.

482. *Шарков Ф.И.* Развитие виртуальных сетевых сообществ в Интернете // Коммуникология. – 2015. – Т. 3. – № 5. – С. 29–46.

483. *Шахбанова М.М.* Межэтническая напряженность и этнический конфликт: содержание, факторы формирования, типология // Вестник Института ИЭА РАН. – 2017. –№ 1. – С. 154–167.

484. *Шахов Ш.К.* Этнополитика в условиях трансформации общества. – Махачкала: АЛЕФ, 2016. – 240 с.

485. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология: В 3 ч. – М.: Российская академия управления, 1992. – Ч. I. – 180 с.

486. *Шерковин Ю.А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. – М.: Мысль, 1973. – 215 с.

487. *Шерковин Ю.А.* Убеждение и внушение в массовых информационных процессах // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. – М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 71–101.

488. *Шестакова О.В., Макаловская К.Г.* Этнические стереотипы в современной рекламе // Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 207–210.

489. *Шиллер В.В., Шелудков Н.Н.* Российские социальные сети как потенциальная угроза национальной безопасности России (на примере сайтов «Одноклассники» и «ВКонтакте) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2013. – №3 (55). – Т. 1. – С.124–128.

490. *Широкогоров С.М.* Этнос: исследование основных принципов: изменения этнических и этнографических явлений. – М.: ЛИБРОКОМ, 2012. – 134 с.

491. *Шмитт К.* Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – №1. – С. 37–67.

492. *Шнирельман В.А.* Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований / под ред. Е.И. Пивовара. – М.: МГУ, 1999. – Вып. 2. – С. 118–147.

493. *Шогенова М.З., Гуня А.Н., Машукова Х.З., Чеченова А.М., Чемаева Н.А.* Институты гражданского общества и гражданское участие в общественном мнении на Северном Кавказе: на примере Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. – № 5. – С. 232–245.

494. *Шомова С.А*. Архетип против мема: константы культуры в политической коммуникации // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн., Кн. 3. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. – С. 406-413.

495. *Шомова С.А.* Политическая коммуникация: социокультурные тенденции и механизмы: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. – М., 2004. – 352 с.

496. *Шомова С.А*. Политические коммуникации: социокультурные тенденции и механизмы. – М.: ИНИОН РАН, 2004. – 246 с.

497. *Шулумба Б.В.* СМИ и этничность: от языка вражды к языку толерантности // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 5. – С. 56–63.

498. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов/ Ред. В.А.Тишков и В.В.Степанов – М.: ИЭА РАН, 2014. – 643 с.

499. Этнополитология: хрестоматия / Сост. и авт. вступ. статьи В.А.Тураев. – М.: Ладомир, 2001. – 399 с.

500. *Юрченко И.В.* Методология анализа отражения этнополитических проблем в информационном пространстве современного общества // Национально-этнические процессы в региональном политическом пространстве: сб. ст. по матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Саратов, 17–18 октября 2013 г.) / под ред. В.С. Слобожниковой, В.А. Труханова. – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2014. – С. 194–200.

501. *Ямсков А.Н.* Этнический конфликт: проблемы дефиниции и типологии // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / ред.: М. Олкотт, В. Тишков, А. Малашенко. – М.: Московский Центр Карнеги, 1997. – С. 205–224.

б) Литература на иностранных языках

502. *Armstrong J.A.* Nations Before Nationalism. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. – xxxvi, 411 p.

503. *Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H.* Post-Colonial Studies: The Key Concepts. – 2nd edition. – London; New York: Routledge, 2009. – xii, 292 p.

504. *Atton C.* Reshaping social movement media for a new millennium // Social Movement Studies. – 2003. – № 2. – P. 3-15.

505. *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries [Electronic resource]. Prospect Heights, IL: Waveland Press, 1969. – URL: http://www.bylany.com/kvetina/kvetina_etnoarcheologie/literatura_eseje/2_literatura.pdf (date of access: 17.11.2024).

506. *Baugut P., Reinemann C.* Informal Political Communication Cultures: Characteristics, Causes, Effects [Electronic resource] // German Policy Studies. – 2013. – Vol. 9. – № 1. – P. 23–68. – URL: https://www.questia.com/read/1G1-353464506/informal-political-communication-cultures-characteristics (дата обращения: 17.11.2024).

507. *Bell D.* Mythscapes: memory, mythology, und national identity // British Journal of Sociology. – 2003. – Vol.54. – №1. – P. 63–81.

508. *Berghe P.L. van den*. Race and ethnicity, a sociobiological perspective // Ethnic and Racial Studies. – 1978. – Vol. 1. – № 4. – P. 401–411.

509. *Blagojevic B.* Causes of Ethnic Conflict: a conceptual framework // Journal of Global Change and Governance. – 2009. – Vol.3. – P. 3–18.

510. *Bourdieu P*. Language and Symbolic Power. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991. – 302 p.

511. *Boyd D.* Media Manipulation, Strategic Amplification, and Responsible Journalism [Electronic resource] // Online News Association. Austin, TX: 2018, September 13. – URL: https://points.datasociety.net/media-manipulation-strategic-amplification-and-responsible-journalism-95f4d611f462 (date of access:18.11.2024) и др.

512. *Brass P*. Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison. – New Delhi; Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1991. – 358 p.

513. *Braddock R.* An extension of the “Lasswell Formula” // Journal of Communication. – 1958. – Vol. 8. – P. 88–93.

514. *Brubaker R*. Ethnicity, Race, and Nationalism // Annual Review of Sociology. – 2009. – Vol. 35. – P.21-42.

515. *Bruce E., Kelly J., Faris R., Palfrey J*. Mapping the Arabic Blogosphere: Politics and Dissent Online // New Media & Society. – 2010. – Vol. 12. – № 8. – P. 1225–1243.

516. *Bryant J., Miron D.* Theory and Research in Mass Communication // Journal of Communication. – 2004. – Vol. 54. – № 4. – P. 662–704.

517. *Car V.* Nationalism and Digital Activism in Croatia: The Case of Croatian Wikipedia. 12th Annual International Conference on Communication and Mass Media, 12-15 May, Athens, Greece. Abstract Book. – Athens, 2014. – P. 38.

518. Carretero M., Kriger M. Historical representations and conflicts about indigenous people as national identities // Culture & Psychology. – 2011. – Vol. 17. – № 2. – P. 177–195.

519. *Ceron A.* Social Media and Political Accountability : Bridging the Gap between Citizens and Politicians. – London: Palgrave Maccmilan. 2017. - xiii, 236 p.

520. *Chadwick A.* The Hybrid Media System: Politics and Power. – New York: Oxford University Press, 2017. – xvii, 347 p.

521. Communication: History and Forms [Electronic resource] // A Primer on Communication Studies. – Book Archive, 2012. – URL: https://2012books.lardbucket.org/books/a-primer-on-communication-studies/s01-01-communication-history-and-form.html (date of access: 18.11.2024).

522. Communities across Borders: New Immigrants and Transnational Cultures / eds: P. Kennedy and V. Roudometof. – London; New York: Routledge, 2002. – xiv, 207 p.

523. *Connelly R., Gayle V., Lambert P.S.* Ethnicity and ethnic group measures in social survey research [Electronic resource] // Methodological Innovations. – 2016. – Vol. 9. – P. 7. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2059799116642885 (date of access: 18.11.2024).

524. *Connor W.* Ethonationalism: The Quest for Understanding. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. – 234 p.

525. *Connor W.* Nationalism and Political Illegitimacy // Ethnonationalism in the Contemporary World / Ed.: D.Conversi, – London and New York: Routledge, 2003. – P. 24–50.

526. *Cörüt I., Jongerden J. (ed.)*. Beyond Nationalism and the Nation-State: Radical Approaches to Nation. Routledge, 2021. – 226 p.

527. Culture and Politics in the Information Age: A New Politics? / ed.: F. Webster. – London; New York: Routledge, 2001. – xi, 231 p.

528. *Dagbayev E., Aydaeva N.* Governmental mechanisms for Administration of Mass Media in Russia's National Republic// Public Administration Issues. – 2016. – Special Issue. – P.150-159.

529. *Determann L.* Social Media Privacy: A Dozen Myths and Facts [Electronic resource] // Stanford Technology Law Review. – 2012. – Vol. 7. – URL: http://stlr.stanford.edu/pdf/determann-socialmediaprivacy.pdf (date of access: 17.11.2024).

530. *Deutsch K.* Nationalism and its Alternatives. – New York: Knopf, 1969. – 200 p.

531. *Dwyer C., Hiltz S.R., Passerini K.* Trust and Privacy Concern within Social Networking Sites [Electronic resource]: A Comparison of Facebook and MySpace // Reaching New Heights. 13th Americas Conference on Information Systems, AMCIS 2007, Keystone, Colorado, USA, August 9–12, 2007. – Keystone, Colorado, USA, 2007. – P. 10. – URL: https://slideplayer.com/slide/4743550/ (date of access: 17.11.2024).

532. *Ellis D.G.* Building a theory of communication and ethnopolitical conflict [Electronic Resourse] // Communication Monographs. – 2019. – Vol. 86. – № 1. – P. 68-87. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/03637751.2018.1507044 (date of access 17.11.2024).

533. *Enloe C.* Police, military, and ethnicity: foundations of state power. – New Brunswick, N.J.: Transaction Books, 1980. – 179 p.

534. *Eriksen T.H.* Nationalism and the Internet // Nations and Nationalism. – 2007. – Vol. 13. – № 1. – P. 1–17. – DOI:10.1111/j.1469-8129.2007.00273.x.

535. *Esman M.J.* Ethnic policy. – New York: Cornell University Press, 1994. – 304 p.

536. *Franklin M.* I Define My Own Identity: Pacific Articulations of "Race" and "Culture" on the Internet // Ethnicities. – 2003. – Vol. 3. – № 4. – P. 465–490.

537. *Greenfeld L., Eastwood J.R.* Nationalism in Comparative Perspective // The Handbook of Political Sociology / eds.: T. Janoski, R.R. Alford, A.M. Hick, M.A. Schwartz. – Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 2005. – P. 247–265.

538. *Hale H.E.* Explaining Ethnicity // Comparative Political Studies. – 2004. – №1. – Vol. 37. – № 4. – P. 458–485.

539. *Hall S.* Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference / ed.: J. Rutherford. – London: Lawrence and Wishart, 1990. – P. 222–237.

540. *Hjarvard S.* The Mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change // Nordicom Review. – 2008. – Vol. 29. – №.2. – P.105-134.

541. *Hobsbawm E.J., Kertzer D.J*. Ethnicity and nationalism in Europe today // Anthropology Today. –1992. – Vol. 8. – № 1. – P. 3–8.

542. *Holt R*. Dialogue on the Internet: Language, Civic Identity, and Computer-Mediated Communication. – Westport, Conn.: Praeger, 2004. – 256 p.

543. *Horowitz L.D*. Ethnic Groups in Conflict. – Berkeley: University of California Press, 1985. – xiv, 697 p.

544. *Hughes E.C*. On Work, Race and the Sociological Imagination / edited with an Introduction by L.A. Coser. – Chicago: University of Chicago Press, 1994. – v, 212 p.

545. *Hutchinson J*. Ethnicity and Modern Nations // Ethnic and Racial Studies. – 2000. – Vol. 23. – № 4. – P. 651–669.

546. *Hutchinson J.* Modern Nationalism. – London: Fontana Press, 1994. – 223 p.

547. *Ishiyama J.T., Breuning M., Breuning M.A.* Ethnopolitics in the new Europe. – Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1998. – x, 201 p.

548. *Jenkins R.* Rethinking Ethnicity. – 2nd ed. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2008. – viii, 207 p.

549. *Karim K.H.* From Ethnic Media to Global Media: Transnational Communication Networks Among Diasporic Communities [Electronic resource]. – Oxford: University of Oxford, 1998. – P.14. – URL: https://www.researchgate.net/publication/237525980_From_Ethnic_Media_to_Global_Media_Transnational_Communication_Networks_Among_Diasporic_Communities (date of access: 17.11.2024).

550. *Karklins R.* Ethnopolitics and Transition to Democracy: The Collapse of the USSR and Latvia. – Washington, D.C.: The Woodrow Wilson Center Press; Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 1994. – 206 p.

551. *Kuhn R., Neveu E.* Political Journalism: New Challenges, New Practices. – London: Routledge, 2002. – 268 p.

552. *Lasswell H.D.* The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas / ed.: L. Bryson. – New York: Harper and Brothers, 1948. – P. 37–51.

553. *Lewin K.* Group Decision and Social Change // Readings in Social Psychology. – New York, 1958. – P.202–210.

554. *Masuda Y.* The Information Society as Post-Industrial Society. – Tokyo, Japan: Institute for the Information Society, 1980. –xiv, 171 p.

555. *McKay J.* An exploratory synthesis of primordial and mobilisationist approaches to ethnic phenomena // Ethnic and Racial Studies. – 1982. – Vol. 5. – № 4. – P. 395–420.

556. *McQuail D.* Media Performance. Mass Communication and the Publuc Interest. – London; Newbury Park, Calif.: Sage Publications, 1992. – xvii, 350 p.

557. *Mead G.H.* The Social Self // Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. – 1913. – Vol. 10. – P. 374–380.

558. *Miller D.* Advertising. Production and Consumption as Cultural Economy // Advertising cultures / Eds.: T. de Waal Malefyt, B. Moeran. – Oxford, N.Y: Berg, 2003. – P. 75–89.

559. *Monroe K.R.* Econometric analyses of electoral behavior: a critical review // Political Behavior. – 1979. – Vol. 1. – № 2. – P. 137–173.

560. *Nash M.* The cauldron of ethnicity in the modern world. – Chicago: University of Chicago Press, 1989. – viii, 142 p.

561. *Nisser A.* Cross-Ethnic Interactions and the Influence of Politics Evidence from Online Spaces and a Field Experiment in Bosnia and Herzegovina [Electronic resource]: Dissertation submitted for the degree of Doctor of Social Sciences (Dr. rer. soc.). 2017. – URL: http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:352-2--gwduw0vgdsk27 (date of access: 18.11.2024).

562. *Norris P.* Digital Divide? Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. – xv, 303 p.

563. *Ocal T.* Necessity of Cultural Historical Heritage Education in Social Studies Teaching // Creative Education. – 2016. – Vol. 7. – № 3. – P. 396–404.

564. *Paletz D.L.* Advanced Information Technology and Political Communication // Social Science Computer Review. – 1996. – Vol. 14. – № 1. – P. 75-77.

565. *Parenti M.* Ethnic Politics and the Persistence of Ethnic Identification // American Political Science Review, 1967. – № 61(3). – P. 717–726.

566. *Parker D., Song M.* Ethnicity, Social Capital and the Internet [Electronic resource] // Ethnicities. – 2006. – Vol. 6. – № 2. – P. 178–202. – URL: https://doi.org/10.1177/1468796806063751 (date of access: 17.11.2024).

567. Population Diversity Beyond Ethnicity: Insights from the Berlin Schlossgespräch and 8th Berlin Demography Forum. 21-22.01.2019. [Electronic resource] // Population Europe. – URL: https://population-europe.eu/events/event-reviews-recordings/population-diversity-beyond-ethnicity (date of access: 10.12.2024).

568. *Pye L.* Political Communication // The Blackwell Encyclopedia of Political Institutions. – Oxford-New York, 1987. – P.443.

569. *Ranger T.* The invention of tradition in Colonial Africa // The Invention of Tradition / eds.: E.J. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 2012. – P. 211–262.

570. *Rothschild J.* Ethnopolities: A Conceptual Framework. – New York: Columbia University Press, 1981. – 290 p.

571. *Smith A.D.* Myths and Memories of the Nation. – New York: Oxford University Press, 1999. – 288 p.

572. *Smith A.D.* National identity and idea of European unity // International Affairs. – 1992. – Vol. 68. –№ 1. – P. 55–76.

573. *Smith A.D.* The ethnic origins of nations. – Oxford, UK: New York, NY, USA: B. Blackwell, 1986. – x, 312 p.

574. Social Communication (Frontiers of Social Psychology) / Ed: K. Fiedler. – Psychology Press, 2011. – 456 p.

575. *Strömbäck J*. The Mediatization of Politics – Reshaping Politics and Transforming Democracies [Electronic resource]. – Sundsvall and Östersund, Sweden: Mid Sweden University, 2015. – 15 p. – URL: https://www.grcp.ulaval.ca/sites/grcp.ulaval.ca/files/stromback_2015.pdf (date of access: 18.11.2024).

576. *Suleymanova Sh.S., Dzhanteeva J.S.* Essential Characteristics of Ethnopolitical Communications // International Conference on Economics, Management, Applied Sciences and Social Science (EMAS 2019), January 3-5. – Santiago, Chile. – 2019. – Vol. 127. – P.391–397.

577. *Ting-Toomey S., Kurogi A.* Face work Competence in intercultural Conflict: An Updated FaceNegotiation Theory // International Journal of tntercultural Relations. – 1998. – Vol. 22. – P.187–225.

578. *Vail M*. The “Integrative” Rhetoric of Martin Luther King, Jr.’s “I Have a Dream” Speech // Rhetoric and Public Affairs. – 2006. – Vol.9. – P. 51–78. – doi.org/10.1353/rap.2006.0032.

579. *Wang K.X*. Media Literacy Education: New Perspective of University Ideological and Political Education // Journal of Inner Mongolia University for the Nationalities. – 2013. – № 3. – P. 42.

580. *Weber M.* Economy and Society. New York: Bedminster Press. – 1978. – 389 p.

581. *Wellman B.* Physical Place and Cyber-place: The Rise of Networked Individualism // International Journal for Urban and Regional Research. – 2001. – Vol. 25. – № 2. – P. 227–252.

582. *Wodak R., De Cillia R., Reisigl M.* The Discursive Construction of National Identities [Electronic resource] // Discourse and Society. – 1999. – Vol. 10. – P. 149–173. – URL: https://doi.org/10.1177/0957926599010002002 (date of access: 17.11.2024).

583. *Wolton D.* Political Communication: The Construction of a Model // European Journal of Communication. – 1990. – Vol.5. – № 1. – P. 9–28.

584. *Yang P.Q.* From Ethnic Studies: Issues and Approaches. – Albany: State University of New York Press, 2000. – xix, 314 p.

585. *Zamora-Kapoor A., Moreno Fuentes F.J., Schain M.*. Race and ethnicity in context [Electronic resource]: international migration, political mobilization, and the welfare state // Ethnic and Racial Studies. – 2016. – Vol. 40. – № 3. – P. 353–368. – https://doi.org/10.1080/01419870.2016.1227078 (date of access: 17.11.2024).

Приложения

Приложение №1

Таблица №1. Качество жизни в регионах Северо-Кавказского федерального округа – рейтинг 2018 г.

№	Название региона	Рейтинговый бал	Место в рейтинге	
			2018 г.	2017 г.
1	Ставропольский край	53,016	22	22
2	Республика Северная Осетия-Алания	39,827	65	72
3	Республика Дагестан	39,102	69	73
4	Чеченская Республика	38,766	71	68
5	Кабардино-Балкарская Республика	34,148	76	75
6	Республика Ингушетия	28,533	82	84
7	Карачаево-Черкесская Республика	25,300	84	83

Источник: РИА Новости (расчёты РИА Рейтинг по данным Росстата, Минздрава, Минфина)[535].

[535] Качество жизни в российских регионах – рейтинг 2017 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. – 2018. – 14 февраля. – URL: https://riarating.ru/infografika/20180214/630082471.html (дата обращения: 18.11.2024); Рейтинг регионов по качеству жизни – 2018 [Электронный ресурс] // РИА Рейтинг. – 2019. – 19 февраля. – URL: https://riarating.ru/regions/20190219/630117442.html (18.11.2024).

Приложение № 2.

Анкета

экспертного опроса «Политико-коммуникативные процессы в этнокультурной среде СКФО: проблемные аспекты, риски, совершенствование государственной политики»
2017 г.

Здравствуйте, уважаемый эксперт!

Мы проводим экспертный опрос, посвященный изучению проблемных аспектов, рисков и путей совершенствования государственной политики в сфере политических коммуникаций в этнокультурной среде Северо-Кавказского федерального округа. В исследовании участвуют эксперты со всех субъектов РФ в СКФО. Мы просим Вас выразить свое мнение в свободной форме, также предлагаем некоторые варианты ответов в анкете, и если они совпадают с Вашим видением, укажите их тоже. Опрос анонимный. Результаты исследования будут использованы в обобщенном виде в научных целях.

1.Считаете ли Вы, что этнокультурная среда в северокавказском регионе влияет на политические коммуникации?

1.Да
2.Скорее, да
3.Нет
4.Скорее, нет

2. **На Ваш взгляд, какие факторы этнокультурной среды в большей степени влияют на характер взаимодействия государства, его партнеров и оппонентов на Северном Кавказе?** *(выделите 3 варианта)*

Ваше мнение:

_____

1. Учет этнокультурных и этнополитических интересов в региональной политике;
2. Удовлетворение этнокультурных и этнополитических интересов в региональной политике;
3. Ориентация органов государственной власти и управления на сбалансированное проведение национальной политики в регионе;
4. Влияние федеральных органов государственной власти
5. Влияние региональных органов государственной власти
6. Влияние муниципальных органов власти на местах.
7. Мероприятия по стабилизации этноконфессиональной ситуации (укрепления единства народов и межэтнического согласия и т.д.)
8. Мероприятия по формирования общероссийской гражданской идентичности;
9. Затрудняюсь ответь;

3.С Вашей точки зрения, какие функции в большей степени выполняют на практике политические коммуникации в северокавказской этнокультурной среде? *(выделите 5 ответов)*

Ваше мнение:

_____

1. Структурируют этнополитические процессы и деятельность участников;
2. Формулируют ценности для самоидентификации этнополитических групп;
3. Указывают ориентиры для этнополитических процессов;

4. Предписывают нормы к соблюдению этнополитической культуры;
5. Регулируют этнополитическую деятельность;
6. Осуществляют посредничество для адаптации и социализации в меняющейся среде;
7. Способствуют интеграции с представителями других этнокультурных сообществ;
8. Информируют о политически значимых событиях этнической направленности;
9. Формируют позитивное общественного мнения (положительного имиджа) об этническом сообществе в том числе и для продвижения этнополитических интересов;
10. Преследуют интересы для усиления позиции этнополитической группы;
11. Контролируют деятельности всех активных участников этнополитического процесса;
12. Способствуют установлению обратной связи;
13. Обеспечивают межэтническое согласия;
14. Затрудняюсь ответить

1. **Оцените по 5 бальной шкале, где 1 – совсем не актуально, 5 – очень актуально, насколько востребована этническая информация о северокавказских народах в политических коммуникациях до/после принятия Стратегии государственной национальной политики в декабре 2012 года?**

До (2010-2012гг.)			**После(2013-наст.вр.)**		
в Вашем регионе	**в СКФО**	**в РФ**	**в Вашем регионе**	**в СКФО**	**в РФ**

5.Как, на Ваш взгляд, изменилась направленность этнической информации о северокавказских народах в политических коммуникациях до/после принятия Стратегии государственной национальной политики в декабре 2012 года? *(можно выделить несколько вариантов в каждом столбце)*

	До (2010-2012гг.)			**После (2013-наст.вр.)**		
	в Вашем регионе	**в СКФО**	**в РФ**	**в Вашем регионе**	**в СКФО**	**в РФ**
Много позитивной информации						
Много нейтральной информации						
Много негативной информации						
Много искаженной Информации						
Много провокационной Информации						

6.На Ваш взгляд, какой вид обмена этнической информацией[*] между участниками этнополитики наиболее распространен в СКФО и почему?

	Инициированный со стороны получателя этнической информации	**Организованный для передачи этнической информации от источника по его инициативе**	**Стандартизированный обмен этнической информацией по установленным заранее правилам.**
Почему?			

[*] Под этнической информацией подразумевается упоминание или подробное описание в публикациях, теле- и радиопрограммах сфер жизнедеятельности определенной нации, этноса, этнического сообщества или этнической группы.

7.Как Вы считаете, с помощью каких каналов взаимодействия с властью передаются доминирующие в Вашем регионе этнополитические проблемы? *(можно выделить несколько вариантов)*
Ваше мнение:
_____

1. митингов;
2. шествий;
3. стихийных народных сходов;
4. собраний общественности;
5. этнических лоббистов;
6. лидеров мнений;
7. слухов, «массовых разговоров»;
8. СМИ;
9. социальных сетей/блогеров

8. Пожалуйста, выделите каналы распространения политической информации этнической направленности, которые в наибольшей степени способствуют решению проблем отдельных этнических групп/сообществ в Вашем регионе: *(можно выделить несколько вариантов)*

Неформальные	**Формальные**
Личное общение, а именно: 1. Встречи; 2. Переговоры; 3. Переписка; 4. Телефонные переговоры; 5. Обмен факсимильными сообщениями; 6. Обмен сообщениями по электронной почте; 7. Обращение через мессенджеры; 8. Выставки, семинары; конференции; 9. СМИ: а) ТВ; б) печать, газеты; в) интернет-СМИ; г) социальные сети	10. Деловые встречи; 11. деловые совещания; 12. деловые переговоры; 13. обмен официальными деловыми документами 14. средства передачи официальной информации, а именно: 15. почта; 16. телеграф; 17. телефон; 18. электронная почта; 19. веб-приемная 20. прямое общение политиков с населением

9.Пожалуйста, выделите каналы распространения политической информации этнической направленности, которые в наибольшей степени способствуют решению проблем межэтнического взаимодействия в Вашем регионе: *(можно выделить несколько вариантов)*

Неформальные	**Формальные**
Личное общение, а именно: 1. Встречи; 2. Переговоры; 3. Переписка; 4. Телефонные переговоры; 5. Обмен факсимильными сообщениями; 6. Обмен сообщениями по электронной почте; 7. Обращение через мессенджеры;	8. Выставки, семинары; конференции; 9. СМИ: а) ТВ; б) печать; газеты; в) интернет-СМИ; г) Социальные сети. 10. Деловые встречи; 11. Деловые совещания; 12. Деловые переговоры; 13. Обмен официальными деловыми документами; 14. Средства передачи официальной информации, а именно: 15. почта; 16. телеграф; 17. телефон; 18. электронная почта; 19. веб-приемная 20. прямое общение политиков с населением

10.Укажите, пожалуйста, 5 наиболее значимых факторов, влияющих на эффективную работу участников политических коммуникаций в северокавказском социуме. Каждый из выбранных факторов можно раскрыть подробно.
Ваше мнение:

_____

1. Наличие/отсутствие информационно-коммуникационных каналов;
2. Доступность/недоступность информационно-коммуникационных каналов;
3. Уровень медиаграмотности* представителей власти и населения
4. Уровень медиаактивности представителей власти и населения;
5. Ухудшение межэтнической ситуации;
6. Активное государственное регулирование информационно-коммуникационной сферы (медиа мониторинг деструктивных этноконфессиональных процессов; выявление и ограничение нежелательного медиа контента с точки зрения его влияния на состояние этноконфессиональной ситуации и т.д.);
7. Недоступность/закрытость власти;

* Под медиаграмотностью понимаются навыки и умения, позволяющие людям анализировать, оценивать и создавать сообщения в разных видах медиа, жанрах и формах).

8. Коммуникативные барьеры (стереотипные ситуации и установки в отношении «других»);
9. Языковые барьеры;
10. Коммуникативные разрывы (непреодолимые препятствия, которые не позволяют представителям различных этнических групп понять друг друга);
11. Индифферентность населения к замыслам коммуникатора (представителей власти, «этнических предпринимателей», этнических лоббистов и т.д.)
12. Недоработки нормативно-правовой базы деятельности акторов этнополитики;
13. Недостаточность независимых СМИ для объективного освещения этнополитической ситуации;
14. Распространение традиционной системы правовых норм (обычного права);
15. Правоприменительная практика в отношении деструктивных элементов;
16. Затрудняюсь ответить.

11.Оцените по 5 бальной шкале, где 1 – имеет наименьшее значение, 5 – наибольшее, характер этнической информации, распространяемой в политических коммуникациях:

	в реальности в Вашем регионе	в интерпретации федеральных СМИ (ТВ, пресса, радио)	в интерпретации региональных СМИ (ТВ, пресса, радио)	в интерпретации интернет-СМИ и др. ресурсов	в интерпретации пользователей социальных сетей
позитивная					
негативная					

12.Пожалуйста, укажите источники распространения позитивной этнической информации о народах, живущих в Вашем регионе? *(выделите 5 ответов)*
Ваше мнение:
_____

1. - Органы федеральной власти
2. - Органы государственной власти
3. -Органы муниципальной власти
4. -Федеральные СМИ
5. -Региональные СМИ
6. -интернет-СМИ
7. -Пользователи соц. сетей/блогеры
8. -«Лидеры мнений», авторитетные люди
9. -Общественные организации
10. -Политические партии
11. - Ученые, эксперты

13.Пожалуйста, укажите источники распространения негативной этнической информации о народах, живущих в Вашем регионе? *(выделите 5 ответов)*
Ваше мнение:

_____

1. Представители этнических групп/сообществ, недовольные национальной политикой федеральных органов власти;
2. Представители этнических групп/сообществ, недовольные национальной политикой региональных органов власти;
3. Представители этнических групп/сообществ, недовольные национальной политикой муниципальных органов власти;
4. «Этнические предприниматели»;
5. Неизвестные лица, заинтересованные в дестабилизации межэтнической и межконфессиональной ситуации в регионе;
6. Федеральные СМИ;
7. Региональные СМИ;
8. Независимые СМИ;
9. Оппозиционные СМИ;
10. интернет-СМИ;
11. Пользователи соц. сетей/блогеры

14.Что, на Ваш взгляд, способствует распространению позитивной этнической информации в политических коммуникациях Вашего региона (выделите 5 вариантов):
Ваше мнение:

_____

1. Активное взаимодействие с органами государственной власти и управления;
2. Позитивный опыт участия в реализации государственной национальной политики;
3. Решение этнокультурных и этнополитических задач, которые поставлены обществом;
4. Проведение массовых культурно-спортивных мероприятий этнической направленности, в том числе и празднование общегосударственных, истрических и этнических праздников;
5. Встречи руководителей и представителей этнического сообщества;
6. Народные сходы/собрания, на которых инициируют конструктивные предложения этнической направленности;
7. Достижения представителей этнического сообщества в разных сферах жизнедеятельности человека, включая сферу политики, науки, спорта, культуры и т.д.
8. Научные, образовательные и иные форумы по этнической проблематике;
9. Использование интеграционного потенциала национально-культурными объединениями и другими общественными организациями;
10. Позитивные практики возрождения и развития этнической культуры;

15.Что, на Ваш взгляд, способствует распространению негативной этнической информации в политических коммуникациях Вашего региона *(выделите 5 вариантов):*
Ваше мнение:

_____

1. Недовольство национальной политикой региональной власти;
2. Недовольство национальной политикой федеральной власти;
3. Наличие проблем отдельных этнических сообществ;
4. Ошибки национальной политики в советский период;
5. Наличие проблем в сфере межэтнических отношений;
6. Отток молодежи и определенных этносов.
7. Миграция из других регионов;
8. Ухудшение экономической ситуации;
9. Неуважение к языку/обычаям/традициям «других»;
10. Медиаактивность этнонационалистов;
11. Этнический лоббизм в публичной политике;
12. Провокационная деятельность экстремистов/сепаратистов и других деструктивных элементов;
13. Слабость профилактической работы в сфере межэтнических отношений;
14. Этническая преступность;

16.Укажите, пожалуйста, наиболее проблемные аспекты в политических коммуникациях между иноэтничными субъектами в Вашем регионе *(выделите 5 ответов):*
Ваше мнение:
_____

1. Принадлежность участников коммуникации к разным этнокультурным сообществам;
2. Принадлежность участников коммуникации к разным финансово-политическим группам, созданным по этноклановому принципу;
3. Недостаточное знание коммуникантами этнополитической культуры друг друга;
4. Несовпадение моделей политического поведения и ценностных ориентиров;
5. Открытое/скрытое проявление этнической комплиментарности и, наоборот;
6. Открытое/скрытое использование «этнической карты»;
7. Этнизация политических вопросов (распределения властных полномочий, языковой ситуации, образовательной политики и т.д.);
8. Этнизация экономических вопросов (земельных споров, распределения бюджетных средств и т.д.)
9. Распространение этнических стереотипов;
10. Манипуляция этнополитическим сознанием;
11. Недостаточная информированность о замыслах коммуниканта;
12. Дефицит доверия между коммуникантами;
13. Пропаганда этнической нетерпимости;
14. Неумение использовать этническую составляющую в решении вопросов межэтнического взаимодействия;

17.На Ваш взгляд политическая деятельность этнокультурных/этнических СМИ Вашего региона способствует: *(выделите 5 ответов)*
Ваше мнение:
_____

1. Укреплению этнического согласия;

2. Межкультурной интеграции представителей этнического сообщества с людьми, обладающими другим культурным бэкграундом;
3. Дифференциации этноса, т.к. не все представители этноса владеют родным языком;
4. Этнополитической ориентации;
5. Защите этнических интересов;
6. Консервации этнической культуры;
7. Созданию препятствий для унификации общества;
8. Созданию публичной сферы для контроля и критики власти;
9. Сохранению культурной самобытности/своеобразия;
10. Сохранению этнической идентичности;
11. Сохранению культурного наследия, языка;
12. Поддержанию коммуникаций внутри этноса;
13. Удовлетворению потребности целевой аудитории в информации о родном крае/народе (артикуляции этнических интересов);
14. Удовлетворению потребности в распространении информации;
15. Удовлетворению потребности в одобрении (поддержке этнополитической элиты);

18.Если говорить о состоянии медиа среды и проблемах эффективных политических коммуникаций в СКФО, то что бы Вы выделили, прежде всего *(выделите 5 ответов): Ваше мнение:*

_____

1. Недостаточное знание журналистами этнокультуры народов Северного Кавказа;
2. Предвзятая интерпретация этнополитических интересов отдельных этнических групп/сообществ;
3. Объективное освещение в СМИ факторов, детерминирующих межэтнические отношения на Северном Кавказе (историческая несправедливость, этноклановость, ущемление прав репрессированных народов, распространение экстремизма/терроризма и т.д.);
4. Необъективное освещение в СМИ факторов, детерминирующих межэтнические отношения на Северном Кавказе (историческая несправедливость, этноклановость, ущемление прав репрессированных народов, распространение экстремизма/терроризма и т.д.);
5. Необъективную интерпретацию этнополитических событий;
6. Распространение интолерантных медиатекстов;
7. Фальсификацию этнической истории в публичной политике;
8. Ущемление этнических интересов/прав;
9. Навязывание государственной пропоганды;
10. Навязывание этнокультурных стандартов «другим»;
11. Конфликты, связанные с миграцией (трудовой, учебной и т.д.);
12. Непонимание этнополитических проблем определенной этнической группы/сообщества «другими».

19. С Вашей точки зрения, насколько вероятны кризисы и конфликты на этноконфессиональной почве в политических коммуникациях Вашего региона и с чем это связано?

	Да, это очевидно	**Нет, такое не предвидится**

С чем это связано?		

20.На Ваш взгляд, какими профессиональными компетенциями должны обладать основные акторы этнополитики, участвующие в политических коммуникациях СКФО?

	Компетенции
Представители власти	
Журналисты	
Общественные деятели	
Эксперты, ученые	
Этнические лоббисты	
Лидеры мнений	

21. На Ваш взгляд, какие меры наиболее эффективны для предупреждения межэтнических кризисов и конфликтов в политических коммуникациях Вашего региона? *(выделите 7 ответов)*
Ваше мнение:
_____

1. Государственная поддержка деятельности СМИ региона, которая направлена на укрепление межэтнического и межконфессионального взаимоотношения и согласия;
2. Широкое использование потенциала этнической журналистики в укреплении этнического и межконфессионального согласия;
3. Государственная поддержка деятельности институтов гражданского общества, направленной на формирования единой российской нации;
4. Оперативное реагирование на необъективную информацию, претендующую на адекватное отражение этноконфессиональной ситуации в регионе;
5. Проведение межнациональных форумов/фестивалей/круглых столов с участием представителей власти;
6. Распространение рекламы межкультурных отношений на ТВ, прессе, радио;
7. Распространение специальной печатной продукции анти-экстремистской/сепаратистской направленности;
8. Демонстрация тематических программ и фильмов на ТВ о истории и культуре народов Северного Кавказа;
9. Увеличение количества публикаций в Интернете о толерантности в этнокультурной среде;
10. Увеличение количества публикаций в Интернете о толерантности в этнокультурной среде;
11. Проведение лекций и бесед в учебных заведениях о межкультурной коммуникации;

12. Выступления в СМИ известных, авторитетных людей, старейшин, членов ФАДН, Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям;
13. Развитие и использование механизмов гражданского контроля и экспертизы социально-значимых программ и решений в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений;
14. Совершенствование системы мониторинга этноконфессиональных отношений в регионе;
15. Расширение сотрудничества власти с представителя экспертного сообщества по оценке состояния и мониторингу межэтнических и межконфессиональных отношений;
16. Эффективная работа со всеми СМИ региона. Своевременное предоставление информации на запросы и комментарии

22.Назовите, пожалуйста, участников политических коммуникаций, способствующих стабилизации этнополитической ситуации в наибольшей степени:

	в Вашем регионе	**в СКФО**
Органы государственной власти		
Органы муниципальной власти		
Федеральные СМИ (ТВ, радио, печать)		
Региональные СМИ (ТВ, радио, печать)		
Общественно-консультативные институты (Советы, Палаты, Комиссии, УПЧ, переговорные площадки и т.д.)		
Этнические СМИ (на национальных языках)		
интернет-СМИ и ресурсы		
Социальные сети(группы и сообщества)		
Политические организации		
НКО, НПО, НКА и т.д.		
Старейшины и «лидеры мнений»		
Этническое лобби		
Другое (вписать)		

23. На Ваш взгляд, как в целом проводят публичную этнополитическую деятельность структуры, участвующие в реализации государственной национальной политики в Вашем регионе?

	Скорее эффективно	**Скорее не**	**Затрудняюсь**

		эффективно	ответить
Органы государственной власти			
Органы муниципальной власти			
Общественно-консультативные институты (Советы, Палаты, Комиссии, УПЧ, переговорные площадки и т.д.)			
Законодательное Собрание (Парламент)			
Общественные организации			
Политические партии			
Федеральные СМИ (ТВ, газеты, радио)			
Региональные СМИ (ТВ, газеты, радио)			
Интернет-издания			
Социальные сети			

24. Чем, на Ваш взгляд, обусловлено позитивное взаимодействие иноэтничных субъектов этнополитики? *(отметьте 5 ответов)*
Ваше мнение:
_____

1. Реализацией государственной национальной политики;
2. Формированием единой российской нации;
3. Решением вопросов этнокультурного развития;
4. Презентацией/репрезентацией в публичной сфере общих интересов этнических сообществ;
5. Обеспечением защиты законных интересов и прав всех народов/этносов;
6. Формированием определенного общественного мнения о межнациональной ситуации;

7. Обеспечением межэтнического согласия;
8. Установлением контроля за деятельностью власти;

25. На Ваш взгляд, какие меры необходимо принять для стабилизации политических коммуникаций в Вашем регионе с участием акторов этнополитики? *(можно выделить несколько вопросов)*
Ваше мнение:
_____

1. Активизировать работу по регулированию информационно-коммуникативной деятельности акторов этнополитики путем сотрудничества на основе общих интересов;
2. Расширить сеть публичных диалоговых площадок для обсуждения этнополитических проблем с властью;
3. Расширить экспертную деятельность (проведение мастер-классов/тренингов для журналистов/политиков/общественников, специализирующихся на этнической проблематике);
4. Распространить практику введения моратория на упоминание этничности в массовых политических коммуникациях (выборах, референдумах и т.д.);
5. Усилить медиа-мониторинг деструктивных этносоциальных процессов;
6. Усилить идеологическое противодействие идеологии экстремизма в молодежной среде;
7. Усилить профилактическую работу в сфере гармонизации этноконфессиональных отношений;
8. Усилить работу ведомств в госучреждениях, отвечающих за взаимодействие с общественностью и СМИ;
9. Ужесточить наказание за призывы к межнациональной розни и экстремизму;

26.Укажите, пожалуйста, Ваш пол:
1. Женский
2. Мужской

27.Ваш возраст: _____ лет

28.Ваше образование:
1. Высшее
2. Наличие ученой степени (кандидата или доктора наук)

29.Ваша основная сфера деятельности, связанная с национальной/информационной политикой:
1. Государственный служащий
2. Муниципальный служащий
3. Депутат
4. Журналист
5. Научный сотрудник,
6. Общественный деятель, гражданский активист,
7. Юрист, правозащитник
8. Политтехнолог
9. Другое _____

30.Укажите регион, в котором Вы живете:

1. Кабардино-Балкарская Республика
2. Карачаево-Черкесская Республика
3. Республика Дагестан
4. Республика Ингушетия
5. Республика Северная Осетия-Алания
6. Ставропольский край
7. Чеченская Республика

31.Пожалуйста, укажите Вашу национальность:

_____

Спасибо за участие!